

ИСТОРИЯ
И КУЛЬТУРА
ИТЕЛЬМЕНОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ИТЕЛЬМЕНОВ

Историко-этнографические
очерки

Под общей редакцией
академика А. И. КРУШАНОВА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1990

Коллективная монография посвящена истории и культуре одного из древнейших аборигенных народов Камчатки — ительменов.

На большом фактическом материале, охватывающем период с XVII в. до наших дней, рассматриваются вопросы этногенеза, этнической истории, социально-экономического развития, материальной и духовной культуры народности. Значительное место в монографии уделено образу жизни и хозяйственной деятельности ительменов в Советскую эпоху.

Книга предназначена для этнографов, историков, социологов, филологов, краеведов и всех интересующихся историей и культурой коренных народностей Дальнего Востока СССР.

Редакционная коллегия:

Н. В. ВАСИЛЬЕВА, И. С. ВДОВИН, Л. Я. ИВАЩЕНКО,
Н. В. КОЧЕШКОВ (отв. редактор),
Н. К. СТАРКОВА (ученый секретарь), В. А. ТУРАЕВ

Рецензенты: Ю. В. АРГУДЯЕВА и А. М. ПЕВНОВ

Редактор издательства: А. Ф. ВАРУСТИНА

Изучение национальных традиций и особенностей, проблем происхождения и этнической истории народов, их вклада в общечеловеческую культуру — актуальная задача советской исторической науки, решать которую призывает ученых и июльский (1989 г.) Пленум ЦК КПСС, посвященный современным национальным проблемам.

Предлагаемая читателям книга — первая обобщающая работа о древнейших обитателях полуострова Камчатка — ительменах.

Самоназвание «ительмен», производное от «итэнмэн»^{*} («живущий»), было впервые зафиксировано российскими исследователями Камчатки, участниками Второй Камчатской экспедиции 1733—1743 гг. Г. В. Стеллером и С. П. Крашенинниковым, хотя уже тогда во всех административных документах их называли «камчадалами». «Камчадалы, — писал С. П. Крашенинников, — как северные, так и южные, называют себя *ительмень*, житель...» [107, с. 358].

В Советское время принято отличать ительменов от камчадалов. Камчадалами называют потомков от браков русских с ительменами. Однако камчадалы, говорящие на русском языке, по переписи 1926 г. были отнесены к русским, что соответствовало их самосознанию [40, с. 41].

У ительменов из-за их малой численности (всего 1400 человек)

нет своей автономии, живут они преимущественно в Корякском автономном округе (свыше 1000 человек), по западному побережью полуострова [42, с. 217], остальные — в других районах Камчатки.

Язык ительменов не похож ни на какой другой, однако по некоторым признакам исследователи относят его вместе с чукотским и корякским к северо-восточной группе палеоазиатских языков [58, с. 294—333], хотя у ительменского много своих особенностей, своеобразия и отличий [63, с. 211].

Камчатка — одна из самых удаленных от основных индустриальных районов страны территория советского Дальнего Востока. Это и сегодня пока еще серьезно сдерживает развитие ее производительных сил.

До сих пор отсутствуют сухопутные дороги, соединяющие Камчатку с «Большой землей», и поэтому она находится на положении острова, куда можно попасть морскими судами в период навигации или прилететь самолетом.

В географическом отношении Камчатка — это страна природных контрастов, необычайного своеобразия, покоряющей суровой красоты, сурового климата со средней годовой температурой на севере от -4° до -7° , на юге — от 0° до $+2^{\circ}$. Зима на Камчатке наступает в конце сентября — начале октября и длится 6—7 ме-

^{*} При написании терминов и отдельных ительменских слов использована транскрипция, предложенная Т. А. Молл [123, с. 198].

сяцев и более при очень коротком лете. Это край более чем трехсот вулканов, многие из которых — действующие, а также множества гейзеров, термальных и минеральных источников. Здесь простирается тундра и возвышаются горы. Есть здесь и богатые рыбой реки, разнообразные дикоросы.

В. Н. Тюшов, посетивший в конце XIX в. места расселения ительменов по западному побережью Камчатки, писал: «...жить в Камчатке и быть лентям... нельзя в силу непреодолимых естественных условий, вынуждающих жителей снискивать себе насущный кусок непрестанной и тяжелой борьбой с природой Камчатки» [199, с. 436].

Честь географического открытия Камчатки и первого знакомства с ее коренными обитателями — коряками и ительменами — принадлежит русским землепроходцам И. Голыгину, Л. Морозко и В. Атласову, совершившим походы в конце XVII в. Первые русские землепроходцы увидели здесь «каменный век», выразившийся в низком уровне развития хозяйства и быта коренного населения. Даже С. П. Крашенинников, побывавший на Камчатке через 40 лет после похода В. В. Атласова, сообщал: «Прежние камчатские металлы... были кость и камень. Из них они делали топоры, ножи, копыя, стрелы, ланцеты и иглы. Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также и из яшмы, наподобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорщикам плашмя... Ими они долбили лодки, чаши, корыта и прочее, однако с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года» [107, с. 380].

С присоединением Камчатки к России произошли существенные изменения в расселении и численности ительменов.

За 220-летнюю историю ительменов в составе царской России их общая численность уменьшилась почти в четыре раза и резко сократилась территория их обитания. Причин

тому было много. Это прежде всего суровая среда обитания, нередко способствовавшая сильному голоду и заболеваниям населения, жившего в антисанитарных условиях. Уменьшение численности ительменов происходило и от постоянных межобщинных столкновений, отличавшихся жестокостью [101, с. 27]. Колониальная политика русского царизма, принявшая на далеких окраинах империи жесткие формы, также стояла не в последнем ряду этих причин, поскольку для ительменов не были легкими государственные повинности — ясак, транспортная повинность и др. Их тяжесть усугублялась тем, что примитивное рыболовство и охота аборигенов не создавали прибавочного продукта, и поэтому уплата ясака и другие повинности могли идти только за счет необходимого для их существования минимума [140, с. 17—22].

Много жизней ительменов уносили частые эпидемии. Так, например, участник экспедиций Витуса Беринга С. Ваксель отмечал, что между ительменами «... жестоко свирепствовала оспа, от которой умерло несколько тысяч человек» [44, с. 120]. После этого была зафиксирована новая эпидемия оспы, унесшая в течение 1768—1769 гг. более половины коренного населения. Посетивший в середине XIX в. Камчатку исследователь-геолог К. Дитмар записал в своем дневнике: «Если не считать Авачинской губы, то весь восточный берег Камчатки, от мыса Лопатка до устья реки Камчатки, теперь лишен всякого человеческого жилья» [79, с. 264].

Важной причиной разорения и вымирания ительменов была также их неэквивалентная торговля с царскими купцами и приказчиками, сопровождаемая закабалением и спаиванием коренных жителей. В 1910 г. сам камчатский губернатор генерал Перфильев вынужден был в своем отчете Приамурскому генерал-губернатору отметить: «Условия, в которых живет население Камчатки, крайне тяжелы... Жилищем камчадалам служат жалкие хибарки, сырые и холодные, где иногда ютится 2—3 семьи.

Хлеб и даже чай являются роскошью» [315, л. 7].

Вместе с тем очень важно отметить, что с присоединением к России в судьбах ительменов наступило главное: они испытали на себе благотворное влияние русского народа с его неизмеримо более высокой культурой.

Русские люди охотно селились вблизи ительменских поселков и вступали в тесное общение с аборигенами. Заселение Камчатки шло относительно быстрыми темпами. Так, уже к началу XVIII в. выросли три крупных русских поселения: Верхнекамчатск, Нижнекамчатск и Большерецк, и одних только служилых и промышленных людей насчитывалось там почти 200 человек [138, с. 152]. Русские впервые завезли на Камчатку лошадей и крупный рогатый скот, научили ительменов огородничеству. К аборигенам стали поступать металлические изделия, огнестрельное оружие, ткани [147, с. 468]. Ительмены весьма охотно начали вступать в теснейшие контакты с русскими крестьянами, довольно частыми стали смешанные браки.

Все это не могло не сказаться на хозяйственной жизни и культуре ительменов. Под влиянием русских у них вместо архаичных каменных и костяных орудий вошли в употребление железные орудия труда; вместо сырых и темных землянок появились срубные из дерева избы. Коренные жители стали заниматься огородничеством, охотно носили русскую одежду, перенимали русский язык, добровольно отдавали своих детей в миссионерские школы.

Сравнивая новую жизнь ительменов с их жизнью до прихода русских, С. П. Крашенинников записал: «Токмо ныне во всем последовала великая перемена. Старые, которые крепко держатся своих обычаев, переводятся, а молодые . . . стараются во всем российским людям последовать, насмехаясь житию предков своих, обрядам их, грубости и суеверию. . . Во многих местах, не токмо у тойонов, но и у простых людей построены избы и горницы по российскому обыкнове-

нию. . . Заведены там и школы, в которые сами камчадалы охотно отдают детей своих. Таким образом, в краткое время много варварства без сомнения искоренится» [107, с. 372—373].

Можно с уверенностью сказать, что ни один другой народ Северо-Востока Азии не усвоил в такой степени прогрессивные традиции русской культуры, как ительмены. Это нашло отражение и в знании большинства ительменов русского языка, и в относительно высокой грамотности еще в дооктябрьскую эпоху их истории. Даже в народное декоративное искусство органично вошли русские материалы и технико-художественные приемы, а также элементы орнамента [87, с. 430].

В свою очередь некоторые элементы и навыки самобытной культуры ительменов не могли не быть заимствованы и русскими, которые быстро научились мастерить легкие, изящные ездовые собачьи нарты-сани, изготавливать из бересты оригинальные, весьма практичные чуманы-туески для сбора лесных ягод, плести из волокон крапивы сумочки, циновки, коврики, шить торбаса из кожи и меха северного оленя.

Следовательно, шел процесс взаимовлияния и взаимодействия двух культур. И если основной влияний русского населения на аборигенов Камчатки был более высокий уровень его материальной и духовной культуры, то ительмены передавали русским пришельцам веками приспособленный к местным природно-географическим условиям хозяйственно-бытовой уклад жизни северян. И, как верно заметил И. И. Огрызко, в результате этого взаимовлияния и взаимообогащения сформировался синтез положительных элементов двух культур [140, с. 184].

Приход русских на Камчатку характеризовался, таким образом, двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, плоды и давление колониальной политики господствующих классов России, вплоть до 1917 г., и с другой — огромная экономическая помощь краю, хозяйственные кон-

такты местных жителей с русским трудовым населением, духовные, культурные контакты с русской интеллигенцией — учеными, землепроходцами, миссионерами. Все это объективно способствовало преодолению отсталости аборигенов Камчатки. Но полного выравнивания уровней экономического и культурного развития коренного и русского населения Камчатки в условиях колониальной политики царизма не произошло.

Только новый социальный строй, основанный на равноправии всех наций и народностей, мог привести к подлинному их сближению. «Социализм, — учил В. И. Ленин, — организуя производство без классового гнета. . . облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций» [3, с. 21].

Ленинская программа по национальному вопросу предусматривала прежде всего ликвидацию культурной отсталости и неграмотности туземного населения. Большую роль в этом деле сыграл созданный в первые годы Советской власти Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК. Этот Комитет должен был способствовать планомерному развитию малых народов в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношениях. Иными словами, он был призван осуществлять ленинскую национальную политику среди народностей Севера.

Материал, обобщенный в этой книге, отражает те большие изменения в материальной и духовной культуре ительменов, которые произошли за годы Советской власти.

Читатель увидит, как, расширяя свои традиционные навыки и знания, продолжая заниматься охотой и рыболовством, они приобрелись к новым для них видам хозяйства, каких успехов добились в животноводстве и овощеводстве, в производстве многих видов сельскохозяйственной продукции, как перестроили быт и т. д.

Но самым, пожалуй, выразительным, самым наглядным свидетельством коренных прогрессивных пере-

мен в жизни ительменов служат факты, относящиеся к развитию культуры.

Сегодня среди ительменов немало хороших специалистов, высокообразованных врачей, учителей, работников культурно-просветительных учреждений и науки. В крае хорошо знают, например, имена мастериц декоративно-прикладного искусства Ульяны Дьяконовой и Любови Толман, видных деятелей национальных культур Татьяны Лукашкиной и Валерия Запороцкого, кандидатов наук Надежды Старковой и Василия Светышева, многих других уважаемых и известных людей.

И этот опыт возрождения духовной и материальной культуры аборигенов Камчатки, интерес к их истории и культуре имеют, несомненно, большое значение как у нас в стране, так и за рубежом, поскольку показывают всю несостоятельность буржуазных реакционных концепций о неких «высших» и «низших» расах, о делении народов мира на «исторические» и «неисторические».

Коллектив авторов данной монографии и ставил перед собою главную задачу — показать, что и у такого маленького народа, как ительмены, существует своя большая, собственная история, и своя самобытная культура, равно как имеются и продолжают оставаться многие нерешенные вопросы, и прежде всего самый острый и главный из них — не только сохранить аборигенное население Камчатки от исчезновения в результате ассимиляции, но (хотя бы!) стабилизировать его численность, сохранить и обогатить национальную культуру. Напомним, что сегодня на территории нашей страны проживает всего 1400 ительменов!

В истории и культуре ительменов советского периода как бы отразился весь трудный и сложный опыт прокладывания новых путей, социального прогресса, создания всех необходимых условий для полнокровной жизни человека труда, независимо от его национальной принадлежности. Ительмены, как и все народы СССР, ныне

активно участвуют в революционной перестройке всех сфер общества, преодолевая и устраняя имевшие место ошибки, недостатки и просчеты застойного периода, ищут пути для дальнейшего развития и расцвета национальной культуры, экономики, благосостояния.

В основу настоящей книги авторский коллектив положил прежде всего значительное количество документальных материалов из архивов страны, например, Архива АН СССР в Ленинграде и архива Института этнографии АН СССР.

Разносторонние документы взяты из фондов Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока в г. Томске: фонды Петропавловского окружного управления (№ 1530), Военного губернатора Камчатской области (№ 1005) и другие, касающиеся истории Камчатки и ее населения во второй половине XIX в.; фонды р-2329, -2333, -2411, представляющие материалы по кооперативному и культурному строительству 30-х гг нашего столетия.

Многочисленные фонды Государственного архива Камчатской области, Государственного архива Хабаровского края и Государственного архива Чукотского автономного округа, хронологически охватывающие период 20—80-х гг. XX в., являются ценнейшим источником для подготовки разделов книги, посвященных коллективизации хозяйства, культурно-просветительной работе, развитию народного образования, подготовке кадров и т. д.

Годовые отчеты за 1962—1986 гг. национального колхоза «Красный Октябрь», хранящиеся в архиве Камчатского рыбколхозобъединения, были использованы при характеристике современного социально-экономического развития ительменов.

Ценным источником при описании материальной культуры и декоративного искусства явились вещественные материалы, хранящиеся в музеях страны: туеса, табакерки, ительменские сани-нарты, различные атрибуты к ним. Особую ценность имеет итель-

менская этнографическая коллекция МАЭ, собранная и привезенная в начале XIX в. И. Г. Вознесенским.

Для более полной характеристики культуры и быта населения, событий, происходивших в XVIII в. на Камчатке и соседних с ней регионах, использованы исторические работы Л. С. Берга [36], М. И. Белова [35] и опубликованные документы этого периода: «Памятники сибирской истории XVIII в.» [147]; «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.» [101]; «Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в.» [168] и др.

В процессе работы над разделами по социалистическому строительству привлечены многочисленные документы, опубликованные в виде тематических сборников: «Образование СССР» [136]; «Народное образование в СССР» [130]; «Советы Северо-Востока СССР», ч. 1—2 [187; 188]; «Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР (1917—1985)» [113]. Используются также статистические сборники: а) «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.)» [94] и всесоюзных переписей населения — 1926 г. [59]; 1959 г. [93]; 1970 г. [92]; 1979 г. [202]; б) материалы о хозяйственном и культурном развитии: «Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Хабаровского края» [95]; «Народное хозяйство Камчатской области» [131]; «Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.» [132]; «Народное хозяйство РСФСР за 70 лет» [133]; в) справочники: «Демографический словарь» [69]; «Население мира: этнодемографический справочник» [128] и др.

При подготовке книги использованы материалы этнографических экспедиций на Камчатку сотрудников Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока в 1963—1988 гг. (Н. К. Старковой, В. А. Тураева, Л. Я. Иващенко и др.), а также ученых Института этнографии АН СССР (И. С. Вдовина, М. Я. Жорницкой и др.), сотрудников других организаций

(ЛГПИ им. А. И. Герцена — И. И. Огрызко; ГМЭ — Е. П. Орловой; ЛОИЯ — А. П. Володина).

Настоящую книгу подготовили авторский коллектив:

Введение — *Н. В. Кочешков*;

История изучения ительменов. Численность и расселение. — *Н. К. Старкова*;

Этногенез и этнические связи ительменов — *И. С. Вдовин*;

Хозяйство — *Н. К. Старкова, В. А. Тураев*;

Материальная культура — *Н. К. Старкова*;

Общественный строй и социальные отношения — *И. С. Вдовин*;

Национально-государственное строительство; Социально-экономическое

строительство (1917—1987 гг.); Семья и брак — *В. А. Тураев*;

Верования и культы; Народные знания — *Н. К. Старкова*;

Язык и фольклор — *А. П. Володин*;

Литературно-художественное творчество — *Л. Я. Иващенко*;

Народное образование и подготовка кадров; Культурно-просветительная работа — *В. А. Тураев*;

Народные танцы — *С. Ф. Карба нова*;

Народное декоративное искусство — *Н. В. Кочешков*;

Охрана здоровья, физическая культура — *В. А. Тураев*;

Фотоиллюстрации и рисунки — *Н. К. Старковой и Н. В. Кочешкова*;

Техническая подготовка рукописи осуществлена *Н. В. Васильевой* и

Д. Ж. Цыбикжаповой.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ИТЕЛЬМЕНОВ

Историю изучения ительменов можно разделить на два больших периода: дореволюционный и советский.

Наиболее ранние сведения о материальной культуре, быте и занятиях ительменов относятся к концу XVII— началу XVIII в. Они содержатся в сообщениях-«скасках» русского землепроходца В. В. Атласова, руководителя похода 1697—1699 гг. на Камчатку. Несмотря на краткость сведений, они представляют огромную ценность, ибо относятся ко времени, когда культура ительменов еще не испытывала влияния русского населения [101, с. 29—33].

Начало специальному этнографическому изучению ительменов было положено участниками Второй Камчатской экспедиции (1733—1743 гг.) С. П. Крашенинниковым, Г. В. Стеллером и А. П. Горлановым.

За время пребывания на Камчатке (октябрь 1737—июнь 1741 г.) С. П. Крашенинников объездил весь полуостров и собрал многочисленные разносторонние сведения по флоре и фауне, истории и этнографии, топонимике и языку. Все эти материалы вошли в работу «Описание земли Камчатки», которая является классическим трудом по этнографии ительменов [107].

Весьма обстоятельная характеристика материальной культуры, занятий, общественной и духовной жизни ительменов дана в книге Г. В. Стеллера [215], прекрасного наблюдателя и талантливого исследователя. Он пробыл на Камчатке с сентября 1740 по август 1744 г.

Сравнивая этнографические материалы С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, следует отметить, что оба труда основаны на самостоятельных и не зависимых друг от друга наблюдениях и как первоисточники заслуживают одинакового внимания историка-этнографа

Интересные материалы еще одного участника Камчатской экспедиции, А. П. Горланова, найдены И. С. Вдовиним в Архиве АН СССР г. Ленинграда [225; 226]. «А. Горланов, — справедливо замечает И. С. Вдовин, — зарегистрировал ряд таких подробностей из области материальной культуры ительменов, их взаимоотношений с соседними народами, которые не отмечены никем» [49, с. 135]. Например, изготовление и использование костяных и каменных орудий, крашение кож минеральными красками и т. д.

Ценные фактические материалы, относящиеся ко второй половине XVIII—середине XIX в., имеются в трудах многих участников экспедиций и путешественников.

В 80-х гг. XVIII в. совершил путешествие по восточным окраинам России французский вице-консул Ж. Б. Лессепс, участник экспедиции Лаперуза. После окончания своего путешествия он опубликовал путевые наблюдения [112], в которых подробно описал жилища, одежду, средства передвижения, пищу, морской зверобойный промысел, некоторые особенности религиозных представлений ительменов.

Важные этнографические сведения (о зимних средствах передвижения,

изменениях в быте и культуре народности, происшедших под русским влиянием) оставил Г. А. Сарычев, участник экспедиции И. И. Биллингса 1785—1793 гг. [170; 171].

В 1809—1811 гг. на Камчатке был известный русский мореплаватель В. М. Головин. В замечаниях о полуострове и Русской Америке им охарактеризованы не только местное население, его быт и культура, но и русские поселенцы, которые, по его словам, «во многих отношениях переняли обычаи камчадалов» [62].

В 1852 г. по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири был направлен на Камчатку горный чиновник К. Дитмар, который в 1851—1855 гг. совершил поездку по полуострову. По результатам путешествий им была опубликована книга [79], в которой представлены материалы по истории освоения полуострова, археологии, этнографии (поселения и численность их жителей, пища, средства передвижения и т. д.), отмечены процессы взаимовлияний русской и ительменской культур.

Ценные фактические сведения по вопросам организации управления и освоения Камчатки, исторических событий на полуострове имеются в работах А. С. Сгибнева [178] и П. А. Слоцова [184].

В 60-х гг. XIX в. совершил поездку по полуострову американский писатель и путешественник Дж. Кеннан, который описал в своей книге [99] занятия, орудия промысла, поселения и жилища, одежду и пищу камчадалов.

В 90-е гг. XIX в. в составе Охотско-Камчатской экспедиции в качестве врача работал Н. В. Слюнин. На основе личных наблюдений и уже накопленных сведений им был написан двухтомный труд [185], где представлен богатый исторический, экономический, географический и статистический материал. Автором дано и этнографическое описание местного населения края, в том числе и ительменов — характеристика занятий, быта, элементов материальной культуры.

Большой материал и ценные наб-

людения о коренном населении полуострова собрал петропавловский окружной врач В. Н. Тюшов, совершивший поездку по Камчатке в конце XIX в. Некоторые данные В. Н. Тюшова перекликаются с материалами современных полевых сборов. Последний факт свидетельствует об устойчивости национальных традиций в культуре ительменов [199].

Любопытные сведения по этнографии абorigенов полуострова можно почерпнуть у В. П. Маргаритова, побывавшего на Камчатке одновременно с В. Н. Тюшовым [117].

Данные о численности, этническом составе, занятиях населения Камчатки представлены в работах С. К. Патканова, основанных на статистических данных 1-й Всероссийской переписи 1897 г. [148; 149].

В 1908—1909 гг. на Камчатке работал академик В. Л. Комаров, занимаясь ботаническими исследованиями. Он собрал интересные материалы и о населении этого края. Наряду с описанием хозяйства, рыбного и охотничьего промыслов, орудий и способов лова им дана характеристика расселения, домашнего уклада и материальной культуры коренных обитателей [102].

В 1909—1911 гг. этнографической партией Камчатской экспедиции Русского географического общества руководил В. И. Йохельсон. Он же принимал активное участие в работе Джезуповской экспедиции. Результатом его полевых сборов явилось всестороннее этнографическое изучение народностей Крайнего Северо-Востока Азии. Его материалы об ительменах нашли отражение в ряде статей [211; 89; 90] и «Словаре западных камчадалов» [219].

Большой вклад в изучение истории и культуры ительменов внесли советские ученые. Они по-новому подошли к решению теоретических проблем. Для разрешения их исследователями привлекаются разносторонние источники: этнографические, лингвистические, фольклорные, антропологические, археологические и исторические.

Следы древнего освоения челове-

ком полуострова отражены в археологических памятниках. На основе этих материалов советскими археологами выделен ряд комплексов, соответствующих различным этническим группам [167; 71; 73]. О древних ительменско-айнских связях на юге полуострова сообщает Т. М. Дикова [75; 77; 76]. А. К. Пономаренко воссоздал общие контуры истории населения восточного побережья полуострова с периода развитого неолита до поздней поры пережиточного неолита, проследил генезис древней культуры этой территории и ее место среди приморских культур сопредельных районов [151].

Отличительные черты древней культуры ительменов, наличие расового разнообразия палеоазиатских народов, антропологические признаки, формировавшиеся в далеком прошлом, констатируют и антропологи М. Г. Левин [110], Г. Ф. Дебец [68], В. П. Алексеев и И. И. Гохман [23].

Особый интерес специалистов в советское время привлекло изучение языка и фольклора. В первые годы социалистического строительства это было вызвано практической необходимостью — стояла задача создания национальной письменности [115; 25; 24].

Исследованием ительменского языка занимались С. Н. Стебницкий [196], Т. А. Молл [123], П. Я. Скорик [181; 182; 183], которые выявили близость ительменского с чукотско-корякским. Но дальнейшие изыскания лингвистов [218; 57; 55] привели к появлению другой точки зрения — об обособленности ительменского языка.

Вслед за В. И. Йохельсоном дальнейшее накопление национальных фольклорных текстов производилось Е. П. Орловой, А. П. Володиным, Н. К. Старковой и др. [119, с. 497—595], а специальный их анализ дан Г. А. Меновщиковым [119] и Е. И. Мелетинским [118].

За годы Советской власти опубликовано значительное количество работ, непосредственно характеризующих вопросы и проблемы этнографии ительменов.

Реконструкцию картины расселения и численности ительменов и камчатских коряков в конце XVII в. привел в своей статье И. И. Огрызко [141], а В. В. Антропова по материалу С. П. Крашенинникова восстановила географическое размещение ительменских поселений в 30-х гг. XVIII в. [30].

Благодаря широкому археологическому изучению, антропологическим и лингвистическим изысканиям, накоплению этнографических материалов и обобщению этих данных возрос интерес к этногенезу ительменов, процессу крайне сложному и длительному. Об этом свидетельствуют специальные работы М. Г. Левина [110], Б. О. Долгих [81], И. С. Вдовина [51], И. С. Гурвича [63] и др.

Изучению этнической истории северо-востока Сибири с середины XVII в. до середины XX в. (изменение расселения и численности населения, причины миграции и т. д.), этнических процессов (ассимиляция, консолидация, сближение и взаимовлияние культур) посвящены работы И. С. Гурвича [65; 66; 64].

Этнические связи аборигенов Камчатки с соседними народами исследованы И. С. Вдовиным [53; 52], Р. Г. Ляпуновой [116] и др. Особо следует отметить книги К. М. Браславца [40] и И. И. Огрызко [140]. В первой работе показаны историко-этнографические условия формирования «камчатского наречия» и одновременно с ним новой этнической общности — камчадалов.

И. И. Огрызко на конкретном архивном материале и статистических данных дореволюционной Камчатки показал сближение коренного и русского населения полуострова в области материального производства (рыболовства, пушного промысла, сельского хозяйства).

Важное место в изучении истории и этнографии народностей Камчатки 20—30-х гг. XX в. занимают труды М. А. Сергеева [177; 175], Е. П. Орловой [143], К. Б. Шаврова [204], М. А. Большакова и В. И. Рубинского [39]. В них содержатся мате-

риалы о традиционных занятиях аборигенного населения, о народном хозяйстве и реконструкции Камчатского края, приведены многочисленные статистические сведения, почерпнутые из Приполярной переписи 1926—1927 гг.

Традиционные промыслы и их орудия (конца XIX—50-х гг. XX в.) освещены в статьях Н. К. Старковой [190; 192; 194].

Наиболее изученной в настоящее время оказалась материальная культура ительменов. В 1976 г. вышла специальная монография Н. К. Старковой [191], посвященная этой проблеме, имеются публикации о средствах передвижения и одежде народности [109; 31; 29; 163].

Большую ценность для этнографов представляет «Историко-этнографический атлас Сибири», подготовленный и изданный в 1961 г. Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В нем систематизирован огромный материал по материальной и духовной культуре народностей Севера (средства передвижения, жилище, одежда, орнамент и шаманские бубны). Таким образом, введены в научный оборот интересные данные коллекций, хранящихся в музеях страны. Что касается ительменов, то наиболее полно описаны и классифицированы средства передвижения и их виды, а по остальным разделам дана краткая справка.

Единственными источниками, позволяющими судить о формах социальной организации ительменов ко времени прихода русских, являются материалы С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера. Но, к сожалению, они противоречивы. Основываясь на этих сведениях, советские ученые признают существование родовой организации у ительменов. Так, А. М. Золотарев [85], полагаясь на сообщения Г. В. Стеллера, говорит о существовании матриархального рода. В. В. Антропова, посвятив свою работу вопросам военной организации у чукчей, ительменов и юкагиров, особое внимание обратила на черты общественного устройства этих народов. Указывая на

ряд противоречий в сведениях Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова, она предполагает, что ительмены в начале XVIII в. находились на переходной стадии от материнского к отцовскому роду.

В 1970 г. вышла книга «Общественный строй у народов Северной Сибири» — первое исследование в советской литературе, посвященное этой проблеме. Ю. Б. Симченко, автор раздела «Особенности социальной организации палеоазиатов Крайнего Северо-Востока (коряки, чукчи, ительмены, эскимосы)», считает, что ительмены ко времени прихода на Камчатку русских находились на стадии становления патриархально-родового строя [180, с. 313—331]. И. С. Вдовин в главе «Общественный строй и социальные отношения» настоящей монографии не соглашается с мнениями предшествующих авторов.

Следует отметить фрагментарную изученность традиционной духовной культуры ительменов. Так, в 30-е гг. нашего столетия появились краткие сведения о работах по искусству студентов-северян, обучавшихся в Ленинграде [120; 121]. Из народного декоративного искусства специалистами рассматривался лишь орнамент [86; 88; 31].

Только в 60—70-е гг. началось обобщение накопленных и сбор новых полевых материалов по языку и фольклору ительменов, а в 80-е гг. появились первые работы по традиционному танцевальному и народному декоративному искусству [83; 98; 103; 104; 105; 106].

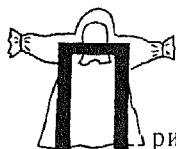
Тщательное изучение и накопление материала по хозяйству, быту и культуре народностей Севера, социалистических преобразований в довоенное время дало возможность в 60-е гг. перейти к обобщающим исследованиям. Так, проблемы национально-государственного строительства освещены в работах В. А. Зибарева [84] и Б. И. Мухачева [126; 124; 125]. В трудах И. С. Гурвича и К. Г. Кузакова [67], А. В. Лепетюк [111], Г. К. Бубниса и С. П. Нефедовой [43] показана история социали-

стических преобразований, состояние современного хозяйства, формирование новой культуры и переустройства быта.

Итак, для написания настоящей монографии использованы разнообразные по характеру материалы. Однако следует особо подчеркнуть, что

дореволюционный период истории и культуры ительменов написан преимущественно на основе опубликованных источников и исследований, в то время как раздел, посвященный Советской эпохе, впервые вводит в научный оборот архивные документы и полевые материалы.

ЭТНОГЕНЕЗ И ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИТЕЛЬМЕНОВ

приступая к рассмотрению этногенеза и этнической истории ительменов, остановимся вначале на краткой характеристике численности и расселения народности в период от начала XVIII в. до 80-х гг. XX в.

Численность ительменов к моменту прихода русских исследователи определяли по-разному. Так, А. С. Сгибнев и П. А. Словцов предполагали, что в начале XVIII в. на Камчатке было около 10 тыс. жителей [178, с. 81; 184, с. 137]. По подсчетам С. К. Патканова, в конце XVII в. на полуострове проживало около 20 тыс. человек, а в 40-х гг. XVIII в. — 12—13 тыс. [148, с. 134]. Л. С. Берг, основываясь на сообщениях В. В. Атласова, предположил, что только в низовьях р. Камчатки в конце XVII в. жило около 25 тыс. камчадалов [36, с. 64]. И. И. Огрызко, специально исследуя вопрос расселения и численности ительменов в конце XVII в., насчитывал их в это время не менее 18 тыс. [141, с. 201].

Наиболее обоснованные сведения о численности ительменов в конце XVII—начале XVIII в. дал Б. О. Долгих. Он, используя материалы ясачных книг, пришел к выводу, что в 1697 г. численность ительменов равнялась 12680, а в 1738 г. — 8448 человек [81, с. 571].

И. С. Гурвич подсчитал, что в 1732 г. было около 7500—7800 человек обоего пола, а в 1738 г. — около 8300—8500 человек [65, с. 99]. В последующие 30 лет число ительменов, по мнению И. С. Гурвича, сократилось до 6 тыс. человек. Особенно бы-

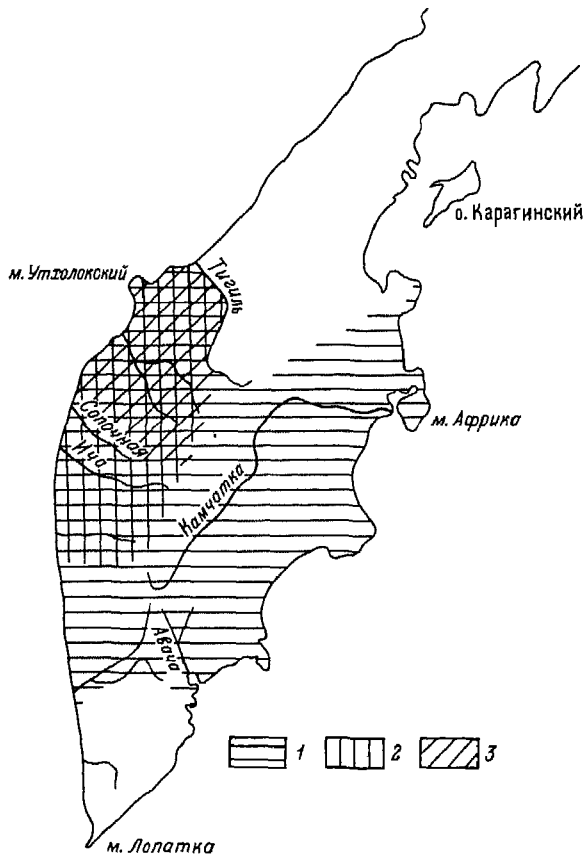
Численность и расселение

стро уменьшалась их численность в конце XVIII—начале XIX в. Так, если в 1782 г. ительменов было около 3—3.2 тыс., то в 1820 г. — примерно 2 тыс. человек [65, с. 101, 103, 180]. Основными причинами уменьшения их численности являлись завезенные различные болезни (оспа, «гнилая горячка» и др.), колониальная политика царизма и процесс ассимиляции ительменов с русскими. Наиболее быстрое смешение коренного населения с пришлым шло в XIX в., в результате чего в конце XIX—начале XX в. ительменов, владеющих родным языком и элементами традиционной культуры, насчитывалось только около 1000 человек [там же, с. 183].

Официальная Всесоюзная перепись 1926 г. зафиксировала 4207 камчадалов, в число которых вошли как ительмены, так и камчадалы в современном понимании [59, с. 134]. Исследователи, пользуясь материалами указанной и Приполярной (1926—1927 гг.) переписей, называют различное число аборигенов полуострова. Так, Е. П. Орлова указывала 769 ительменов [307, л. 244], С. Н. Стебницкий и М. А. Сергеев — 803 [196, с. 85; 177, с. 24; 175, с. 157], Т. А. Молл — 888 [123, с. 193], И. С. Гурвич — 831, из них 407 мужчин, 424 женщины [65, с. 242].

Всесоюзная перепись населения 1959 г. учла 1096 ительменов, из них 513 мужчин и 583 женщины [93, с. 302—303], перепись 1970 г. — 1301, из них 603 мужчины и 698 женщин [92, с. 21, 24, 26], в 1979 г. насчитывалось 1370 ительменов, из них в Корьякском

Схематическая карта расселения ительменов: 1 — XVIII в.; 2 — конец XIX в.; 3 — середина XX в. Составлена Н. К. Старковой.

автономном округе 1002 (мужчин — 477, женщин — 525) [202, с. 72]. По данным статистики (расчетная численность), на 1 января 1987 г. в Камчатской области зарегистрировано 1320 ительменов, из них 1114 человек жили в Корякском автономном округе, более 100 человек — в г. Петропавловске-Камчатском.

Изменилась и территория расселения ительменов (см. карту). В конце XVII—первой половине XVIII в. северной границей их обитания были р. Тигиль на западном и р. Ука на восточном побережьях Камчатки, а южная граница доходила до самой оконечности полуострова [141, с. 173—175]. Во второй половине XVIII—первой половине XIX в., согласно

И. С. Гурвичу, ительмены заселяли ту же территорию, что и к моменту прихода русских, но значительно сократилось число поселений. Во второй половине XIX в. они жили только на западном побережье Камчатки [65, карта расселения].

В 40—50-х гг. XX столетия ительмены жили главным образом в селах Тигильского района Камчатской области — Сопочном, Морошечном, Хайрюзове, Ковране, Утхлоке, Напане, Седанке Оседлой. Несколько семей проживало в селах Белоголовое, Седанка Кочевая, Усть-Хайрюзово, Палана.

В 1950-х гг. в связи с укрупнением колхозов началось сселение ительменов. Жители Сопочного, Моро-

шечного и Утхолока переселились в Ковран, жители Аманино, Напаны и Седанки Оседлой — в Тигиль. В настоящее время основная масса ительменов живет в селах Ковран, Тигиль, Палана и Хайрюзово. Согласно сведениям похозяйственных книг сельских Советов, на июль—август 1965 г. ительменов насчитывалось: в Ковране — 354, в Тигиле — 257, в Хайрюзове — 190, в Белоголовом — 45, в Седанке Кочевой — 16, в Усть-Хайрюзове — 50 человек. По данным текущего учета Корякского окрисполкома, на 1 января 1985 г. ительмены в Тигильском районе размещались следующим образом: в Ковране — 325, в Тигиле — 252, в Палане — 243, в Хайрюзове — 151, в Седанке — 118, в Усть-Хайрюзове — 110, в Воямполке — 15, в Лесной — 2.

Следует отметить, что значительная часть этого населения (в основном молодое поколение) — потомки от смешанных браков, причем дети от таких браков в последние годы, как правило, записываются ительменами (подробнее об этом смотри раздел этой книги «Семья и брак»).

Этногенез

Ранние исследователи населения Камчатки — С. П. Крашенинников и Г. В. Стеллер — расходились во взглядах на происхождение и генетические связи ительменов, но в главном их представления оставались общими: ительмены не являются частью или ответвлением их северных соседей — коряков и чукчей. Возражая Г. В. Стеллеру против «мунгальского» происхождения ительменов, С. П. Крашенинников в свою очередь отмечал: «...если положить, что коряки и камчадалы один народ и в одно время или несколько лет спустя одни после других переселились, то удивительно, отчего у коряк и камчадалов такая разность в языке, когда они всегда в соседстве жили и имели обхождение?» [107, с. 365]. В сочинениях о Камчатке Г. В. Стеллер и С. П. Крашенинников, касаясь быта

и культуры ительменов, сообщают такие подробности, по которым можно судить об этнических особенностях этой народности.

Несмотря на продолжительные исторические связи с коряками, ительмены сохранили многие черты самобытности своей культуры. Так, они имели несколько отличающийся от коряков тип зимнего жилища, иной тип — летнего (балаганы на сваях) [там же, с. 375—378], шалаши, крытые травой. Только ительменам был известен особый вид нарты и упряжи собак. Они широко применяли в быту изделия из травы, вплоть до одежды (накидки), плели ковры (циновки), которыми были завешены стены зимних жилищ, травяные мешки, корзины сумки и другие бытовые предметы [там же, с. 381—385, 396].

Ряд существенных отличительных признаков был и в одежде ительменов. Например, женские кухлянки имели сзади хвостобразное удлинение, хотя по конструкции они также были глухими, подобно корякским и чукотским, шили их обязательно с капюшонами.

Иначе ительмены готовили рыбу: преобладало копчение и печение, чего не было у коряков. У ительменов был распространен особый способ приготовления горячей пищи в деревянной посуде при помощи раскаленных камней, этого не знали их северные соседи. Они широко применяли различные травы при лечении самых разнообразных недугов, в то время как коряки пользоваться в этих целях травами почти не умели.

Особый характер носили благодарственные (осенне-зимние) праздники ительменов, сопровождавшиеся сложными пантомимами, плясками, пением [там же, с. 421]. Отличались и их бытовые обряды, связанные со свадьбой, с рождением ребенка, с похоронами детей и взрослых. Детей они хоронили в «дуплеватых деревьях». Взрослых покойников довольно бесцеремонно, без каких-либо приготовлений, вытаскивали из жилища через входное отверстие в кровле и оставляли на поверхности земли. С умер-

шими не клали никаких предметов, которыми они пользовались при жизни, как это было у коряков и чукчей. Следовательно, и в этих обычаях прослеживаются резкие отличия от их северных соседей. Ительмены добывали огонь трением, но не при помощи лучкового снаряда, как это делали коряки и чукчи, а путем вращения зажигающей палочки между ладонями рук.

Отличными от корякских и чукотских были и религиозные представления ительменов. Например, их домашние «идолы»-охранители — *хантай* и *ажушак* (первый делался из дерева «наподобие сирены, то есть с головы по грудь человеком, а оттуда рыбою», второй — деревянный столбик «с обделанною верхушкою наподобие головы человеческой») [там же, с. 376] ни по форме, ни по представлениям о них и об их функциях не соответствовали домашним охранителям коряков и чукчей (связки семейных охранителей — *тайн'ыквыт* содержали наряду с изображением предков другие предметы, призванные охранять жилища и его обитателей).

Праздники и другие торжества ительмены сопровождали пением, которое отличалось особой музыкальностью. «Их песни, — отмечал Г. В. Стеллер, — так мелодичны и настолько стройны по соблюдению правил музыки, ритму и каденциям, что этого никак нельзя было бы предположить у такого народа... они умеют петь не только в унисон, но и подпевают друг другу на два—три средних голоса» [215, с. 327]. У коряков и чукчей пения песен многоголосого, в «унисон», не было.

Таким образом, эти и другие данные, имеющиеся в трудах названных авторов, подтверждают, что и С. П. Крашенинников, и Г. В. Стеллер признавали генетическую обособленность ительменов от коряков и чукчей. Такому выводу немало способствовали языковые отличия ительменов, что довольно подробно представлено в труде С. П. Крашенинникова [107, с. 328—330, 444—448].

Генетическую независимость ите-

льменов от северо-восточных палеоазиатов подчеркивал также В. П. Маргаритов [117, с. 104]. Более определенные высказывания по данному вопросу принадлежат врачу Н. В. Слюнину, автору капитальной работы об Охотско-Камчатском крае [185, с. 402]. И хотя предположение Н. В. Слюнина о прародине ительменов, которая, по его мнению, находилась в Средней Азии, не подкреплено доказательств, зато утверждение, что ительмены в языковом отношении занимают изолированное положение среди народов Азии, остается верным.

Особое место в истории изучения ительменов занял В. И. Йохельсон. В одном из своих сочинений он счел возможным высказаться весьма определенно: «Можно считать установленным, на основании материалов, собранных Богоразом и мною, что чукотский, корякский и камчадалский языки развились из одного праязыка» [90, с. 137]. Но никаких языковых или этнографических доказательств, подкрепляющих это ответственное утверждение, приведено не было.

В своей работе «Чукчи» В. Г. Богораз [38] не ставит и не решает никаких проблем из области генетических связей и исторических взаимовлияний между чукотским, корякским и ительменским языками. Он просто констатирует наличие сходных или общих элементов этих языков. Морфологические сопоставления занимают значительно большее место. В данном случае В. Г. Богораз приравнивает ительменский язык к подробно разработанной им чукотской морфологической модели.

К 1930-м гг. установилось твердое мнение, что ительменский язык относится к чукотско-корякской группе языков; самих же ительменов стали считать частью этой этнической общности. Особенно прочно такое представление укоренилось после выхода в свет ряда статей К. Я. Лукса [115, с. 38—48], Я. П. Алькора [25, с. 102—122; 24, с. 32—64], С. Н. Стебницкого [196, с. 85—105], рассматривающих проблемы письменности и языка ительменов.

По имеющимся в настоящее время языковым материалам, основа ительменского языка не имеет генетических связей с языками корякским и чукотским. Путем специального сопоставительно-сравнительного изучения лексики ительменского языка (его западнокамчатских диалектов) Н. А. Богданова нашла лишь около 300 корней (основ), общих с чукотским языком и диалектами корякского языка. Наличные чукотско-корякские элементы оказались в языке ительменов лишь в результате длительной взаимосвязи с носителями преимущественно восточных и западных диалектов корякского языка. Это относится не только к лексике, но и к грамматике.

По общему признанию языковедов, фонетическая система ительменского языка резко отличается (и качественно, и количественно) от фонетической системы корякского и чукотского языков [123, с. 192—221; 58, с. 334—336; 54, с. 17—18].

Специальные исследования звукового строя ительменского языка, проведенные А. П. Володиным и А. С. Асиновским, не оставляют сомнений в его независимом происхождении от чукотского и корякского языков (подробнее об этом см. с. 145—147).

По мнению Г. Ф. Дебеца, ительмены обладают рядом антропологических признаков, которые дают основание выделить их из общей массы аборигенов Северо-Востока Азии [68, с. 115].

Несмотря на весьма интенсивное смешение с русскими на протяжении последних более чем двух с половиной веков, «ительмены, и особенно камчадалы, все-таки более темнокожи, чем коряки». В прошлом эти различия были, как полагает Г. Ф. Дебец, еще большими [там же, с. 117]. Есть и другие признаки генетической обособленности ительменов, отличающей их от коряков и чукучей. «В описании физического типа коряков (по-видимому, в первую очередь оленных), — пишет Г. Ф. Дебец, — заслуживает внимания замечание С. П. Крашенинникова о том, что носы у них „короткие, однако не столь плоские, как у

камчадалов“» [там же, с. 449]. Если это наблюдение соответствует действительности, то отсюда следует, что по крайней мере по одному из важнейших признаков, служащих для разграничения азиатских и американских форм монголоидной расы, ительмены, еще не смешанные с русскими, сближались скорее с первыми [там же, с. 118].

Анализируя и обобщая археологические материалы о Камчатке, накопленные до 1948 г., С. И. Руденко выделил на полуострове три археологических комплекса. Наиболее древний из них, который он связывает с ительменами, распространен, по его мнению, в средней части Камчатки. По его заключению, этот «археологический комплекс, характерный для предков ительменов, не обнаруживает сходства ни с неолитическими культурами южного островного мира, ни с древними культурами Берингова моря и генетически связан с континентальной Сибирью, предположительно с неолитом Лены и Прибайкалья» [167, с. 153—179]. Это мнение С. И. Руденко получило подкрепление в трудах археологов последних десятилетий. Так, Н. Н. Диков отмечает, что «в углистых полах многочисленных жилищ (на Ушковской стоянке. — *Ред.*) обнаружены находки, составляющие совсем иной, близкий верхоленскому или так называемому дюктайскому палеолитический комплекс каменных изделий» [71, с. 7].

По мнению, С. А. Федосеевой, «отдельные ымыяхстакские популяции (из Якутии. — *Ред.*) проникали и в Приохотье, и на Камчатку» [201, с. 20]. Гипотеза о проникновении предков ительменов на Камчатку из районов Приленья в настоящее время признается большинством исследователей этого вопроса. Однако остается все еще загадочной проблема генетических связей ительменов. Считается установленным, по результатам анализа археологических раскопок на Камчатке, что самые ранние памятники ительменской культуры относятся ко времени 5200 лет назад. Это начало тарьинского этапа древне-

ительменской культуры южной Камчатки [78, с. 82—106].

Однако Н. Н. Диков небезосновательно полагает, что ительмены имеют местные генетические истоки — «весьма древние, восходящие к концу палеолита» на Камчатке [71; 74]. А. К. Пономаренко подтверждает это положение, когда говорит, что формирование древнеительменской культуры развилось на основе местных позднепалеолитических, позднемезолитических или раннеолитических культурных традиций [151, с. 193].

Соображение, что предки ительменов оказались не на пустом месте, не были первооткрывателями Камчатки, весьма важно и согласуется с рядом историко-культурных фактов. Здесь они встретили своих предшественников эскоалеутов, что находит определенное подтверждение в элементах культурного наследия, в данных языка [53, с. 41—51].

Преемственность культуры современных ительменов Н. Н. Диков прослеживает от времени позднего неолита, характеризуемого материалами раскопок верхнего слоя Ушковской стоянки. В них отчетливо отражена культура рыболовов. На вскрытой землянке обнаружено кострище «с мощным напластованием пережженных рыбьих костей» [73, с. 13]. Очевидно, рыболовство было основным источником жизнеобеспечения местных обитателей. Нельзя не согласиться с выводом Н. Н. Дикова, который считает, что с достаточным основанием, но пока, к сожалению, при полном отсутствии антропологических данных, можно предположить, что все эти стоянки принадлежат предкам ительменов, истинных рыболовов. Сам факт отсутствия остеологического (антропологического) материала и является подтверждением прямой связи этого памятника именно с ительменами, так как они еще в первой половине XVIII в. оставляли покойников на поверхности земли, останки которых разносили животные и птицы.

На отличительные черты древней материальной культуры ительменов указывал и М. Г. Левин [110, с. 228]

Признавая вслед за другими авторами языковое родство, близость антропологического типа ительменов и коряков, он в то же время говорил лишь об общем ареале их формирования (т. е. об исторически сложившихся условиях устойчивых контактов), что, конечно, не равнозначно генетическим истокам, генетическому родству.

Таким образом, и антропологические, и археологические данные утверждают особое этногенетическое начало ительменов, отличное от чукчей и коряков.

Ительмены были в первую очередь типичными речными рыбаками. Все другие промыслы (сухопутная и морская охота) играли в их жизни (и то только для некоторых) второстепенное значение. Их материальная культура, вплоть до основного типа летнего жилища, одновременно служившего помещением для хранения запасов, была всецело приспособлена к данному занятию. Об этом свидетельствуют их свайные постройки (баланы), травяные шалаши, долбленые лодки-баты для плавания по рекам и запоры для ловли рыбы на реках. Второе по значению место в производственной деятельности ительменов принадлежало заготовке разных дикорастущих трав и корней, одни из которых употреблялись в пищу, другие применялись как средства народной медицины, третьи использовались для вязания сетей, плетения циновок и других предметов быта. Не случайно некоторые виды трав широко применялись ительменами в качестве неперемного атрибута при всевозможных ритуальных отправлениях (*тоншиц*). В отношении использования растений в быту и вообще в хозяйстве ительмены далеко превосходили коряков и других соседей. Еще известный историк Сибири П. А. Словцов обратил внимание на эту особенность ительменов. «Где вы найдете племя, — писал он, — с таким удивительным знанием ботанизирующее? Камчадалы и камчадалки — самоучки, но знают вредоносные, питательные, целебные, лакомые силы всех прозябаний и трав, на их полу-

острове растущих» [184, с. 138]. Наряду с некоторыми общими элементами материальной культуры ительменов с их непосредственными соседями — коряками и айнами существовали культурные особенности, не встречающиеся у их иноэтнического окружения. В своей основе такие детали можно рассматривать как привнесения из какой-то иной природно-географической среды, где они бытовали у предков ительменов, до появления их на Камчатке. На полуострове с его своеобразной флорой и фауной и суровым климатом формировалась культура пришельцев, на общем фоне которой остались неизвестные и не свойственные непосредственным соседям ительменов элементы их культуры. Некоторые явления из такого наследия культуры были отмечены в трудах С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера.

Так, ительмены собирали и использовали до сотни различных видов семян, корней, трав, служивших им отчасти в лечебных целях, отчасти зимним запасом пищи.

Для изготовления различных циновок, мешков, корзин, ящиков для хранения запасов, защитных панцирей, накидок (епанчей) и других предметов, а также для изготовления ниток для вязания сетей, шитья собирали в большом количестве несколько видов разных трав. При их заготовке пользовались серпами (ножами), сделанными из лопаток медведя, остро отточенных на каменных брусках.

Зимняя обувь, используемая во время дальних поездок или охоты, изготавливалась из выделанной рыбьей кожи чавычи, красной. Обувь такая надевалась только во время морозов и отличалась большой прочностью.

Женщины носили травяные парики, на руках перчатки без пальцев, в которых «делали всякую работу». Мужчины носили головные берестяные уборы в виде «умбракулов» с завязками на затылке.

Ительменам принадлежит особый вид нарт, способ упряжи также отличается от всех известных видов использования тягловой силы собак.

У них мужчины занимались приготовлением пищи. В юрте они находились в голом виде, опоясанные ремнем с кожаным футляром для помещения полового органа. Этот чехол крепился одним концом к ремennому поясу на животе, другим прикреплялся к нему со стороны спины.

Народное декоративное искусство ительменов также стоит особняком от искусства коряков и чукчей, имеет много существенных отличительных черт.

Таким образом, и примеры из области материальной культуры дают многослойный материал, содержащий элементы культуры южных широт и элементы культур Севера. Все эти наслоения требуют тщательного всестороннего анализа, исследования, историко-культурных сопоставлений, сравнений, выхода в регионы, далеко отстоящие от полуострова Камчатка.

Ни в фольклоре, ни в мифологии, ни в других видах народной памяти ительменов не закрепилось никаких свидетельств об их далекой родине, о родственных этносах. Отсчет времени и места своего происхождения они связывают с Камчатским полуостровом, где якобы они и произошли от своего предка Кутха (Ворона). Сам факт такого представления народа можно рассматривать как свидетельство весьма давнего их появления на этой территории. Первые исследователи этнографии ительменов узнали у них лишь то, что «все доказательства древности состоят в словесных преданиях, и сами ничего о том не ведают, но наипаче утверждают, что они на сем месте сотворены. . . творцом своим и прародителем почитают Кутху» [107, с. 362].

Мифы ительменов содержат представления, отражающие естественно-географические, астрономические явления, наблюдаемые на Камчатке, ее флору и фауну. Именно в этой среде, по их представлениям, складывалась и протекала жизнь, создателем которой был Кутх, не только творец всего живого, но и устроитель жизни людей, их наставник.

Календарь их отражает производственную деятельность, сложившуюся на Камчатке, связанную прежде всего с весенним пробуждением природы, которое приносило появление рыб, растительности — главных источников их существования. Комплекс всех форм культуры ительменов был создан усилиями и умножением жизненного опыта народа на Камчатке, хорошо приспособлен к условиям местной природной среды. С. П. Крашенинников, соглашаясь с мнением Г. В. Стеллера по этому поводу, справедливо замечал, что ительмены «великие имеют знание о тамошних натуральных вещах, какую они имеют силу, и к чему угодны, чего в краткое время опытами изведать не можно» [там же, с. 363].

Г. В. Стеллер выражал восхищение и удивление предельно рациональным устройством принципов быта и труда, созданных ительменами. «Некоторые их изобретения... продуманы столь разумно и согласно местным потребностям... и устроены настолько по всем правилам механики, что их лучше не могли бы придумать ни Архимед, ни Христиан Вольф. Таковы, например, нарты и езда на собаках» [215, с. 409].

К этому согласованному мнению первых исследователей Камчатки гармонично примыкают результаты современного изучения археологами истории населения полуострова. Свидетельства весьма древнего освоения человеком Камчатского полуострова отражены в археологических памятниках, восходящих к палеолиту: это и открытие Н. Н. Диковым палеолитической стоянки охотников и рыболовов на берегу Ушковского озера, возраст которой по радиоуглеродным датам определяется около 14—15 тысяч лет назад (14300 ± 200 и 13600 ± 250) [70; 72], а также открытие палеолита на мысе Лопатка, сделанное Т. М. Диковой. По наличию в археологических материалах лабреток на Средней и Южной Камчатке [78, с. 29—38; 77, с. 56—63] вполне оправдано предположение, что обитателями этих мест были протоэскимосо-алеуты. Уже

в V—III тыс. до н. э. на Камчатку со стороны Северо-Восточной Якутии проникла наиболее древняя послепалеолитическая культура, носителями которой были «прежде всего ительмены» [70, с. 124—126]. Позднее Н. Н. Диков высказал другое предположение: ительмены имели и местные генетические истоки, «весьма древние, восходящие к концу палеолита» [71, с. 127].

Таким образом, археологические данные также подтверждают давнее освоение Камчатского полуострова ительменами. В III тыс. до н. э. наступает тарьинский этап развитой неолитической культуры, распространившейся по средней и южной областям Камчатского полуострова, создателями которой «были, несомненно, прямые предки ительменов» [72, с. 160].

Проблема этногенеза ительменов, с учетом всего комплекса исследований, проведенных к настоящему времени, все еще остается во многом открытой. Однако важно то, что итоговые обобщения антропологов по истории аборигенов Северо-Востока Сибири констатируют, во-первых, наличие расового разнообразия палеоазиатских народов, имея в виду и ительменов (такой вывод согласуется с анализом языковых, историко-этнографических, культурно-генетических данных).

Во-вторых, весьма существенно то, что «характерные черты арктической группы антропологических типов, представленной у эскимосов, чукчей, эвенов, частично коряков и ительменов, были в меньшей степени, чем сейчас, выражены уже на рубеже новой эры, а само их формирование, по-видимому, относится к гораздо более далекому прошлому. Особенности эти объединяют арктических монголоидов вместе с восточными и южными в одну ветвь монголоидной расы и, стало быть, уводят этнические истоки всех народов — представителей арктической антропологической группы — на юг» [2, с. 168—169].

Ительменско-алеутские связи

Следы эскимосо-алеутского присутствия на Камчатке просматриваются в материальной культуре ительменов, в их антропологическом облике, в народном декоративном искусстве, в языке и топонимике, в некоторых обычаях.

Уже раскопки В. И. Иохельсона на восточном побережье Камчатки дали ряд предметов, почти абсолютно сходных с аналогичными предметами, найденными им же при раскопках на Алеутских островах [89, с. 199—242, 351—384; 210]. Лабретки, найденные при раскопках около с. Сероглазка на Камчатке, оказываются весьма сходными с некоторыми из найденных на Алеутских островах.

Еще большее сходство, притом в деталях, обнаруживают каменные лампы (жирники-светильники), найденные на Камчатке и на Алеутских островах. Они одинаковы не только по форме. На Камчатке и на Алеутских островах, как правило, все каменные лампы имеют вытянутые формы: яйцеобразную, усеченную эллипсоподобную. В отличие от эскимосских и чукотских алеутские и ительменские каменные лампы не имеют внутренних перегородок. Кроме того, некоторые камчатские и алеутские каменные лампы имеют на зауженном конце специальное ушко (отверстие), которое предназначалось, как писал В. И. Иохельсон, для прикрепления к носу байдары или к нарте [211, tabl. 14—15; 210, tabl. 18]. Этой деталью еще больше усиливается общность и сходство алеутских и ительменских каменных ламп.

Подтверждают реальные связи древнего населения Камчатки с алеутами раскопки и данные Н. Н. Дикова. По мнению этого исследователя, видимо, во II тыс. до н. э. «своеобразные фигурные скребки и ножи, а также продолговатые острообушковые шлифованные тесла широко входят в быт на Камчатке и оттуда распространяются на Алеутские острова» [73, с. 11]. Этим не исчерпывается

сходство в материальной культуре древнего населения Камчатки с алеутами. Некоторые конструктивные особенности землянки на берегу Ушковского озера «напоминают подземные жилища ительменов», и в то же время четырехугольная форма ее с закругленными углами «сопоставима также с древними округлыми землянками алеутов» [там же, с. 12].

Промышленники, оставившие свои впечатления о встрече с жителями Алеутских островов, писали: «Жительство имеют в земляных юртах, таких же, какие у камчадал: входят в них верхом. . .» [168, с. 115].

Сходство обнаруживается и в летних шалашах алеутов и ительменов. Согласно С. П. Крашенинникову, ительмены на лето сооружали около балаганов наземные жилища, деревянный остов которых крыли травой. Такие жилища у них назывались «*базабаз*». Не случайно это название было перенесено русскими промышленниками (вместе с ними было много ительменов) на летние жилища алеутов, которые также покрывались травой и назывались русскими «*барборка*» [107, с. 337; 47, с. 207].

Способ добывания огня трением у алеутов и ительменов был одинаковым. Они пользовались заостренной палочкой, конец которой вставлялся в углубление на сухой доске, а палочка вращалась быстрыми движениями ладоней: вперед, назад. Северо-восточные соседи ительменов добывали огонь при помощи снаряда, приводимого во вращательное движение с помощью лучка.

С. П. Крашенинников находил общее в одежде ительменов и алеутов. «Штаны и торбасы их из тюленьих кож, выкрашенных ольхою, много походят на камчатские» [107, с. 178].

Исследования одежды северо-восточных палеоазиатов, азиатских и американских эскимосов, в основу классификации которой положены конструктивные особенности различных типов, подтверждают общность типа одежды ительменов и алеутов и ее отличие от одежды других северных соседей. Сравнивая чукотско-

корякскую одежду с эскимосской и алеутско-ительменской, В. П. Монастырная приходит к выводу о том, что она восходит к распашной одежде с нагрудником, подобной тунгусской. По мнению Монастырной, этому типу одежды противопоставляется другая, связанная с морским зверобойным промыслом, распадающаяся на эскимосский и алеутско-ительменский типы [179, с. 174]. Единый принцип покроя одежды алеутов и ительменов находит и Р. Г. Ляпунова. Она считает, что в одежде алеутов содержится древнейшие традиции, пришедшие через Камчатку [116, с. 177]. Уместно отметить в этой связи и такой специфический элемент, как «пояс стыдливости» у мужчин алеутов, состоявший из ремня (пояса) и мешочка; аналогичный отмечен был и у ительменов [215, с. 113].

По данным С. П. Крашенинникова, ительмены из колосняка плели циновки, которые «вместо ковров и занавесов употребляют». Самое интересное в его сообщении то, что ительмены «из травы плетут епанчи, во всем подобные нашим старинным буркам» [107, с. 237]. Дело в том, что накидки из травы плелись и алеутками еще в начале этого столетия и использовались как верхняя одежда [212, с. 60].

Г. В. Стеллер отметил: «Раньше ительмены шили парки также из кож уток, гагар, гусей, лебедей и морских чаек» [215, с. 304], что тоже сближает их с алеутами.

С. П. Крашенинников, сообщая о головных уборах алеутов (по данным Г. В. Стеллера), писал: «Шляпы у них, из травы плетенные, как у камчадалов без верху наподобие умбракулов, выкрашены зеленою и красною красками с сокольными напереды перьями, или с чесаною травкою...» [107, с. 178].

Пользуясь данными того же Г. В. Стеллера, С. П. Крашенинников обобщил его сведения следующим образом: «Между американцами (алеутами, жителями острова Каяк. — *Ред.*) и камчатскими народами сии примечания, достойные сходства, усмотрены: 1) что американцы лицом по-

ходят на камчадалов, 2) что они сладкую траву запасают таким же образом, как камчадалы, чего нигде инде никогда не примечено, 3) что и у них огнива деревянные, 4) что по многим признакам догадываются, что у них топоры каменные ж или костяные в употреблении, и господин Стеллер не без основания думает, что американцы имели некогда с камчатскими народами сообщение, 5) что платье и шляпы их от камчатских не разнятся, 6) что они кожи ольхою красят по-камчатски же, по которым признакам, может быть, и произошли от одного поколения» [там же, с. 179].

Не менее убедительные подтверждения продолжительных, устойчивых и тесных контактов между алеутами и населением тихоокеанского побережья Камчатки дают изобразительное искусство и орнаментика этих народов. В исследовании орнамента народов Сибири С. В. Иванов приходит к заключению, что «орнамент народов Крайнего Северо-Востока и алеутов имеет много общего, несмотря на различия в материале и технических приемах» [88, с. 169]. Исследуя приемы обработки кости и дерева, ученый отмечает, что «такие приемы, как линейная и мелкоямчатая резьба по кости, распространенная у алеутов, широко применяются также... и ительменами. Резьба с подцветкой известна только у алеутов и ительменов...» [там же, с. 173—174].

Черты общего и весьма сходного сквозят и в древнем обряде захоронения ительменов и алеутов. Как писал С. П. Крашенинников, «камчадалы умерших загребают в землю одетых в платье, которое они носили, а сверх обшитых в чирел, то есть в травяную рогожу» [107, с. 697]. Алеуты покойников помещали в погребении в сидячей позе, при этом их поверх одежды обертывали в кожи или циновки и крепко обвязывали.

Помимо отмеченных свидетельств связей между алеутами и ительменами, можно привести и ряд других, относящихся как к материальной, так и к духовной культуре [53, с. 41-51; 36, с. 202—245].

Таким образом, перед нами оказывается целая система общих черт культуры, сложившихся в результате непосредственных связей алеутов с ительменами.

Ительменско-айнские связи

На современном уровне наших знаний мы можем говорить об обособленности ранней ительменской культуры, возможно, лишь sporadически вступавшей во взаимодействие с неолитической и охотской культурами Курильских островов. С. И. Руденко, тщательно изучивший все имевшиеся археологические материалы древнего населения Камчатки, находил, что комплекс камчатских каменных наконечников стрел (типично неолитических) имеет много общего на западе с наконечниками стрел Восточной Сибири, а на юге — с наконечниками стрел, находимых на Курильских и Японских островах [167, с. 164—165]. Последнее замечание дает повод для предположения о наличии контактов населения Камчатки еще в неолитическое время с южными соседями.

Были ли контакты неолитических обитателей Курильских островов, а также носителей охотской культуры с ительменами, остается пока не совсем ясным. Однако уже есть основания говорить о каких-то более ранних связях юга Камчатского полуострова с пришельцами с Курильских островов. По определению радиоуглеродным методом возраста биологических остатков из раскопок поселения Лопатка-1 получена дата — 380 ± 50 , а поселения Андриановка — уже 950 ± 70 и 570 ± 40 лет до наших дней. Кроме того, что весьма существенно, на месте этих двух поселений были «керамика типа нейдзи с внутренними ушками», т. е. айнского типа, и «костяные украшения с ительменским орнаментом», «поворотные гарпуны из оленьего рога», материал для которых, несомненно, находили на Камчатке, так как на островах оленей не было, а также костяные наконечники стрел с ложбинками для яда [48, с. 42].

Эти данные убедительно свидетельствуют о сочетании здесь элементов двух культур — айнской и ительменской. И, что ново и важно, происходило это значительно раньше, чем принято считать. Возможно, это были не регулярные, а случайные связи аборигенов Камчатки с приходившими с юга айнами.

Вместе с тем пока общепризнано, что лишь в конце XVI—начале XVII в. по гряде Курильских островов пошел поток новых обитателей с острова Хоккайдо. То были айны, вытесняемые с юга японцами. По предположению некоторых ученых, айны ассимилировали носителей охотской культуры, но в то же время научились от них многому, что было необходимо для существования в новых, более суровых природно-географических и экологических условиях. Они усвоили морской зверобойный промысел в его специфических формах Курильских островов с соответствующими орудиями, приспособленное для жизни на островах полуподземное теплое жилище, одежду из шкур морских млекопитающих, птиц и пушных зверей, развили керамическое производство типа нейдзи и т. п. Соединение традиционного (айнского) и заимствованного из местной охотской породило новую культуру, создателями и носителями которой и стали айны (куруилы). Пришельцы не порывали связей с югом, со своими единоплеменниками, с японцами, и вели с ними обмен путем последовательного посредничества обитателей островов. Они обменивали продукты своих промыслов на предметы японского производства, в том числе металлические, ткани, посуду и другие изделия.

Уже В. В. Атласов сообщал о поступлении японских товаров на Курильские острова и на побережье Камчатки: «А с тех де островов курильским иноземцам приходит ценная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. . .

Да иноземцы ж сказывали, что в камчадальской стороне повыше Камчатки к Каланской (Озерной реке. — *Ред.*) Бобровой реке приходят по вся

годы бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланский жир» [101, с. 32].

«А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалцы сами, а иная посуда у них левкашаная и олифляная, а сказывают они, что идет к ним с острова...» [там же, с. 31].

В 1711 г., как сообщили айны (курилы) на втором (от Камчатского Носа) острове русским: «Промышляем мы бобровым промыслом... а которые у нас были до вашего приходу бобры, и те бобры испроданы иной земли иноземцам... в полуденной стороне, и привозят к нам железо и иные товары, крапивные тканые пестрые» [147, с. 463]. По всей вероятности, айны были первыми пришельцами, появившимися с моря на южной оконечности Камчатского полуострова. Очевидно, здесь и встретились они с ительменами. Этим событием было положено начало формированию новых этнических связей ительменов с совершенно иной культурной средой. С этого времени появились в их жизни первые нити связей с обитателями далеких островных и материковых юго-восточных культур. Таким образом, нарушались многовековая изоляция от внешнего мира, замкнутость и застойность социально-экономического и культурного развития.

Этнические связи и отношения ительменов с айнами развивались непосредственно лишь с немногочисленными жителями ближайших к Камчатке островов Шумшу и Парамушир. В меньшей степени, но все же достаточно активно, вступали во взаимодействие с ительменами и курильцы острова Онекотан, которых также было немного. Вообще, по подсчетам Б. О. Долгих, к приходу русских этих «ближних курил» было там всего 270 человек [81, с. 575—576].

Взаимоотношения ительменов и айнов отражают широкий круг разнообразных связей, какие могли возникнуть при тех уровнях социально-экономического развития, каких они достигли. В их отношениях отчетливо проступает обмен. При этом айны первых двух островов выступают боль-

ше в роли посредников обмена между обитателями южных Курильских островов и Камчаткой. Были у них и военные столкновения, и брачные связи, а также взаимовлияние в области материальной и духовной культуры, в области языка. К сожалению, мы знаем больше примеров культурного влияния айнов на ительменов и меньше об обратном. Очевидно, до тех пор, пока не будет проведено специальное исследование культуры айнов ближайших к Камчатке островов, их языка (лексики) в сопоставлении с лексикой южного диалекта ительменов, сказать что-либо объективно весомое о влиянии ительменов на айнов вряд ли возможно.

В результате археологических раскопок на юге полуострова Камчатка Т. М. Диковой определены абсолютные даты признаков айнского присутствия или влияния их культуры на ительменов, о чем говорит появление здесь айнских предметов. Как полагает Т. М. Дикова, «отдельные имеющиеся в исследованных памятниках элементы айнской культуры — керамика типа нейдзи, японские монеты, морской зверобойный промысел — должны быть объяснены как результат лишь айнского влияния... Причем это влияние айнов распространяется на памятники только позднего периода — Лопатка-1, Сиюшк (380±50), культурный слой поселения Андриановка (570±40)...». Наиболее существенные элементы айнской культуры — керамика типа нейдзи — обнаруживаются на западном побережье Камчатки от м. Лопатка до устья р. Опалы, а на восточном побережье значительно севернее, вплоть до р. Жупановой и даже несколько севернее [76, с. 167].

С чего начинались и как развивались этнические контакты и отношения ительменов с айнами (курильцами), мы знаем мало. Известно, однако, что еще в начале XVIII в. их отношения не всегда были мирными. При этом нападающей стороной были айны. Так, в 1723 г. «курильские немирные иноземцы в 24 человеках приходили на Опалу реку и убили

ясашого тойона Кушугу в 6 человеках и балаганы все прижгли, жен и детей в полон побрали» [107, с. 171]. При участии русских айны были наказаны, «а полон был у них отнят». Но есть свидетельства более ранних нападений айнов на ительменов. «Курилы южных островов, — писал С. П. Крашенинников, — сказывают, что на всех островах имеется много курилов и камчадалов в холопстве, которые прежде сего уважены были» [там же].

По сведениям Г. В. Стеллера, «тойон на первом острове Куприан происходит от камчадалки из Ичинского острога, который был разграблен (курилами, — *Ред.*) еще до прибытия русских» [215, с. 470]. С утверждением русской администрации на Камчатке военные столкновения аборигенов прекратились. Вместе с тем параллельно с отмеченными явлениями сосуществовали и другие, мирные. Наиболее активно развивался обмен. Как установил Г. В. Стеллер, в конце XVI в. ительмены начали получать путем обмена товары японского производства: железные и медные вещи, особенно ножи и иголки [там же, с. 472]. Существенно то обстоятельство, что ительмены на мысе Лопатка и на первом острове Курильской гряды изменили основу своего жизнеобеспечения — перешли от главного занятия, рыболовства, к морскому зверобойному промыслу, к плаванию по морю на больших карбасах (байдарках), и можно предполагать, что здесь они усвоили айнскую технику промысла, орудия охоты и т. п. В этой связи изменились и их некоторые религиозные представления и культы. Они уже в качестве домашних святынь и покровителей имели (подобно айнам) *инау* (стружки). Об этом находим обстоятельное упоминание у С. П. Крашенинникова: «Носят они (курильцы, — *Ред.*) с собою оные стружки во всякие опасные пути на море и бросают в случае бедствия в воду, а наипаче в сувои, что между первым Курильским островом и Лопаткою, которые тем умилостивить падеются. Такой образ идолослужения

приняли от курилов и южные камчадалы, кои живут на первом Курильском острове и на Лопатке, как надежное средство к безопасному плаванию по морю» [107, с. 468—469].

Айнское влияние на ительменов оказалось более многообразным, проникло в разные области их культуры и распространилось не только в местах контактных зон, но и дальше на север. Так было с курильскими глиняными котлами с внутренними ушками, о чем говорилось выше. Ительмены заимствовали у курильцев некоторые виды плясок.

«Первый вид пляски распространен, — пишет Г. В. Стеллер, — главным образом на Курильских островах и на мысе Лопатка, равно как и среди всех ительменов, живущих между мысом Лопатка и Авачею. . . Этот танец издавна заимствован у куши или островитян. . . Пляска состоит в следующем: десять мужчин и десять женщин. . . образуют круг, медленно начинают двигаться и в такт поднимают одну ногу за другою. . .» [215, с. 430]. Наряду с таким видом плясок ительменам были известны и пляски-пантомимы, подобные тем, которые существовали у коряков и чукчей. Однако, судя по данным С. П. Крашенинникова и других авторов, пляски-пантомимы ительменов исполнялись во время осенне-зимних благодарственных торжеств и отличались определенным сюжетным содержанием, были своего рода театрализованными действиями, видимо, осложненными магическими дополнениями, включавшимися в канву пантомимы.

Усматривается заимствование от айнов и музыкальных инструментов, в частности мечевидной коробчатой лютни *кычэрэн*; звукоизвлечение из нее производилось при помощи смычка. «Конструкция инструмента полностью совпадает с айнским *тонкорю*» [164, с. 77].

Южные ительмены испытали заметное айнское влияние и в ряде разделов материальной культуры, преимущественно в тех, которые имели существенное жизненное значение: это

прием оснащения поворотных гарпунов двумя отверстиями для крепления линия, наконечники стрел со специальными прорезями для заполнения их ядом лютика, что известно только у ительменов и айнов, тогда как другие народы Сибири стрел не отравляли [151, с. 179, 183; 76, табл. 17, 1—4; 167, с. 161].

Несомненным свидетельством тесных контактных связей айнов с ительменами служит отмеченный первыми исследователями Камчатки обмен товарами между этими народами. По их данным, обмен носил направленный характер: стороны уже хорошо знали спрос и предложения друг друга, что могло появиться лишь в результате продолжительной практики обменных связей. Население Курильских островов издавна поддерживало обмен между далеким югом и Камчаткой.

Во II тыс. н. э. на костяных изделиях уже прослеживаются следы обработки их металлическим инструментом, имеются и сами железные ножи [151, с. 190]. Р. С. Васильевский полагает, что уже в I тыс. н. э. металлические изделия проникали на Север не только по побережью Охотского моря, но и из Японии через Курильские острова [46, с. 142]. Эти факты и предположения дают основания говорить о том, что связи ительменов с населением Курильских островов начали складываться до появления на них айнов, тогда, когда на них существовала охотская культура, ареал которой, как известно, охватывал также острова Сахалин и Хоккайдо.

Учитывая глубину, разнообразие, широту и продолжительность контактов с айнами южной группы ительменов, следует признать, что под влиянием этих факторов на юге Камчатского полуострова сформировалась особая этническая группа ительменов, впитавшая в себя ряд элементов культуры айнов и, видимо, их языка. Так, жители восточного побережья Камчатского полуострова у р. Островной (южнее Кронок) касатку называли, как и айны, *камуи*.

Здесь уместно напомнить высказывание С. И. Руденко, который счи-

тал, что смешение айнов «с ительменами произошло давно, не позднее конца I-го тыс. н. э. В результате этого смешения на юге Камчатки образовалась культура, несколько отличная от среднекамчатской, под явным айнским влиянием» [167, с. 179].

С. И. Руденко находил общие формы наконечников стрел с озера Курильского на южной Камчатке и Курильских островов, что может указывать на древние связи Камчатки с югом.

Новые историко-археологические исследования устанавливают время появления айнов на Курилах более точно, чем то делал С. И. Руденко. Но остаются верными его выводы о разнообразии и длительности связей ительменов с айнами. Отсюда можно предполагать, что контакты Камчатки с югом начались еще с носителями охотской культуры.

Из наблюдений С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера следует, что постоянных поселений айнов на Камчатке не было. Они оставались жителями островов, однако активно вступали во взаимодействие с ительменами. На первом острове (Шумшу) и на мысе Лопатка уже к первой половине XVIII в. образовалась особая этногруппа, которая совмещала в себе антропологические и культурные признаки, свойственные ительменам и айнам. Так, Крашенинников отмечал: «Жители сего острова, так, как жители на Курильской Лопатке, не прямые курилы, но камчатского поколения, которые по причине некоторых бывших между ими несогласий, особливо же по вступлении в сию землю русских людей, отделились от прочих и поселились на острове и на Лопатке. А курилами прозваны они по жителям второго острова, с которыми они, вступя в сродство чрез взаимное брачное совокупление, не токмо некоторые их обычаи приняли, но и знатно от предков своих видом переменились...» [107, с. 166].

В других местах своего сочинения он неоднократно подчеркивал, что курильцев, живущих «на первом острове и на Лопатке, с ними — курилами (жи-

вущими на других островах. — *Ред.*) — за один народ почитать не должно, ибо оные сущие камчадалы» [там же, с. 470].

Г. Ф. Миллер дал более подробную этническую характеристику жителям первого острова и мыса Лопатка, указав при этом, что живущие тут курилы «камчатским языком говорят, и все обычаи камчадалам подобно имеют, кроме того, что не ажушаков, но стружки в юртах имеют, а тем с помянутыми курилами сходствуют, что палкою между собою бьются, с женами тайно сходятся и от большей части зверьми питаются» [там же, с. 739].

Так развивались частичные культурные заимствования ительменов у айнов, однако при этом они сохранили свой язык, ряд обычаев.

Прежде чем перейти к изложению материалов относительно культурных заимствований курильцами (айнами) от ительменов, необходимо найти следы поселений айнов (курилов) на юго-западном побережье Камчатки и на мысе Лопатка.

Ко времени появления русских на Камчатке на ее южной оконечности жили не только ительмены, но и айны. Об этом определенно сообщал В. Атласов: «Наехали они курильских мужиков 6 островов, а людей в них многое число. . .» [101, с. 28].

Если следовать за сообщением наблюдательного В. Атласова, получается, что «камчадальская земля» простиралась в основном по долине р. Камчатки с ее притоками, по западному побережью Камчатского полуострова, а южнее р. Бобровой (Озерной) жили айны. Первые курильские поселения он встретил еще «за три дни», не доходя до р. Бобровой. Видимо, к этому времени (конец XVII в.) этнические взаимосвязи айнов и ительменов здесь зашли очень глубоко, охватили уже брачные связи, шли другие взаимоассимиляционные процессы, процессы языкового смешения, разносторонние культурные взаимовлияния. Не случайно, давая описание внешнего облика «курильских мужиков», Атласов не оставляет сомнений в том, что это были айны, а не ительмены. На самом

деле, по его словам, «за камчадальцами вдаль (т. е. на юг — *Ред.*) живут курильские иноземцы — видом против камчадальцов чернее и бороды меньше. . . А одежду носят такую ж, что и камчадальцы, только камчадальцов они скуднее» [там же, с. 31].

К приведенным сведениям имеются и более конкретные данные, список населенных пунктов Камчатского полуострова конца XVII в., составленный путем скрупулезного анализа литературных и архивных материалов И. И. Огрызко [141, с. 171—208].

На Опале-реке в конце XVII в. в двух местах жили курильцы. На реке, носящей имя казака Голыгина, было также поселение курильцев. «Над речкою Канхангачь. . . есть жильё курильца Кожокчи» (на правом берегу р. Канхангачь). На устье р. Озерной (Игдых) «есть жильё лутчего мужика курильского Ломчи». «На устье р. Тыдьему (у Курильского озера), на левом ее берегу, есть острожек курильских мужиков. . . Тойон Тахпичь». По замечанию С. П. Крашенинникова, это было «главное курильское жилище». «Над Камбалинским озером построен курильский острожек, Камбалинским же называемый». Пользуясь разными источниками, И. И. Огрызко установил, что на Камчатке, на 1-м и 2-м Курильских островах в общей сложности было 20 курильских населенных пунктов. При этом, изучив поименные списки всех жителей 1-го и 2-го Курильских островов, составленные миссионерами в 1747—1748 гг., И. И. Огрызко заметил, что дохристианские мужские имена жителей 1-го острова (Шумшу) «имели не айнское, а типично ительменское звучание» [140, с. 29]. Этот вывод подтверждается языковедом-этнографом Н. К. Старковой [191, с. 36].

В 1741 г. по заданию Г. Стеллера было произведено «Описание от устья Большой реки до Курильской Лопатки и оттуда. . . вокруг же первого и второго Курильских островов. . . сочиненное через служивого Осипа Аргунова» (А. П. Горлановым). В этом Описании находим более подробные сведения о местах курильских поселений, числен-

ности в них жилых и хозяйственных построек. Первое с севера поселение было на р. Явиной: «от устья верстах в 2-х на левой стороне есть жильё курильского мужика Аручки, строения в нем одна юрта, 6 балаганов». На р. Озерной, вытекающей из Курильского озера, «на устье, на правой стороне, есть летнее жильё курильских мужиков, но ныне оно пусто». «Нушьчючючь речка, на устье сей речки, на левой стороне, есть жильё новокрещена (курильца. — *Ред.*) Ивана Лолечи». «Чюичюмтит речка, на устье, на левой стороне, есть жильё курильского мужика новокрещена Якова Тимти, строения в нем 3 юрты, 6 балаганов» [225, л. 5 об., 6].

Учитывая эти данные, необходимо иметь в виду, что жители курильских поселений на Камчатке в случае необходимости покидали их и переселялись на острова. Миграция их усилилась с присоединением Камчатки, с введением ясачного обложения, христианизации. Во второй половине XVIII в. они окончательно ушли с Камчатки. Примерно с этого же времени прекращаются непосредственные их связи с ительменами.

Наблюдения О. Аргунова и А. Горланова свидетельствуют о значительных культурных заимствованиях курильцами от ительменов, что следует из специального их «Описания на первом острову живущих курилов, о их обычаях и поведении», составленного в том же 1741 г. То же находим у С. П. Крашенинникова об ительменах.

Подобно ительменам, камчатские курильцы полагали, что творцом жизни на земле был Кутха («Небо и землю, и море, всю видимую тварь сотворил Кутха. . .»). Как и ительмены, камчатские курильцы «теплых вод ни во что не употребляют (горячие источники. — *Ред.*) . . . к таким теплым водам или к горелым местам (вулканам. — *Ред.*) блиско ходить немалое опасение имеют» [там же, л. 20]. Точно так же курильцы усвоили ряд бытовых обычаев ительменов. Например: «Жупанов у них прежде сего не бывало, только кроме тех, которые приезжали с Лопатки и с Озера, и оных по

камчадальской обыкности в великой чести имели» [там же, л. 21], «женщины прежде сего волосы на многие косы расплетали, также и чужие волосы к своим приплетали, подобно как и у камчадалов» [там же, л. 22], «штаны и торбасы у мужчин и у женщин и все платье делается тем же образом, как на Лопатке живущих курилов» [там же, л. 23], «а при женитьбе никакого колыма не бывает, и кто вздумает жениться, то начинает у тестя работать и хватать, так, как в обыкновении камчадалов есть» [там же, л. 25].

Резюмируя свои наблюдения об элементах культуры, заимствованных курильцами от ительменов, авторы этого сочинения писали: «Чревоношение и родины, плодовитость, обрезание пупа. . . давание имен, грудное кормление, питание детей сперва кроме матерной груди, приключающие болезни. . . поступки с больными, плач над умершими и их погребение, и поминки годовые, и оставление жилищ говорят, что во всем одинакое на Лопатке с живущими курилами» [там же], т. е. с жителями первых от Камчатки двух островов. И наконец, замечание относительно языка: «Курильские мужики сначала жили на озере Иналотке с живущими курильцами, но языком разны были, а иные. . . молодые ребята, кроме стариков, курильского языка и не знают и говорят на Лопатке живущих камчадалов» [там же, л. 17].

Как видно, глубина ительменского влияния на курильцев, оказавшихся на Камчатке, была многосторонней и напоминает, скорее, ассимиляцию их ительменами. В конкретно-исторической обстановке развитие ительменско-курильских (айнских) отношений на Камчатке представляется вполне естественным. Количественно ительмены намного превосходили здесь айнов. Они были аборигенами, считали себя «хозяевами» этой территории. У них существовал уже сложившийся тип хозяйственной деятельности, определенный производственный и бытовой уклад в данных природных условиях, и поэтому айны были приспособляющейся стороной, что поддерживалось и закреплялось брачными связями. В

результате таких связей, как отмечал С. П. Крашенинников, «знатно от предков своих видом переменились: ибо дети, рожденные от родителей различных оных наций, и собою виднее, и волосом чернее, и телом мохнаты» [107, с. 166].

Ительменско-корякские связи

Соседство ительменов с коряками уходит своими истоками в глубину веков и характеризуется взаимовлиянием, которое содержит многообразные следы на всем комплексе культур этих этносов. Особенно заметно влияние корякского на диалекты ительменского языка не только в контактных зонах, что естественно, но и на язык в целом. Этнические связи коряков и ительменов обнаруживаются также в общем облике материальной культуры, в антропологических признаках, в мифах, в общих идеях религиозных представлений и т. п.

О раннем заселении предками ительменов и коряков Камчатского полуострова свидетельствуют археологи и антропологи теперь уже достаточно доказательно и убедительно.

С. И. Руденко считал, что «предки ительменов с севера заселили полуостров, до них, по-видимому, не обитаемый человеком» [167, с. 179]. Предположения подкрепляются находками Н. Н. Дикова верхне-палеолитических остатков культуры на берегах Ушковского озера, которые по ряду определяющих признаков (тип жилища, рыболовство как основной источник существования) относятся им к культуре предков ительменов.

О глубине взаимосвязи ительменов с коряками говорят и антропологические данные. В своих исследованиях на Камчатке Г. Ф. Дебец выделил особый тип арктической группы — «ительменский», который, как пишет он, следовало бы назвать «камчатским», так как он представлен и у коряков полуострова [68, с. 76]. Аргументируя свое заключение, он ссылается на следующее: ительменский, или камчатский,

тип «характеризуется исключительной шириной нижней челюсти при умеренной ширине лица в скуловых дугах. Наличие подобной комбинации этих признаков, являющейся исключительной в пределах всего земного шара, у двух соседних групп свидетельствует о тесном генетическом родстве ительменов с коряками Камчатки» [там же, с. 77]. Оставляя пока в стороне вопрос о генетическом родстве этих этносов, важно учесть вывод о глубоких и тесных связях ительменов с коряками Камчатки. К этим выводам Г. Ф. Дебец присоединился и подтвердил их антропологическую обоснованность и М. Г. Левин [110, с. 211—212].

Если существовало генетическое родство ительменов с коряками, то почему только с коряками Камчатки, а не вообще с коряками? По всей видимости, этот общий признак не был генетического происхождения, а явился результатом длительных тесных контактов, приобретением исторического взаимодействия, проявившимся и у камчатских коряков. Там же, где таких связей не существовало, данного уникального признака («камчатского типа») у северных оседлых коряков и коряков-оленоводов не возникло. Этот факт, несомненно, служит подтверждением глубоких взаимосвязей ительменов с оседлыми коряками Камчатки. Исторически сложившееся близкое территориальное соседство ительменов с коряками зафиксировано и в середине XVIII в. С. П. Крашенинниковым. Он отметил, что ительмены «в соседстве имеют с западу живущих на впадающих в Пенжинское море реках, сидячих коряк, а именно: на Оглукомине, Хариузовой и Тигиле. . .» [107, с. 698].

Особое место занимают данные С. П. Крашенинникова о состоянии языка, который был в употреблении на указанной территории. Ее население он называет «ительменским, но с корякской примесью», что прослеживал в языке [там же, с. 160]. Это положение полностью подтвердилось исследованиями В. Г. Богораза и С. Н. Стебницкого. Можно говорить с большой долей уверенности о том, что со-

седство и взаимодействие ительменов с коряками существовало с весьма давнего времени и породило имеющие-ся очевидные следы естественного процесса постепенной ассимиляции коряками ительменов, в том числе частично их языка. В этой связи необходимо отметить значительную общность содержания мифов и сказок ительменов с корякскими, особенно тех, в которых фигурирует Ворон (Кутх) — их культурный герой, творец, жизнеустроитель. Показательно также то, что многие герои ительменских сказок и мифов носят корякские имена — свидетельство заимствования этих сюжетов ительменами из корякского фольклорного багажа. Значительная культурная общность ительменов с оседлыми коряками западного побережья Камчатского полуострова наблюдается в орудиях и технике рыболовства, в быту, в обрядах и верованиях.

Переходя к рассмотрению конкретных примеров ительменско-корякских связей, нужно определить контактные зоны, что необходимо для уяснения географии распространения взаимовлияний этих этносов. Камчатский хребет разделяет полуостров на две половины — восточную и западную. На берегах рек (берущих начало в камчатских горах и впадающих либо в Берингово море, либо в Охотское) жили оседлые коряки, отличавшиеся друг от друга диалектами языка (западные — паланский, восточные — карагинский) и рядом культурных особенностей. Поэтому непосредственные связи с ительменами, притом обособленные, существовали у каждого из этих подразделений, что по-разному отразилось на характере взаимовлияний и их результатах.

Контакты и тесные связи ительменов с паланцами продолжают развиваться и в настоящее время, тогда как на восточном побережье связи ительменов с карагинцами практически прервались еще в XIX в. Особо следует отметить отношения ительменов с коряками-оленеводами, которые то усиливались, то ослабевали, преимущественно по западному побережью Камчатского полуострова, где по склонам

Камчатского хребта и примыкающим тундрам кочевали коряки-оленеводы. В основном отношения ительменов с ними носили экономический характер (обмен). Впрочем, в истории этих связей, как будет показано ниже, были случаи перехода оленеводов на вынужденную оседлость в окружении ительменов и последующее их постепенное растворение в ительменской среде.

Во времени присоединения Камчатки строгих границ между ительменами и коряками-паланцами не было. А. П. Горланов, изучавший географию западного побережья Камчатки, отметил в описании ряд ительменских островков, которые сравнительно недавно были обитаемы коряками: «Тахлаатунум на левом берегу Крутогоровой реки. . . Некоторые объявляют, что в сем острожке прежде сего живали коряки, которых камчадалы войной согонили» [226, л. 12—13].

И еще: «Тахилвахтаня — корякский старый острожек от Гохлина-речки в версте на левом берегу р. Белоголовой» [там же, л. 28].

Далее он записал: «На Хайрюзовой-реке мне объявили, где ныне камчадалы живут, жили коряки и построены были немалые острожки, то-чию те коряки камчадалами в осаде побиты. . .» [там же, л. 32 об.].

А на р. Аваче, в острожке Коряки, в 40-х гг. XVIII в. среди его обитателей были и коряки, и ительмены. «Жития во оном острожке, — по данным А. П. Горланова, — 5 юрт, 42 балагана, жителей 5 коряк, 15 камчадалов» [там же, л. 55 об.—56]. Однако судьба этих коряков была предрешена. В начале XIX в. их уже в этом селении не было. «Корякский острожек, или просто Коряки, — отмечал В. М. Головин, — некогда был обитаем коряками, которые все переселились или перемешались с камчадалами» [62, с. 22].

Из этих сообщений следует, что коряки к югу от Тигиля жили в острожках, далеко отстоящих друг от друга, в сплошном ительменском окружении. Правда, имеется значительно больше следов пребывания здесь коряков, если учитывать топонимику

этих мест. Так, один из притоков р. Хайрюзовой в XVII в. назывался по-корякски *Кэлилевут* (Пестрая голова), который брал свое начало из хребта, называвшегося также по-корякски *Авкувывыл'ан* (Большие утесные камни), р. Ковран (Поворот).

Появление коряков-оленоводов в южной части западного побережья Камчатки относится к сравнительно недавнему времени и должно рассматриваться как вынужденное. Очень скоро они лишились здесь своих оленей, и поэтому многим из них пришлось принять образ жизни ительменов, т. е. перейти к оседлости и рыболовству. Как отметил С. П. Крашенинников, коряки на р. Аваче «были прежде оленные, но по отогнанию оленей их неприятельны учинились сидячими, а поселились на объявленном месте», проявив большую этническую стойкость: «...не потеряли они ни обрядов своих, ни чистоты языка по сне время» [107, с. 122].

Этнический стоицизм коряков на Аваче спас их. Вероятнее всего, что они погибли позднее во время эпидемии оспы 1768—1769 гг., а не просто «перемешались с камчадалами», как полагал В. М. Головин. О проникновении коряков-оленоводов далеко на юг полуострова сообщал в 1743 г. А. П. Горланов. «Уведомился я, что они прежде сего жили около Лопатки. . . , но в результате гололеда много оленей погибло, а с оставшимися коряки откочевали к Тигилю-реке» [226, л. 149 об.].

Вполне допустимо, что одной из главных причин перехода здесь к оседлости части коряков была гибель их оленей. Находясь в окружении ительменов, они постепенно растворились среди них. Так, видимо, исчезли к началу XVIII в. оседлые коряки на реках Хайрюзовой, Крутогоровой, Белоголовой и в других местах.

Отношения между коряками и ительменами иногда носили далеко не идиллический характер. Коряки с боями проникали на территорию ительменов, что также получило живое отражение в народной памяти ительменов. Житель Облуковинского острож-

ка ительмен Корынча объявил, что «коряки из своих жилищ, собравшись человек по 100—150, хаживали по берегу Пенжинского моря на живущих камчадалов даже до Курильской Лопатки» [там же, л. 15].

О столкновениях с коряками, как недавней истории, вспоминали ительмены и в других южных острожках. Об этом говорили жители острожка Куатымну, расположенного на правом берегу р. Крутогоровой. Обобщая устные известия ительменов, С. П. Крашенинников справедливо полагал, что зачинщиками столкновений с ними были оленные коряки, двигавшиеся от Тигиля на юг вплоть до Большой реки [107, с. 405].

Отголоски прошлых отношений с коряками были еще в памяти ительменов в начале нашего века. В. Н. Тюшов записал у ительменов на р. Иче историческое предание о нападении на них паланских коряков [199, с. 274—275].

Ительменско-корякские связи наиболее тесными были на местах сопредельного расселения, на реках Оmaniной, Напане и по Тигилю. Именно здесь шло активное взаимодействие этих этносов. Здесь сформировались те общие элементы культуры и языка, которые так подробно и обстоятельно изложены исследователями XVIII в. Этот район был местом наиболее интенсивного смешения ительменов с коряками. Отсюда распространялись ительменские элементы культуры и языка, к корякам на север и от коряков — к южным ительменам. Об интенсивности и продолжительности контактов ительменов с коряками свидетельствуют исследования антропологов. «Камчатский компонент, — писал М. Г. Левин, — еще сильнее, чем у чукчей, выступает в составе коряков» [110, с. 207].

Глубина взаимосвязи коряков-паланцев с ительменами прослеживается и на материальной культуре. С. П. Крашенинников отметил, что излишне писать подробно об оседлых коряках и курильцах, ибо «род жития их весьма сходствует с камчадалами». «Сидячие (коряки. — *Ред.*) живут в зем-

ляных юртах, — писал он, развивая свою мысль дальше, — как камчадалы, с которыми и больше житием и обрядами сходствуют, нежели с кочевными коряками» [107, с. 448]. И действительно, устройство зимних жилищ, хозяйственных построек (балаганов), средств передвижения по рекам (батов), орудий рыболовства, способов и приемов добычи рыбы, приготовления рыбных запасов, одежды и обуви и многое другое — все это имело настолько общие черты, настолько схожие формы даже в деталях, что говорить об особенностях названных видов материальной культуры у этих народностей не было особых оснований.

Значительная общность ительменов с оседлыми коряками обнаруживалась и в духовной культуре, в обычаях. Как отмечал С. П. Крашенинников, «сидячие празднуют в одно время с камчадалами...» [там же, с. 456].

Если обратиться к деталям некоторых праздников, к атрибутам их, то увидим, что в этой части у сопредельных коряков обнаруживается почти полная идентичность с ительменами. Свадебные обычаи и обряды «их покамчатски справляются, и жен берут больше из своего роду» [там же, с. 732].

Резюмируя сопоставление культуры оседлых коряков западного побережья Камчатки с культурой ительменов, С. П. Крашенинников выделяет следующие отличия: «Сидячие коряки ничем от камчадалов не разнятся, кроме того, что шаманов имеют с бубнами, что женщины их лица вышивают, что собак врагам в жертву приносят, напоследок что к строению островков избирают такие места, к которым бы трудный приступ был...» [там же, с. 734].

Наряду с отличиями в языке у ительменов и коряков были и общие черты, выработавшиеся в результате длительных и близких связей и взаимовлияния. Особенно в этом отношении оказались податливыми ительмены.

Связи ительменов с коряками продолжали развиваться в XIX и XX вв. «По Тигилю и ее притокам, — от-

мечал В. Н. Тюшов, — в первой половине прошлого столетия имели свои юртовища коряки, но не камчадалы... Может быть, и напанцы, и седанкинцы (ешхлеенцы Крашенинникова), и аманинцы — окамчадалившиеся в течение столетия сидячие коряки. Это же указание может до некоторой степени служить объяснением значительно большего распространения на юг корякских названий, чем идет их кочевание туда в настоящее время» [199, с. 451].

В. И. Иохельсон считал, что седанкинское наречие ительменского языка является переходным к корякскому языку. Занимаясь этнографией ительменов, он обратил внимание на нивелировку ительменской и корякской культур в местах тесного соприкосновения этих народностей: «В северной Камчатке селения приморских коряков приходили в прямое прикосновение с камчадалскими, и трудно даже провести между ними этнографическую границу. Браки между представителями обеих народностей были обычным явлением, и весь пограничный район был заселен смешанным населением» [213, с. 810]. С. Н. Стебницкий вообще считал, «что культура современных нам ительменов (40-е гг. нашего века) не имеет никаких отличий от культуры юго-западных приморских коряков (коряков-паланцев)» [227, л. 10].

Так шло развитие ительменско-корякских связей и их результатов на западном побережье Камчатки, в которые были вовлечены не только оседлые, но и кочевые коряки.

На северо-востоке Камчатского полуострова ительмены занимали берега р. Камчатки от истоков до устья. В нижнем течении р. Камчатки, по ее левому притоку, р. Еловке, они приближались к корякам-карагинцам (укинцам). По этой реке проходил путь, связывавший долину р. Камчатки с северо-восточным побережьем Камчатского полуострова — коряков с ительменами.

При изучении вопроса о том, как складывались и развивались отношения между ительменами р. Камчатки

с коряками-карагинцами, мы наталкиваемся на определенные трудности. У нас нет почти никаких документальных данных об их связях и отношениях хотя бы от XVIII в. Имеются только сведения, которые можно извлечь из конечных результатов и тех следов влияния, которые усматриваются в быту, культуре и языке коряков-карагинцев. В чем конкретно выразилось обратное влияние коряков на ительменов этой части полуострова, сказать можно очень немногое. Ближайшие к карагинцам ительмены во второй половине XIX в. утратили основные черты своего прежнего быта и культуры, а также и языка. Причин этому было довольно много. На восточном побережье Камчатки, как и на западном, взаимодействие ительменов с коряками началось давно. Поэтому и здесь обнаруживаются глубокие следы влияния ительменской культуры и языка на коряков, однако менее значительные, чем корякского на ительменов западного побережья Камчатки. Можно прямо утверждать, что образование коряков-карагинцев явилось результатом тесных связей между коряками-алюторцами и ительменами. Об этом убедительно писал С. Н. Стебницкий [197, с. 129—170].

Особого внимания заслуживают жители о. Карагинского, как пример формирования смешанного ительменско-корякского населения на восточном побережье Камчатки. Исходя из языковых материалов С. П. Крашенинникова, тщательно изученных С. Н. Стебницким [там же], оказывается, что в основе населения о. Карагинского были ительмены. В ведомости «О нравах живущих в Якутском уезде народов», составленной в 1770 г. о жителях Карагинского острова, сообщалось: «Нижнекамчатского острова на острове Карагинском карагинцев, кои в давних летах были те же камчадалы и отошли на морской остров... Их 111 человек... жительствуют так же, как камчадалы... язык их от камчадальского и алюторского особливый» [205, с. 66].

Данные начала XIX в. уже не содержат сведений о жителях о. Кара-

гинского. Экспедиция Ф. П. Литке в 1828 г. не обнаружила людей на острове, они видели только развалины жилищ [114, с. 193—194]. Причины, в результате которых остров оказался необитаемым, не совсем ясны. Известно лишь, что в 1777 г. по распоряжению начальника Камчатки Бема жители острова были переселены в алюторские острожки, опустевшие после эпидемии оспы. В 1776 г. на острове было 40 ясачных плательщиков. Впоследствии они, видимо, слились с алюторцами.

С. П. Крашенинников, разбирая вопрос об этнической принадлежности жителей о. Карагинского, писал: «На помянутом острове живут коряки ж, которых, однако, прочие за свой род не признают, но называют их Хамшарен, то есть собачьим отродьем...» [107, с. 136].

С. П. Стебницкий, подробно исследовав записи слов обитателей острова, сделанные Крашенинниковым, установил, что из 177 слов 104 ительменские и лишь 73 имеют общий корень с корякскими [197, с. 159]. Он же пришел к доказательному заключению, что наличие фонемы «Ф» в карагинском диалекте — результат ительменского влияния; ни в одном из других диалектов корякского языка этой фонемы нет. К этому следует добавить наличие ряда личных имен, которые сами карагинцы называют ительменскими: Наса, Ляххи, Томо, Тунню, Сэвви (для мужчин) и Сикле, Малля, Типку и другие (для женщин).

Влияние ительменской культуры глубоко проникло и в систему религиозных представлений коряков восточного побережья Камчатского полуострова. К числу таких заимствований следует отнести ряд характерных особенностей осеннего благодарственного праздника, называемого коряками *хололо*. В этом празднике синтезированы и корякские, и ительменские элементы общей идеи благодарственных обрядов и церемоний, адресованных природе за удачные летние промыслы (охота, рыболовство, собирательство). Эти обряды и церемонии по форме и по содержанию у коряков

этого региона совпадают с ительменскими. К таким общим ительменско-корякским атрибутам праздника относятся *эффэв'* — деревянные наконечникообразные фигурки, связанные с почитанием грома и молнии, с представлением, что эти природные явления дают обсидиан для изготовления орудий. С. П. Крашенинников оставил три описания осеннего праздника ительменов, которые он наблюдал на западном побережье и в долине р. Камчатки [107, с. 414—427].

Г. В. Стеллер также отметил у ительменов западного побережья полуострова ряд элементов праздника, которые встречаются у коряков: обряд перетягивания березового прута, с обязательной победой той стороны, которая находилась внутри юрты. У них был также идол — «бог грома», его «кормили», а затем сжигали, как *эффэв'* [215, с. 408—409].

Итак, в этнической истории коряков восточного побережья Камчатки ительмены оставили многообразные, хорошо прослеживаемые следы своего влияния, которое корое прочно укрепилось в традициях коряков и по настоящее время воспринимается как свое, корякское [52, с. 36—49].

Ительменско-русские связи

Ительменско-русские отношения, начало которым было положено в конце XVII в. включением Камчатского полуострова в состав Русского государства, явились для ительменов крутым поворотом в их этническом и историческо-культурном развитии. Этим актом были прерваны застойный характер состояния производительных сил и производственных отношений ительменов, их изоляции от непосредственных связей с цивилизованным миром того времени. Трудно и сложно, в особенности на первых порах, протекало формирование отношений ительменов с русскими. Ходом предыдущей истории они не были подготовлены к усвоению социальной системы, которую им

навязывало сначала феодально-крепостническое, а затем буржуазно-помещичье государство. До прихода русских они не знали государственной власти, не имели представления о выплате ясака, о несении разных повинностей, трудовых обязанностей для обслуживания пришельцев. В то же время они узнали о существовании широкого применения металлических орудий труда, огнестрельного оружия, письменности, книг, иных социально-бытовых условий жизни, других более удобных форм жилища, одежды, не известных ранее видов пищи и т. п.

В истории ительменско-русских отношений и их последствий было несколько периодов, характерные признаки которых определялись политической самодержавия, ее зачастую уродливыми проявлениями. Вместе с тем шло постепенное нарастание влияния на ительменов культуры сибирского казачества, русского трудового населения, крестьян-переселенцев, принесших трудовые навыки земледелия, скотоводства, огородничества и связанных с ними видов производственной деятельности, новый быт. Определенную роль в сближении ительменов и русских сыграли христианизация и духовенство, способствовавшие возникновению школ на Камчатке, распространению русского языка. При всем несовершенстве школ, односторонней их направленности и т. п. они принесли определенную пользу коренному населению [32, с. 177—194], дети которого овладевали началами грамоты, а потом находили применение в деловой жизни Камчатки. Так, например, в 1754 г. Большерецкая канцелярия взяла из школ на службу 17 учеников [40, с. 62].

С начала XVIII в. на Камчатке действовали купцы и их приказчики. Несмотря на предпринятую ими с большим размахом торговую эксплуатацию, закабаление населения, и в их деятельности были заложены косвенные элементы, способствовавшие приобщению ительменов и к русской культуре, и к повышению общего уровня развития производительных сил край-

него Северо-Востока, условий жизни его аборигенов.

Значительную роль в сближении ительменов с русскими играли промышленные компании, осваивавшие Алеутские острова. На р. Камчатке было основано судостроение для морских плаваний. К нему привлекались и ительмены. Кажется, не было ни одного плавания промышленников от берегов Камчатки, в которых не принимали бы участия ительмены и как матросы, и как промышленники, «рабочие люди» [140, с. 164—165]. Таким образом, каналы, по которым шло схождение ительменско-русских связей, были глубокими и многообразными, что и привело уже в XVIII в. к заметным радикальным изменениям культуры ительменов, их сближению с русским трудовым населением, слиянию с ним и образованию на Камчатке особого населения — камчадалов — результат этнической метисации ительменов с русскими, с потомками первых смешанных браков. На этой основе сформировалось особое наречие русского языка Камчатки, прослеживающееся и в настоящее время.

В развитии ительменско-русских отношений неверно акцентировать внимание только на отрицательных сторонах или только искать одни положительные факторы в жизни ительменов с присоединением Камчатки. Это был противоречивый процесс, свойственный эпохе присоединения и освоения русским государством новых территорий с их аборигенами. Этот период порой сопровождался драматическими последствиями и в то же время существенными приобретениями ительменов в материальной и духовной культуре, в создании у них более прочных основ жизнеобеспечения.

С основанием Верхнекамчатского (1698), затем в 1703 г. Нижнекамчатского и Большерецкого русских острогов, начали формироваться постоянные русские поселения на Камчатке. Казаки и другие жители края обязаны были служить определенное время и без ведома якутского воеводства не имели права покидать Камчатку. Якутскому воеводству всегда не хватало

людей, которые бы несли «государеву» службу. Поэтому смена гарнизонов камчатских острогов практически не производилась. В 1707 г. последовал указ, закреплявший казаков на постоянную службу, безвыездно в Камчатских острогах. Вследствие этих обстоятельств казаки прочно оседали на Камчатке, обзаводились семьями, вступая в брак с ительменками, которых предварительно крестили. Дети их (мальчики) уже автоматически включались в казачье сословие и с наступлением совершеннолетия начинали нести казачью службу. На Камчатку положенные казакам продукты питания завозились нерегулярно, поэтому казаки приспособивались обеспечивать себя и свои семьи всем необходимым по ительменскому образцу, т. е. заниматься промыслами подобно аборигенам, нередко — теми же самыми орудиями труда, с ительменской технологией заготовки продуктов впрок.

На протяжении XVIII в. складывалась особая этническая среда, шло нарастание численности русских на Камчатке и в то же время увеличивалось смешанное ительменско-русское население. В 1713 г. казаков было уже 198 человек, а с женами и детьми, можно полагать, не менее 300 человек. В 1741 г. в гарнизонах Камчатки уже было 244 казака, а вместе с семьями — около 500 человек, преимущественно метисированного населения [107, с. 501—504]. С середины XVIII в. началось переселение на Камчатку сибирских крестьян. И в 1762 г., как сообщал А. С. Сгибнев, на Камчатке уже насчитывалось 1618 русских, в том числе женщин и детей. При этом дети казаков назывались русскими. По мнению того же автора, в 1774 г. одних служилых было 429 человек, а всего смешанного населения русско-ительменского происхождения около 1700 человек [178, с. 15, 82]. Эта тенденция постепенного нарастания притока русских на Камчатку, а одновременно и численности метисов по происхождению, т. е. камчадалов, продолжалась и в XIX в. Перепись 1897 г. зарегистрировала 2584 человека русских обою пола [149, с. 9, 12].

Вместе с притоком русских шло изменение их социального состава. Так, в 1861 г., по отчету военного губернатора Приморской области, на Камчатке было: дворян — 35, духовенства — 183, потомственных почетных граждан — 5, купцов — 89, мещан — 121, государственных крестьян — 1226, регулярных войск — 70, казаков — 235, солдатских и казачьих жен и детей — 330, кантонистов * — 28 [140, с. 40].

В конце XIX в. на Камчатке возникло промышленное рыболовство, с его развитием росла численность постоянных и временных русских рабочих на Камчатке.

В 1912 г. правительство разрешило «вольное заселение» Камчатки, что привело к заметному притоку переселенцев-крестьян. В начале XX в. они составляли уже 85 % русского населения на полуострове. В 1912 г. из 77 оседлых населенных пунктов на Камчатке 30 были русскими, в том числе 19 крестьянских: Верхнекамчатск, Мильково, Ключи, Кресты, Нижнекамчатск, Микижи, Паратунка, Авача, Хутор, Завойко, Хайкова падь, Озерная, Калахтырка, Тихая, Перфильевка, Опала, Жупаново, Николаевка, Гондатьевка [там же, с. 41—47].

Наиболее быстрыми темпами формировалось культурно-бытовое и языковое сближение в поселениях смешанного типа, в которых жили представители русского и коренного населения. Такие поселения возникали еще в XVIII в. В конце XIX в. из 63 селений на Камчатке со смешанным ительменско-русским населением было 33. Такой процесс территориального сближения народов В. И. Ленин рассматривал как прогрессивное явление, обусловленное социально-экономическим развитием страны: «Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная замкнутость должны отпасть» [2, с. 295].

Начавшиеся в конце XVII в. брачные связи ительменок с казаками и крестьянами развивались и расширялись все больше и в последующее время, что сказалось на антропологическом облике ительменов и старожильческого русского населения полуострова. Это обстоятельство также поддерживало ускорение их культурно-экономического и общего сближения, способствовало стиранию национальных особенностей. Антропологические исследования Г. Ф. Дебеца на Камчатке в 1947 г. показали, что наличие русской примеси у ительменов и, наоборот, ительменской у русского населения Камчатки «с антропологической точки зрения не вызывает никаких сомнений» [68, с. 116].

Реальное выражение взаимодействия культуры русского и коренного населения Камчатки проявилось почти во всех областях материального производства полуострова. При этом шло формирование по существу синкретической культуры на базе традиционных промыслов и производственных занятий, а также новых видов хозяйственной деятельности, принесенных на Камчатку крестьянами.

«Казачье житие на Камчатке, — писал С. П. Крашенинников, — не разнится почти от камчадальского, ибо как те, так и другие питаются кореньем и рыбою и в тех же трудах упражняются. летом промышляют рыбу и запасают в зиму, осенью копают коренье...» [107, с. 505]. Не только казаки, но и крестьяне, не добившись удовлетворительных результатов в хлебопашестве, перестраивались на ительменский образ жизнеобеспечения, т. е. переходили к рыболовству, пушному промыслу, сбору дикорастущих трав. Наряду с рыболовством широкое распространение получило среди русских и упряжное собаководство. Русские постройки в деревнях Камчатки (избы, амбары) дополнялись ительменскими свайными постройками (балаганами) — сооружениями, хорошо приспособленными

* Кантонисты — солдатские сыновья, приписанные со дня рождения к военному ведомству

для хранения зимой вяленой рыбы, продуктов собирательства, летом — предметов зимнего использования (зимняя одежда, собачья упряжь и т. п.).

Взаимовлияние культур разных народов явилось весьма благотворным в жизни коренных обитателей Камчатки и переселенцев. К. Дитмар, проехав по р. Камчатке, писал: «Благодаря самому тесному общению в течение десятков лет со своими соседями и частым смешанным бракам русские успели столько же заимствовать от камчадалов, сколько передать им свои особенности. . .» [79, с. 159]. То же отметил позднее главный статистик России конца XIX—начала XX в. С. К. Патканов: «Камчадалы и русские, отчасти перемешавшись между собою. . . выработали совместно. . . хорошо приспособленную к местным условиям культуру, которая занимает нечто среднее между прежней камчадальской и русской крестьянской культурой» [148, с. 159].

Приспосабливаясь к жизни на Камчатке, переселенцы не забывали и свои традиционные занятия: огородничество, скотоводство. Для обеспечения себя сетевыми материалами сеяли коноплю, которая давала материал более прочный, чем крапива. Волокнами крапивы пользовались ительмены и на первых порах русские. Однако уже в середине XIX в., как сообщал начальник Камчатки Машихин, «конопли разводятся. . . и в камчадальских селениях по р. Камчатке» [140, с. 81]. Местные жители заимствовали от русских не только материал для сетей, но и некоторые виды орудий рыболовства, способы сохранения добытой рыбы впрок путем ее засолки в бочках, что прежде ительменам не было известно.

Большое значение для экономики ительменов имело развитие огородничества, которое распространялось среди всех аборигенов особенно быстро в XIX в. Наиболее успешно развивалось картофелеводство, получившее широкое признание среди ительменов. Этому немало способствовали энергичные меры, предпринимавшиеся адми-

нистраторами Камчатки. Они обязывали все население заниматься огородничеством. По их инициативе в 1823 г. в земледельческую школу в Москве были направлены два ительменских подростка — Ефим Лазарев и Егор Черных, которые, успешно закончив обучение, возвратились на родину в качестве первых ительменов-агрономов.

Немало содействовал распространению огородничества П. Ф. Кузьмищев, назначенный в 1825 г. помощником начальника Камчатки, а с 1830 г. — комендантом Тигильской крепости. П. Ф. Кузьмищев неустанно советовал жителям: «Разводите прежде всего в Камчатке картофель, чтобы в случае неулова рыбы можно было пропитаться им». В результате именно благодаря П. Ф. Кузьмищеву появилось 28 огородов с посевами картофеля [40, с. 8].

В середине XIX в. военный губернатор Камчатки В. С. Завойко старался приохотить ительменов не только к огородничеству, но и к хлебопашеству. Помимо чисто административных мер, он практиковал осенние выставки огородных культур, премировал представивших лучшие образцы со своих огородов.

Эти и другие меры, предпринимавшиеся администрацией Камчатки, а в большей мере наглядные успехи в огородничестве русских поселенцев служили добрым примером для ительменов. Однако не сразу и не во всех местах расселения аборигенов в равной мере успешно прививалось огородничество. Замедленное шло развитие огородничества в ительменских селениях, не связанных непосредственно с русскими переселенцами. А там, где ительмены соседствовали с крестьянами, приобщение их к этому новому для них виду хозяйственной деятельности распространялось быстрее. Так было в долине р. Камчатки. По словам А. С. Сгибнева, в последней четверти XVIII в. в каждом селении долины р. Камчатки были заведены огороды [179, с. 13].

Не менее важное значение для экономической устойчивости хозяйства

аборигенов Камчатки имело распространение животноводства — разведение крупного рогатого скота, лошадей. Начало этому было положено в первой половине XVIII в. В 1781 г. на Камчатке уже было 138 лошадей и 272 головы крупного рогатого скота. А в середине XIX в. в Камчатском округе насчитывалось 368 лошадей и 1696 голов крупного рогатого скота [40, с. 25]. К 1913 г. скотоводство практиковалось во всех русских, камчадалских и ительменских селениях полуострова [140, с. 157].

Сближению ительменов с русскими способствовало участие тех и других в промысловых экспедициях XVIII в на Алеутские острова. В 1752 г. на судне «Иеремея» было 14 русских и 20 ительменов (камчадалов), в 1760—1764 гг. на судне «Адриан и Наталья», принадлежавшем Адриану Толстым, было 32 русских и 22 камчадала [36, с. 287—288]. Одну из промысловых экспедиций купца Трапезникова обслуживало 10 русских рабочих и 21 ительмен. В экспедиции 1758 г. купца Никифорова служили 13 русских и 33 ительмена. У купца Бечевина было 42 русских рабочих и 20 ительменов. У известного купца Адриана Толстых (уже упоминавшегося) в одной из экспедиций работало 49 русских и 12 ительменов. В экспедиции купца Уледникова 1764 г. участвовало 55 рабочих, «в том числе камчадалов было 13 человек». В 1766 г. купец Красильников взял в экспедицию «для лова всякого рода морских и земных зверей» русских работных людей — 31, ительменов — 13 и т. д. [140, с. 164]

При таком тесном совместном участии в трудах и заботах создавалась общность положения «работных людей», поддерживаемая общими интересами промыслов, борьбой за жизнь в сложных и тяжелых условиях длительных морских плаваний. Проходили годы жизни на островах Алеутской гряды. Люди вместе переносили все тяготы, порождаемые промыслами, неустроенным бытом, цингой, болез-

нями. При этом исчезала этническая обособленность, складывалась единая русско-ительменская социальная и духовная среда.

Под воздействием русских шло формирование местной интеллигенции. Многие из ительменов и камчадалов становились на первых порах учителями-самоучками. Такими были ительмены К. Антонов, А. М. Данилов и др. В 1912 г. в Петропавловске-Камчатском были открыты педагогические двухгодичные курсы при городском училище с целью подготовки учителей из местных жителей для начальных школ области [135, с. 19].

Из вышесказанного следует, что арена взаимодействий ительменов и русских была весьма широкой и многообразной. На этом длинном историческом пути менялись отношения между аборигенами и пришельцами, сглаживались этнические, социальные, бытовые и языковые различия, формировалось духовное единство. Создавалось сознание общности, единства обитателей Камчатки, их принадлежности к одной религии, к одному государству, отчетливо проявившееся в 1854 г. во время англо-французской осады Петропавловска, когда русские, ительмены и камчадалы героически отстаивали город от интервентов [176]. Не менее горячо и решительно проявился патриотизм всех аборигенов Камчатки во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Тогда снова объединились силы жителей Камчатки, чтобы изгнать с этой земли японских захватчиков. При этом был проявлен беспримерный героизм аборигенов [140, с. 117].

В Советское время процессы сближения русских и ительменов развиваются на иных экономических и социально-политических основах, нежели в дооктябрьский период. Ительмены и камчадалы наделены, как и все другие народы и народности СССР, равными правами и обязанностями и составляют часть социалистической общности.

Традиционные занятия: рыболовство, морской зверобойный и охотничий промыслы, собирательство

Для ительменов, как и для многих малых народностей Севера, была характерна комплексность хозяйства, что обуславливалось низким уровнем развития производительных сил, сезонностью занятий и суровыми природными условиями. Ни одна из отраслей не была в состоянии полностью обеспечить их жизненные потребности. Но комплексный характер хозяйства не означал равномерности в развитии отдельных его отраслей. Одна из них была определяющей. Это — **рыболовство**.

По производственной деятельности ительменов XVIII—начала XX в. относят к особому хозяйственно-культурному комплексу оседлых рыбаков. Об этом красноречиво свидетельствуют данные Приполярной переписи 1926—1927 гг. [39, с. 40—41], по которым видно, что из общего числа хозяйств (603) 54 значатся охотничьими, 422 рыболовецкими, 24 сельскохозяйственными, 5 зверобойного промысла и 98 прочих.

Основными объектами лова являлись рыбы лососевых пород, рунный ход которых начинался со второй половины июня и длился до конца сентября—начала октября. Как отмечал С. П. Крашенинников, больше всего ловили кету, на корм собакам — горбушу, в меньшей степени — кижуча, чавычу, гольца [107, с. 303—305]. То же самое подтверждается данными Е. П. Орловой. В 1926 г. в поселках, где жили ительмены, за сезон было выловлено: кеты и красной рыбы (нер-

ки) — 43.5 %, горбуши — 42, кижуча — 7.5, гольца — 6.4, чавычи — 0.6 % [143, с. 73].

Для рыболовного сезона был характерен следующий календарь: первым в году вылавливали гольца, когда в апреле—мае очищались верховья рек ото льда; в июне — корюшку, которая заходила в реки; в июне—июле заготавливали чавычу; в июле начинался массовый лов горбуши, а самые важные промысловые рыбы — кета и кижуч — вылавливались в августе—сентябре; поздней осенью, в октябре—ноябре, ительмены вновь заготавливали гольца. В некоторых местах, особенно у морского побережья, не исключался и зимний подледный лов.

Основными орудиями промысла были запоры, сети, невода. Незначительное количество рыбы били острогой. В начале сезона, когда в реках еще стояла большая вода, ительмены ловили рыбу сетями, изготовленными из крапивных нитей, привозной пряжи. С распространением последнего материала стали вязать не только сети, но и невода.

В процессе изготовления сетей существовало половозрастное разделение труда. Заготовкой и обработкой крапивы, скручиванием из ее волокон нитей занимались женщины [190, с. 182—183], а сети вязали пожилые мужчины. Инструментами при этом служили игла, мерка и вешалка, к которой прикрепляли сеть. Размеры иглы и мерки зависели от того, для какого вида рыбы изготовлялась сеть.

Поплавки делали из дерева, а грузила — из камней

Как указывалось выше, в начале лета ительмены ловили рыбу сетями. Первой вылавливали чавычу. В Н. Тюшов так описал процесс лова: «В июне месяце они по ночам промышляют рыбу—чавычу, которая первая поднимается из моря в вершины рек для метания икры. Ловят сетями, или, как они говорят, ловят рыбу, обыкновенно соединяясь в партии по четыре человека на два бата, и за одну ночь добывают (уплавляют) до 20—30 штук» [199, с. 9]. Такой способ промысла сохранялся до недавнего времени.

Однако большую часть заготавливаемой рыбы вылавливали запорами. Их устанавливали почти на каждой реке после спада большой воды и использовали с конца мая до поздней осени. Подготовка частей запора, их ремонт начинался обычно с апреля.

Ительмены строили несколько видов запоров [194, с. 75—80], которые отличались принципом действия, типом ловушки и объектом лова. Пользовались ими коллективно.

Обычно в мелководье река пере-

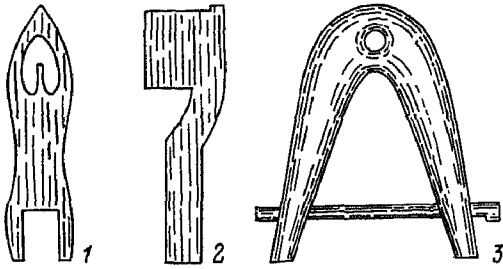
крывалась изгородью, и от количества участников, строящих запор, зависело число устанавливаемых в центре ловушек. В запоре *тк'апэс* рыба, идущая против течения, попадала в ловушку через оставленную щель, в запоре *к'энс* сгонялась по течению неводом, а запор *мероз* предназначался для ловли корюшки и гольцов.

В Л. Комаровым в начале XX в. был встречен несколько модернизированный тип запора, который бывал только среди камчадалов и ставился на небольших реках. «Это — ящик во всю ширину реки, — писал он, — передняя и задняя стенки его закрыты решетками из прутьев, привязанными к поперечным брускам, а по бокам устроено два помоста и около них паевые ящики. Рыба идет по дну и, если нижняя решетка запора приподнята, подлезает под нее. Очутившись в запоре, рыба останавливается, и когда ее накопится много, то ловцы становятся на боковых площадках и крючками таскают рыбу из воды, бросая на помост, где ее глушат и распределяют по паевым ящикам» [109, с. 416].

Большую часть пойманной рыбы

Строенные бата-паром для перевозки грузов, р. Ковран, 1911 г. (по В. И. Иохельсону)

Инструменты для вязания сетей: 1 — игла; 2 — мерка; 3 — вешалка-крючок

вялили и квасили, частично поедали свежей, а от русских научились солить (табл. 1).

Итак, разнообразие основных орудий лова, сохранившихся в конце XIX—начале XX в., и количество выловленной рыбы подтверждают большую значимость рыболовства в жизни ительменов.

Немаловажную роль в хозяйстве народности играли морской зверобойный и охотничий промыслы. Их основными объектами были: различные виды тюленей, мясной и пушной зверь (медведь, дикий баран, россомаха, лисица, соболь и т. д.), многие породы гусей и уток, лебеди и др.

Главными орудиями промысла бы-

ли лук и стрелы, ловушки, сети, петли, просто палки, а с приходом русских широкое распространение на охоте получило огнестрельное оружие.

Т. М. Дикова на основе анализа материалов археологических раскопок полагает, что культура морского зверобойного промысла ительменами была заимствована от айнов [76, с. 167], с чем трудно согласиться. Так, приемы охоты и орудия промысла ительменов восточного побережья полуострова аналогичны с алеутскими [53, с. 46—47], что свидетельствует о более древних связях, чем с айнами. Кроме того, при раскопках стоянок Тарьи, Жупанова, Копыто-II и др. были обнаружены поворотные гарпуны и кости лаптовых, относимых «к начальному этапу заселения Восточной Камчатки» [151, с. 174—184].

Без продуктов морского зверобойного промысла не обходилась ни одна семья. Еще С. П. Крашенинников заметил, что «тюлени на Камчатке не столько дороги, сколько нужны к употреблению по обстоятельствам тамошнего места» [107, с. 272], а В. Н. Тюшов в конце XIX в. писал: «... бытовые и экономические условия жизни инородца сложились таким образом, что ни одно хозяйство, каково бы оно ни было, не может обойтись без шкур и ремней» [199, с. 411].

Таблица 1

Данные о заготовке рыбы в 1890 г. (в штуках) *

Села и их потребители	Вид продукции			
	соленая	вяленая	квашеная	свежая
Седанка (92 жителя и 75 собак)	890	3400	2530	Нет данных
Напана (53 жителя и 63 собаки)	530	5900	4500	7700 гол.
Утхолок (70 жителей и 60 собак)	330	4800	2750	1000
Ковран (101 житель и 83 собаки)	100	4400	3970	Нет данных
Хайрюзово (225 жителей и 227 собак)	1800	14500	17700	8640
Белоголовое (48 жителей и 58 собак)	450	4500	7500	215
Морошечное (115 жителей и 86 собак)	470	3350	3500	
Сопочное (81 житель и 56 собак)	200	6000	8000	

Приведено по: ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1530, оп. 2, д. 7, л. 119—144.

В XVIII в. ительмены, населяющие южную часть Камчатского полуострова, охотились на китов отравленными стрелами [107, с. 291], а остальные китобойного промысла вообще не знали и использовали лишь выброшенные во время шторма туши. При нахождении такого кита обычно оповещались жители всех соседних поселений. Каждый из них имел возможность заготовить мясо и жиром. По сообщению А. П. Горланова, одного из участников Второй Камчатской экспедиции, ительмены юга восточного побережья охотились на байдарках со спицами за морскими котами и бобрами.

Так, обитатели губы Аул «никаких морских зверей, кроме котов, не промысляют, промысляют только летом» [52, с. 141]. Для жителей же западного побережья Камчатки, где в устьях рек были прекрасные многочисленные лежбища, основными промысловыми морскими животными были тюлени и лахтаки. На них охотились как в XVIII в., так и в 30—50-е гг. XX в. До сих пор сохранилась богатая национальная терминология в названиях морских животных, особенно среди южной группы ительменов [192, с. 147].

С. П. Крашенинников дал подробное описание многообразных способов охоты на тюленя: «... 1) в реках и озерах стреляют из винтовок, причем должно смотреть, чтоб попасть в их голову...; 2) ищут их по берегам морским и по островам сонных и бьют палками; ...3) камчадалы бьют их носками ж, подкравшись из-под ветру в тюленьей коже; колют же их и плавающих близко берега; ...4) около реки Камчатки... ловят их тамошние жители особливим и искусным образом: собравшись человек до 50 или более и приметив, что много тюленей ушло вверх реки, протягивают чрез реку местах в двух, в трех и четырех крепкие сети; при каждой сети становятся по несколько человек в лодках с копьями и дубинами, а прочие, плавая по реке, с великим криком пугают их и к сетям гонят; как скоро тюлени заплывут в сети, то иные их бьют, а иные вытаскивают на берег; и таким

образом иногда достают они по сту тюленей в один раз» [107, с. 271].

Все указанные С. П. Крашенинниковым способы охоты на тюленя бытовали до недавнего времени. Так, жители сел Морошечного и Утхолока до 40—50-х гг. нашего столетия били ластоногих на лежбищах палками-дубинками. Их делали из березы, для прочности и легкости в готовом виде сушили.

Старики-ительмены сообщали, что в XX в. вместо сетей во всю реку иногда ставили специально изготовленные «морды»-ловушки для тюленя в виде усеченной четырехсторонней конусообразной пирамиды. «Морда»-ловушка, которая закреплялась петлями за колья (от входа до середины), плелась из веревок, сделанных из лыка ивы. Последнее заготавливали в начале лета, очищали от коры и хранили в темном и прохладном месте. Перед изготовлением сетей и «морд» его отмачивали, дубили в настое ольховой коры и растягивали, затем плели веревки. Лыковые ячеи были крупного размера. Начиная от середины «морды» до ее основания бока забирались мелкоячеистой сетью из тюленьих ремней. Эта часть должна была выдержать тяжесть тюленя и силу его ударов. Возле ловушек были расставлены охотники, а другая группа на лодках сгоняла криком поднявшихся по реке ластоногих. Как только тюлень попадал в «морду», ловушку снимали с кольев и поднимали на поверхность, где добычу убивали дубинкою и после этого втаскивали в лодку или брали на буксир.

До 40—50-х гг. XX столетия, когда охота на морского зверя была массовой, в зависимости от назначения разделка ластоногих производилась несколькими способами. Как правило, шкуры больших экземпляров шли на ремни; разрезали их от головы неширокой лентой по спирали до хвоста, отделяли от жира, на несколько дней клали заквашиваться. Затем заготовку очищали от шерсти, дубили в настое ольховой коры, а потом в растянтом виде сушили. Готовые ремни использовались при изготовлении нарт, лыж и упряжи для собак.

В большинстве случаев шкуры с ластиногих снимали разрезанными у брюшины, в расправленном виде сушили. Затем такими шкурами обивали лыжи, из них выкраивали подошву, а из выделанной обработанной кожи шили одежду, разнообразную обувь, хозяйственные и продовольственные мешки, патронташи, упряжь для собак и т. д.

Иногда шкуры с тюленя снимали чулком. Сырыми их заполняли кусками нарезанного жира и подвешанными хранили в амбарах. В качестве сосудов для топленого жира использовались желудки ластиногих, вычищенные, промытые и высушенные в надутом виде.

Продукты описанного промысла полностью использовались в хозяйстве ительменов: мясо и жир употребляли в пищу, шкуры шли на изготовление одежды, обуви и утвари; они часто являлись предметами обмена с коряками. За тюленьи ремни, шкуры и жир ительмены получали от кочевых соседей оленье мясо, шкуры, камусы и сухожилия для изготовления нитей.

Такое разнообразное использование продуктов морского зверобойного промысла еще раз свидетельствует о древности его возникновения.

Охота на сухопутных животных и птиц имела подсобное (после собирательства) значение, хотя мясо и шкуры их высоко ценились местным населением. Особо почиталось у ительменов мясо медведя. С. П. Крашениников писал: «У камчадалов медведя убить так важно, что промышленник должен звать для того гостей и подчивать медвежьим мясом, а головную кость и лядвен вешают они для чести под своими балаганами». Далее исследователь сообщает о способах охоты на медведя: «Промышляют их камчадалы двояким образом: 1) стреляют из луков; 2) бьют их в берлогах. . . сперва натаскивают туда множество дров. . . что все медведь убирает, чтоб выход закладен не был; и сне делает он по тех пор, пока нельзя ему будет поворотиться: тогда камчадалы докапываются к нему сверху и убивают его копьями».

При охоте на горных баранов «те, кои за промыслом их ходят, с начала осени оставляют свои жилища и, забрав с собою всю фамилию, живут на горах по декабрь месяц, упражняясь в ловле их» [107, с. 247—250].

В значительном количестве ительмены добывали промысловую птицу, особенно летом. «Водяных птиц ловят громадными количествами в период их линяния», — отмечал Дж. Кеннан [99, с. 45]. Г. В. Стеллер сообщал: «. . . собаками камчадалы в июле охотятся на уток, гусей и лебедей, которые, когда у них начинают выпадать перья, в значительном количестве слетаются на большие озера» [230, л. 170].

Камчатка представляла собой естественный заповедник ценных и редких видов пушного зверя. С. П. Крашениников писал: «Зверей на Камчатке великое изобилие, в которых состоит и вящее ее богатство: в том числе есть лисицы, соболи, песцы, зайцы, еврашки, горностаи, ласточки, тарбаганы, росомахи, медведи, волки, олени дикие и ежжалые и каменные бараны». К этому списку нужно добавить выдру, морского котика и калана. О качестве пушнины С. П. Крашениников отзывался следующим образом: «Соболи камчатские величиною, пышностью. . . превосходят всех соболей сибирских. . . лисицы столь пышны, осисты и красны, что других сибирских лисиц и сравнить с ними не можно» [107, с. 241—244].

Все названные виды пушного зверя в той или иной степени были объектом охоты ительменов. Соболя промышленники кулемами (давящая ловушка), при помощи лука и стрелы. Часто для пушного зверя изготавливали стрелы с тупым концом, чтобы не испортить шкурку. Деревянными капканами-клепцами ительмены добывали лисиц. По сообщению С. П. Крашениникова, выдр «ловят по большей части собаками во время вьюги, когда оные далеко от рек отходят и в лесах заблуждаются» [107, с. 269]. Каланов и котиков ловили сетями, с байдар кололи их носками (орудиями типа гарпуна).

Продукты пушного промысла использовались в хозяйстве ительменов: из шкур шили одежду, мясо употребляли в пищу, из костей изготавливали предметы домашнего быта (иглы, шильца, скребки). Только небольшая часть пушнины шла на внутриплеменной и межплеменной обмен. Крашенинников писал: «Корякам давали они соболи, лисицы, рослые белые собачьи кожи, сушеный мухомор и другие мелочи, а от них получали шитое оленье платье и кожи» [там же, с. 369].

Если до освоения Камчатки русскими пушной промысел носил натуральный потребительский характер и занимал в комплексном хозяйстве ительменов последнее место, то с XVIII в. в связи с обложением местного населения ясаком он превратился в одну из важных отраслей, дающую товарную продукцию.

Одним из главных подсобных занятий ительменов было собирательство. Им преимущественно занимались женщины. С. П. Крашенинников отмечал: «Любопытство сего народа, знание силы в травах и употребление их в пищу и как лекарство, и на другие потребности, столь удивительно, что большего, не токмо в других отдаленных диких народах, но и в самых политических, не можно надеяться. Они все свои травы поимянно знают: известна им их сила как порознь, так и различие силы в травах по разности природного места. Время собирания их наблюдают они столь точно, что автор довольно надивиться не может» [107, с. 236—237].

Собирали съедобные растения (особенно лилейные и зонтичные) и их клубни, различные травы для плетения предметов домашнего обихода и снаряжения, лекарственные растения, многообразные ягоды, орехи кедрового стланика, луб березы и т. п. Продукты собирательства в значительных количествах запасали впрок. Многовековой богатый опыт ительменов и их навыки в использовании растительных богатств полуострова

очень быстро переняло пришлое русское население.

Таким образом, рыболовство, собирательство, морской зверобойный и охотничий промыслы являлись исторически сложившейся основой экономики народности. Такая комплексность хозяйства была обусловлена сезонностью промыслов, низким развитием производительных сил и необходимостью обеспечения минимальных жизненных потребностей в суровых природных условиях Камчатки.

Тесные связи с русским населением полуострова содействовали приобщению ительменов к русской культуре, новым хозяйственным занятиям. Уже во второй половине XIX в. во всех ительменских селениях имелись небольшие огороды с посевами картофеля, капусты, репы, а также лошади и крупный рогатый скот. К началу социалистических преобразований сельскохозяйственные отрасли стали занимать в жизни ительменов весьма заметное место. По данным Приполярной переписи, на каждую семью в ительменских селах Ковран, Напана, Сопочное, Морошечное, Седанка и Утхолок приходилось в среднем 0.35 га посевов, 3.3 головы крупного рогатого скота, 1 лошадь. В 1926 г. в среднем на одно хозяйство было заготовлено около 5 т сена, собрано 4.3 ц картофеля, 21.3 кг овощей [161, с. 88].

За годы Советской власти традиционный хозяйственный комплекс ительменов претерпел существенные изменения. Исчез, как отрасль хозяйства, морской зверобойный промысел, утратили былое значение охота на пушного зверя и собирательство. Главное занятие ительменов — рыболовство, развиваясь в рамках колхозного производства, превратилось из потребительской в высокотоварную, технически оснащенную отрасль хозяйства, с которой, однако, в настоящее время связана небольшая часть населения. Для большинства ительменов характерны новые занятия: рыбообработка, свиноводство, тепличное овощеводство и др.

Развитие основных отраслей хозяйства в Советский период

Главная отрасль хозяйства ительменов — рыболовство — прошла в своем развитии три этапа. Первый, самый длительный, охватывает 30—50-е гг. Основу отрасли в этот период составляло пассивное рыболовство, во многом сохранявшее свои традиционные черты. Техническая реконструкция, едва начавшись в 30-е гг., была надолго прервана войной и внесла в исторически сложившуюся технологию промысла лишь незначительные изменения. Исчезли вредные орудия промысла — лососевые запоры, заездки. Перестали применяться некоторые малоэффективные виды самодельных ловушек. Вышли из употребления сети из крапивных ниток, они уступили место привозной дели. В колхозах вместо традиционных лодок и батов стали использовать более современные плавсредства — кунгасы, кавасаки и т. п. В целом же технический уровень отрасли оставался низким.

Основными объектами промысла по-прежнему оставались лососевые: кета, горбуша, кижуч, чавыча, нерка, голец, которых добывали в прибрежной зоне и устьях рек. Удельный вес лососевых в общей добыче колебался в зависимости от подходов рыбы от 40 до 90 %. Остальное приходилось на корюшку. Ограниченные запасы лососей не позволяли наращивать объемы промысла. До начала 60-х гг. добыча держалась практически на одном уровне. Некоторое увеличение вылова в годы Великой Отечественной войны было обусловлено задачами военного времени.

Техническое перевооружение рыболовства произошло у ительменов несколько позже, чем на восточном побережье Камчатки. Первая колхозная путина с использованием моторного флота, в том числе сейнеров, состоялась в 1962 г. С этого времени начинается второй этап в развитии рыболовства — период экспедиционного промысла, освоения отдаленных районов лова, новых сырьевых ресурсов. Быстро растет добыча сельди, камбалы, трески, крабов. Уже в 1964 г.

Лодки для рыбной ловли. Фото Н. К. Старковой. 1964 г.

на их долю приходилось почти 90 % всего колхозного улова. Общий вылов в 1970 г. вырос к уровню 1962 г. почти в 27 раз и составил более 26 тыс. т. Большое развитие получила в колхозе обработка рыбы [231; 232].

В начале IX пятилетки экспедиционный промысел рыболовецких артелей Камчатки столкнулся с большими трудностями. В рыбной промышленности Дальнего Востока возникала диспропорция в развитии добывающего и обрабатывающего флота. Приемных мощностей в экспедициях не хватало. Пришлось вводить ограничения на сдачу уловов, и прежде всего они коснулись колхозного флота. Эффективность его работы сразу же упала. С удалением районов промысла возросли расходы на эксплуатацию и техническое обслуживание флота. Затраты на экспедицию не окупались доходами от добычи и обработки рыбы.

Все это заставило пересмотреть структуру промысла в рыболовецких артелях. В 1975 г. на Камчатке было создано межколхозное производственное объединение, которому колхозы передали свой среднетоннажный флот. Объемы колхозного промысла существенно сократились, зато укрепилась экономика артелей. В колхозе «Красный Октябрь», например, общий вылов в 1975 г. к уровню 1970 г. сократился более чем в три раза, а прибыль хозяйства выросла в 50 раз и составила более 500 тыс. руб. [232].

С 1975 г. начинается третий этап в развитии рыболовства у ительменов — этап активного прибрежного рыболовства. Становление его произошло в крайне неблагоприятных условиях. Долгие годы важнейшим объектом промысла в колхозе была охотская сельдь. Ее добыча и обработка определяли финансовое состояние хозяйства. В 1976 г., по рекомендации ученых, промысел сельди был временно прекращен. Колхоз лишился важнейшей статьи доходов и значительную часть X пятилетки работал с большими убытками.

Государство оказало колхозу помощь кредитами. Он получил возмож-

ность увеличить добычу крабов, сохранил обрабатывающую базу в Армани — она стала выпускать продукцию из другой рыбы. К началу 80-х гг. трудности, связанные с технологической перестройкой отрасли, были в основном преодолены. В XI пятилетке добыча рыбы и морепродуктов вновь стала увеличиваться. Вылов на одно промысловое судно повысился с 5190 ц в 1980 г. до 11000 ц в 1986 г., на одного рыбака соответственно — с 844 ц до 1292 ц. Прибыль от рыболовства за это же время выросла почти в 5 раз и составила 2384 тыс. руб.

Основными объектами промысла в настоящее время в колхозе «Красный Октябрь» являются камбала, палтус, минтай, треска, мелкий чистик и др. На их долю в общем вылове приходится более 60 %. Донную рыбу добывает промысловый флот.

Прибрежный промысел в колхозе отличается рядом объективных трудностей. Путину здесь начинается на месяц позже, чем в других районах, и заканчивается значительно раньше. На прилегающей акватории Охотского моря расположены крупнейшие нерестилища краба. По этой причине промысел рыбы здесь запрещен. Флот вынужден совершать в район лова длительные переходы. Большую часть улова колхоз сдает на плавбазы, работа которых не отличается стабильностью. Все это снижает эффективность работы флота. Уровень рентабельности судов типа МРС-150 не превышает 25—27 %, в отдельные неблагоприятные для промысла годы они заканчивают путину с убытками.

В период экспедиционного промысла ительмены плохо переносили длительные рейсы и по окончании экспедиции вновь на суда, как правило, не возвращались. С развитием активного прибрежного рыболовства численность ительменов на флоте стала увеличиваться. Среди них появились судоводители, механики, радиооператоры. В большинстве своем они работают на Усть-Хайрюзовском рыбоконсервном заводе. Много ительменов занято ремонтом и техническим обслуживанием промыслового флота (элек-

трики, судовые плотники, слесари, сварщики и др.).

Основная часть ительменов, занятых на добыче рыбы, работает на пассивном лове. Внимание к нему в последние годы выросло. Лососевые приносят колхозу более трети всех доходов от рыболовства, хотя их удельный вес в общем вылове не превышает 25 %. Пассивный промысел отличается низкой трудоемкостью — на него приходится 11 % всех затрат рабочего времени, а уровень рентабельности в 5—6 раз выше, чем у флота. Его высокая эффективность стимулируется государством закупочными ценами. За каждый центнер добытого кижуча, например, колхозу выплачивается 75 руб. — в несколько раз больше, чем за донную рыбу.

Пассивный лов сосредоточен в основном на Ковранском отделении и до некоторой степени сохраняет свои традиционные черты. Его ведут неводами, а также сетями, на долю которых приходится в отдельные годы до 60 % общего вылова лососей.

В конце мая путину открывает промысел корюшки. Затем, по мере подхода рыбы, начинается добыча лососевых. Их ловят в традиционных для ительменов районах — в устьях рек Ковран, Хайрюзово, Сопочная. Здесь устанавливаются ставные и закидные невода, каждый из которых обслуживает бригада. Сетной лов ведется индивидуально. В общественном рыболовстве на сетном лове в настоящее время используются ставные сети. Плавные почти повсеместно вышли из употребления. Их применяют иногда в любительском промысле. В быту сохраняются также сетевые ловушки для добычи гольца, различные типы удочек.

Подготовка к путине начинается задолго до подхода первых косяков рыбы. На рыбацких станах заготавливают лед, готовят лодки и орудия промысла, формируют рыбацкие бригады. Рыболовство — любимое и очень престижное занятие у ительменов. Желаящих попасть на промысел очень много. Выбирают лучших. Контроль за формированием бригад осуществ-

ляют сельский Совет, партийная и общественные организации. Включение в бригаду рыбаков рассматривается как поощрение.

Во время добычи корюшки рыбаки живут на рыбацком стане в течение светового дня, с началом лососевой путины — круглые сутки. Здесь имеются общежитие, столовая, организуется культурное обслуживание. Сюда же с неводов и сеток подвозят на тракторах пойманную рыбу. Для лучшей сохранности она пересыпается льдом. В таком виде ее принимает Усть-Хайрюзовский рыбозавод.

Объем добычи лососей зависит от подходов рыбы. В 1986 г. в колхозе «Красный Октябрь» был взят самый высокий в истории хозяйства улов лососей — 3409 т. Это стало возможным благодаря изменению сроков промысла. Сетной лов на реках начали во второй половине мая вместо конца июня.

Важным объектом промысла в колхозе долгие годы была добыча крабов. Она давала хозяйству более 30 % всех доходов от рыболовства. Добыча крабов велась сетями на мотоботах. Продукцию принимали крабоконсервные плавзаводы. В конце XI пятилетки начался переход на новые орудия лова — крабовые ловушки. Ими можно добывать только взрослого краба. Тем самым сохраняется много молоди, которая при сетном лове погибает. Новая технология потребовала существенной перестройки промысла. К ней в колхозе оказались не готовы. Добыча краба сократилась и в 1984 г. впервые принесла убытки. В 1985 г. хозяйство отказалось от крабового промысла.

Несмотря на трудности, связанные с изменением структуры рыболовства, в целом оно по-прежнему приносит колхозу высокие доходы, обеспечивает рост материального благосостояния колхозников. Среднегодовой заработок рыбака вырос с 4227 руб. в 1971 г. до 10 391 руб. в 1986 г. Артель ведет крупное капитальное и жилищное строительство, заново отстроена база рыбообработки в Армани. Капитальные вложения колхоза за XI

пятилетку составили в общей сложности 6 млн. руб.

Важное место в экономике колхоза занимает обработка рыбы. Она приносит ежегодно около 1 млн. руб. прибыли. В отдельные, неудачные для промысла годы финансовое состояние хозяйства полностью зависит от результатов работы обрабатывающей базы в Арманн. Поэтому в колхозе уделяют большое внимание совершенствованию производственного процесса на обработке рыбы, повышению качества продукции, снижению ее себестоимости.

Сельскохозяйственные отрасли в общественном производстве ительменов представлены животноводством и растениеводством. Долгие годы они играли важную роль в жизни населения. Натуральная оплата труда продукцией сельского хозяйства обеспечивала значительную часть потребностей колхозников в продуктах питания. Развитие сельского хозяйства в колхозах, особенно в годы Великой Отечественной войны, было острой жизненной необходимостью.

Улучшение снабжения Севера привозными продуктами питания в послевоенные годы не могло не сказаться

на отношении к развитию сельского хозяйства, тем более что в северных условиях это всегда было сопряжено с большими трудностями. В 1950—1960 гг. посевные площади под картофелем сократились в Тигильском районе со 155 до 94 га, овощей — с 63 до 18 га. Уменьшилось поголовье крупного рогатого скота [131, с. 38—39]. К значительному сокращению сельскохозяйственного производства привело укрупнение колхозов, а также различные ограничения и запреты в отношении приусадебных хозяйств колхозников.

С 1962 г. основное производство продукции сельского хозяйства у ительменов сосредоточено в рыболовецком колхозе «Красный Октябрь». На первых порах хозяйство весьма серьезно отнеслось к развитию сельскохозяйственных отраслей. Концентрация и внутрихозяйственная специализация позволили значительно поднять их эффективность (табл. 2).

В 1962—1964 гг. более чем в 2 раза выросла в колхозе урожайность картофеля, в полтора раза — капусты, более чем на треть повысилась продуктивность дойного стада. В результате, несмотря на существенное сокращение

Таблица 2

Среднегодовые показатели развития сельского хозяйства в колхозе «Красный Октябрь»

Вид с.-х. производства	1959	1962—1964	1971—1975	1976—1980	1981—1985	1986—1988
Посевная площадь, га	37	11	13	9	9	15
Поголовье скота,	233	149	87	106	128	132
в т. ч. коров	90	73	49	50	52	42
Поголовье птицы	—	1530	1480	4061	4031	5324
Производство мяса, ц	155	199	82	102	188	304
Производство молока, ц	1603	1763	1401	1608	1649	1842
Производство яиц, тыс. шт.	—	70	90	387	453	613
Производство картофеля, ц	2106	1479	906	269	239	111
Производство овощей, ц	407	281	350	139	137	68
Надой на 1 фураж. корову, кг	1651	2243	2995	3197	3215	4044
Яиц на 1 курицу-несушку, шт.	—	—	85	118	147	171
Урожай картофеля, ц	77	166	82	46	60	50
Урожай капусты, ц	115	170	115	88	137	100

Примечание. Показатели за 1959 г. характеризуют состояние сельского хозяйства в колхозах «Красный Октябрь», «Дружба Народов», им. И. В. Сталина и им. А. А. Жданова, объединившихся к 1962 г. в одно хозяйство — колхоз «Красный Октябрь». В 1965—1968 гг. колхоз после очередного укрупнения работал в более широких территориальных границах, в связи с чем показатели за этот период трудно сопоставимы (составлено по данным годовых отчетов колхозов Тигильского района).

посевных площадей, снижение поголовья скота, среднегодовой объем сельскохозяйственной продукции в колхозе почти не сократился, а производство молока и мяса даже выросло. Сложилось оптимальное соотношение между производством и потреблением сельхозпродукции в колхозе, сельскохозяйственные отрасли впервые стали приносить колхозу прибыль.

К сожалению, в последующие годы внимание к развитию сельского хозяйства в «Красном Октябре», как и в целом по району, было ослаблено. Вместо укрепления материально-технической базы земледелия и животноводства, совершенствования организации труда началось неоправданное сокращение поголовья животных, упали урожаи картофеля и овощей. В IX пятилетке, когда хозяйство испытывало финансовые трудности, стремление ослабить нагрузку на экономику колхоза за счет свертывания нерентабельного производства проявилось особенно ярко.

Обострение в стране к середине 70-х гг. продовольственной проблемы заставило местные органы власти пересмотреть отношение к сельскому хозяйству. На промышленных предприятиях района создаются подсобные хозяйства, расширяется сельскохозяйственное производство в совхозе «Тигильский» и колхозе «Красный Октябрь». Появляются новые отрасли сельского хозяйства — свиноводство, тепличное овощеводство. В колхозе «Красный Октябрь» за годы XI—XII пятилеток достигнут значительный прирост большинства видов сельскохозяйственной продукции.

Рассмотрим современное состояние основных отраслей сельского хозяйства.

В настоящее время у колхозного растениеводства весьма скромная роль: обеспечивать свежими овощами и картофелем медицинские и детские учреждения, расположенные на территории колхоза, однако справляется оно с этой задачей плохо. В хозяйстве нет агрономической службы, минеральные удобрения не поступают,

колхозные фермы из-за малочисленности скота не могут удовлетворить потребности в органике. Истощение почв, отсутствие севооборотов отрицательно сказываются на урожайности, которая в зависимости от погодных условий подвержена большим колебаниям.

Большие затраты труда, низкая урожайность сказываются на себестоимости продукции. У картофеля она колеблется от 68 до 295 руб. за центнер, у капусты — от 58 до 176 руб. В XI—XII пятилетках растениеводство приносило колхозу ежегодно от 50 до 80 тыс. руб. убытка.

При существующем уровне развития растениеводства колхоз не может удовлетворить потребности населения в картофеле и овощах, поэтому все большее распространение у ительменов получает домашнее огородничество. Во всех селах у колхозников, рабочих и служащих имеются приусадебные участки. В Ковранс, например, в 1985 г. их имели 127 семей из 132. Размеры участков невелики — в среднем около трех соток. В национально-смешанных семьях (с русскими, украинцами, корейцами) — до 8 и даже до 10 соток. Некоторые имеют еще посеы за пределами села. Для этого колхоз ежегодно готовит пахотные площади, при необходимости оказывает помощь техникой.

На огородах выращивают обычно картофель и капусту, в последние годы к ним добавились укроп, редис, петрушка, лук, чеснок и др. В отдельных ительменских семьях не без успеха пробуют сажать плодово-ягодные культуры. Зеленый лук летом почти не используется, по традиции ему предпочитают черемшу.

С середины 70-х гг. у ительменов стало развиваться тепличное овощеводство. Вначале оно появилось в личных хозяйствах, с 1978 г., им стал заниматься колхоз. В 1985 г. в Ковране насчитывалось более 20 личных теплиц. В них выращивают огурцы и помидоры. Себестоимость продукции в колхозной теплице высокая — до 10 руб. за килограмм, однако колхоз несет эти расходы, поскольку речь

идет о производстве очень ценной в северных условиях витаминной продукции. Потребности населения в ней, с учетом производства в личном хозяйстве, удовлетворяются полностью. В конце лета имеет место даже некоторое перепроизводство.

Более успешно развиваются в колхозе «Красный Октябрь» животноводческие отрасли, особенно молочное животноводство, для которого характерно значительное повышение продуктивности. Среднегодовое производство молока в XI пятилетке выросло в колхозе к уровню IX почти на 250 ц, причем рост достигнут за счет повышения надоев. Повышение продуктивности молочного стада связано прежде всего с улучшением кормления животных. Долгие годы их рацион состоял исключительно из сена, зачастую очень низкого качества, поскольку его заготавливали осенью из перестоявшей и сухой травы. В настоящее время заготовка кормов — важнейшая хозяйственная кампания.

Сенокос и закладка силоса начинаются во второй половине июля. Всего по колхозу готовят ежегодно до 500 т силоса, 200—300 т сена. Заготовка кормов из-за неустойчивости камчатской погоды проходит в сложных условиях и требует большого напряжения сил. Сенокосные угодья расположены вдали от сел, их характер не позволяет использовать технику. Косят ручными косами-«литовками». Широко бытовавшая в прошлом у ительменов коса-«горбуша» окончательно вышла из употребления. Закладывают силос на месте его заготовки. Зимой сено и силос вывозят к фермам тракторами.

Правление колхоза стимулирует заготовку кормов в наиболее благоприятное время года, когда трава обладает наилучшими питательными свойствами. В первые 20 дней заготовки кормов оплата труда кормозаготовителей повышается на 30 %; кроме того, колхоз организует бесплатное коллективное питание.

Сено и силос составляют основу кормовой базы. Кроме них широко применяются травяная и костная

мука, комбикорма, белково-минеральные добавки. Улучшились условия содержания животных. К началу 60-х гг. животноводческие помещения в колхозах представляли собой легкие постройки без пола и потолка. Температура в них почти не отличалась от наружной. В таких условиях скот находился до 270 дней в году и, конечно, часто болел. Сейчас выстроены более современные животноводческие фермы. Они оснащены простейшими средствами механизации. Улучшились условия труда животноводов, больше внимания стало уделяться организации летне-пастбищного периода, проведена некоторая работа по улучшению породности.

Все это, безусловно, способствовало росту продуктивности отрасли. Если для достижения надоя в 2 тыс. кг молока на корову колхозам Тигильского района в свое время потребовалось более 20 лет, то трехтысячный рубеж был достигнут в «Красном Октябре» в 2 раза быстрее. Рост продуктивности позволил, не увеличивая дойную часть стада, полностью удовлетворять потребности населения в свежем молоке. Летом в Хайрюзове, например, потребляется на месте лишь пятая часть производимого молока. В Ковране также образуется большой излишек. Производен ковранской молочно-товарной фермы пользуются многие жители Усть-Хайрюзова. Назрела проблема переработки молока на месте, однако производство молочных продуктов невыгодно для колхоза из-за низкой реализационной цены.

Несмотря на возросшую продуктивность, молочное животноводство является убыточной отраслью. Ручной труд на заготовке кормов, большие транспортные расходы, низкий уровень механизации ферм требуют значительных трудовых и материальных затрат. В 1984 г. каждый центнер молока обходился колхозу в 108 руб. — в 3 раза дороже, чем в среднем по колхозам РСФСР [132, с. 165].

Сдерживающим фактором развития отрасли является также сбыт продукции. Численность населения в

колхозных селах невелика. Вывозить молочные продукты за пределы можно только с ковранской фермы, да и то весьма нерегулярно, поскольку надежного сообщения с селом до сих пор нет.

Для дальнейшего развития молочного животноводства в колхозе неотложным является снижение себестоимости продукции за счет комплексной механизации заготовки кормов, трудоемких процессов на фермах, роста производительности труда, повышения общей культуры животноводства. Хорошей предпосылкой к этому может стать мелиоративное улучшение лугов и пастбищ, которое уже ведется в Тигильском районе. В XII пятилетке приступили к мелиоративным работам и в колхозе «Красный Октябрь».

В начале 60-х гг. в ительменских колхозах стала развиваться новая отрасль — птицеводство. К концу 1964 г. имелось более 3,5 тыс. кур. В колхозе «Ленинский путь», кроме того, держали гусей и уток. Первую продукцию от птицеводства — 39 тыс. яиц — колхоз «Красный Октябрь» получил в 1963 г. В последующие годы отрасль успешно развивалась. Среднегодовое производство яиц в XII пятилетке достигло 600 тыс. шт. Для детских дошкольных учреждений производится также мясо птицы.

До середины 70-х гг. колхозная птицеферма размещалась в Ковране. Ительмены быстро освоили новое дело, в селе появились опытные кадры птичников. Рост продуктивности фермы вызвал трудности со сбытом яиц, поэтому в 1976 г. птицеферму перенесли на центральную усадьбу. С этого времени ительмены в колхозном птицеводстве не работают, однако среди них много опытных специалистов в других птицеводческих хозяйствах Корякского округа.

Интенсивно развивается в последние годы в колхозе свиноводство. Как отрасль домашнего животноводства оно существовало в Тигильском районе еще в 30-е гг. В 1940 г. в личных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих имелось более 500 свиней [95, с. 105]. Были они и

в семьях ительменов. В качестве отрасли колхозного производства свиноводство стало развиваться с 1979 г. Большая часть продукции используется внутри хозяйства, некоторое количество свинины колхоз продает государству.

На свиноферме работают в основном мужчины.

В прошлом в структуре животноводства у ительменов значительный удельный вес занимало коневодство. Приполярная перепись зафиксировала в ительменских селах более 120 лошадей [161, с. 33]. До середины 50-х гг. их число увеличивалось. Лошади были основной тягловой силой на сельхозработах и транспортировке грузов в летнее время. С ростом технической вооруженности поголовье лошадей стало сокращаться. Так, в колхозе «Красный Октябрь» только в X пятилетке оно уменьшилось с 75 до 23 голов.

Лошадей теперь используют главным образом на вспашке приусадебных участков, мелких внутрихозяйственных перевозках. Основной тягловой силой служит трактор, причем использование техники приобретает порой довольно своеобразные формы. Так, например, в Ковране можно наблюдать, как в розвальни вместо лошади впрягается трактор «Беларусь».

«Любовь» к технике дорого обходится хозяйству. Расходы на эксплуатацию автотранспортного парка составляют ежегодно более 200 тыс. руб. Их можно было бы существенно уменьшить, если бы гужевого транспорт использовался более рационально, тем более что содержание лошадей в хозяйстве не требует особых затрат. Местные лошади (так называемая камчатская порода) неприхотливы к содержанию и кормлению. Большую часть года они и поныне проводят на открытом воздухе, отличаются завидной выносливостью. Коневодство — как раз та животноводческая отрасль, которая могла бы дать колхозу прибыль. Пока же развитию коневодства мешает плохое снабжение гужевым инвентарем. За

Динамика * поголовья собак в Тигильском районе в 1926—1950 гг.

Владелец	1926	1933	1936	1940	1945	1950
Колхозы	—	—	—	25	65	33
Колхозники	—	2562	3287	3597	2945	2281
Предприятия и организации	—	—	68	648	922	862
Рабочие и служащие	—	—	—	519	852	765
Единоличники	7367	614	1211	342	89	69
Всего собак	7367	3176	4566	5121	4873	4010

* Составлена по данным: ГАХК, ф. 137, оп. 1, д. 3, л. 192, ГАКАО, ф. 1, оп. 1, д. 14, л. 9.

последние 10 лет колхоз не получил ни одного комплекта упряжи, дефицитными стали телеги, сани, хомуты, седла.

Наряду с коневодством полностью утратило свое былое значение упряжное собаководство. Численность собак у ительменов стала быстро сокращаться во второй половине 20-х гг. (табл. 3). Стремясь повысить товарность рыболовства, местные органы власти запретили добычу рыбы на корм собакам. На эти цели действительно расходовалась значительная часть улова. В 1926 г., например, для собак было заготовлено 912 тыс. штук лососей или более половины всей их добычи, 857 пудов икры, более 10 тыс. пудов мелкой рыбы [161, с. 33]. Случались годы, когда население с наступлением весны голодало, поскольку заготовленная рыба скармливалась собакам.

Административные ограничения на заготовку корма для собак, безусловно имевшие под собой основания, все же не учитывали хозяйственных особенностей ительменов, для которых собака всегда была «главным работником». Сокращение поголовья собак отрицательно сказалось на развитии охотничьего промысла, возникли трудности с перевозкой грузов и пассажиров.

После частичной отмены ограничений (на корм разрешалось ловить малоценную рыбу) поголовье собак стало увеличиваться, но рост наблюдался лишь в тех селах, через которые проходили традиционные пути

сообщения. Так, например, в Тигиле, Сопочном, Хайрюзове, Ковране численность собак в 1940 г. значительно превысила уровень 1926 г., в то время как в других селах сократилась в 2—3 раза. Упряжное собаководство к этому времени стали развивать в государственных предприятиях и организациях. В мае 1941 г. Корякский окрисполком утвердил план развития транспортного собаководства в Тигильском, Олюторском и Пенжинском районах. В Тигильском районе, в частности, планировалось увеличить поголовье ездовых собак к началу 1942 г. более чем на треть [281, л. 20—21].

Значение упряжного собаководства как средства транспорта сохранялось в районе до середины 50-х гг. Позднее, в связи с укрупнением колхозов, ростом их технической оснащенности, развитием общественного механического транспорта, оно начинает быстро падать. Сужается сфера использования собак и внутри хозяйств. В 60-е гг. их держали лишь те ительмены, кто занимался охотой.

В настоящее время ездовые собаки у ительменов редки. В Ковране, например, в 1985 г. имелось всего 6 упряжек, в том числе пять у охотников и одна у учителя. В значительной степени использование собак теперь связано не с хозяйственной необходимостью, а с традиционной привязанностью ительменов к собаководству. Даже часть охотников, по их словам, держат упряжки «для души». Упряжное собаководство все больше превращается в средство развлечения —

на собаках катают детей. «для удовольствия» совершают редкие выезды в Усть-Хайрюзово.

Остановимся теперь на состоянии домашнего животноводства у ительменов. К началу 40-х гг. большинство домашнего скота находилось в личной собственности. По мере развития общественного животноводства личное поголовье стало сокращаться. Если в 1940 г. в колхозах Тигильского района насчитывалось 70 голов крупного рогатого скота, а у колхозников — 432, то в 1953 г. соответственно 583 и 116 голов [там же, л. 17].

Сокращение личного поголовья ускорилось после укрупнения колхозов и перехода их на денежную оплату труда. Жилищное строительство, разворачивавшееся в хозяйствах в связи с переселением колхозников, не предусматривало помещений для животных. Возникли трудности с обеспечением скота сеном, которое раньше выдавалось на трудодни. Население вынуждено было отказаться от содержания домашних животных.

В 1985 г. в Ковранском сельском Совете домашний скот держало лишь 11 ительменских семей (у них имелось 6 голов крупного рогатого скота, 17 свиней, лошадь и несколько десятков птицы). Коров в настоящее время ительмены держать не стремятся, так как общественное животноводство полностью удовлетворяет потребности в молоке. Предпочтение отдается разведению свиней и птицы. Развитие домашнего животноводства сдерживает отсутствие подсобных помещений, которые в связи с новым типовым жилищным строительством в национальных селах не возводятся.

Охотничий промысел. Тигильский район по своим природным условиям — важнейшая охотопромысловая зона Камчатской области. Выход пушнины на 100 кв. км охотугодий здесь значительно выше среднеобластного показателя. На долю района приходится три четверти пушных заготовок Корякского автономного округа, в том числе 80 % соболей (более трех тыс. штук),

86 % ондатры, более половины всех лисиц и выдр, пятая часть белки.

К началу социалистических преобразований охота на пушного зверя играла в жизни ительменов очень важную роль. Охотничий промысел, согласно переписи 1926—1927 г., занималось 96 % ительменских хозяйств [94, с. 48, 54]. Почти вся добытая пушнина шла на продажу. В хозяйстве оставался лишь мех росомахи, который использовали для отделки одежды. Особенно славилась охотники-соболевщики Седанки. В годы, богатые соболем, в Седанке шел бойкий торг пушниной, торговые компании держали здесь фактории.

Развитие колхозного производства, создание промышленных предприятий ослабили зависимость коренного населения от результатов охотничьего промысла, и все же еще долгие годы он оставался важной составной частью экономики ительменов. В конце 50-х гг. охотой на пушного зверя занималось около половины всех ительменских семей. Доля ительменов в общей численности охотников района достигала 42 %. Каждый охотник проводил на промысле 4—5 месяцев в году. Доходы от пушнины составляли три четверти всех денежных поступлений ительменской семьи.

Долгие годы непосредственное руководство охотничьим хозяйством на местах осуществляли вначале организации «Союзпушнины», затем — «Заготживсырья». Они заключали с охотниками и колхозами договора на добычу пушнины, следили за их выполнением, за соблюдением правил охоты, проводили различные массовые мероприятия — слеты охотников, семинары и т. п.

За годы Советской власти произошло перевооружение промысла новой техникой. Охотники получили более совершенное огнестрельное оружие, в достатке снабжались капканами, на промысле стала использоваться бригадно-звеньевая форма организации труда.

Большая работа была проведена по рациональной эксплуатации охотничьих угодий. В районе более 20 лет

была запрещена охота на белку, дважды вводился запрет на добычу выдры и соболя. В результате охранных мер, нормирования добычи удалось значительно поднять численность этих ценных зверей, обеспечить стабильность роста пушных заготовок. Если, например, в 1940 г., в первый год промысла соболя после пятилетнего запрета, в районе была заготовлена 71 шкурка соболя, то в 1958 г. — 2017. В стоимостном выражении заготовки пушнины за этот же период выросли с 206 тыс. до 995 тыс. руб. [261, л. 35].

Несмотря на то что уже с конца 20-х гг. охотничий промысел считался отраслью колхозного производства, фактически он никогда ею не был. Охота всегда носила форму отходничества колхозников. Колхозы не вкладывали в развитие охотничьего хозяйства средств. В их функции вменялась единственная обязанность — по договору с заготовительной организацией отпустить на промысел оговоренное число колхозников. Охотники сами обеспечивали себя транспортом, боеприпасами, охотничьим снаряжением.

Индивидуальный характер труда охотников нашел отражение уже в самой системе его оплаты. На начальном этапе коллективизации вся стоимость пушнины, добытой в пределах установленного плана, выплачивалась охотнику заготовительной организацией наличными. Товариществу за содействие промыслу перечислялось лишь 10 % стоимости сверхплановой пушнины. Такой порядок сохранился и после перехода товариществ на артельный устав, с той лишь разницей, что колхозу отчислялась часть стоимости не сверхплановой, а всей добытой пушнины. Размеры таких отчислений были невелики, поэтому колхозы не уделяли охотничьему хозяйству внимания. Результаты промысла всецело зависели от личной инициативы охотника.

В 1942 г. Тигильский райисполком принял решение о переводе труда охотников в колхозах района на трудодни. Это повышало заинтересованность колхозов в развитии отрасли,

но сразу же сказалось на бюджете колхозников. К тому же хозяйства оказались не в состоянии взять в свои руки организацию промысла. У них не было транспорта, охотничьего снаряжения, промысловой одежды. Райисполком вынужден был отменить свое решение [253, л. 389].

Попытки поднять заинтересованность колхозов в развитии отрасли путем изменения оплаты труда охотников предпринимались неоднократно. К концу 40-х гг. в ительменских колхозах сложился порядок, при котором от 50 % до 90 % стоимости добытой пушнины охотники получали наличными в момент ее сдачи на заготовительный пункт, оставшаяся часть должна была выдаваться по трудодням. На практике колхозы начисляли на трудодни далеко не эквивалентные суммы. В 1957 г., например, в пяти ительменских хозяйствах отчислили от заработка колхозных охотников 11.6 тыс. руб., а выдали в конце года по трудодням — 5.6 тыс. руб. [262, л. 21].

Кроме отчислений от заработка охотников колхозы получали до 10 % стоимости пушнины от заготовителей, которые, таким образом, тоже стимулировали участие колхозов в промысле. В 1957 г. им стала выплачиваться дополнительная двадцатипроцентная надбавка. В итоге общий доход от охоты достигал в отдельных колхозах 70 % заготовительной стоимости пушнины, однако это мало влияло на отношение хозяйств к нуждам отрасли, они ею по-прежнему не занимались. Численность же охотников в результате снижения материальной заинтересованности неуклонно сокращалась.

На результаты промысла отрицательно влияла плохая обеспеченность ездовыми собаками. Их не имела треть охотников района. По этой причине производительность труда при добыче горностая, например, снижалась почти в 5 раз, лисицы — в 3 раза, выдры — в 2.5 раза и т. п. Совершенно не использовались другие природные ресурсы — дичь, копытные животные, дикоросы [67, с. 224].

Все более заметной становилась слабая техническая оснащенность охотничьего хозяйства. В глазах молодежи профессия охотника стала терять свою былую престижность. Рост прибыльности основных отраслей колхозного производства, переход на денежную оплату труда также не могли не сказаться на отношении коренного населения к охотничьему промыслу. Как источник свободных денежных средств охота перестала играть прежнюю роль.

Остро проявлялись недостатки в руководстве охотничьим хозяйством. С 1956 г. оно перешло к Роспотребсоюзу, но потребительская кооперация не занималась его организацией. Промысел шел стихийно. Отпускаемые на охотохозяйственное обустройство средства не использовались. Ухудшилось снабжение охотников промысловым снаряжением и боеприпасами. Нерешенными оставались многие вопросы организации труда колхозных охотников, а также любителей, которые в период промысла работали по сезонному договору с потребительской кооперацией. Поскольку в штат рыбокоопов они не зачислялись, на них не распространялось социальное страхование, северные льготы. Время, проведенное на промысле, не включалось в трудовой стаж.

В 60-е гг. было утверждено новое положение об охоте, где оговаривались правила охоты, порядок заготовки пушнины, содержания охотугодий и т. п. В целях улучшения руководства промысловым хозяйством на базе государственных охотничьих инспекций при исполкомах областных и краевых Советов были созданы управления охотничье-промысловым хозяйством. В таежной и тундровой зонах РСФСР создавалась широкая сеть государственных хозрасчетных промысловых хозяйств.

Первое такое хозяйство в Корякском автономном округе — Тигильский госпромхоз — было создано летом 1963 г. До конца года оно дало товарной продукции на 99 тыс. руб. Свою первую пятилетку (1966—1970) госпромхоз выполнил за 4 года и 3 ме-

сяца. План добычи пушнины при этом был значительно перевыполнен. При плане 470 тыс. руб. ее было заготовлено на 635 тыс. руб. [263, л. 59]. Деятельность госпромхоза положила начало комплексному использованию природных ресурсов района. Кроме пушнины он стал заготавливать и перерабатывать грибы, ягоды, орехи, черемшу, кожевенное и меховое сырье, на внутренних водоемах вести добычу рыбы, готовить из нее деликатесную продукцию, шить меховую одежду, изготавливать сувениры, оказывать населению различные услуги.

В 1985 г. Тигильский госпромхоз произвел товарной продукции почти на миллион рублей. Более половины ее приходится на долю рыбной продукции: хозяйство выпускает для внутрирайонного потребления соленую, копченую, вяленую, свежую рыбу. 28—30 % в структуре товарной продукции занимает промысловая пушнина. В среднем за год Тигильский госпромхоз заготавливает более 2 тыс. соболей, 60—80 лисец, 40—50 выдр, 1500—1700 ондатр, 250—300 горностаев, а также росомаху, рысь, дикую норку и др.

На промысел выходит ежегодно 30—35 штатных охотников, 15—20 сезонников, а также более 50 охотников-любителей. Ительменов среди штатных охотников госпромхоза немного, однако они составляют не менее половины охотников-любителей. В Ковране, например, на промысел ежегодно уходит 10—12 ительменов. Среди них пенсионеры, колхозники, рабочие. Средний возраст ительмена-охотника (любителя) в настоящее время 47 лет. Лица моложе 30 лет встречаются крайне редко. Значительное число ительменов работает в госпромхозе сезонно — на заготовке грибов, ягод, орехов.

Практически все штатные охотники госпромхоза имеют снегоходы «Буран» или собачьи упряжки. Последние считаются более надежным транспортным средством. За каждым штатным охотником, а также за многими любителями закрепляются постоянные участки, которые в среднем объезжа-

ются за три дня. На вооружении промысловиков кроме ружей, малокалиберных винтовок и карабинов имеются капканы (до 100 и более штук на каждого охотника). В качестве приманки используют гольца или другую рыбу, а также глухаря и куропатку. В среднем каждый капкан проверяется раз в пять дней.

Промысел пушного зверя начинается в октябре, заканчивается в середине марта (соболя — в конце февраля). В случае досрочной добычи установленного лимита охота прекращается раньше. Каждый профессиональный охотник имеет ежегодно лицензии на 40—50 соболей. При средней стоимости соболейей шкурки в 100 руб. это обеспечивает промысловикам высокий заработок. Охотникам-любителям лимит устанавливается в зависимости от объемов добычи «цветной» пушнины. Чем больше добывает он лисиц, горностая, выдры, тем больший лимит по соболю ему выделяется. Обычно он колеблется от 5 до 10 соболей.

Большинство пушнины теперь дает капканный промысел. Применяется также традиционный метод добычи — *гоньбой*, т. е. путем выслеживания зверя. По производительности он сильно уступает капканному промыс-

лу, однако ительмены продолжают им широко пользоваться, поскольку он содержит в себе много элементов самостоятельности (со зверем) и, по общему мнению промысловиков, интереснее.

В целях техники безопасности, а также повышения производительности труда в госпромхозах практикуется звеньевой метод промысла. Звено состоит, как правило, из двух охотников. Иногда один из них — профессионал, второй — любитель или сезонник. Условия труда и быта промысловиков в последние годы заметно улучшились. Каждый из них имеет на участке землянку или охотничью избушку. В большинстве звеньев имеются портативные радиостанции «Гроза» или «Недра». Периодически промысловые участки облетает вертолет, он привозит свежий хлеб, необходимые продукты.

Охотничий промысел в Тигильском районе имеет хорошие перспективы для дальнейшего развития. Возможно значительное увеличение объемов промысла «цветной» пушнины. Далеко не полностью используются сегодня возможности охоты на дичь, медведя, дикого оленя, а также на морского зверя. Слабо вводятся в хозяйственный оборот растительные ресурсы района.

Поселения, жилые и хозяйственные постройки

Главное занятие ительменов — рыболовство определяло и выбор места для их поселений. Они располагались у рек, богатых рыбой, на террасах, не подвергавшихся сезонному половодью.

В конце XVII—начале XVIII в. селения (острожки) представляли собой одну, реже две—четыре полуземлянки, служившие зимним жилищем, а вблизи их сооружали большое количество балаганов — свайных построек, в которых жили летом. Судя по материалам С. П. Крашениникова и Г. В. Стеллера, поселения ительменов до 40-х гг. XVIII в. соответствовали семейным общинам. Расселялись они на одной реке и были связаны кровным родством и единством рыболовных угодий. «Всякой острожек ту реку, при которой живет, почитает за владение своего рода, и с той реки на другую никогда не переселяется» [107, с. 378].

Одновременно начался процесс выделения отдельных семей из указанных общин поселений. «Естьли по какой нибудь причине одна или несколько семей пожелают жить особливими юртами, — писал С. П. Крашениников, — то делают оные выше или ниже острожка по той же реке или по посторонней, которая течет в реку их. Чего ради думать можно, что на всякой реке живут сродники, которые происходят от одного прародителя» [там же]. Обычно все родственники жили в одной полуземлянке. Интересно отметить, что в настоящее время северные ительмены термином *атнэм*

обозначают и «дом», и «поселение» (поселок, село).

В конце XVII в. насчитывалось 120 поселений, названия большинства острожков соответствовали названиям рек, на которых они располагались. Очень часто их называли именами старейшин, назначенных администрацией. Некогда часть острожков получила свои наименования от русских по их местонахождению: Кресты, Козыревское, Гольгино, Ключи и т. д. [141, с. 176—197].

Начиная с XVIII в. число ительменских острожков сокращается. Так, в 1730 г. их насчитывалось 91 [30, с. 417—418], а к 1770 г. уменьшилось до 74 [141, с. 197]. Это сокращение произошло по разным причинам: в силу ассимиляции ительменов с русскими, а чаще вследствие эпидемий, распространения заразных болезней, иногда уносящих из жизни почти всех жителей острожков. Еще более сократилось число поселений во второй половине XVIII—XIX вв. Согласно Первой Всероссийской переписи 1897 г., камчадалы и ительмены оказались расселенными в 35 пунктах. Причем только около 42 % проживающего в них населения показали своим родным языком ительменский, остальные — русский [148, с. 914—920]. По данным В. Н. Тюшова, в конце XIX—начале XX в. аборигены Камчатки жили в восьми селениях западного побережья [199, с. 61—62], а в остальных указанных переписью 1897 г. пунктах жили камчадалы, близкие по быту, материальной

культуре и внешнему облику к ительменам.

В конце XVII—первой половине XVIII в. большинство острожков были небольшими по размерам и насчитывали от 20 до 100 жителей, если считать в среднем семью в пять человек. Лишь в 15 острожках население составляло более 150 человек, и только в Машуре — около 400 человек. «А в остроге в одной зимней юрте, — отмечал В. Атласов, — а в иных острогах в 2 юртах живет людей человек по 200 и по 150» [101, с. 32].

Сопоставляя все вышележащие данные, В. В. Антропова пришла к выводу, что в момент прихода русских на Камчатку в основе организации поселений лежал родовой или кровно-родственный принцип, они имели сравнительно большой численный состав, а в 40-е гг. XVIII в. острожки дробятся на мелкие домохозяйства, хотя родственные связи еще сохраняются [27, с. 142].

Во второй половине XIX в. количество месных жителей в поселениях увеличилось в среднем в 1.5—1.9 раза (данные 1852 и 1897 гг.) [79; 199].

Количественный и национальный состав, динамику численности ительменских сел в Советское время можно проследить по данным переписей: Приполярной 1926—1927 гг., всесоюзных 1970 и 1979 гг. и хозяйственных книг сельсоветов. В 20—30-х гг. ительмены были расселены в 11 населенных пунктах Тигильского района, начиная с с. Сопочного на юге, кончая с. Воямполой на севере [189, с. 24—27]. В большинстве поселений проживало от 70 до 100 человек. В селах Хайрюзово, Напана и Воямполок было зафиксировано смешанное население: вместе с ительменами жили коряки и русские [204, с. 15].

За годы Советской власти в связи с коллективизацией произошла концентрация населения и появился ряд крупных поселков.

В настоящее время ительмены расселены в основном в трех селах: Тигиль, Ковран, Хайрюзово, где с ними живут русские, украинцы, коряки и

другие представители народов нашей многонациональной страны.

Типы поселений. Согласно сведениям исследователей XVIII в., поселения аборигенов Камчатки были постоянными и сезонными (промысловыми). Первые располагались в большинстве случаев на берегу рек, в приустьевой части. В каждом из них имелись зимние жилища, в которых жили с начала ноября и до начала апреля, и летние — балаганы. Обычно число жилищ в поселениях различно. Так, в 30-е гг. XVIII в. в большинстве селений было по одному—двам жилищам и лишь в с. Ешкун и Камаки — пять, а в с. Машура — девять зимних жилищ [30, с. 414]. В зависимости от того, сколько семей жило в землянке, столько было летних жилищ — балаганов. Постройки располагались беспорядочно, и «все остроги были до прихода русских всегда со всех сторон окружены частоколом или земляным валом, а также камнями с целью хотя бы некоторой защиты от нападения соседей» [230, л. 271].

Под влиянием русских ительменские острожки меняли свой внешний облик. Г. А. Сарычев, посетивший полуостров в конце XVIII в., писал: «Сравнивая нынешнее состояние камчадалов и образ их жизни с описанием г. Крашенинникова, нашли мы великую перемену. . . Юрт их или землянок нигде не видно, а вместо того построены везде русские избы» [170, с. 125—126]. Как отмечают очевидцы, почти в каждом селении строились церкви или часовни, а в XIX—начале XX в. при домах имелись балаганы, служащие преимущественно хозяйственным постройкам, и вешала для вяления рыб. Однако характерной особенностью поселения по-прежнему была беспорядочность в планировке. Кое-где появились небольшие огороды и постройки для содержания домашних животных — коров, лошадей.

Кроме острожков в XVIII—начале XX в. были и так называемые летовья, или летники, — временные поселения на местах промыслов. «Оседлые туземцы Северной Камчатки обыкновенно имеют два помещения, в кото-

Летний травяной шалаш и балаган (по В. И. Иохельсону).

рых живут они в различия времена года, — сообщил Дж. Кеннан, — . . . зимняя и летняя и отдалены друг от друга на 5 верст. В первом помещении, обыкновенно расположенном в нескольких верстах от моря, под прикрытием гор и лесов, они живут от сентября до июня. Летнее помещение строится исключительно с целью рыбной ловли, у устья рек, и состоит из нескольких юрт. . . 8 или 10 конических балаганов. . . и большого количества деревянных рам для сушки рыбы. В это рыболовное селение все жители перебираются в начале июня, оставляя совершенно пустынными свои зимние жилища. . . Как только рыбный сезон кончен, камчадалы прячут свою сушеную юколу в балаганы и возвращаются в свои зимние квартиры для необходимых приготовлений к ловле соболей» [99, с. 102—103].

В 20—40-х гг. XX в. все еще сохранялась традиция бытования двух поселений — постоянного и временного. Так, Е. П. Орлова в 20-х гг. XX в. сообщала: «Селение Утхолок разбито на два: летнее стойбище, расположенное в самом устье, является местом морского и отчасти рыбного промысла, в нем население проводит почти поло-

вину времени; и зимнее стойбище в 30 верстах от моря, куда съезжаются на зиму, а весной промышляют для себя рыбу. . . Селение Ковран. . . тоже разбивается на два: летнее — в одной версте от моря и зимнее — в двенадцати верстах» [143, с. 68—69].

За годы социалистического строительства выросли иные — колхозные селения, большие по размеру, радиофицированные, с новым комплексом жилых, хозяйственных и общественных построек. Все они связаны между собой телефонной линией, различными видами транспорта.

В современных поселениях важное место занимают общественные здания, хозяйственные и подсобные постройки колхозов. Обычно в центре села стоят школа, клуб, правление колхоза, сельсовет, магазины. Подсобные хозяйственные сооружения (птицеферма, лесопилка, скотный двор, электростанция и др.) расположены, как правило, на окраине села. Все общественные здания имеют срубную конструкцию.

Центром всей общественной и культурной жизни села является клуб, в одном здании с которым обычно располагается и библиотека. Наиболее

благоустроены помещения школ, интернатов и детских комбинатов. Все здания типовые, светлые, с водяным отоплением. Обычно рядом со школой и интернатом располагаются вспомогательные учреждения: мастерские, хозяйственные постройки, пришкольный участок. Чем многочисленнее поселок, тем крупнее комплекс школьных зданий.

В каждом селении имеются медпункт и больница со стационаром, а в таких селах, как Тигиль, Усть-Хайрюзово, создан целый ряд оздоровительных учреждений: больница, амбулатория, аптека и пр.

Неотъемлемой частью всех поселений стали магазины со складами для промышленных и продовольственных товаров, пекарни, электростанции, хозяйственные и подсобные постройки колхоза: помещения для крупного рогатого скота, птицефермы, конюшни, овощехранилища, склады, гаражи. Большинство из них построено по типовым проектам.

В настоящее время продолжается большое жилищное строительство, появляются новые школы, больницы, клубы, магазины, культурно-просветительные и общественные учреждения, строительство которых осуществляется за счет государства и колхозов. Все мероприятия направлены на дальнейшее улучшение быта и повышение культуры местного населения.

Немаловажное значение в характеристике поселения имеет индивидуальная усадьба — комплекс жилых, хозяйственных и бытовых сооружений. Они тоже стали иными — по форме и размерам. Они различны и в зависимости от топографических условий, и от значимости в хозяйстве таких занятий, как огородничество. Преимущественно дворы имеют четырехугольную форму, и их значительную площадь занимает зеленый сектор, куда входят огороды, иногда ягодники, клумбы с цветами.

Большие усадьбы имеют жители таких сел, как Тигиль и Хайрюзово, на которых явно сказались влияние русского населения. Они представляют собой обнесенные забором пло-

Ижемский балаган.

щади, внутри которых находятся жилые дома, небольшие хозяйственные постройки (курытник, маленький сарай для хранения соленой рыбы, соли и других продуктов) и зеленый участок. Рабочий сектор обычно небольшой. Возле дома сложены дрова или бревна. Наиболее распространенное расположение домов — линейное, фасадом на улицу.

Жилища. Первые письменные данные о жилищах были сообщены В. В. Атласовым: «А юрты у них зимние земляные, а летные на столбах вышиною от земли сажени по три, намощены досками и покрыты еловым корьем, а ходят в те юрты по лестницам» [101, с. 31]. Более подробное описание устройства полужемлянки дано С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером [107, с. 374; 230, л. 264—265]. Она служила общим жилищем для нескольких родственных семей, и строительство ее было делом всего этого коллектива. При этом существовало половозрастное разделение труда: мужчины выполняли

плотницкие работы, а женщины ре-зали костяными серпами траву, по-крывали ею крыши и плели циновки, которыми выстилали пол и завешивали стены внутри жилища. В самом центре находился очаг. Вдоль стен устанавливали спальные нары. Не было их против очага, где обычно стояла домашняя утварь. В некоторых жилищах спали на земляном полу, устланном циновками. У каждого ительмена на месте ночлега хранились все необходимые для работы и домаш-него обихода вещи. Входили в жилище по лестнице-стремянке, под которой «обыкновенно очаг бывает, и для того во время топления юрты непривыч-ному трудно входить и выходить из юрты: ибо и лестница так горяча бывает, что ухватиться нельзя; и про-ходя сквозь дым должно переводить дух, чтоб не задохнуться» [107, с. 375—376].

Полуземлянка, наиболее древнее ительменское жилище, к концу XVIII в. была вытеснена русской из-бой. Но из-за отсутствия навыков в строительстве домов срубного типа и необходимого инвентаря все итель-менские жилища XIX—начала XX в. были неказистыми, со скудной в них обстановкой. Вот что по этому поводу сообщал В. Н. Тюшов: «Маленькие и бедные домики селения, если только можно назвать домиками эти жалкие обитаемые лачуги, с окнами, нередко затянутыми полотнищами из сшитых медвежьих кишок вместо стекол, всегда сырые и крайне грязные... по большей части даже без сеней, не разгороженные никакими пере-городками, представляют собой не-большие квадратные срубы, неплотно, по неумению, ставленные, покрытые травяной крышей и с отверстиями для окон... Очень часто пола в таком помещении нет, или, вернее, пол земля-ной, закрытый сухой травой» [199, с. 127—128]. Дом обычно обогревался печью, сделанной из самодельного не-обожженного кирпича, основой которой служил так называемый «опечник»: это короткие бревна, сложенные в один или два венца. В помещении стояло 2—3 скамьи, 1—2 табуретки, топчан,

служащий кроватью. Освещались жи-лища при помощи переносных или закрепленных жирников. Первые представляли собой каменную плоску или ракушку с фитилем из лоскута или мха, наполненную жиром и уста-новленную на деревянную подставку в виде подсвечника. Для вторых в потолке, обычно около печи, делалось отверстие, куда вставлялась деревян-ная трубка, выходящая в чердачное помещение. К нижнему концу ее привязывался берестяной конусооб-разный раструб, к которому подвешивалась на веревочках из крапивы или сухожилый дощечка с жирником (все та же каменная плоска или ракушка с фитилем). Трубка и берестяной раструб над жирником служили отводом для образующихся газов и сажи [там же, с. 341—342].

Следует отметить, что в 20—30-х гг. нашего столетия в постоянных поселениях близкие родственники (братья) строили большие срубные жилища размером 50—60 кв. м.

Некоторые ительмены к домам пристраивали сени из бревен или жер-дей, проложенных сухой травой. В больших жилищах из досок делали несколько перегородок: в переднем углу справа находилась горница, слева — спальня, около печи — кухня и у двери — прихожая. Для гостей стояла кровать, а сами хозяева спали на полу. В прихожей устанавливали стол, на кухне были полочки для посуды и небольшой столик. В каждом доме, в центре спальни, на гвозде, подвешивалась люлька, которая пред-ставляла собой кусок холстины, на-тянутый на деревянную раму.

Иногда строили каркасные дома с пазовыми креплениями. В этих слу-чаях устанавливали 4—6 столбов с прорубленными пазами, куда встав-ляли горбыли плоской стороной внутрь. Стены обивали дранкой и об-мазывали глиной, перемешанной с мелко нарубленной соломой. Все остальные элементы жилого дома конструировались так же, как и в сруб-ной избе.

В некоторых ительменских селах до 40-х гг. бытовали так называемые

землянки-юрты, при постройке которых устанавливали шесть столбов, соединенных перекладинами: четыре одинаковой высоты по углам, два — более высоких по центру. На последних покоился каркас крыши-потолка, который устилали жердями, поверх них накладывали сухую траву. Стены делали из горбылей или тонких жердей, поставленных сплошным рядом. Снаружи стены и крышу обкладывали дерном, внутри штукатурили. В таком жилище было, как правило, два небольших окна — на восток и на юг.

В настоящее время большинство домов ительменов (четырёх-, двух- и одноквартирные) представляют собой добротные бревенчатые помещения, оштукатуренные и выбеленные изнутри. Кровельным материалом служат толь, тес или шифер. Потолки в квартирах часто обшиты фанерой и покрашены масляной краской в спокойный цвет (белый, голубой). Окна большие, с двойными рамами и с форточками. Во многих жилищах двери утеплены и имеют внутренние запоры в виде железных крючков или щеколд. Каждый дом и квартира снабжены пристройкой — сенями, половина которых отводится под кладовую для хранения продуктов, одежды, утвари, и крыльцом самой простой конструкции: площадка перед входом и несколько ступенек.

Однокомнатные дома и квартиры обычно разделены при помощи дощатых перегородок на две части: комнату (спальню) и кухню.

В связи с ростом культуры и улучшением материального благосостояния населения изменилась внутренняя обстановка в жилых помещениях.

В жизнь ительменов прочно вошли и новые бытовые и культурные навыки: есть за столом, посуду и квартиру содержать в чистоте и порядке, пользоваться постельным бельем и т. д.

Летние жилища. В конце XVII—начале XVIII в. каждая семья имела и летнее жилище, в котором жила с ранней весны до поздней осени. Устройство его описал С. П. Краше-

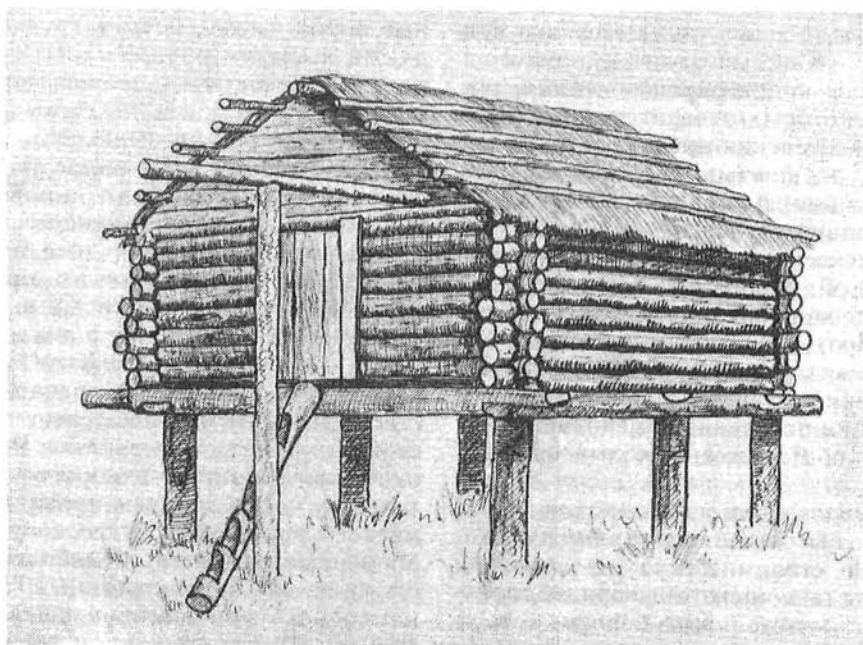
нинников: «Сперва ставят девять столбов вышиною сажени по две и больше, в три ряда в равном расстоянии. Столбы связывают перекладинами, на перекладинах мостят пол колем и устилают траву: поверх полу делают из колья ж высокой востроверхой шатер, которой, обрешетя прутьями или тонкими кольями ж, покрывают траву. Траву прижимают колем, а для крепости, чтоб не сносило ветром, концы верхнего колья с концами нижнего связывают ремнями и веревками. Двери у них делаются с двух сторон, одни против других прямо. Ходят на балаганы по таким же лестницам, как в зимние юрты» [107, с. 377]. Конусообразная или четырехскатная крыша ставилась прямо на помост, который имел со всех сторон большую внешнюю площадку [там же, с. 385, 439]. В XX в. наиболее распространенной стала заимствованная двускатная форма крыш.

Свайные постройки строились на местах промыслов, где под ними вяли рыбу или разделявали ее в сырую погоду. В них же хранили заготовленные впрок юколу, икру и другие продукты, и «таким образом корм их хранится в целости от зверей, которые на балаганы попасть не легко могут» [там же, с. 377]. С переходом ительменов в срубные избы балаганы перестали служить летними жилищами, а использовались в основном как хозяйственные постройки, хотя единичные случаи применения их для ночлега наблюдались еще в XX в.

Временные промысловые жилища. Специфика занятий ительменов в прошлом предполагала сезонный отрыв части населения от постоянных мест жительства. Рыбаки, охотники, сборщики дикоросов значительную часть времени проводили на местах промыслов, где сооружали временные жилища. Наиболее простыми из них были шалаши. «Там, где камчадалу приходится ночевать, — писал Г. В. Стеллер, — он тот час же сооружает себе из длинной и высокой травы шалаш; их можно видеть очень часто повсюду на берегах рек и на торфяниках» [230, л. 271]. Для этого

Амбар на сваях (камчадалы), с. Малка, 1967 г. Фото Н. К. Старковой.

Срубный амбар, с. Сопочное, 1940 г. (по Л. В. Дзержинскому).

вырубали четыре палки длиной 1.5—2 м с развилками на конце. Из них делали стойки и укрепляли на расстоянии около двух метров друг от друга. На развилки клали жердь, к которой наклонно приставляли срубленные ветви деревьев. Если погода была хорошая, на этом сооружение шалаша заканчивалось. В случае дождя поверх ветвей или приставленных палок настилали траву. Для прикрытия задней части шалаша также использовали ветви деревьев, поставленные комлями вверх.

Иногда на временных стоянках при сильном ветре устраивали заслон — каркас из палок с наброшенной на него палаткой. На местах промыслов бытовали и более капитальные постройки для жилья. Так, в конце XIX—начале XX в. В. Н. Тюшов дал описание двух промысловых жилищ ительменов. Одно из них встречено у рыбаков с. Сопчного: «Юрта (временное осеннее жилие). . . представляет собою полу четырехгранную пирамиду, составленную из длинных жердей, прикрытых сверху корой ветлы и травой, которая. . . задавлена рядом таких же длинных, но более тонких палок. В центре она вышиною до 2.5 сажен, в то время как стороны ее — до двух сажен. Наверху, в центре, между жердями имеется небольшое отверстие для выхода дыма. Входное отверстие. . . закрывается на ночь (для теплоты) сколоченной из досок крышкой. Дверь эта прилегает неплотно, и потому большой теплоты. . . в зимнее время ожидать нельзя, если не поддерживать в юрте постоянного огня, который обыкновенно разводится посредине. . . По стенам, во многих жердях сколочены деревянные колышки (спицы) для развешивания одежды и других вещей, а на полу (земляном) вдоль стены — доски, играющая роль скамей» [199, с. 327—328].

Временная постройка другой конструкции была встречена им у ительменов с. Коврана. Она представляла собой двускатный шалаш, со всех сторон покрытый травой. Входом в него служила узкая невысокая дверь, сколоченная из двух досок. Она держалась

на деревянных петлях. На середине постройки имелось отверстие, служащее для выхода дыма. Очаг располагался в центре, над ним при помощи кольев укреплялась палка (поперечина), на которую подвешивали крючки для чайников и котлов. Пола не было [там же, с. 425].

До 50-х гг. нашего столетия на местах промыслов, во временных поселениях обычно строился один большой шалаш (юрта), внутри которого каждая семья размещалась в отдельной палатке или пологе. Устройство каркаса юрты аналогично каркасу вышеописанной землянки. Отличие состояло в том, что на каркас летнего жилища сначала настился слой коры тополя, затем — сухой травы. Все покрытие скреплялось жердями. Шалаш имел дощатую дверь. Очаг обкладывался бревнами, над ним подвешивали жерди для сушки одежды и обуви. Около очага устанавливали стол и скамейки. Окон и пола не было. На землю настилали высушенную траву, которую по мере загрязнения сменяли свежей.

На местах зимних промыслов строили жилища той же конструкции, что и летние, только снаружи обложенные дерном. На фронтонах крыши делали небольшие окна. В помещении устанавливали железную бочку с прорубленной дверцей и трубой, используя ее в качестве печи; вдоль стен ставили нары, в центре — стол со скамейками.

У ительменов с. Сопчного продолжали бытовать промысловые шалаши пирамидальной формы, встреченные еще В. Н. Тюшовым в конце XIX в. [там же, с. 327—328]. За последние 40—50 лет произошли некоторые изменения в устройстве такого рода шалашей. Основой пирамидальной постройки стал венец из бревен, сложенный «в лапу». На нем делали углубления для восьми наклонно поставленных бревен, скрепленных сверху. На эти бревна горизонтально прибавляли жерди, на которые укладывали кору деревьев и траву. Все покрытие сверху придерживалось поставленными вертикально жердями.

Охотники на пушного зверя, которым приходилось часто переезжать с места на место, в качестве временного жилья стали использовать парусиновые палатки с небольшой печкой-камином, сооружать палатки и на рыбалках. Устанавливали их внутри юрты в основном для защиты от комаров и мошек. В настоящее время на местах промыслов построены утепленные охотничьи избушки.

Хозяйственные и подсобные постройки. Некоторые хозяйственные постройки по своей конструкции очень схожи с жилыми. Так, в XVIII в. на летних промыслах делали травяные шалаши, «которые по-камчатски *бажабаж*, а по-русски *барабарами* называются. В них они по большей части есть варят и рыбу чистят в ненастную погоду, а казаки соль варят из морской воды» [107, с. 377]. Эти постройки аналогичны временным шалашам, которыми пользовались в пути для ночлега.

В связи со строительством из русского типа балаганы стали служить преимущественно хозяйственными постройками. В начале XX в. В. Л. Комаров отмечал: «Там, где русское влияние сильнее, балаганы перестают служить жильем, и, сообразно этому, верхнее помещение их превращается в амбар для хранения юколы и теряет открытую часть платформы, окружающей жилое помещение у балаганов» [102, с. 414].

Для хозяйственных нужд ительмены строили срубные амбары, конструкция которых заимствована от русских [199, с. 156].

С распространением среди ительменов нового занятия — животноводства почти на каждой усадьбе появились постройки для скота, хотя и самые примитивные. «Помещения для скота, так называемые. . . стаи, представляют собою где крытые, а где и некрытые срубы, с температурой наружного воздуха» [там же, с. 408]. Усадебные постройки были много хуже жилых домов. Хлева или вовсе отсутствовали, или представляли собою плоскую кровлю на четырех столбах, на которой зимой находился запас

сена. Внизу стояли коровы, причем от ветра и стужи не было другой защиты, кроме снежных сугробов, легко образующихся около построек. Лошадей ительмены привязывали к плетню без всякой защиты от снега и пурги, а ездовых собак летом привязывали где-либо за деревней, по возможности у самой воды [102, с. 413].

Распространенной хозяйственной постройкой, бытовавшей до 50-х гг. нашего столетия, был амбар. Сруб его стоял, как правило, на небольших сваях. Бревна скреплялись «в угол», крыша в большинстве случаев была «самцовой» конструкции. «Самцы» (это продолжение бревенчатой стены вверх треугольником) служили опорой для продольных слег и жердей. Вершины обоих треугольников соединялись толстым бревном «князьком». Потолка не было, а на его уровне на балках делали настил, на котором хранили в зависимости от сезона зимнюю или летнюю одежду и обувь, материал для их пошива, берестяную утварь и т. д. Кровельным материалом служила трава, скрепленная жердями.

Амбар подобной конструкции, по мнению группы авторов книги «Хозяйство и быт русских крестьян», очень древнего происхождения и в XVII—начале XX в. был известен преимущественно северным и центральным районам России [34, с. 128]. Возможно, выходами из этих районов он был перенесен на Камчатку.

Наиболее распространенными были небольшие амбарчики с полом и крышей на сваях высотой в 1—1.5 м, имеющие сруб в 3—4 венца. Назначение их аналогично большим амбарам. До недавнего времени бытовали «шайбы»-ящики, представляющие собой срубы в 4—5 венцов из коротких бревен и покоящиеся на сваях высотой около двух метров. Иногда их располагали на деревьях, прикрывая горбылями, жердями и придавливая сверху камнями или бревнами. Такие хранилища ставили и в поселениях, и на местах промыслов.

Из подсобных сооружений в 20—50-е гг. XX столетия известны постройки для скота. Это каркасные соору-

жения, обложенные дерном, с соломенной крышей, под которой хранили запасы сена. Внутри помещение разделялось изгородью из жердей на столбе отделений, сколько в хозяйстве имелось голов скота. В настоящее время в личных хозяйствах ительменов скота нет.

В послевоенное время в некоторых хозяйствах ительменов появились коптильни. Это обычно небольшая постройка в 3 или 4 кв м, каркас которой обтянут телью или мешковиной, внутри в один или два ряда укрепляют жерди, на которые развешивают рыбу. Внизу роют яму для костра.

До 50-х гг. нашего столетия на местах заготовок или в поселениях встречались специальные постройки для копчения кипрея — круглые ямы диаметром 1.5—2 м, над которыми устанавливали полусферические крыши. Их покрывали корой, затем травой, сверху засыпали землей. Внутри делали настил из тонких жердей, на который укладывали для копчения сердцевину кипрея. При значительных заготовках сооружали коптильни больших размеров, делали двойные настилы, поставленные один над другим [191, с. 65—68].

Все вышеописанные хозяйственные постройки в настоящее время почти перестали бытовать; сохранились лишь маленькие амбарчики и вешала на рыбалках сел Хайрюзово и Қовран. При современном быте отпала необходимость в строительстве хозяйственных построек, а запасы продуктов, одежда и обувь, различные предметы быта хранятся в кладовых и в подполье, которые имеются при каждом доме. Все белье, постельные принадлежности и т. п. уложены в чемоданы и сундуки, которые стоят обычно под кроватями или поставлены один другой у стены и прикрыты накидкой.

Сушила, вешала и другие постройки для заготовки продуктов. Основной постройкой, служащей для вяления рыбы, был балаган. Только в начале XVIII в. он одновременно служил в качестве летнего жилища и помещения для хранения заготовленных продуктов, а под

крышей вялили рыбу. Позднее произошла некоторая дифференциация в его назначении и появилось несколько разновидностей балаганов. В. Л. Комаровым было отмечено три типа: 1-й — для жилья — балаган старинной конструкции; 2-й — в качестве амбара; 3-й — для вяления рыбы. По поводу последнего он писал: «Балаганы третьего типа. . . представляют собою только систему вешал, над которыми, защищая их от дождя, возвышается амбарчик» [102, с.414]. Столбы в среднем ряду у таких балаганов были высокими и служили опорами для стропильной крыши. Фронтонные части оставались открытыми для свободной циркуляции воздуха. На балках на некотором расстоянии друг от друга укладывались жерди, на которых развешивали разделанную рыбу. Под любым балаганом на высоте 1—1.3 м строили жердяной настил, который держался на бревнах, уложенных на столбы с развилками. Последние вкапывались рядом со сваями для балагана. Под настилом в плохую погоду разделявали рыбу. На него же ставили нарты, клали снасти [191, с. 67—68].

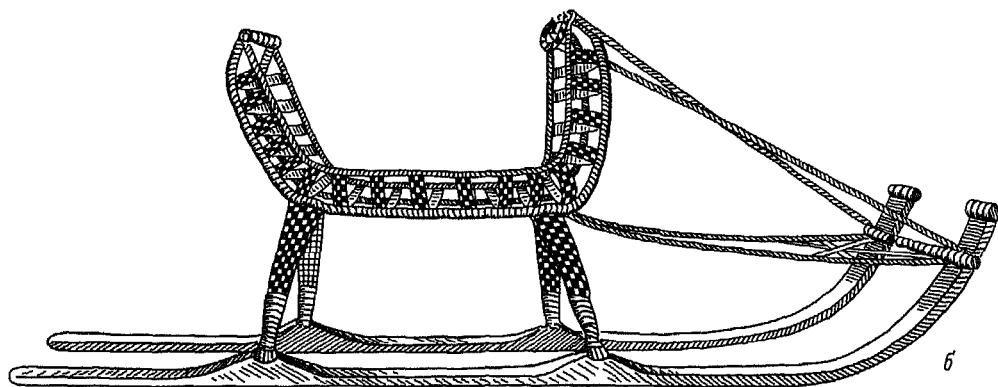
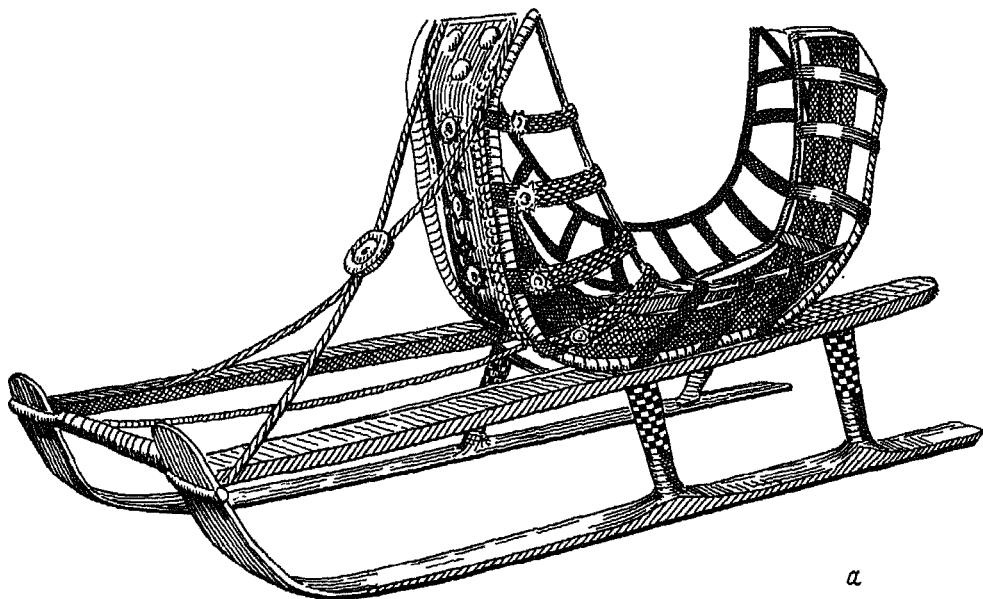
В поселениях рядом с жилищем, на рыбалках недалеко от берега реки строили вешала, представляющие собой прочно вкопанные четыре столба, на которых покоились два тонких бревна. На такие вешала высотой около 2 м ставили нарты, летом на них сушили сети и другие снасти. Иногда поперек бревен клали жерди, на которые развешивали рыбу для вяления.

На местах промыслов, кроме постоянных, имелись и временные вешала. Устройство их такое: на четыре опорные стойки, каждая из которых представляла треножник из рогулек, клали два бревна, а поперек последних — жерди. На них вялились рыба и икра.

Способы и средства передвижения

Из всех элементов материальной культуры способы и средства передвижения ительменов изучены и описаны

Типы ездовых нарт: *a* — чукотско-камчатский тип; *b* — старинные ительменские.

наиболее полно [109; 31; 28; 29; 91]. Занимаясь рыболовно-охотничьими промыслами, ительмены вынуждены были много передвигаться. Но поездки на далекие расстояния были редки. По этому поводу Г. В. Стеллер отмечал: «Если они в прежние времена уходили дальше, чем требовала охота и добывание пищи, то это делалось только для посещения друзей или же в случае войны» [31, с. 89]. С присоединением Камчатки и обложением мест-

ного населения ясаком охота на пушных зверей стала особой отраслью хозяйства и потребовала увеличения переездов. Этому же способствовали «каюрская гоньба» (разъезды административных лиц), развитие торговли.

В прошлом упряжное собаководство было единственным зимним видом транспорта. Использование собаки в качестве тягловой силы, как наиболее простой и древний способ, известно

многим народам Сибири, Дальнего Востока, индейцам Америки и др. [109, с. 76—80]. Но для ительменов этот вид транспорта не был характерен. По классификации М. Г. Левина [там же, с. 84—85], это был северо-восточный тип, или, как классифицируется в «Историко-этнографическом атласе Сибири», чукотско-камчатский тип (камчатский вариант) упряжного собаководства.

В XVIII—первой половине XIX в. ительмены пользовались двумя видами нарт — ездовыми и грузовыми, которые изготовлялись мужчинами зимой. Материалом служили береза и кожаные ремни.

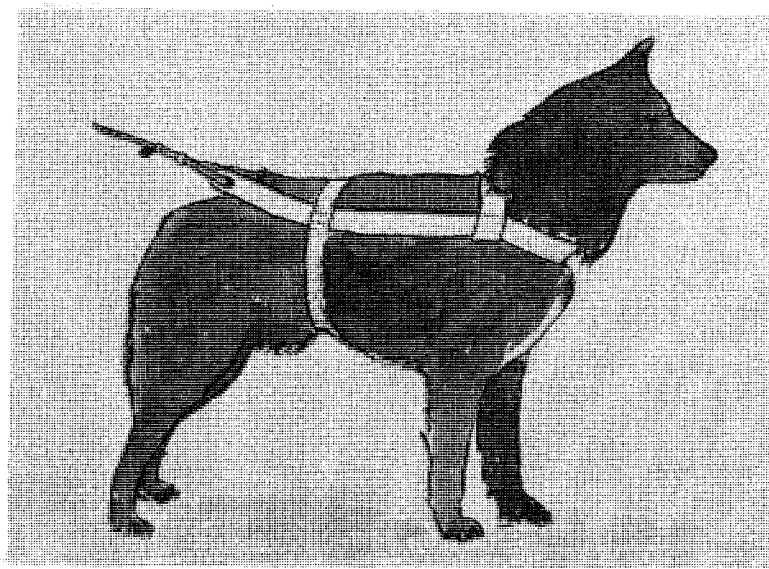
Ездовая нарта состояла из двух полозьев, передние концы которых были загнуты и соединены поперечной. К последней привязывали собачью упряжку и ремни, идущие от кузова. Два дугообразных копылья концами закрепляли к полозьям. На верх копыльев устанавливали и привязывали узкий кузов, имеющий форму ладьи с высокими передком и задком. Основу его составляли круто изогнутые на концах палки, поперек соединенные дугообразными деревянными пластинками, образующими решетку в форме

седла. Все концы пластинок и палок были соединены ремнем [31, с. 85].

Кроме основных частей нарта имела ремни или дощечки, связывающие головки полозьев и поперечину с нижней частью и верхней точкой передка кузова. По предположению В. В. Антроповой, эти ремни предохраняли полозья от разгибания, которое могло получиться вследствие натяжения поперечины упряжкой собак [там же, с. 83].

Все крепление нарта было мягким; отдельные ее части соединялись при помощи ремней, пропускаемых через просверленные отверстия, или же просто накладывались одна на другую и скреплялись ремешками. Старинные ительменские нарти богато орнаментировались.

Основные части упряжки изготовлялись из ремней: алыка (собачьей лямки), потяга (продольного центрального ремня), построжка (ремня, соединяющего лямку с центральным ремнем упряжки-потягом или нартой). Судя по описанию ряда авторов и сохранившимся музейным коллекциям, в XVIII—первой половине XIX в. ительмены использовали два типа упряжки: петлю без перемычки, т. е. ло-

Ездовая собака в упряжи восточносибирского типа.

паточную или близкую к ней, и ляжку с перемычкой, т. е. грудную [109, с. 90—91].

В «Историко-этнографическом атласе» оба типа классифицируются как «косая упряжь» [91, с. 66]. Большинство материалов указывает на то, что при камчатском варианте чукотско-камчатского типа упряжного собаководства преобладала продольная упряжка (цугом), когда к длинному потягу, прикрепленному к поперечине, попарно пристегивались собаки при помощи постромок [112, с. 112—113; 79, с. 139]. Но, по предположению М. Г. Левина, продольная упряжка цугом — явление позднее и отражает влияние восточносибирского типа, а наиболее ранней он считает веерную [109, с. 94—95]. Доказательством этому, по его мнению, были упряжка одной старинной ительменской нарты, хранящейся в коллекции Музея антропологии и этнографии, и описание С. П. Крашенинникова, где указывается, что задняя пара собак привязывалась к поперечине нарты, а не к потягу [107, с. 398]. Подобная упряжка описана и В. М. Головным [62, с. 17].

Садилась на нарты боком, с правой стороны. Такая посадка, отмеченная еще С. П. Крашенинниковым, продолжала бытовать и в последующее время. Управляли упряжкой различными возгласами. Кроме того, использовали остол и вожжи. Камчатский вариант чукотско-камчатского типа упряжного собаководства перестал бытовать во второй половине XIX в.

Наряду с дугокопильной ездовой нартой ительмены пользовались и грузовой, на что указывал ряд авторов [112, с. 113; 62, с. 14; 109, с. 94]. На протяжении XVIII—XIX вв. старинная дугокопильная нарта была заменена восточносибирской, наиболее практичной и грузоподъемной, более прочной и требующей меньшей затраты сил и времени для ее изготовления.

В используемый ительменами комплекс восточносибирского типа упряжного собаководства входили: прямокопильная нарта (три-четыре пары ко-

пыльев, прикрепленных ремнями к полозьям, сверху — к поперечным брускам-вязкам, на которых держался дощатый настил) с одной горизонтальной (установленной к согнутым спереди полозьям и закрепленной к передней паре копыльев) и вертикальной (привязанной к тем же передним копыльям) дугами; продольная парная упряжка с косой и прямой грудной упряжкой: посадка справа; для управления — остол и вертикальная дуга, и . . . различные возгласы.

Обязательной принадлежностью ительмена были ступательные и скользящие типы лыж. В. Н. Тюшов писал: «Лыжи — это необходимое и ничем не заменимое орудие хождения промышленника. Без лыж не только невозможно ехать или идти в лес для звериного промысла, но часто бывает нельзя привезти дров, сена из ближайших окрестностей селения» [199, с. 414—415].

Ступательные лыжи по своей конструкции очень близки к чукотско-корякским «лапкам». Они служили главным образом для прокладывания дороги собачьей упряжке при глубоком снеге и поэтому были ее неотъемлемой принадлежностью [91, с. 81]. В начале XIX в. ступательные лыжи вышли из употребления. Ж. Б. Лессепс уже в конце XVIII в. отметил их наличие лишь в северной части полуострова [112, с. 120].

Ительмены пользовались и скользящими лыжами, которые служили в основном для охотничьих целей. В XX в. их изготавливали из березы длиною в рост человека, шириной 15—20 см. Для загибания передних концов лыж использовали «станок» — деревянную рогулину с двумя поперечными брусками, прибитыми параллельно один ниже другого. Внешняя сторона их всегда обтягивалась шкурой тюленя или оленьими камусами. При ходьбе на лыжах опирались на одну палку, сделанную из хорошо высушенной и обработанной березы.

В летнее время вся жизнь ительменов проходила у воды и на воде. Рыболовный сезон начинался сразу после ледохода и кончался с первой

пургой. Но, несмотря на такой образ жизни, у них не было того разнообразия водных видов транспорта, как, например, у амурских народов. Ительмены изготавливали лишь долбленные колодообразные лодки — *баты*. Такое однообразие водных средств передвижения, вероятно, можно объяснить наличием одинаковых условий путей сообщения на всем Камчатском полуострове (преимущественно небольшие мелководные быстрые реки), единственным назначением этих видов транспорта (в основном для рыбной ловли) и низким уровнем экономического развития.

На батах они проверяли ставные невода и рыболовные ловушки — запоры, совершали поездки от поселений к местам промыслов, перевозили заготовленную рыбу, дикоросы и кладь. Долбленка очень неустойчива на воде, но ительмены обучались передвигаться на ней с юных лет и с ловкостью и мастерством управляли ею. На бату можно было пройти по труднодоступным мелководным и порожистым местам, какими изобилуют камчатские реки. Благодаря этим преимуществам, хотя и в незначительной мере, они используются до сих пор как ительменами, так и старожильческим русским населением.

Бат делали из тополя или ветлы. В начале XVIII в., по Крашенинникову, процесс изготовления долбленных лодок был длительным: «... лодку три года надлежало им делать» [107, с. 380]. С этим фактом не соглашается С. А. Семенов. Экспериментально исследовав обработку дерева, он пишет, что лодку длиной 4 м можно выдолбить и обтесать за 10 дней при ежедневной восьмичасовой работе двух человек [174, с. 207]. К сожалению, С. А. Семенов не учитывает особенности технологии, соблюдение обрядов, характерных для народностей определенной ступени развития при изготовлении долбленок. С приходом русских и заимствованием у них новых орудий труда из металла — топоров, долот, сверл и т. д. — намного облегчилась обработка и сократилось время производства долбленных лодок.

При полевых исследованиях полностью восстановлен процесс изготовления батов в XX в. Весной—осенью уходили вверх по реке, выбирали прямое дерево необходимого размера, около 1—1,2 м в диаметре. Вокруг него все расчищали, у основания предварительно прорубали сквозное отверстие, чтобы при падении ствол не сломался и не раскололся. Срубленное или спиленное бревно длиной 5—6 м очищали от коры, придавали форму носу и корме. Вдоль бревна теслом делали узкое углубление и начинали выборку древесины. Чуть продолбленные бревна сплавляли в поселок, где на берегу реки продолжали изготовление лодок: выборку материала, выравнивание толщины стенок и разводку. Чтобы толщина стенок была одинаковой, вбивали в просверленные углубления колышки длиной около 4 см. Как только появлялись их концы, так продолбление заканчивали. Постепенно при выемке древесины ставили распорки, периодически меняя длинные короткими, чтобы заготовка не раскололась. При полной выборке материала начиналась разводка бортов, для чего в бат наливали воду и нагревали ее раскаленными камнями. Чтобы дерево хорошо распарилось, сверху бат чем-либо накрывали. Камчадалы восточного побережья по возможности весь указанный процесс продельвали у естественных горячих источников. В распаренные борта долбленки ставили распорки, круглые в сечении. Их было от трех до пяти штук в каждой лодке. Высота бортов бата равна 50—60 см.

В XVIII в. на р. Камчатке С. П. Крашенинниковым было зафиксировано два вида долбленных лодок: «Камчатские... баты делаются двояким образом и... разными именами называются, одни *кояхтахтым*, а другие *тахту*. Кояхтастым от наших рыбацких лодок никакой не имеют отмены, ибо и нос у них выше кормы, и бока разложисты; а у лодок тахту нос и корма с боками равны или и ниже, бока не разведены, но внутрь вогнуты, чего ради к езде весьма неспособны, а особливо в погоду, ибо

вода в них тотчас заливается. Кояхтамы употребляются по одной реке Камчатке от вершины до самого устья, а в других местах как по Восточному, так и по Пенжинскому морю тахту» [107, с. 382].

Ительмены, охотившиеся на морского зверя, наращивали борта бата дополнительно досками, а для того чтобы лодка не раскололась от удара морских волн, на дне ее специально делали трещину, которую сшивали китовым усом и конопатили мхом или мягкой крапивой [там же, с. 382].

На бату обычно ходили по два человека: один стоял или сидел на носу, другой — на корме. При езде вверх по течению пользовались шестами, это круглая палка из тальника, длиной 2,5—3 м, очищенная от коры и сучков и хорошо высушенная. Нижний конец ее немного заострен или иногда обит металлом. Кроме того, для езды по гечению реки изготавливали небольшие однолопастные весла, длиной около 1,2 м.

Для перевозки тяжелого или объемного груза устраивали так называемые паромы, когда сдваивали или страивали баты, скрепляя их поперечными палками, и делали из жердей или досок настил, на который клали груз. Каждая семья имела от одной до трех долбленок.

В прошлом, особенно на озерах, ительмены пользовались небольшими плотами, для чего связывали пять-шесть бревен лыком ивы.

С освоением Камчатки русскими появилось новое транспортное животное — лошадь. В 1879 г. в Петропавловском округе их насчитывалось 675 голов [316, л. 81 об.]. Постепенно ими стали обзаводиться и некоторые ительменские хозяйства. Так, в 1890 г. в национальных селах Петропавловского уезда Камчатской области насчитывалось лошадей: в с. Седанке — 11, в с. Утхолоке — 9, в с. Ковране — 19, в с. Хайрюзове — 16, в с. Морошечном — 9, в с. Сопочном — 7 голов [317, л. 119—133].

Никакого особого ухода за лошадьми не было. В. Л. Комаров писал: «Зимой лошади ходят на свободе в

лесу, особенно по таким местам, на которых много вечнозеленого зимнего хвоща, или стоят привязанными к забору, получая изредка охапку сена; к весне они чуть живы, но пышные весенние травы быстро их поправляют» [102, с. 726]. Использовали их преимущественно как вьючных животных или под седло для переезда из одного поселка в другой.

Из национальных средств передвижения до 50-х гг. нашего столетия сохранялись собачьи упряжки восточносибирского типа, скользящие лыжи, долбленные лодки-баты. Способы их изготовления и использования были традиционными.

Наряду с указанными видами транспорта бытовали и заимствованные. В результате длительного контакта с русскими ительмены освоили изготовление наиболее грузоподъемных и устойчивых дощатых плоскодонных лодок-шлюпок. Больше всего они стали применяться в годы Советской власти, когда хозяйства ительменов были коллективизированы и лов рыбы переместился к устьям рек, где условия были совершенно иными, чем в верховьях (прибой у берега, волнение от ветров, большие глубины и т. д.). Баты этим условиям не соответствовали.

Стало более многообразным использование транспортных животных. С момента установления Советской власти и коллективизации резко увеличилось поголовье лошадей, используемых под вьюк и в качестве тягловой силы. В первом случае на спину животного клали одну или две оленьи шкуры, служащие «потниками». Для груза шили вьючные сумы из кож. Зимой лошадей запрягали в сани для перевозки дров, сена, груза, в волокушки — для вывоза строевого леса; летом — в телеги для переброски груза внутри поселка. Они же использовались для обработки земли. Весь инвентарь, применяемый при этом, был полностью заимствован от русских, но изготавливали его сами ительмены. В последние годы поголовье лошадей значительно уменьшилось в связи с появлением в колхозах техники.

В настоящее время в распоряжении жителей районов, где также расселены и ительмены, почти все виды современных транспортных средств: самолеты, теплоходы, катера, глисеры, машины и т. д. Круглый год работает аэролиния между областным (Петропавловск), окружным (Палана) и районными центрами и пос. Усть-Хайрюзово. С помощью авиации доставляются почта, грузы, медикаменты, вывозятся тяжелобольные и т. д.

Согласно расписанию Камчатского пароходства, регулярно на западное побережье до пос. Усть-Хайрюзова и Усть-Тигиля в летнюю навигацию ходят комфортабельные теплоходы, которые перевозят пассажиров, грузы. Такими же видами транспорта поддерживается связь с населенными пунктами полуострова и материка.

Одежда и обувь

Традиционные хозяйственные занятия народности и географические условия определяли, особенно в прошлом, типы одежды и обуви, их покрой и используемый материал.

В момент прихода русских на Камчатку основным материалом для пошива одежды служили шкуры оленей, собак, морских животных, пушного зверя и птиц. Об этом сообщали В. В. Атласов, С. П. Крашенинников, Г. В. Стеллер [101, с. 31; 107, с. 387; 230, л. 145—148]. В более позднее время, вплоть до первой половины XX в., верхнюю одежду шили главным образом из шкур оленей или выменивали готовую у коряков, так как в связи с обложением ительменов ясаком шкурки пушных зверей шли на его выплату. В хозяйстве оставались только испорченные или изредка специально оставленные шкурки, которые использовались лишь для отделки или украшения одежды.

В XVIII в. обувь изготавливали из камусов, кожи лососевых рыб, шкур молодого и среднего возраста тюленей, собак, снежных баранов [107, с. 390; 112, с. 84]. В конце XIX—начале

XX в. ее шили в основном из камусов, шкур оленя и тюленя.

Вся обработка материала, раскрой и пошив одежды и обуви производились женщинами. Они же изготавливали нити из волокон крапивы и сухожилий животных, главным образом оленей. Шили костяными иглами, а с приходом русских — металлическими. Все швейные принадлежности (иглы, нитки, наперстки) хранились в специальной сумочке с несколькими карманами. Выделанные кожи, камусы, лоскуты тканей складывали в мешок, сшитый из тюленьих шкур.

В зависимости от назначения одежды и обуви для их пошива использовали различным способом обработанные шкуры. В XVIII в. выделка их производилась следующим образом: снятые со зверя шкуры сушили, смачивали водой и скребли на доске каменным скребком. Очищенную от мездры шкуру смазывали жеваной лососевой икрой, сворачивали и топтали ногами. Затем вновь обрабатывали скребком. Эти действия повторялись до тех пор, пока кожа не становилась мягкой, эластичной и хорошо растянутой. Выделанные шкуры красили в красный цвет, натирая мелко нарубленной корой ольхи, и использовали преимущественно для изготовления верхней зимней одежды и меховых чулок [107, с. 386].

В конце XIX—первой половине XX в. высушенные в растянутом виде шкуры оленей обрабатывали несколькими способами. Предварительно с них металлическим или каменным скребком снималась мездра, при этом кожа растягивалась и размягчалась. Из выделанного таким способом материала шили верхнюю меховую одежду и чулки. Часто использовали уже начинающую облезать шкуру, которая ранее служила постелью. С нее скребком снимали мездру и срезали ножом шерсть. Из подобного вида кож обычно изготавливали летнюю повседневную и промысловую одежду и обувь.

Первоначальная обработка шкуры для ровдуги в XVIII в. была идентичной вышеописанной. Затем кожу неделю коптили, потом смачивали и

парили, чтобы отопрела шерсть, и наконец смазывали икрой, мяли, топтали и скоблили каменным скребком [там же, с. 386]. В конце XIX—первой половине XX в. ительмены дымленую ровдугу выменивали у коряков. Сами же делали прежним способом только светлую замшу, которую для пошива праздничной обуви чернили (сначала ее красили в красный цвет в настое ольховой коры, затем чернили в массе, полученной в процессе трения металлических изделий о брусок, смоченный водой, и смешанной с настоем ольховой коры). Иногда тертую массу кипятили в старой ржавой посудине и также получали черный краситель.

Для пошива повседневной летней обуви использовали оленью кожу, выделанную следующим образом: только что снятую или намоченную шкуру сворачивали, клали для заквашивания в теплое место, затем соскребали мездру и шерсть и в растянутом виде просушивали.

Иногда очищенную от мездры оленью шкуру, идущую на пошив меховых чулок, красили в красный цвет. Для этого ольховую кору настаивали на моче человека. Этим настоем смачивали шкуру, сворачивали смазанной стороной внутрь и мяли ногами до покраски, после чего просушивали в расправленном виде.

Несколько иначе происходила заготовка камусов. Сняв с оленя, их парно вокруг сшивали нитками через край шерстью внутрь, и, наполнив сухой травой, сушили под балаганом или на чердаке дома. Такой камус мог храниться долгое время. Перед пошивом обуви его обрабатывали так же, как и шкуру оленя: скребли, удалив мездру, мяли, растягивали. Выделанные камусы использовались при изготовлении зимней повседневной и промысловой обуви, рукавиц. Из них также шили голенища для демисезонной обуви.

Значительное количество одежды и обуви изготовлялось из выделанных тюленьих шкур. Обработка их производилась несколькими способами и зависела от того, на какие части и

типы обуви шел материал. Так, по свидетельству Г. В. Стеллера, в XVIII в. заготовки для подошвы сначала смачивали водой, затем пластинами складывали в теплом углу землянки для прогрева и пропаривания. Через несколько дней очищенную от шерсти кожу растягивали для просушки [230, л. 139].

В XX в. свежую тюленью шкуру высушивали в расправленном виде, затем ножом снимали остатки жира и мездру, одновременно растягивая ее. Из такой шкуры раскраивали подошву. Используемые для этих же целей шкуры медведя, домашнего скота, сивуча обрабатывались так же, как и тюленьи.

Для праздничной обуви тюленью шкуру красили крепким отваром ольховой коры: его вливали в сшитые в виде мешка шерстью внутрь тюленьи шкуры. Зашитый мешок подвешивали на дерево или клали на полено и в часы досуга один за другим колотили по нему дубинкой. Эта процедура повторялась до тех пор, пока краска не просачивалась сквозь кожу. Окрашенную, ее растягивали для просушки на воздухе, перед раскроем тщательно мяли руками [230, л. 140; 107, с. 386].

Несколько иначе производилась выделка шкур, идущих на изготовление нижней поясной одежды, голенищ и головок всей летней обуви. Предварительно их также смачивали водой, свертывали шерстью внутрь и клали на несколько дней в яму, обложенную травой, где они чуть-чуть подпревали. Затем очищали от шерсти и растягивали. Высушенную кожу мяли руками, зажав между коленями и придерживая левой рукой один ее конец, другой поворачивали правой рукой по окружности против часовой стрелки. Последующую обработку продолжали скребком, снимая мездру и размягчая кожу.

Интересно отметить, что в начале XVIII в. ительмены красили кожи и минеральными красками. Об этом сообщал А. П. Горланов: «... красную краску, которую сперва... сжигают в котле, а нажав, кладут в огонь,

а как сожжется, мнут руками; и как кто пожелает краской цвет платью навести, то кладут ту краску в воду и прибавляют тут икру и клей кожной, то в воде краска распускается, а потом красят они уже свое платье ярко: парки, кухлянки, торбасы и др.» [49, с. 142].

Иногда выцветшую матерчатую одежду, приобретенную у русских, красили соком шикши или брусники [230, л. 95]. Собачьи шкуры дубили при помощи древесины гнилого дерева и рыбьей икры и красили настоем ольховой коры [там же, л. 168]. С приходом русских на Камчатку ительмены стали шить свою одежду из различных тканей.

Все кожаные заготовки раскраивались на доске острым ножом с широким лезвием, шкуры с мехом — только со стороны мездры, чтобы не повредить ворс. Ткани раскраивались ножницами. Меховые изделия шили обметочным швом, а кожаные и матерчатые — швом стежкой. На дыры одежды и обуви ительмены накладывали заплаты, никогда их не штопая.

Одежду ительменов можно классифицировать на зимнюю и летнюю, на мужскую, женскую и детскую, на повседневную, промысловую и праздничную, но строгой дифференциации верхней плечевой одежды не было. Так, например, повседневная выношенная меховая одежда могла служить летней. Женщины носили одинаковые с мужчинами по покрою кухлянки и парки.

П о в с е д н е в н а я и з и м н я о д е ж д а . О б у в ь . Повседневной зимней верхней плечевой мужской одеждой служила кухлянка, изготовленная в большинстве случаев из оленьих шкур. В начале XVIII в. она была двух видов. «А делается кухлянки двумя разными покроями, — писал С. П. Крашенинников, — у одних подол бывает ровной, а у других назади с нарочитою выемкою и с хвостом долгим» [107, с. 387]. Кухлянку шили глухую, рубашечного покроя, длинной ниже колен. Проймы рукавов были углубленные, рукава широкие, суживающиеся к кисти. Обязательной

частью кухлянки являлись капюшон и нагрудник, последний шили из шкур с собачьих ног. Ворот выкраивали нешироким. К низу кухлянки пришивали подолу шириной в ладонь или две. Подол, рукава, капюшон и нагрудник обшивали пушистым мехом. Зимняя кухлянка была двойной: нательную носили мехом внутрь, а верхнюю — мехом наружу. В качестве украшений к спине пришивали разноцветные ремешки.

В XVIII в. носили также кухлянки из собачьих, бараньих шкур и реже — из меха пушного зверя. Г. В. Стеллер писал, что на праздничную кухлянку шло 5—6 собачьих шкур [230, л. 168].

По сообщению С. П. Крашенинникова, кухлянку обоих покровов носили как мужчины, так и женщины, а по Г. В. Стеллеру — кухлянку «с хвостом» носили только женщины [107, с. 390; 230, л. 383].

Другой повседневной зимней плечевой одеждой в XVIII в. служили камлеи. Они изготовлялись двойными из тех же мехов, что и кухлянки, и по покрою были однотипны с ними. Отличие состояло лишь в длине. Камлея «делается почти до пяты, сверх того никакими красками не красится» [107, с. 387].

Описанная верхняя плечевая одежда бытовала у ительменов как в XIX, так и в первой половине XX в. Из толстой зимней шкуры оленя изготовлялась зимняя кухлянка, из летней — более легкая. При плохой погоде для сохранения меха кухлянки поверх ее надевали камлейку, служащую теперь защитной одеждой. При изменении ее назначения сменился и материал. Если раньше камлею шили из меховых шкур, то в первой половине XX в. — из белой ровдуги или ткани. Покрой ее одинаков с покровом кухлянки, только в капюшон вдевался ремешок для его стягивания во время непогоды.

К приходу русских на Камчатку верхнюю меховую одежду мужчины надевали на голое тело. Рубашек не носили, но имелаась поясная одежда: зимние широкие штаны, «что огузье у них вниз шерстью, а сопли (сополь—

Ительменская современная меховая кухлянка (вид спереди и вид сзади)
Фото Н. К. Старковой

одна половина штанов, — *Ред.*), на которые обыкновенно олени или волчьи камасы употребляются, вверх шерстью. Поконец соплей бывает ровдужной или суконной опушень, в которой ремень продевается для завязывания обуви, на которую надевается, чтоб снег за оную не засыпался» [там же, с. 390].

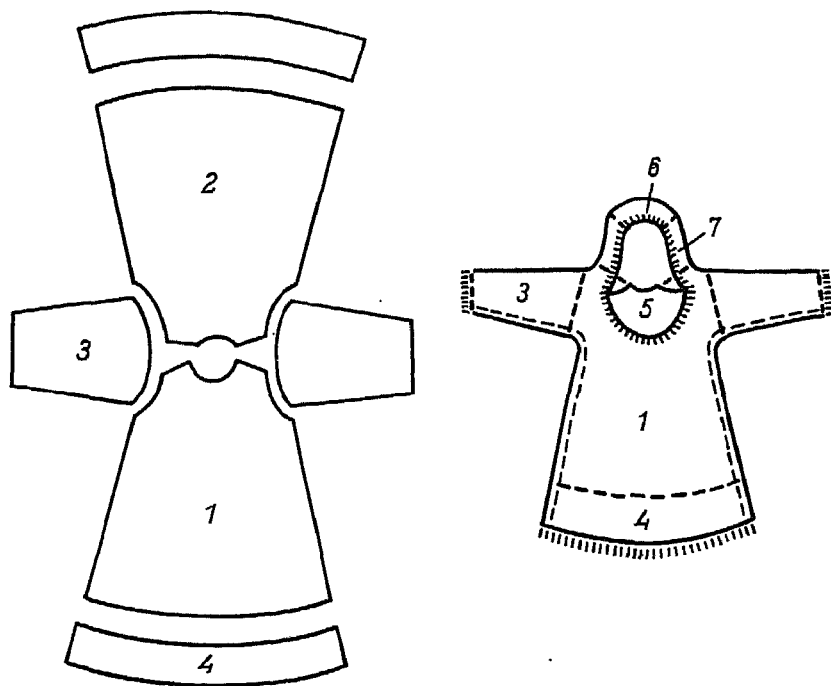
До 40—50-х гг. XX в. из оленьей зимней шкуры шили штаны. К нижней части голенища пришивали сложенную вдвое кайму из ровдуги или ткани, куда вдевали шнурки и затягивали ими голенища поверх торбасов. Иногда такие штаны шили двойными: нижние мехом внутрь, верхние — мехом наружу. Нижней плечевой мужской одеждой служили ровдужные и тканевые рубашки.

Сейчас традиционная меховая одежда ительменами не изготавливается, а в случае необходимости (например, охотниками) приобретается у коряков. На работу надевают стеганные ватные куртки и брюки, а повседневно носят пальто, полушубки и шубы.

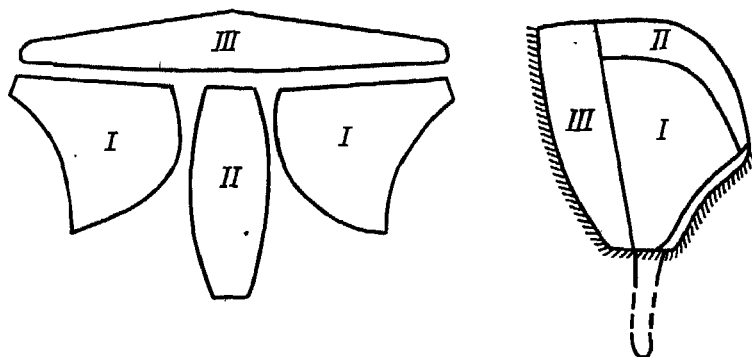
До начала XVIII в. мужчины носили самобытные головные уборы. Об этом сообщал Г. В. Стеллер: «Прежде мужчины носили всевозможного рода шапки из птичьих перьев и разного меха... Зимой они обвязывали голову ремнем с привешенными к нему лоскутами различного меха. Последние служили для прикрытия глаз и ушей, а также затылка, тогда как темя головы оставалось непокрытым» [215, с. 310].

В XIX—середине XX в. мужским головным убором служил капор, называемый русскими *малахаем*, по материалу и покрою аналогичный корякским и чукотским меховым головным уборам [91, с. 333]. В настоящее время их сменили шапки-ушанки, приобретаемые в магазинах. Наиболее распространенным женским головным убором является платок, который носит старшее и среднее поколение. Молодежь ходит в разнообразных шапках, шляпах и т. д.

Дополнительной частью одежды являлись меховые рукавицы и пер-

Раскрой современной ительменской меховой курлянки: 1 — увык, к?л'фьян'чран; 2 — сал'ган, краач; 3 — спльн'; 4 — темп-темп; 5 — пыхихэч; 6 — кзихч; 7 — х'вавъм.

Раскрой мужского мехового капора (с. Ковран, 1963 г.): I — х'вавъм; II — ч'зих'ч; III — ир'ярич, мухта.

чатки-голицы. В начале XVIII в. они изготовлялись из кож оленя, медведя или волка [230, л. 397]. До недавнего времени рукавицы шили из четырех выделанных камусов на одну пару [191, с. 101, 103].

Вплоть до середины XX в. всю зимнюю повседневную обувь шили из обработанных камусов. Голенище выкраивали из четырех частей: переднюю — из камуса передней ноги оленя, три остальных — из камусов задних

ног. К переднему камусу снизу пришивался носок (союзка) иной расцветки. Покрой его мог иметь форму полукруга, сегмента или сектора. Задний камус выкраивался во всю длину обуви, а два боковых короче, нижний их срез был косым. К боковым и передней частям голенища пришивались снизу две союзки. Вверху обувь оторачивалась каймой, в которую вдевалась завязка для стягивания голенища. Два ремешка из ровдуги пришивались внизу к заднику. Ими обхватывалась нога у подъема. Подошва выкраивалась из тюленьей шкуры, реже из медвежьей и домашнего скота. Между подошвой и меховой частью обуви вшивался сдвоенный ремешок.

Иногда из выделанной тюленьей шкуры шерстью наружу шили короткие меховые *торбаса*. Раскраивали их двумя способами. Первый представлял собой отдельно выкроенные голенище, головку, прикрывающую ногу от ступни до щиколоток, и подошву. Все части сшивались. Торбаса снабжались завязками. При втором виде раскрой к голенищу со швом сбоку и вырезом спереди на месте подъема ноги вшивался фигурный носок, затем пришивали подошву, кайму и завязки.

Раньше мужская повседневная обувь отличалась от женской длиной голенища. «Мужская обувь от женской вообще разнствует тем, — указывал С. П. Крашенинников, — что у мужской голенища коротки, а у женской по колено долги» [107, с. 390]. В XX столетии этих различий уже не наблюдалось, длина ее для обоего пола стала одинаковой — до колен.

До недавнего времени ительмены носили повседневную весенне-осеннюю обувь. Это — торбаса, голенища которых были меховыми, из камусов или тюленьих шкур, а головки — из кожи.

Любая обувь обязательно имела стельку из сухой травы. Предпочтение отдавалось мягкой мелкой траве, растущей на кочках. В XVIII в. ительмены очень искусно оборачивали ею ноги. Она хорошо сохраняла тепло. С зимней обувью носили меховые чулки. Шили их из выделанных, иногда

окрашенных, оленьих или собачьих шкур [191, с. 103, 105].

Современная зимняя обувь, как правило, покупная, фабричного производства: валенки, различных фасонов сапожки и ботинки и т. д.

О верхней плечевой одежде ительменов С. П. Крашенинников сообщал, что кухлянку и парку носят и мужчины, и женщины, отличаются только нижнее белье и обувь [107, с. 393]. В конце XIX в. была отмечена разница лишь в длине и ширине: «Все отличие одежды мужской от женской состоит в том, что камлеи и кухлянки, носимые женщинами, несколько длиннее и еще шире мужских» [199, с. 226].

Специальным нижним женским одеянием был *комбинезон*, бытовавший в XVIII в. Вот как описал раскрой и материал женского комбинезона С. П. Крашенинников: «Женское нижнее платье, в котором они дома обыкновенно ходят, содержит и штаны и душагрейку, вместе сшитые. Штаны длиною и шириною подобны голландским брюкам, также подвязываются ниже колена; а душагрейка с воротом, который на веревочке и стягивается и распускается. Сие платье называется *хоньбами* и с ног надевается» [107, с. 390]. Зимний комбинезон шили из шкур оленей или снежных баранов, носили его наружу, а иногда внутрь шерстью. Подобный зимний наряд до сих пор носят женщины чукчей в качестве верхней одежды, а корячки в большинстве случаев — как нижнюю одежду [91, с. 232]. Ительменский комбинезон с приходом русских очень быстро вышел из употребления, так как изменились бытовые условия и появилась заимствованная одежда.

В XIX—начале XX в. зимой для работ и занятий вне дома женщины надевали меховые штаны, которые изготовлялись из летних оленьих шкур. По покрою они схожи с вышеописанными мужскими. Нижней плечевой одеждой служили платья и кофты русского покроя, сшитые из тканей. Ходили женщины без головных уборов, зимой набрасывая капюшон верхней одежды. С XVIII в. «девки по российски убираются. . . Носят кокош-

ники, чепцы и золотые ленты. . .» [107, с. 392].

В холодное время года женщины на руки надевали камусные рукавицы, по покрою подобные мужским. В начале XX в. часто шили рукавицы из тканей, утепленных ватой.

Летняя одежда и обувь. Летней плечевой одеждой ительменов служили кухлянки, которые шили из шкур тюленей или же ровдуги. «В хорошее время, — писал Ж. Б. Лессепс, — окутываются в долги. . . кожаные без волос рубашки. . . надевают их сверх всего платья» [112, с. 85]. Часто летом носили поношенные зимние кухлянки, с которых уже почти полностью вытерся ворс.

Нижней поясной одеждой летом как для мужчин, так и для женщин служили штаны, сшитые из разных кож «наподобие портков, каковы носят мужики деревенские, токмо поуже» [107, с. 390], носили их мужчины и в начале XX в.

В качестве домашнего «платья» для мужчин служил ременной пояс, «по их *махва*, у которого наперед пришит мешечек для прикрытия тайного уда, а назад ременные мохры для прикрытия заду, впрочем бывает оной раскрашен и нерпичью крашеной шерстью». Как сообщал С. П. Крашенинников, в таком поясе ительмены ходили и на летние промыслы [там же, с. 390].

С приходом русских на Камчатку произошли значительные изменения в одежде ительменов. Так, уже в конце XVIII в. Г. А. Сарычев отмечал: «Сравнивая нынешнее состояние камчадалов и образ их жизни с описанием г. Крашенинникова, нашли мы великую перемену» [170, с. 125—126].

Наиболее изменилась летняя одежда. «Относительно одежды и обуви, — отмечал В. П. Маргаритов, — можно сказать, впрочем, что все летнее ближе к покрою русскому, а все зимнее — к инородческому» [117, с. 125].

В настоящее время летом все без исключения ходят в одежде из различных тканей как фабричного, так и собственного пошива. Повседневной верх-

ней одеждой служит легкое пальто, а нижней — рубашки, пиджаки, костюмы, платья, свитера, брюки и т. д. Все ительмены носят нижнее белье, приобретаемое в магазинах.

В начале XVIII в. летним мужским головным убором служили деревянные шляпы или из стержней перьев, имевшие форму абажуров. Как отмечал Г. В. Стеллер, они были подобны алеутским [215, с. 310]. С. П. Крашенинников сообщал, что летом мужчины носили *берестяные умбракулы*, которые завязывались на затылке [107, с. 392]. От русских ительмены переняли летний мужской головной убор — кепи, фуражки.

К сожалению, почти нет сведений о летней обуви ительменов, бытовавшей в XVIII—XIX вв. Лишь С. П. Крашенинников отмечал, что у ительменов обувь, «которую носят летом в мокрую погоду. . . делается из сырой тюленьей кожи вверх шерстью наподобие поршней» [там же, с. 390].

Наиболее разнообразной в наше столетие была летняя повседневная обувь, которая отличалась покроем и используемым материалом. В любую погоду носили торбаса из выделанной оленьей шкуры. Голенище выкраивалось из целого куска кожи, наружу той стороной, с которой была снята шерсть. Соединительный шов проходил сзади. Головку, высотой до щиколоток, делали из той же кожи, что и голенище. Шов проходил преимущественно сбоку или же сзади. Между подошвой и головкой вшивалась сложенная вдвое полоска из тонкой выделанной кожи. Эта деталь обязательна для всех видов обуви. Последними пришивались кайма, верхние и нижние завязки.

Другим видом повседневной обуви, которую носили только в хорошую погоду, были торбаса из ровдуги. Голенище их выкраивалось из одного куска. В нижнюю часть его, срезанную с обеих сторон углом почти до половины, вшивался носок: шов у голенища проходил спереди, у головки — сзади. На месте стыка этих основных частей обуви пришивали полоску ровдуги, приложенную поверх голенища

и окаймляющую всю головку. Подошву одинакового покроя для всей ительменской обуви выкраивали из тюленьей шкуры. Одну пару ремешков пристегивали к верхней части головки спереди, направляя их крест-накрест, и пропускали через петли, пришитые с обеих сторон головки, ближе к пятке. Верхние завязки вдевали в двоякую кайму.

Повседневной обувью для сухой погоды служили торбаса, сшитые из крашенной в черный цвет оленьей кожи. Голенница их, суженные книзу, сшивались спереди и имели прямоугольный вырез для союзки, по раскрою похожей на головку современных кирзовых сапог с поднятым мысом на подъеме. Она покрывала только переднюю часть ноги. Эта обувь была высотой чуть ниже колена, размер зависел от длины следа, нога всегда оборачивалась портянкой.

Дома ительмены ходили в любой легкой обуви. Часто ею служили старые торбаса.

Комплект летней женской одежды XVIII—начала XX в. отличался от мужской лишь нижней одеждой. В XVIII в. в такой комплект входил комбинезон, сшитый из ровдуг или выделанных кож морских животных. Из этих же материалов позже стали шить штаны, подобные мужским.

От русских женщины быстро переняли их легкую одежду — платья, юбки, кофты, как наиболее практичные. Из тканей шили длинные штаны, которые заправляли в обувь. Предпочтение отдавалось тканям светлых тонов.

Иногда шили тапочки из камусов и тюленьей шкуры, обшивая верх пушистым мехом. Внутренняя сторона их имела тканевую подкладку.

Промысловая одежда и обувь. Специальной промысловой одежды у ительменов не было, ею служила повседневная.

В качестве защитной одежды от сырости в XVIII в. надевали плетеные из травы *дождевики*. Внутренняя сторона их была гладкой, а внешняя — пушистой; края украшали каймой из той же плетеной соломы. Накидками

от дождя служили также плетеные соломенные циновки, которые ительмены всегда носили с собой. Одновременно они являлись и ковриками для сидения [230, л. 99]. В начале XX в. плащом-накидкой была выделанная оленья шкура, пропитанная с внешней стороны тюленьим или медвежьим жиром.

В качестве промысловой ительмены использовали как зимние, так и летние повседневные виды обуви. Но были и специальные торбаса: «Зимнюю обувь, в которой ходят на промыслы, шьют из сушеной рыбьей кожи, а особенно чавычьей, кайковой и няркиной, — писал С. П. Крашенинников, — но она хороша токмо в морозы, а в мокрую погоду тотчас расплывается» [107, с. 390]. Охотники, промышлявшие зверя на льду, носили меховую обувь с подошвой из медвежьих камусов, которые не скользили [215, с. 308].

Промысловую обувь в XX столетии служили меховые торбаса, удлиненные наголенниками. Основа наголенника выкраивалась из четырех камусов, три из них — передний и два боковых — камусы с передних ног оленя. Между ними вшивались камусные клинья, как правило другого цвета.

Женщины, как сообщал Г. В. Стеллер, «из кожи кеты выделывают обувь, которую летом надевают они при сборе ягод и раскапывании мышиных норок на торфяниках» [там же, с. 361].

В XX в. летней промысловой обувью являлись длинные торбаса для рыбной ловли, называемые *броднями*. Для голенница (размером во всю длину ноги) и головки использовали оленью шкуру с очень коротко срезанной ножом или же снятой скребком шерстью. Очищенную кожу для непромокаемости коптили над костром, периодически смазывая жиром. Часто голенница бродней шили составными: до колена из шкуры оленя, а выше — из тюленя, шерстью наружу. Вообще же предпочитали верх голенниц делать из хорошо выделанной мягкой кожи. Под коленом обувь подвязывалась.

Для ходьбы на далекие расстояния летом надевали торбаса с очень коротким (до икр) голенищем. Ительмены такой вид обуви шили редко, преимущественно приобретая ее у коряков. Головка у изготовленных торбасов была выше, чем у корякских.

В наши дни производственной одеждой для рыбаков служат прорезиненные куртки и брюки, длинные и короткие резиновые сапоги; занятые в остальных сферах производства — животноводстве, полеводстве, строительстве и т. д. — приобретают ватные куртки, кирзовые сапоги и ботинки.

Праздничная одежда и обувь. Праздничной плечевой одеждой ительменов в XVIII в. являлась *парка*. Это меховая одинарная глухая рубаха; вокруг подола, ворота и рукавов пришивали так называемый подзор и затем обшивали бобровым или собачьим мехом.

Высоко ценилась парка из собачьего меха — прочная, теплая, не боящаяся сырости. При самых неблагоприятных условиях такая одежда могла служить по меньшей мере четыре года. С приходом русских на Камчатку парки из собачьих шкур стали редкостью, так как собаки стали использоваться в основном как транспортные животные. Но даже при таком положении каждая ительменка обязательно старалась обшить собачьим мехом оленью или тюленью парку. Интересно сообщение Г. В. Стеллера, который отмечал, что «раньше ительмены шили парки также из кож уток, гагар, гусей, лебедей и морских чаек, но в настоящее время этот обычай совершенно исчез» [215, с. 304].

Под влиянием русской культуры произошли изменения и в праздничной одежде народности. «Камчадалки стали одеваться по праздникам большею частью так, как казачки, — отмечал Г. А. Сарычев, — носят душегрейки и юбки, а на голову повязывают платки» [170, с. 126].

Позднее, в конце XIX в., В. Н. Тюшов писал: «Влияние русских сказалось также в том, что почти у каждого из инородцев. . . имеется платье из какой-либо материи. Так, женщинами

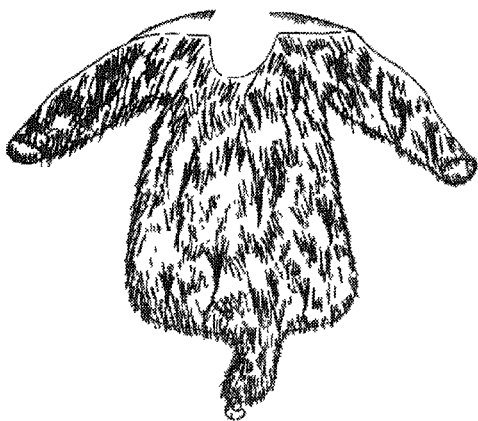
шьются. . . ситцевые платья. . . Мужчины шьют себе из какой-нибудь „чортовой кожи“ брюки. . . и пиджаки. . . Все эти драгоценности, иногда можно увидеть даже галстуки и крахмальную сорочку, лежат где-нибудь далеко в сундуке и спешно надеваются при проезде какого-либо начальственного лица или в большой праздник» [199, с. 226].

Если в прошлом заимствованная русская одежда служила преимущественно праздничным и парадным нарядом, то в XX в. она стала обыденной, повседневной.

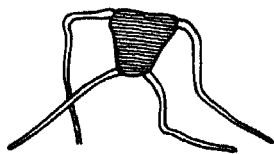
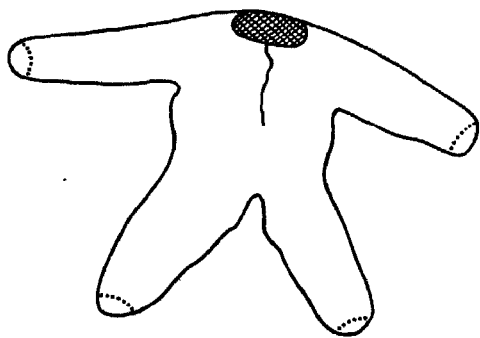
Традиционная праздничная обувь, по описанию С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, изготавливалась из ровдуги или тюленьей крашеной кожи. Головку составляли из всевозможных пестрых кусков (полосы красного сафьяна чередовались с полосами тюленьей кожи), подошва выкраивалась также из белой выделанной нерпичьей шкуры. Около стыка голенища и головки пришивалась полоска из кожи собачьей глотки. Этот материал, как указывал Г. В. Стеллер, ительмены умели настолько хорошо обрабатывать и отбеливать, что он не уступал «белейшей французской лайке» [230, л. 393]. Около щиколоток обувь обматывалась кожаными завязками. Наверху пришивалась широкая кайма, расшитая всевозможными узорами. С приходом русских стали использовать шелковые нитки и даже вышивали золотом. Такую обувь ительмены очень ценили и гордились ею.

В первой половине нашего столетия праздничную обувь шили из черной ровдуги. Покрой ее однотипен с повседневной. Около щиколоток петельчатым швом цветными нитками прошивали завязки из тюленьей красной кожи. Голенище завершалось сдвоенной каймой со вздежкой. Женская обувь могла быть и без каймы.

Чаще всего ительмены наряжались в праздничное одеяние зимой, когда к ним приезжали в гости из соседних и отдаленных селений родственники и знакомые. В настоящее время в выходные и торжественные дни надевают праздничную одежду и обувь.

Кухлянка с «хвостом» (по Г. В. Стеллеру).

Детский меховой комбинезон конца XIX в. (по В. Н. Тюшову).

Детская одежда. Большую часть вышеописанной одежды, особенно верхней (кухлянки, торбаса всех видов), но соответствующего размера, носили дети старшего возраста.

Новорожденного в прошлом заворачивали в мягкую высушенную траву, расчесанную гребнем, или же в ку-

сок выделанной шкуры. С появлением тканей их стали использовать в качестве пеленок. Через 5—7 дней после рождения на малыша надевали меховой комбинезон, штанишки и рукава которого наглухо зашивались. На спине делался разрез, затягивающийся завязками. У штанов комбинезона имелось отверстие, которое прикрывалось лоскутом кожи или ткани, куда подкладывали мягкую траву или мох. Эту подстилку периодически сменяли. В два-три года на ребенка уже надевали кухлянку, а также отдельно сшитые штаны и обувь. Такая детская одежда бытовала в XVIII—начале XX в. [107, с. 440; 199, с. 346]. До недавнего времени для грудных детей шили комбинезоны из тканей, аналогичные вышеописанным. Отличие состояло в том, что современный комбинезон выкраивался отрезным по талии, иногда без рукавов, голенища штанов доходили до икр или щиколоток и заправлялись в обувь. Отверстие между штанинами не прикрывалось. В таких комбинезонах дети ходили до двух-трех лет. Из грубых тканей для них шили торбаса. Покрой их был одинаков с покроем меховых чулок. Дети носили рукавицы из тканей на вате, которые выкраивались обычно из единого куска с вырезом для большого пальца. Шов проходил по ребру ладони.

В настоящее время малышей заворачивают в пеленки, одеяльца. На них надевают распашонки, ползунки, рубашки и штанишки, колготки и пр. Детям-школьникам в интернатах выдают школьные формы.

Ритуальная одежда. Специальной ритуальной и погребальной одежды ительмены не имели. В связи с христианизацией аборигены Камчатки переняли у русских погребальную обрядность. Покойника наряжали в лучшую одежду, у стариков она была заранее сшита. Весь имеющийся гардероб умершего бросали в могилу. Женщину, как правило, одевали в платья светлых тонов. Обязательно повязывали платок, но никогда не надевали трусов. Мужчину обряжали в костюм темных тонов и хоронили

без головного убора. В настоящее время умершего одевают и хоронят по современным правилам погребального обряда [193, с. 38—43].

Прически и украшения. В начале XVIII столетия замужние женщины носили своеобразную прическу, о чем сообщали С. П. Крашенинников и Г. В. Стеллер [107, с. 368; 230, л. 395—396]. Волосы отращивались очень длинными, заплетались во множество мелких косичек и концами своими собирались в одну-две большие косы. Чтобы прическа была гуще и пышней, дополнительно вплетали все имеющиеся вычесанные волосы. Если волосы выбивались из кос, их «пришивали нитками, чтобы были гладки» [107, с. 368]. Для красоты и блеска прическу обильно смазывали рыбьим или тюленьим жиром. Девушки ходили со множеством небольших косичек, свисающих вокруг головы. Мужчины заплетали волосы в две косы.

С приходом русских все эти прически вышли из моды. Мужчины стали стричься по-русски, никаких украшений не носили, а женщины на шею подвешивали кожаные ремешки с вышитыми на них разнообразными узорами и вшитыми крашеными волосами тюленя, раковинами и т. п. Других украшений не знали. С приходом русских стали носить стеклянные бусы, серьги, кольца.

До 40—50-х гг. нашего столетия женщины носили две косы, которые укладывали вокруг головы. Теперь коса стала редкостью. Молодежь стрижется и делает современные прически, а женщины старшего поколения носят волосы длиной до шеи.

Подводя итоги изучения традиционной одежды ительменов на основе материалов С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, Н. Ф. Прыткова пришла к выводу о том, что известно три разновидности таковой [163, с. 87—88]: 1) остатки более древней своеобразной одежды (мужская — пояс-повязка с футляром для полового органа); 2) верхняя зимняя — парка, одинаковая для мужчин и женщин, иногда из шкур водоплавающих птиц, плетенные из травы плащи-накидки,

аналогичные алеутским (эта одежда резко отличалась от одежды чукчей и коряков и носила черты южного происхождения ареала тихоокеанской культуры); 3) одежда, заимствованная от коряков, — меховая верхняя одежда и обувь (по предположению Н. Ф. Прытковой, ительмены переняли и ее корякские названия).

Полностью с последним тезисом исследователя согласиться нельзя, поскольку даже у современных ительменов сохранились свои названия кухлянки и ее частей. Так, корякское название кухлянки «чвылю», а по-ительменски *к'охч*, капюшона (коряк.) «лымгылым», а по-ительменски *кукуньн'*, соответственно нагрудник «в'анол'ын» — *пыхихэхч*, камлейка «манив'ич'ын» — *лул'ньн'* и др.

В то же время имеются явные заимствования. Так, зимняя кухлянка называется «кагавлѐ» по-корякски и *кавел'у* по-ительменски, соответственно меховые чулки «памъят» — *памйа?н*, камус «паньялнын» — *пэнзън'* и т. д.

Ряд общностей в одежде чукчей, коряков и ительменов, выявленных в итоге сравнительного анализа, отмеченных Н. Ф. Прытковой, оказались одновременными; так, если у чукчей и коряков они прослеживаются в старых формах одежды, то у ительменов близость с одеждой коряков относится к более позднему времени [там же, с. 82].

Пища и утварь

Все исследователи и путешественники, побывавшие на Камчатке, отмечали, что основным продуктом питания ительменов была рыба. «Рыба за хлеб их поchezza может», — писал С. П. Крашенинников [107, с. 393]. Дж. Кеннан указывал, что «относительно пищи они главным образом живут на лососках. . . их ловят тысячами в заколах и сетями» [99, с. 45], а В. Н. Тюшов отмечал: «Главным занятием жителей. . . является рыболовство, так как рыба составляет существенную и единственную их пищу. . .

Рыба у них поедается за завтраком, рыба идет на обед, с рыбой пьется чай, и рыба же составляет ужин. Тут вы можете видеть рыбу на все манеры, во всех видах приготовленную: рыба квашеная, рыба жареная, вареная, вяленая, соленая, сушеная» [199, с. 63—64]. Наибольшее значение имели рыбы лососевых пород.

Заготовка рыбы впрок производилась несколькими способами: вялением, квашением, замораживанием, солением и копчением.

Перед консервацией рыбу разделявали. Эту работу делали женщины, им помогали старики и дети [230, л. 401; 79, с. 325]. В 30—60-е гг. нашего столетия ею начали заниматься и мужчины, так как значительная часть женщин стала работать в отраслях сельского хозяйства.

Отмечено различие в способе разделки рыбы между мужчинами и женщинами [191, с. 119].

В течение XVIII—первой половины XX в. основная масса заготавливаемой рыбы вялилась. С. П. Крашенинников отмечал, что «главная их пища, которую должно почесть за ржаной хлеб, есть юкола, которую делают они из всех рыб лососья роду» [107, с. 393]. Для вяления рыбу разделявали несколькими способами. Главным при этом было отделение мясистой части от хребта, чтобы заготовка скорее завялилась.

Подготовленную таким образом рыбу при хорошей погоде предварительно развешивали на сушила, под открытым небом, где она вялилась сначала кожей вверх, а через сутки переворачивалась. После двух-трех дней ее переносили под крышу балагана, прежде очистив от личинок мух. Здесь рыбу развешивали на жерди для вяления на сквозняке: она была защищена от воздействия прямых солнечных лучей и от дождей. Для отпугивания мух под балаганом разводили костры-дымокуры. Юкола, идущая на корм собакам, вялилась на вешалах, под открытым небом.

С давних пор ительмены вялили также мойву и корюшку. Г. В. Стеллер писал: «Ежегодно в июне-июле

восточными ветрами выбрасывается на берег... невероятное количество мелкой... рыбы... По-ительменски... она именуется „уйки“. Ее собирают в огромном количестве и сушат под открытым небом... прямо на песке или на соломенных циновках» [230, л. 186]. Подобный способ заготовки сохранялся до недавнего времени. Крупную корюшку попарно вплетали в сухую траву или веревку и в таких вязках сушили.

В большом количестве впрок заготавливалась лососевая икра, которая была одним из любимых продуктов питания. Ее сушили на воздухе связками, наполняя стебли или дудки различных трав, а особенно борщевика, сушили у огня: «... делается прутьями, и в листе травяном сушится... свежую икру кладут в ямы, устланные травой, и, закрыв травой ж и землей, квасят» [107, с. 393—394].

Другим наиболее распространенным способом заготовки рыбы в прошлом было квашение. В. Атласов указывал: «А питаются рыбою и зверем, а едят рыбу сырую, мерзлую, а в зиму рыбу запасают сырую: кладут в ямы и засыпают землей, и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в те колоды и воду нагревают, и ту рыбу с тою водою размешивают и пьют» [101, с. 31]. Г. В. Стеллер отмечал: «Самый обыкновенный, быстрейшим образом заготавливаемый и чаще всего встречающийся провиант как для людей, так и для собак, состоит здесь из квашеной рыбы, называемой „кислой“» [230, л. 212]. Для этого обычно в яму, обложенную травой, укладывали свежую рыбу. Сверху ее накрывали слоем травы и затем засыпали землей. Квашеная рыба употреблялась в пищу вплоть до XX в., о чем сообщил В. Н. Тюшов [199, с. 63]. Позднее она шла преимущественно на корм собакам, а для себя приготавливали лишь квашеные рыбы головы.

Поздней осенью и зимой рыбу замораживали. Этот способ заготовки бывал как в XVIII в., так и в начале XX в.

Запасали впрок и рыбий жир. Вытапливали его из рыб разных пород, вываривая их в лодках-батах при помощи раскаленных камней [230, л. 220]. По сравнению с жирами морских животных и медведя рыбий жир из-за трудоемкости его получения употреблялся в пищу в незначительных количествах.

У русских ительмены научились солить рыбу. Однако ввиду нехватки и дороговизны соли этот способ заготовки в XVIII—XIX вв. не получил массового распространения. В. М. Головин писал: «Соли здесь мало, и она весьма дорога, а потому не токмо камчадалы, но даже и русские, в Камчатке поселившиеся, очень редко солят рыбу» [62, с. 108—109]. То же самое отмечал и В. Н. Тюшов в конце XIX в. [199, с. 162]. В настоящее время это основной способ заготовки рыбы впрок.

Второй способ консервации рыбы, заимствованный от русских, — специальное копчение. Но им пользовались еще реже, чем засолкой. Разделка рыбы для этого до недавнего времени производилась так же, как и для вяления, только при этом тоньше оставляли слой мякоти. Разделанную рыбу закладывали в бочки с тузлуком или же засыпали солью. Затем ее мыли и развешивали в несколько рядов в специальных копильнях. Южные ительмены коптили рыбу до полной готовности, а северные через пять-семь дней копчения ее вывешивали на проточный воздух под навес, где балык подсушивался и затем лишь употреблялся в пищу.

Таким образом, различные способы сохранения рыбы впрок позволяли использовать ее в пищу в течение всего года.

Значительное место в рационе ительменов занимали продукты морского зверобойного и охотничьего промыслов: мясо, лапы и жир употребляли в пищу; кроме того, жир служил для освещения помещений. Из кишок готовили утварь для хранения продуктов питания и т. д. С. П. Крашенинников отмечал, что «тюлени на Камчатке не столько дороги, сколько

нужны к употреблению по обстоятельствам тамошнего места» [107, с. 272].

Мясо и жир морских животных запасали впрок путем вяления, тушения, квашения и соления.

Интересный способ консервации тушения мяса и жира морских животных описан С. П. Крашенинниковым: «... сперва копают ямы... в которых пол устилают камнем. Потом накладывают полную яму дров и, зажегши снизу... топят, пока она как печь накалится. Когда яма готова будет, то золу сгребают в одно место, пол устилают свежим ольховником, а на ольховник кладут сало особливо, а мясо особливо, и каждой слой перекладывают ольховником: напоследок как яма наполнится, то замывают ее травой и засыпают землю так, чтоб пару вытти не можно было. Спустя несколько часов помянутое мясо и жир вынимают и хранят в зиму. От сего приуготовления мясо и жир бывают гораздо приятнее, нежели вареные, а притом и чрез целый год не испортятся» [там же, с. 272].

В XX в. жир морских животных небольшими кусками укладывали в шкуры тюленей, снятые чулком, и хранили в амбарах. В значительном количестве запасали топленый тюлений жир, которым заполняли специально для этого вычищенные и высушенные в надутом виде желудки животных. Некоторые части тюленя (лапы, почки и сердце) зарывали в яму или же завязывали в свежеснятую шкуру. Для лучшего вкуса туда клали кусок жира. Все это квасилось, и, когда с лап облезала шерсть, содержимое было готово к употреблению.

Шли в пищу мясо и жир сухопутных животных. Особо почиталось мясо медведя.

В значительном количестве добывали птицу, особенно летом. «Главная из птиц к сей статье принадлежащих, — писал С. П. Крашенинников, — есть лебедь, которых на Камчатке как летом, так и зимою столь довольно, что нет такого бедного жителя, у которого бы нарядной обед был без лебедя» [там же, с. 316].

В рацион питания входили и яйца птиц, преимущественно чаек, и продукты собирательства. «Вящее тамошних жителей довольство состоит в травах и кореньях, которыми недостаток в хлебе так же почти как и рыбою награждается», — отмечал С. П. Крашенинников [там же, с. 227].

Значительное количество их в XVIII—первой половине XX в. заготавливалось впрок, и в первую очередь это были клубни сараны — кругляшки и дальневосточной лилии, которые, по характеристике С. П. Крашенинникова, «вместо круп служили». Их сушили на солнце или в печи, ссыпали в берестяные чуманы, плетеные корзины или мешки и хранили в амбарах.

Большое значение в пище ительменов имела так называемая «сладкая трава» — борщевик, которую заготавливали впрок: «...нарезав стеблей... оскабливают кожу с них раковиной, и вешают на солнце сперва по одному, потом связывают их в маленькие... куклы по десяти стеблей, а десяти до 15 кукол переплетенных состоит тамошняя пластина. Когда трава провянет... кладут оную в травяные мешки, в которых она по нескольких днях сахарится, то есть сладкою пылью осыпается... Сия пыль, или травяной сахар, вкусом солотковат и несколько противен, а стрясается его с пуда сухой травы не более четверти фунта» [там же, с. 231].

Подобным образом борщевик запасали до 30-х гг. XX в. В настоящее время его употребляют только в свежем виде.

Существенное место в заготавливаемых впрок продуктах занимал кипрей. «Кипрей трава... третье место имеет в камчатской экономии... главная важность состоит в сердце стеблей его, которое они, расколов стебель надвое, выскабливают раковиной и пластинами сушат на солнце», — сообщил С. П. Крашенинников [там же, с. 232]. Это растение не потеряло своей значимости и в XIX в. «Кипрей — сердцевина стеблей... из которых делают плоские серые лепешки, с ладонь величиною. Сердцевина

раздавливается в кашу, сушится на воздухе и собирается в большом количестве как зимний запас», — писал К. Дитмар [79, с. 321].

Немаловажную роль в ассортименте запасаемых продуктов питания играли ягоды и орехи кедрового стланика. Собранные шикшу, бруснику ссыпали в берестяные чуманы или деревянные бочки, а голубику, жимолость, морошку хранили в вареном виде. Плоды боярышника, черемухи и отчасти жимолости сушили. «Лучшей запас тамошних жителей орехи с сланца, которого как по горам, так и по тундрам великое довольство», — писал С. П. Крашенинников [107, с. 226].

Хорошей приправой к блюдам и сильным противочинготным средством являлась черемша, которую «российские люди и камчадалы собирают... довольно, и крошеной, высуша на солнце, берегут на зиму» [там же, с. 233].

От русских ительмены переняли огородничество и скотоводство. Появились новые продукты питания. В небольшом количестве местное население начало выращивать картофель, репу, турнепс, которые хранили в подполье. Стали употреблять в пищу молочные блюда, мучные изделия, крупы, сахар, чай и др., но из-за дороговизны привозные товары были малодоступны для ительменов и употреблялись в незначительных количествах.

Разнообразные продукты питания позволяли ительменам готовить многочисленные блюда национальной кухни. Значительная часть их готовилась из рыбы. Наиболее древним можно считать употребление рыбы в сыром виде. При этом съедали спинную и хрящевую части головок. Срезали их у крупных экземпляров лососей, чаще всего у самцов. До недавнего времени ели строганину: филе свежемороженой рыбы, нарезанное тонкими ломтиками, которые перед едой немного подсаливали.

Очень часто осеннюю свежую рыбу заквашивали в лососевой икре в деревянных корытах. Затем в заморо-

женном виде из нее готовили строганину.

Большое место в рационе питания занимала вяленая рыба — *юкола*. Перед едой ее предварительно очищали от чешуи, затем размягчали каменным пестом на специально для этого предназначенном камне. В таком виде ее ели с тюленьим жиром. Иногда юколу употребляли с ломтиками репы, турнепса. Для стариков лакомством была вяленая рыба, источенная личинками мух. Юколу съедали целиком, даже кожу, которую поджаривали на открытом огне.

В значительном количестве использовались в пищу вяленая корюшка, мойва и высушенное ленточками филе рыб лососевых пород. Часто чуть подвяленную рыбу варили кусочками и ели с тюленьим жиром.

Одним из деликатесов в XVIII—XIX вв. была заквашенная в ямах рыба, которая в XX в. использовалась только лишь как зимний корм для собак.

Особенно лакомым блюдом как в первой половине XVIII в. [там же, с. 393], так и в начале XX в. считались квашенные рыбы головы. Вот как описал их приготовление В. Н. Тюшов: «От свежего кижуча отрезается голова. . . Головки помещаются в какую-нибудь посуду „в икру“ и там держатся пока не „укиснут“. . . в такой мере, чтобы головки не оставались совершенно свежими, а были с „душком“ [199, с. 227—228]. Перед едой их тщательно мыли и подавали на стол.

Больше всего употреблялась ительменами лососевая икра, особенно в вяленом виде. Как высококалорийный продукт ее всегда брали с собой на промысел и в далекую дорогу. Кроме того, свежая или сушеная икра была одним из основных компонентов многих национальных блюд. С вяленой икрой ели корни или сами растения (шеломайник, борщевик и др.), орехи кедрового стланика, луб березы. С. П. Крашенинников сообщал: «Корка его (березы. — *Ред.*) в большом употреблении: ибо жители, оскобляя у сырого дерева корку, рубят

оную топориками как лапшу мелко и едят с сушеною икрой с таким удовольствием, что в зимнее время не минуешь камчатского острожка, в котором бы бабы не сидели около березового сырого кряжа и не крошили объявленной лапши. . .» [107, с. 224—225].

Распространенным рыбным блюдом были так называемые *чуприки*. «Чуприки, — писал С. П. Крашенинников, — готовят из разных рыб следующим образом. В юртах, в балаганах и в барабарах над очагом делают. . . помост из колья и кладут на оной рыбы в вышину до трех аршин, после того натапливают юрту или балаган, как баню, и skutывают жарко; естли рыбы на помостах не много наложено будет, то она поспекает скоро, и бывает тогда готова, как юрта простывает; в противном же случае натапливают их по несколько раз, перемешивая рыбу. Такая рыба бывает полужареная и копченая и вкусом весьма приятная, так что сей вымысел приуготовления рыбы может почесться за самой лучшей на Камчатке, ибо весь сок и жир весьма тихо и как бы в вольной печи выжариваются. Тело рыбе в коже, как в мешке, лежит, которую снять можно без трудности. Потрох и кишки вынимаются из рыбы, когда она поспеет» [там же, с. 394]. Позже, когда ительмены стали жить в избах, рыбу небольших размеров стали запекать в печах. Такой способ приготовления блюда (чуприки) бытовал до недавнего времени. Несколько иначе запекали рыбу на промыслах: разжигали костер и затем в хорошо прогретую раскаленную гальку зарывали тушки. Там она пропекалась в собственном соку.

Очень часто толкли свежую лососевую икру с клубнями сараны или картофеля, а затем смесь запекали в печи. О приготовлении аналогичного блюда было сообщено в 1967 г. камчадалами с. Малка, Елизовского района, Камчатской области.

До 50-х гг. XX в., когда ительмены еще не были оселены в крупные поселки, готовили и другие нацио-

нальные блюда из рыбы. Так, пласты ее на сковороде или противне часто запекали в печи с клубнями дальневосточной лилии или сараны, перед едой тщательно перемешивая.

Употреблялась в пищу и отварная рыба. В первой половине XVIII в. ее готовили в деревянных корытах путем нагревания воды раскаленными камнями, затем раскладывали на деревянные блюда, остужали и ели руками, запивая настоем из борщевика [230, л. 409].

Большим подспорьем в пище народности служила рыбная мука, называемая русскими поршой. Из нее пекли оладьи, варили каши и супы, ее ели с любым жиром.

У казаков и крестьян, поселившихся на Камчатке, местное население переняло новые блюда из рыбы. Г. В. Стеллер отмечал, «что касается казаков, то они знают очень много хороших рыбных блюд, смена которых помогает преодолевать отвратительное однообразие пищи» [там же, л. 410]. Ительмены стали употреблять в пищу супы, заправленные клубнями лилейных растений или картофелем, жареную рыбу, котлеты. Иногда запекали в формах рыбный фарш, смешанный с отварной сараной, рисом или ягодой [79, с. 325].

Местное население через русских рано познакомилось с хлебом. Однако недостаток муки заставлял ительменов выпекать «хлеб» из продуктов, доступных им. Для этого, как правило, брали свежую сердцевину кипрея и толкли с сырой лососевой икрой, затем приготовленной массой заполняли формы и запекали в печи.

С давних пор бытовало у аборигенов блюдо, известное русским под названием *кирилка*, — это ягода шикша, смешанная с вареной свежей рыбой и жиром ластоногих. Переселенцы заимствовали указанное кушанье [200, с. 146].

Широко использовались в пищу продукты охотничьего промысла. В сыром виде ели олений костный и головной мозг. Иногда употребляли заквашенные в брюшине оленя почки и легкие.

Немаловажную роль в рационе питания ительменов играл жир различных животных и рыб. По этому поводу В. М. Головин писал: «Камчадалы всякой пище предпочитают жир, какой бы то ни было, олений, бараний, медвежий, китовый, тюлений и пр., без которого не только что никакое их кушанье не готовится, но они едят его весьма охотно без всякого, даже и сырой» [62, с. 108]. Жир употребляли с юколой, рыбной мукой, отваренной рыбой, ягодой и т. д. Он являлся одним из основных компонентов многих национальных блюд.

Мясо животных в большинстве случаев ели просто отваренным. Из мяса тюленя, медведя, снежного барана и различной дичи иногда готовили жаркое тем же способом, который приведен выше при описании метода консервации (тушения) тюленьего мяса. До 50-х гг. на месте промысла готовили жаркое из медвежьего мяса. Обычно для этого строили небольшой настил из прутьев, высотой и шириной в 1—1,5 м. На него укладывали свежесрезанную траву слоем толщиной 20—25 см. Поверх загружали мясо, прикрывая его вновь слоем свежей травы и листвы. Под настилем разжигали костер. Куски периодически переворачивали. Через несколько часов получалось сочное тушеное мясо.

К торжественным дням издавна готовили специальное блюдо — *толкушу*. По описанию С. П. Крашенинникова, это — «главное и богатое кушанье, которое готовится на пирах или в праздники. . . Делается из различных корней и всяких ягод, толченых с икрой, с нерпичьим и китовым жиром, а иногда и с вареной рыбой. Толкушки из . . . ягод и сараны весьма приятны, потому что и кислы, и сладки, и сытны» [107, с. 395]. Делали толкушу и из кипрея, лососевой икры и тюленьего жира, а также из сала (бараньего, оленьего, говяжьего), икры и тюленьего жира.

До недавнего времени сохранялась традиция приготовления к праздничным дням толкуши. Бытовали три разновидности этого кушанья. В зави-

симости от основного продукта, входящего в состав блюда, оно имело различные названия: 1) толкуша из внутреннего оленьего или говяжьего сала, 2) из мяса, 3) из сушеной лососевой икры. В состав каждого из них входили дополнительно копченый кипрей, тюлений жир и вода.

При приготовлении толкуш сначала в деревянном корыте каменным пестом толкли основной продукт: оленье или говяжье нутряное сало, или сушеную лососевую икру, или отваренное мясо оленя. Затем добавляли копченый кипрей и тоже толкли, периодически подливая тюлений жир и воду. Все это тщательно взбивали деревянным пестом. В результате получалась белая масса, сладковатая на вкус. Для приправы отваривали клубни сараны, кемчиги или картофеля или заправляли толкушу шикшей.

Значительное место в пище ительменов занимали продукты собирательства. Большинство из них употреблялись в свежем виде: стебли борщевика и шеломайника, клубни сараны, кемчиги и лилли, черемша, щавель и т. д.

В XVIII в. борщевик, или сладкая трава, служил компонентом и приправой многих национальных блюд. Из него готовили вино, похлебку, которую подавали в качестве соуса. Маленьким детям высушенные стебли борщевика давали как лакомство [230, л. 104].

Одним из основных продуктов собирательства были клубни сараны-кругляши, которые заменяли крупу. Ими заправляли супы, толкуши, рыбные кушанья, из них готовили «кашу». «Пареная сарана и с морошкой, голубелью или с другими ягодами вместе сточеная может погоститься на Камчатке за первое и приятнейшее кушанье» [107, с. 228].

Собираемые клубни кемчиги употреблялись в основном отваренными или обжаренными в каком-либо жире.

В растительной пище народности значительную долю как в прошлом, так и в недавнее время составляли ягоды: шикша, брусника, жимолость, морошка, голубика, черемуха и др.

Они входили в состав разнообразных блюд, которые в зависимости от используемой ягоды получали соответствующее название.

Бруснику иногда мяли с сырой лососевой икрой или вареной тюленьей кровью, получая своеобразную кашу. До недавнего времени бытовало блюдо, приготовляемое следующим образом: несозревшую голубику варили в воде, добавляя в кипящую массу толченую свежую лососевую икру.

Несмотря на то что многие из продуктов собирательства запасались впрок, растительная пища все же носила сезонный характер: главным образом с весны до наступления поздней осени.

С приходом русских в рационе питания появились овощи. Из них больше всего употреблялись картофель, репа, а позднее — капуста, морковь, турнепс и др. Еще К. Дитмар отмечал: «Хлеб в камчадалских поселениях составляет большую редкость, да туземцы совсем и не замечают этого недостатка, заменяя хлеб обыкновенно картофелем, а еще более клубнями сараны» [79, с. 312]. Картофелем заправляют супы и многие другие блюда, отваривают в «мундире» и едят с солевой рыбой и юколой.

Получили распространение в пище ительменов и продукты скотоводства. Говядину обычно отваривают или готовят из нее супы. Из ног и головы варят студень. Иногда делают кровяную колбасу, для чего хорошо промытые кишки заполняют кровью с клубнями сараны или кемчиги, затем отваривают и обжаривают.

Из молочных продуктов наибольшей популярностью как раньше, так и теперь пользуются так называемые *пенки*. Они вместе с какой-либо ягодой или сами по себе представляют одно из лакомых блюд жителей, поэтому предлагаются «русским гостям при проезде их через камчатские селения» [199, с. 408]. При приготовлении его в кипящее молоко наливают творожную сыворотку, часть молока сворачивается, образуя пенки. Кушанье остужается и подается на стол.

Цельное молоко, кипяченое или сырое, пьют редко; его дают в основном детям, а сами предпочитают пить крепко заваренный и забеленный молоком чай. Часто употребляют в пищу творог со сметаной. Когда созревает шикша или морошка, творог едят с этими ягодами.

Из напитков в XVIII в. ительмены кроме воды ничего не употребляли. Воды пили очень много — после обеда и ужина, на ночь у постели обязательно ставили ведро с водой. С приходом русских аборигены познакомились с употреблением чая. Во время стоянок на охоте, рыбной ловле или в пути в первую очередь кипятят чай. Пили и пьют его после приема пищи крепко заваренным, горячим.

«Для веселья пивали они мухомор в воде настоянный», — писал С. П. Крашенинников. Обычно этот наркотический напиток получали путем отмачивания мухомора в настое кипрея. Но в большинстве случаев использовались сухие грибы, которые сворачивали трубкой и не разжевывая глотали [107, с. 427—428]. «Умеренное употребление четыре гриба или меньше, а для пьянства едят до десяти грибов. Женский пол... не употребляет и мухомору, чего ради все веселие их состоит в разговорах, в пляске и пении» [там же, с. 429].

В XVIII в. ительмены познакомились и с приготовлением алкогольных напитков. «А ныне пьют и вино, как и тамашние российские жители, и совсем на нем пропиваются» [там же, с. 395]. Делали его из различных ягод. «Морошку собирают целыми бочками, — писал Г. В. Стеллер, — и изготавливают из нее напиток, который подают при всякой еде... Когда еще не была известна польза сладкой травы, из морошки гнали водку» [230, л. 95]. Но скоро основным продуктом для получения напитка стал служить борщевик, из которого с добавлением ягод готовили замороженный *приголовок*.

Из наркотиков аборигенам был известен табак, из которого делали *лемешину* и закладывали за щеки. Она изготавливалась из мелко нарезанного

табака или махорки, перемешанных с пеплом сожженного нароста березы и политого чуть-чуть водой. Хранили ее в деревянных или роговых табакерках. Употребляли лемешину все мужчины и женщины.

Праздничная пища народности мало чем отличалась от повседневной. Она лишь изготавливалась в больших количествах, и к столу подавали такие блюда, как толкушу, мясной студень.

Детей кормили теми же продуктами, которые ели взрослые. Грудному ребенку пищу пережевывали, завязывали в тряпки и давали сосать. Детей старше 4 месяцев кормили пережеванной пищей с ложечки.

В настоящее время пища ительменов разнообразна. Одним из основных продуктов питания стал хлеб. К торжественным и праздничным дням готовят различную сдобу из теста с сахаром и жирами. Иногда жарят муку, приготавливая толокно, которое едят, насыпая в чашки с чаем. Сейчас очень распространены рыбные, мясные (из оленины и дичи) супы, которые заправляют картофелем, макаронами и крупами. В рацион вошли овощи, мучные изделия, колбасы, сахар, масло, молочные продукты. Каши очень часто едят с киселем, который наливают прямо в тарелку. Появились новые блюда: пельмени, лепешки, разнообразные пироги, борщи и т. д.

Вместе с тем сохраняются некоторые национальные традиционные блюда, способы их приготовления, имеющие большую древность. К ним относятся вяленая рыба с жиром, свежие отваренные головки, «кирилка» и пр. Это преимущественно рыбные и растительные блюда.

Сейчас на рыбалках, полевых станциях ширится организация общественного питания. Дети ительменов содержатся бесплатно в яслях, садах и интернатах. В их питании преобладают молочные продукты, сливочное масло, яйца, мясо, кисели и т. п. Ослабленных детей-школьников, предрасположенных к болезням, содержат в школах оздоровительного типа.

В начале XVIII в. никогда не соблюдалось определенное время для приема пищи, за исключением случаев торжественного угощения. Ели в любое время дня, по утрам — юколу, а после полудня варили пищу, съедали все в холодном виде, даже сваренные блюда [230, л. 407—408]. Позднее стали питаться три—четыре раза в день.

У ительменов имелась специальная у т в а р ь, применяемая для приготовления и приема пищи, сбора дикорастущих растений, хранения запасов продовольствия впрок.

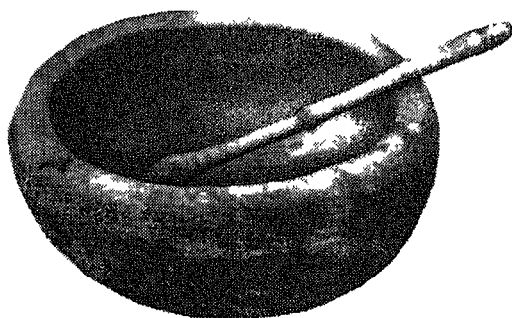
Основными материалами для ее изготовления служили дерево, береста, глина, камень, трава, кость и шкуры животных.

Наиболее ранние сведения об утвари ительменов приведены В. В. Атласовым, который указывал на наличие у них глиняной посуды: «А посуду деревянную и глиняные горшки делают те камчадалы сами» [101, с. 31]. Это сообщение подтвердилось археологическими раскопками [89, с. 376].

С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером дано описание деревянной, берестяной посуды и утвари из травы. «Вся камчатская посуда, — писал С. П. Крашенинников, — и все экономические их принадлежности состоят в чашах, корытах, берестяных кужнях, а по тамошнему чуманам. . . в чашах и корытах варили они есть и себе, и собакам, кужни употребляли вместо стаканов» [107, с. 378].

В конце XVII—начале XVIII в. домашняя утварь изготовлялась каменными и костяными орудиями. В деревянных корытах пищу варили с помощью раскаленных камней. Отваренное мясо или рыбу клали на большие деревянные блюда-доски с чуть-чуть приподнятыми краями и ели руками, запивая из небольшой деревянной чашки какой-либо приправой [230, л. 409].

До 50-х гг. XX столетия изготовлялись традиционные предметы обихода и утвари. Из поленьев березы и тальника делали чаши и корыта. Последние были самой разнообразной

Деревянное корыто с пестом Фото Н. К Старковой, 1964 г.

формы и величины: овальные, круглые, овальные с выступами с двух сторон. В корытах среднего размера обычно толкли каменным пестом рыбу и мясо для котлет, делали толкушу, мяли икру, клубни сараны и картофель. Толкушу взбивали деревянным пестом. В больших корытах квасили осеннюю рыбу, в глубоких небольших хранили жир; для шкварок использовали корыта круглой формы.

Юколу, вяленую корюшку размягчали каменным пестом на специальной подставке, представляющей собой хорошо обкатанный камень с плоской стороной. Вместо песта иногда использовали обычный молоток. В обиходе были деревянные миски, ложки и черпаки.

Делали ительмены утварь и из травы, которую собирали в августе—сентябре. «Есть при морских берегах высокая трава беловатая, видом пшенице подобная. . . Из сей травы плетут они рогожи, которые и вместо ковров, и вместо занавесов употребляют» [107, с. 237]. Из нее же женщины зимой плели мешки, различные корзины и ящики для хранения пищевых запасов и предметов домашнего обихода. Как отмечал Г. В. Стеллер, изделия из соломы были очень изящны и красивы. Часто их украшали различными фигурами, сплетенными из выкрашенной тюленьей шерсти и китового уса, разделенного на узкие ленточки [230, л. 99].

Пользовались ительмены и плетеными из осоки изделиями: корзи-

Берестяной короб *беток*. ГМЭ, колл. 6811-2.
Фото Н. К. Старковой.

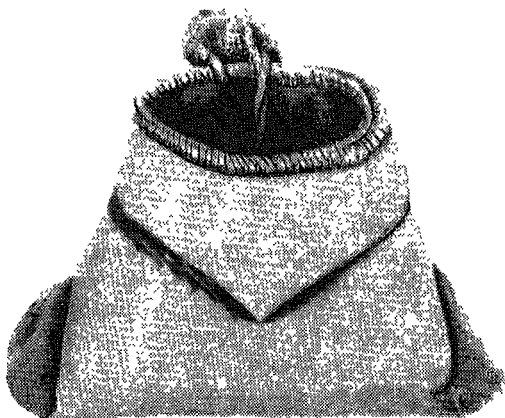
нами, коробами и т. д. Корзины были двух видов — жесткие и мягкие. Основной любой из них был небольшой кусок кожи овальной или круглой формы, большей частью тюленьей. К нему при плетении жесткой корзины пристегивали приложенные в ряд по кругу пучки высушенной осоки: первые из них для прочности прошивались скрученными нитками из сухожилий животных или крапивы, а остальные — осокой. Самые последние ряды осоки вновь простегивались нитками. К круглому верху корзины пришивали полосу тюленьей шкуры, на ней прорезали петли, и в центре ее приделывали завязку. Носили корзины за спиной при помощи кожаного или матерчатого ремня, прикрепленного к ободку, женщины — приложив ремень ко лбу, мужчины — на грудь. В них переносили ягоды, клубни растений, кед-

ровые шишки, груз во время переходов на рыбалки или полевые станы.

Подобно жестким корзинам, делали коробки с крышками, украшая их вплетенными полосками разноцветных кож и тканей. Они служили для хранения различной мелочи, бьющейся посуды.

Для производства мягких корзин использовалась также осока, но иной была техника плетения. Один способ аналогичен вышеописанному, за исключением того, что при этом пучки осоки были вдвое или втрое тоньше. Эти плетеные сумы очень похожи по виду, производству и размером на изделия оседлых коряков. При другом способе плетения из осоки сначала изготавливалась в 8—10 прядей длинная полоса, сплетенная наподобие косы, затем один ее конец пришивали к выкроенному куску кожи круглой или овальной формы и ряд в ряд по кругу, придавая необходимую форму, простегивали полосу до конца. Вверху, как и к жесткой корзине, пришивали кожаный ободок и ремень. В таких сумках, как правило, переносили ягоды или клубни растений, уложенные в берестяные чумашки.

Собранную в отдаленных местах от населенного пункта шикшу, бруснику хранили в плетеных корзинах из сухой травы. В качестве нитей для ее плетения использовали высушен-

Берестяной туесок *ач'ал* (с. Хайрюзово, 1965 г.).
Фото Н. К. Старковой.

ную кожицу стебля кипрея, им переплетали траву в виде циновки, которая в средней части была широкой, затем плавно сужалась и заканчивалась узкими полосами, связанными вместе в виде ручки. Размеры таких корзин были различны. Дома, как правило, в них хранили собранную кемчигу и сарану.

Продолжали изготавливать подобную утварь и в конце XIX в. В. Н. Тюшов отмечал, что женщины-пчеловоды делали из травы корзинки, из бересты — чумашки, широко используемые для сбора ягод и различных корней [199, с. 163].

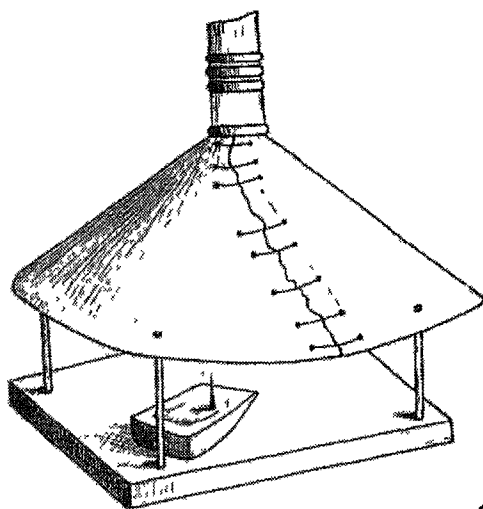
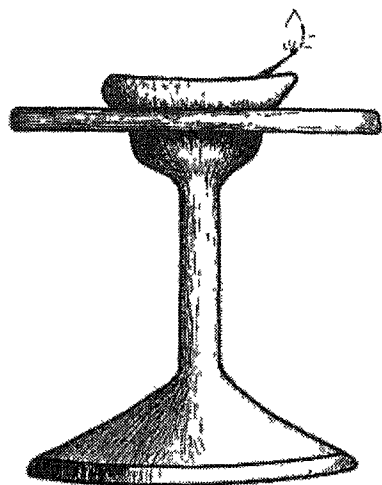
Заготовку бересты производили весной. Выбрав дерево, делали ножом надрезы вокруг ствола вверху и внизу, затем вертикально и снимали бересту, которую сворачивали в рулон. В темном прохладном месте, обычно в подполье, ее хранили до зимы. В свободное от основных занятий время начинали изготавливать утварь. Для эластичности бересту кипятили в воде или же нагревали у огня и сразу же раскраивали.

Берестяные изделия были самой разнообразной формы, различались по размерам и назначению: в одних носили воду, в других — ягоды, корнеплоды и т. д.

При сборе голубики пользовались специальным конусообразным коромом, конец которого немного изогнут и приподнят. Сшивался он тонкими высушенными корнями деревьев. В 30—50-е гг. XX в. эти сосуды делали из тонкой жести, скрепленной заклепками.

Из бересты изготавливали также детские горшки, ванночки для стирки белья, коробки для засолки рыбы, туески для молока и чая в виде цилиндров с деревянными дном и крышкой.

Большую часть утвари изготавливали из кости, шкур и кишок животных. Усом кита сшивались берестяные сосуды для хранения напитков, из нижних челюстей делали черенки ножей, из позвонков спинного хребта — ступки, в очищенных кишках хранили жир, мясо. Рога каменных баранов шли на производство сосудов для

Жировые светильники конца XIX в. (по В. Н. Тюшову) 1 — на подставке, 2 — с раструбом

питья, из них вырезали ложки, поварешки, табакерки. Как писал Г. В. Стеллер, туземцы хорошо умеют варить рог, делать его таким образом мягким и пригодным для изготовления этих вещей [230, л. 125].

В хозяйстве широко использовались шкуры тюленя и их желудки. Для этого последние предварительно хорошо очищались, промывались, надувались воздухом и сушились. Затем их наполняли топленным тюленьим или другим животным жиром. В тюленьей шкуре, снятой чулком и вывернутой шерстью внутрь, хранили жир, нарезанный кусками. Жир и мясо тюленя на непродолжительное время обычно укладывали в так называемые *ратуши* — снятые свежие шкуры тюленя с прорезанными петлями по краям, куда вдевался ремень или веревка, затягивающая наполненную шкуру.

Из обработанной тюленьей кожи шили большие продовольственные мешки, которые брали с собой на охоту или в дорогу. Из таких же кож изготавливали ножны, патронташи. Из выделанной оленьей шкуры шили мешочки для чая, кисеты для табака.

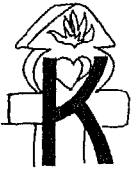
В хозяйстве ительменов применялись разные виды ножей. Любой мужчина всегда носил его при себе на ремне в ножнах. В зависимости от предназначения они отличались величиною, шириной и острием лезвия.

Такое разнообразие ножей могло появиться у народности с освоением полуострова русскими и с распространением в связи с этим металлических изделий: медных котлов, чайников, самоваров и другой утвари.

Благодаря приобретенным металлическим орудиям намного облегчился и ускорился процесс производства деревянной утвари, лучше и быстрее обрабатывалась рыба и другие продукты питания, исчезла необходимость приготовления пищи путем накаливания камней.

За годы Советской власти наибольшее распространение получила утварь фабричного производства. Следует отметить, что наличие большого количества посуды и утвари и возможности свободного приобретения их в магазинах явились условием дифференцированного использования.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

о времени прихода русских на Камчатку ительмены находились на стадии разложения первобытнообщинного строя. Как уже отмечалось, основу их жизнеобеспечения составляли рыболовство, собирательство дикорастущих. Охота была распространена неравномерно, она нигде у ительменов не перерастала в преимущественное занятие, а имела лишь вспомогательное значение. Особенно это положение относится к охоте на парнокопытных, которая была для некоторых групп аборигенов случайным промыслом.

Ительмены были оседлыми жителями. Все нужные средства к жизни находили там, где жили их предки. Эту черту постоянства местожительства единодушно отмечали первые исследователи Камчатки.

Экономика ительменов носила типично натуральный характер: все необходимое для жизни и быта обеспечивалось природными ресурсами окружающей среды, добывалось и перерабатывалось силами и средствами каждой данной семейной общины. Им неизвестно было общественное разделение труда. Вся экономика базировалась на присвоении готовых продуктов природы. Производящего хозяйства они не знали, если не считать разведения ездовых собак. В незначительном размере обмен существовал только на границах расселения ительменов с айнами и коряками. Подчеркивая эту сторону жизнедеятельности ительменов, С. П. Крашенинников отмечал: «Прежде завоевания от русских были они свободные и дани никому не пла-

чивали, также торгов и обхождения ни с кем не имели, но своим довольны были, платья от звериных кож имели...» [107, с. 692].

У них сложились такие условия жизни, при которых вся производственная деятельность и соответствующие производственные отношения формировались внутри замкнутых, экономически обособленных друг от друга общественных коллективов (больших семейных общин). Видимо, это обстоятельство явилось одним из определяющих моментов сложения и существования особых территориальных и языковых подразделений, которые можно условно назвать *племенами*. Они создавали свое отличие от других ительменов, говорящих на другом диалекте и живущих в стороне от них, с которыми они не имели постоянных устойчивых связей. Существовало четыре определенных подразделения (племена) ительменов.

В долине р. Камчатки и ее притоков было сосредоточено наибольшее количество населенных пунктов (*острожков*) и жителей.

Другое территориальное подразделение ительменов обитало по западному берегу Камчатского полуострова, с юга на север, от р. Большой до р. Коль (на диалекте этого подразделения говорили и ительмены восточного побережья Камчатки от Авачинской губы на юге до острожка Ынапу на севере).

Третье подразделение ительменов с особым диалектом располагалось от р. Коль до р. Моршечной на севере.

Четвертое — от р. Морошечной до р. Тигиль [50, с. 57—66].

Степень расхождения диалектов была весьма значительной. Вероятно, можно предполагать, что были отличия и культурно-бытового характера, которые, к сожалению, почти не зарегистрированы. Г. В. Стеллер отмечал: «На одной реке только один диалект, а на другой уже изменение языка, которое становится все больше, особенно в словах малоупотребительных, не нужных для общения друг с другом» [215, с. 428]. Еще более глубокое расхождение между жителями отдельных ительменских острожков заметил С. П. Крашенинников: «На Камчатке почти нет такого острожка, в котором бы не было разности в языке от другого самого ближайшего» [107, с. 179]. Вероятно, в этом можно видеть результат длительной изолированности территориальных подразделений ительменов и весьма слабо выраженных экономических и других видов связей между ними. Помимо обособленности территориальных подразделений ительменов существовала обособленность и их поселений, находившихся даже на одной реке.

Основным видом поселения ительменов были *остроги*, *острожки* — название населенных пунктов, введенное в обиход казаками. Они были укреплены стенами из вертикально поставленных и связанных вместе бревен, или обнесены земляными валами. Остроги состояли из одной или нескольких общинных полуземляных сооружений (*юрт*).

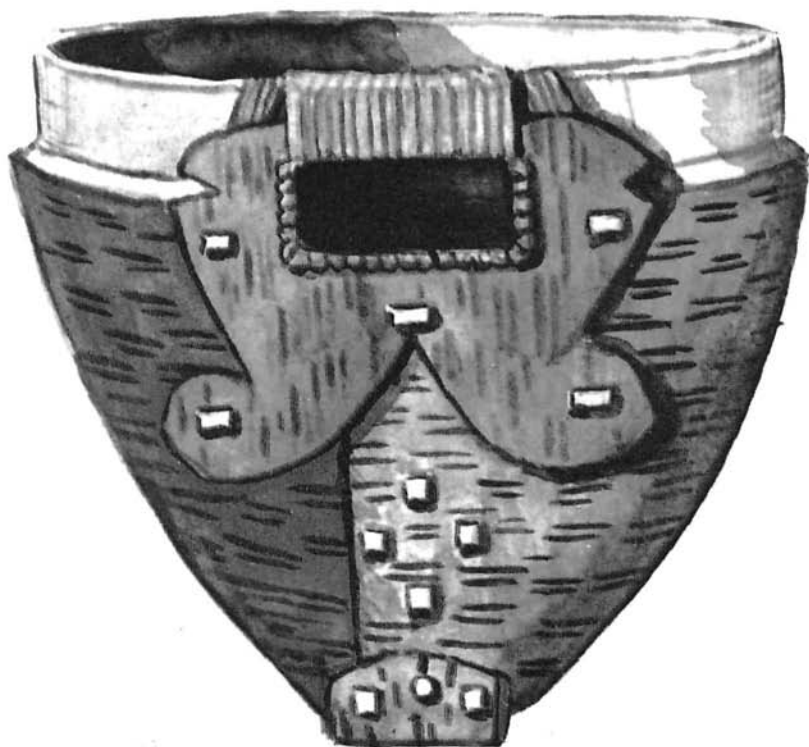
Самый большой и самый многочисленный острожек во время пребывания на Камчатке С. П. Крашенинникова был Машурин острог. «В рассуждении многолюдства, — отмечал ученый, — нет ныне подобного по всей Камчатке. . . в нем девять земляных юрт, 83 балагана и хоромы изрядные, в которых живет тойон с своим родом» [там же, с. 110]. В другом месте Крашенинников добавляет, что «таких юрт, где многолюдно очень, бывает вместе по 3 и по 4, однакож из них одна всегда большая, а прочие малые» [там же, с. 705].

Кроме общинных полуземлянок, служивших зимним жильем ительменам, в острожках находились балаганы (подробнее об этом см. предыдущую главу), которыми пользовались как жилищами в летнее время малые (парные) семьи ительменов. По количеству балаганов в острожке можно было судить о количестве отдельных малых семей. «При каждой юрте, — отмечал Крашенинников, — бывает по малой мере столько балаганов, сколько семей в острожке. . . оные и вместо кладовых анбаров, и вместо летних покоев служат. Такие балаганы бывают. . . и на летовьях» [там же, с. 377]. Обстоятельное описание ительменских острогов дал в своей «скаске» 1701 г. В. В. Атласов [101, с. 32].

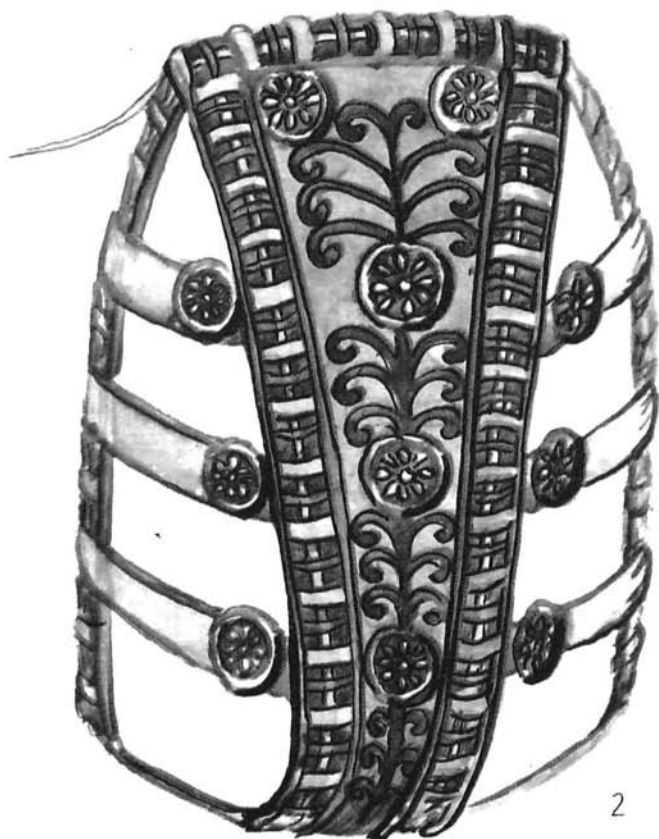
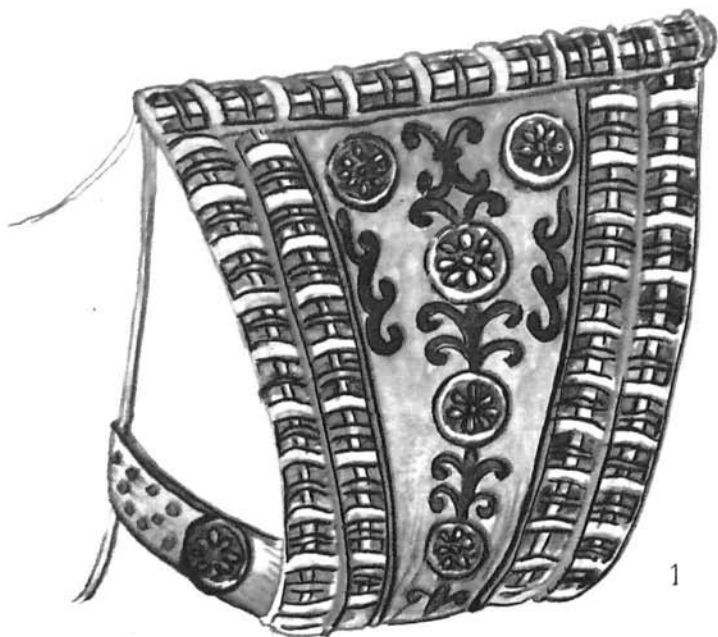
Еще до В. Атласова анадырские казаки во главе с Ив. Голыгиным и Л. Морозко в 1695—1696 гг. проникли на территорию ительменов. Они сообщили: «А жилище у себя имеют в острогах — зимою в земли, а летом имеют над теми ж зимними юртами наверху на столбах, подобны лабазам, ту живяху. . .» [35, с. 34].

Из приведенных данных следует, что члены большой семейной общины ительменов в зимний период вели совместный образ жизни в одной зимней юрте. На летний сезон община как бы распадалась на отдельные малые (парные) семьи, каждая из которых переселялась в свой балаган, вела самостоятельно свое семейное хозяйство, отдельно ловила и перерабатывала для хранения на зиму рыбу, готовила другие запасы (сбор дикорастущих). В этом проявлялось начало распада первобытнообщинных связей ительменского общества. С одной стороны, еще прочно держалась (особенно в зимний период) экономическая, бытовая и духовная общность коллектива большой семьи, с другой — формировалось сезонное обособление малой семьи, начало ее бытового, хозяйственного выделения, что приводило к противопоставлению индивидуальных интересов малой семьи интересам общины.

Численность населения в острожках, в отдельных семейных общинах

«Беток» — ительменский туесок для сбора ягод. Конец XIX в. Корни кедрового стланика, береста. Размеры: 22×24 см. Приморский краеведческий музей им. В. К. Арсеньева, инв. № 1095-4. Рис. Н. В. Кочешкова.

Детали старинных ительменских саней-нарт «СХЛЭН»: 1 — передняя спинка; 2 — задняя спинка. Рисунок Н. В. Кочешкова.

ительменов была довольно разнообразна еще в первой половине XVII в. По сведениям С. П. Крашенинникова, на р. Большой (Кыкше) в острожке Коажчхожу были 1 юрта, 10 балаганов, 17 человек ясашных, а общее количество жителей в одной юрте и в острожке составляло 70 человек. В острожке Чакажуж находились 2 юрты, 9 балаганов, ясашных 5 человек (всего жителей немногим более 20 человек) В Аушином острожке на р. Аваче (Суаачу): 1 юрта, 14 балаганов и т. д. и т. п. [107, с. 100—133, 646—662].

Различны были по размерам и сами земляные юрты, что определялось количеством в них жителей. С. П. Крашенинников упоминает и «малые юрточки». Среди больших острожков (об одном из них уже говорилось выше) следует назвать Шваннолом (Каматов) острожек. 5 юрт, 58 балаганов, ясашных 80 человек, т. е. общее число жителей острога можно считать около 325—350 человек. О размерах площади земляной юрты можно судить лишь по данным археологических раскопок В. И. Иохельсона: «Самая большая яма (10 на 9 метров) была обнаружена на мысе Налачева и наименьшая (4.8 на 4.5 метра) — на озере Налачево» [89, с. 372].

Помимо большой семейной общины в конце XVII и в XVIII в. у ительменов существовали объединения больших семейных общин, живших в одном остроге. Они были связаны узами родства и свойства, взаимопомощи, общим владением рыболовных и других промысловых угодий, совместным сооружением рыболовных запоров на реках, общей охраной своего острожка, строительством его укреплений, общими культами; на побережье моря — общими байдарками, вмещающими до двадцати человек; совместными промыслами морских млекопитающих. Формирование населения острожка шло преимущественно за счет естественного прироста его жителей, отчасти за счет матрилокальных поселений вступавших в брак молодых людей из соседних острожков. Когда семейная община разраста-

лась, происходило ее деление, создавалась новая семейная община, которая либо оставалась в том же острожке и сооружала свою земляную юрту, либо уходила на новое место, но на той же реке. Г. В. Стеллер так описывает этот процесс филиации: «Слишком большие семьи делились. Отделившиеся селились поблизости от основного острога. . . Семьи постоянно общались друг с другом, организовывали особые дружеские союзы, помогали друг другу в важных делах, когда у одной семьи было изобилие чего-нибудь, а у другой — недостаток. В остальном они мало заботились друг о друге, если только не были вынуждены к этому войной. . . чем многочисленнее была семья, тем надежнее была защита. . .» [215, с. 465].

В каждом острожке, где было несколько полуподземных юрт, одна выделялась своими размерами, в ней жил старшина со своими родственниками — *тойон*. «В больших острогах, — писал Стеллер, — несколько таких зимних подземных жилищ, одно же, где живет тойон. . . самое большое и лучше всех устроенное, где сходятся все вместе в праздники и в зимние вечера» [там же, с. 496]. Очевидно, большой острог имел более сложную общественную организацию, чем в острожках с одной большой семьей (одной юртой). Как видно, организатором всего населения острожка являлся старшина. В его юрте принимались все решения, регулирующие внутреннюю жизнь острога, обсуждались все общественно значимые дела, здесь проводились празднества жителей острога. Можно полагать наличие каких-то иерархических отношений между большой семейной общиной старшины и остальными семейными общинами. В случаях необходимости военной обороны возникали объединения под руководством хорошо известных тойонов, витязей, прославивших себя силой, сноровкой, военным опытом, организаторским авторитетом. В критические периоды они объединяли жителей острожков, расположенных на одной реке, очевидно связанных узами родства. Так, например,

было в 1711 г., когда «лучший иноземец Большой реки Каночь, собрався с родами своими Большой реки пяти острогами и подзвав к себе с иных многих посторонних рек иноземцев, в многолюдстве к ясачному зимовью и к острогу приступал...» [147, с. 460].

Аналогичное соединение ительменов произошло в 1731 г. под руководством тойона Еловского острога Ф. Харчина и объединившегося с ним его дядей Ключевским тойоном Голгочем. Руководителями этого военного объединения были родственники. Вызвано оно было притеснениями камчатской администрации [101, с. 63—75]. Были у ительменов и другие условия, при которых появлялись тойоны, присваивавшие себе власть, опирающуюся на насилие и на физическое превосходство над остальными жителями острожка. Так, К. Дитмар записал в с. Машура предание о силаче Божыше, который «победил и убил великого харчинского витязя и разбойника Гулгуча, угнетавшего и грабившего всю страну» [79, с. 341].

Вместе с тем, как писал С. П. Крашенинников, до прихода русских старые и удалые люди имели в каждом острожке преимущество, «которое, однако ж, только в том состояло, что их советы предпочитались; впрочем, было между ими равенство — никто никем повелевать не мог, и никто сам собою не смел другого наказывать... В каждом острожке имеются у них начальные люди, которых они ныне тойонами называют, и оным начальным людям... велено каждому над своим родом иметь суд и росправу, кроме криминальных дел, а прежде сего хотя у них лутчие мужики и бывали, однако ж суда и росправы им от родников поручено не было, а судили они обще, а назывались они прежде уйжучючь...» [107, с. 698].

Во время пребывания на Камчатке С. П. Крашенинникова развитие социального неравенства у ительменов еще не приобрело явно выраженных экономических признаков, решающего значения. В их сознании еще не сложились понятия о неравенстве людей на

основе их общественного положения, которое воспринималось как естественное явление в жизни общины, но не преимущество личности тойона на какие-то материальные и духовные привилегии. По словам С. П. Крашенинникова, «почтение тойону... только послушание во всем, что прикажет; в прочем равенство между собою имеют, вместе едят, вместе сидят и на одних полках спят, так что и ныне ежели к некрещеному войдешь в юрту, то не узнаешь, которой из них начальной человек, но все равны, и в платье начальные люди перед подчиненными отмены иметь не стараются» [там же, с. 698].

Эти наблюдения ученый сопроводил замечаниями, рисующими отношение ительменов к частной собственности и тем вожделяниям, которые она порождает: «Богатства, славы и чести не ведают, чего ради нет между ними сребролюбия, любочестия и гордости...».

Фиксируя факты внутриэтнических и межэтнических военных столкновений ительменов, С. П. Крашенинников выясняет побудительные причины их возникновения: «... войны, как между собою, так и соседними народами, имели они не для распространения земли, ни для приобретения власти, но по причине какой-нибудь обиды или для похищения съестных припасов, а наиболее для девок, которых они могли в жены брать с меньшим трудом, нежели как добровольно, ибо им жены весьма доставались дорого...» [там же, с. 368—369].

Обмен предметами, бытовавший среди ительменов, совершался не с целью обогащения и наживы, «но для получения нужного к содержанию». У ительменов не существовало еще выработанных эквивалентов. За понравившуюся вещь отдавалось то, что нравилось владельцу этой вещи. Здесь мы видим раннюю форму обмена, свидетельствующую о неразвитости производительных сил, отсутствии излишков производства и т. п.

Для характеристики социального строя ительменов показательны сведения о рабстве у них. Рабами становили-

лись только военнопленные в результате частых столкновений жителей одной реки с жителями другой, частых нападений, происходивших между отдельными общинами — «острожками», а также на границах с соседними народами. «В холопах у них прежде сего бывали курилы, коряки и свои камчадалы завоеванные. . . Оними холопами дарились они меж собою и променивали кому негодны были, также и на выкуп сродникам отдавали, а выкупали их собачьими, соболями и лисьими парками, кухлянками, собаками, топорами каменными, а природных холопов у них не бывало» [там же, с. 698].

Не было и наследственного рабства. При столь низком уровне производства и общественных отношений, которые существовали у ительменов, они не могли использовать рабский труд. Это была ранняя форма домашнего рабства: «Только жен да детей берут в холопы» [там же, с. 705].

Многие авторы, занимавшиеся вопросами социальной организации ительменов, безоговорочно сходятся на признании существования у них родовой организации. Одни видят у ительменов материнско-родовую организацию [85, с. 40], другие полагают, что ительмены в начале XVIII в. находились на переходной стадии от материнского к отцовскому роду [27, с. 138—142; 165, с. 108; 166, с. 50]. Вряд ли справедливо утверждение о наличии родового строя у ительменов в конце XVII—начале XVIII в. вообще. Ни в мифах, ни в фольклоре ительменов, ни в исторических документах не зафиксировано ни одного названия ительменских родов. Слово «род», встречающееся в работах Г. В. Стеллера и С. П. Крашенинникова, употребляется в двух значениях, хорошо известных по литературе XVIII в. Одно обозначает группу близких родственников, происходящих от общего предка мужского пола и представляющих производственный и общественный коллектив, во главе которого находился старейший член этой общины (родоначальник), а членами ее были его дети с их женами и внуки. Это

была большая патриархальная семья (община) с некоторыми следами элементов, известными в родовой организации: отработка за жену, временное матриликальное поселение жениха в общине невесты, кровная месть, левират и некоторые другие. Другое значение слова «род» — форма социальной организации со всеми ее институтами, уже тогда хорошо известная ученым.

С. П. Крашенинников на примере других народов Сибири, которых он наблюдал во время путешествия на Камчатку и обратно, ясно представлял себе общества с родовым устройством. Суммируя свои исследования общественного строя ительменов, а также, видимо, для того, чтобы не смешивали содержания понятия «род» как форму социальной организации со словами «род» в бытовом его употреблении (поколение, род такого-то), писал, что «родов разделения не бывало . . .» [107, с. 698].

Можно сослаться и на другое указание того же автора, из которого следует, что экзогамии у ительменов тоже не было: «В женитьбе у них разбору нет, сродственнику на сродственнице и брату на двоюродной сестре жениться можно. . . редко выдают своих дочерей замуж в чужие остроги. . .» [там же].

Аналогичное наблюдение находим и у Г. В. Стеллера: «В случае смерти одного из двух братьев оставшийся в живых брал себе жену покойного. Дети имели право вступать в брак со своею мачехою или со своими братьями и сестрами» [215, с. 470].

Имущественное достояние умершего, подлежащее наследованию, состояло в вещах личного пользования — в одежде, топорах, ножах, нартах. . . Собаки и нарты не делились, а оставались в общем пользовании семьи [107, с. 695, 713]. Это несомненное свидетельство тесных экономических связей членов большой семейной общины и в то же время — отсутствия хозяйственно-экономической надобности частного владения собаками и нартами. Однако уже ранние источники отмечают «лутчих мужиков»,

богатых, и их социальное главенство в острожках. Еще В. В. Атласов сообщал: «Державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают» [101, с. 31].

В брачной практике ительменов была известна и полигамия. «Жен имеют всяк по своей мочи, — сообщал тот же В. В. Атласов, — по одной и по 2, и по 3, и по 4».

Многоженство, наличие богатых — признаки распада первобытно-общинных устоев. По всей вероятности, эти явления возникли не в результате экономической дифференциации внутри ительменского общества, а вследствие естественных процессов, при которых выделялись лица, во-первых, признаваемые по своему общественному статусу старейшины, и, во-вторых, индивиды, отличавшиеся в силу своих природных данных особой энергией, силой, сметливостью, способные создавать и добывать больше, чем другие члены общины. Они-то, видимо, и располагали большим имуществом, чем сородичи, доставшимся во время военных побед, в том числе и пленными (рабами). Получали они различные вещи в обмен на военнопленных, за которых приобретали предметы быта. Как более опытные, энергичные и ловкие, такие люди были лучшими промысловиками морских и сухопутных зверей, что также являлось источником большей и лучшей части добычи. Престижное положение их в обществе и материальное обеспечение давали им возможность содержать несколько жен, труд которых по заготовке и приготовлению продуктов рыболовства и собирательства обеспечивал семью самым необходимым. Одним из показателей материального благополучия было владение упряжками собак, а были они далеко не у всех. «У лутчих мужиков имеются нарты по 2 и по 3, собак то есть по 12, а у иного одна. . . а у жен и ребят особливых собак не бывает» [107, с. 708].

При наличии признаков имущественного неравенства нет никаких сведений об эксплуатации единопле-

менников. У ительменов все еще господствовали общинные устои жизни, общинная собственность на основные средства производства. В личной собственности находились только предметы обихода: орудия труда, охоты и рыболовства, индивидуального пользования. Только посредством этих предметов, путем личных усилий членов семьи в ней создавалось какое-то материальное превосходство (прежде всего в теплой одежде) в сравнении с другими семьями. Примечательно, что среди ительменов начала XVIII в. признавалось право на личное присвоение, видимо, шкур пушных и морских зверей, даже подростками. «Пожитки у детей собственные имеются, ибо подростки, что промыслят, то отцам не отдают» [там же, с. 715].

Такое поведение было заложено, очевидно, прежде, когда наибольшую ценность в личном имуществе человека составляла теплая одежда, изготовлявшаяся из шкур собак, парнокопытных и пушных зверей. Понятия «богатый», «богатство» у ительменов того времени в нашем понимании не было. Богатым (правильнее говорить: живущим в необходимом достатке) считался тот, кто был обеспечен самым нужным в жизни. Это и понятно, так как условий для образования богатства (накопительства, его использования) их общество еще не знало, не имело для этого предпосылок. Источник богатства они видели в войнах: «Войны между ними частые были, река на реку или острожек на острожек, не для иной какой причины, только, чтоб побив мужиков, девок в полон взять, ибо они девок только за богатство почитали, а прочее ни во что вменяли. У них и поныне тот богатым называться может, который жену хорошую и собак имеет, да сыт и одет» [там же, с. 692].

В ительменском обществе ко времени присоединения Камчатки действовал прочно утвердившийся общественный и семейный приоритет мужской части. «Младенцам имена дают отцы умерших сродственников без всяких церемоний» [там же, с. 715]. Очевидно, здесь имеется в виду

реинкарнация, возвращение предков, воплощающихся в тела и души новорожденных при счете родства по отцовской линии

Старики, старшие в семье мужчины были распорядителями всех заготовленных продуктов летом «Мужчины...рыбачат, а женщины чистят рыбу, развешивают, сушат... и собирают высохшую. В этом им помогают дети и старики... Заготовленные запасы они отдают на сохранение и в распоряжение тех же стариков» [215, с 471].

В дальнейшем развитие общественного строя и социальных отношений ительменов протекало в неотъемлемой связи с развитием и упорядочением общественных отношений среди *пришлого русского населения, утверждения русского политического устройства на полуострове. Хозяйственно-экономическое и политическое положение ительменов на протяжении XVIII—*

начала XX в. выравнивалось с положением русских крестьян, происходило социальное сближение с переселенцами на Камчатку. Начало этому процессу было положено еще в XVIII в. привлечением русскими промышленниками-купцами к участию в морских экспедициях на Алеутские острова и к берегам Северной Америки русского и местного населения Камчатки [140, с. 164]. Постепенно из среды коренного населения начала выделяться социальная прослойка не только «работных людей», матросов, но и мелких торговцев, служащих приказчиками крупных купцов и т. п. Известно по крайней мере девять селений на Камчатке, где торговля была в руках ительменов (камчадалов). Они усвоили систему торгового закабаления *пришлого и коренного населения от русских и иностранных купцов [там же, с. 165].*

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Важнейшим условием ускоренного перехода к социализму В. И. Ленин считал советский строй, вовлечение трудящихся в русло советского строительства. Глубокая демократичность и интернациональная основа Советов, простота и доступность их для широких масс позволяли использовать эту форму государственной власти в самых отдаленных окраинах России. С их помощью, по мысли В. И. Ленина, можно было быстрее и легче всего «пробудить в массах стремление к самостоятельному политическому мышлению и к самостоятельной политической деятельности. . .» [8, с. 244]. Исторический опыт создания и деятельности Советов у ительменов полностью подтверждает эти ленинские слова.

Первые Советы в районе расселения ительменов были созданы в 1918 г. в Хайрюзове, Палане и Тигиле. В сфере их влияния, кроме старожильческого русского населения, входили также ительмены и оседлые коряки. Первые Советы работали очень недолго — в июле 1918 г. в Петропавловске-Камчатском произошел контрреволюционный переворот. Однако и за это короткое время Советы сумели оставить глубокий след в сознании коренного населения.

На примере их деятельности народности Севера смогли убедиться, что Советская власть является истинным защитником народных интересов, и они с оружием в руках выступили на ее защиту. В 1922—1923 гг., когда началась окончательная ликвидация белогвардейских банд на Северо-Вос-

токе РСФСР, десятки ительменов приняли участие в боевых действиях. Партизанские отряды и отряды самообороны действовали в Хайрюзове, в Ковране, в Утхолоке. В январе 1923 г. тигильские и паланские партизаны, среди которых были ительмены Н. Г. Наседкин, Н. С. Федотов, А. Ф. Наянов и другие, вошли в красноармейский отряд Г. И. Чубарова. С их помощью была разбита белогвардейская банда Грундульса, под Наяханом ликвидированы основные силы белогвардейцев Бочкарева и Полякова. В сражении под Наяханом погиб Н. С. Федотов.

Оторванность Северо-Востока от южных районов Дальнего Востока, пограничное положение края, наличие продолжающих действовать белогвардейских банд — все это отразилось на характере советского строительства тех лет: на Камчатке долго существовали чрезвычайные органы Советской власти — ревкомы. У ительменов их формирование началось сразу после свержения власти колчаковцев в Петропавловске. 16 января 1920 г. временный Военно-революционный комитет был образован в Утхолоке. Его председателем стал ительмен А. Е. Заев. Военревкомы возникли также в Тигиле, Палане, Напане и других селах [240, л. 1].

В телеграмме из Хайрюзова, поступившей в эти дни в Петропавловск, говорилось: «Хайрюзовский волостной съезд приветствует камчатскую военнореволюционную власть. . . Приверженцам Колчака, народным грабителям и кровопийцам шлет проклятие.

Волостной военно-революционный комитет организован» [126, с. 156].

Вторжение в октябре 1921 г. на Камчатку белогвардейской карательной экспедиции Бочкарева приостановило деятельность ревкомов. Она возобновилась осенью 1922 г., накануне полного разгрома бочкаревцев. 18 сентября 1922 г. вновь приступил к работе Тигильский ревком. К весне 1923 г. создание революционных комитетов в ительменских селах было завершено.

В соответствии с существовавшим тогда административно-территориальным делением у ительменов было создано 8 сельских революционных комитетов (селькомов): Ковранский, Морошечновский, Утхолокский, Сопочновский, Хайрюзовский, Седанкинский, Напанский и Амининский, а также два волостных — Хайрюзовский и Тигильский. Аппарат волревкомов состоял из 4—5 штатных работников. В селькомах работали председатель и секретарь. Среди первых советских работников-председателей селькомов были ительмены И. Наянов (Хайрюзово), В. Павлуцкий (Сопочное), Г. Запороцкий (Морошечное), О. Слободчиков (Ковран), О. Суздалов (Утхолок) и др. [239, л. 32].

Начало советского строительства было сопряжено с большими кадровыми трудностями. Многие работники селькомов были малограмотными, не понимали сущности Советской власти, с трудом разбирались в содержании поступающих к ним документов.

Важнейшей задачей советского строительства на этом этапе становилась подготовка кадров. Волревкомы регулярно проводили инструктаж работников селькомов, созывали совещания и конференции председателей и секретарей сельских ревкомов, организовывали их обучение в ликбезах, на специальных курсах. Много неудобств доставляла частая сменяемость председателей и секретарей селькомов, работавших на общественных началах. Это отрицательно сказывалось на материальном положении работников — они надолго отрывались от рыбного промысла, охоты.

Советское строительство у ительменов начиналось в весьма неблагоприятных условиях. В путину 1923 г. на западном побережье Камчатки были слабые подходы лососей. В значительной степени в этом были повинны японские рыбопромышленники, перегородившие сетями подступы к устьям рек. Рыбу — главный продукт питания коренного населения — удалось заготовить далеко не в полном объеме. В начале 1924 г. побережье охватило голод, во многих селах погибли все собаки. Это дезорганизовало охотничий промысел, что еще более усугубило положение. К тому же фирма Гудсон—Бей отказала в кредитах [там же, л. 5, 8].

Контрреволюционные элементы использовали сложившуюся ситуацию для усиления антисоветской пропаганды. Требовалось в короткий срок стабилизировать политическое и экономическое положение, и молодые органы Советской власти пытались справиться с этой непростой задачей. По решению губревкома были национализированы товары и продовольствие у торговцев, за их распределением среди трудящихся установили контроль, ввели нормы снабжения продуктами питания. По просьбе ревкомов помощь голодающим оказали коряки-оленоводы, подогнавшие к побережью свои стада.

Важную роль в борьбе с голодом сыграли созданные при ревкомах крестьянские комитеты взаимопомощи — кресткомы. За счет членских взносов, различных пожертвований они формировали фонды помощи. Наиболее нуждающимся были предоставлены займы, оказывалась безвозмездная помощь, в том числе продуктами. В Сопочном, некоторых других селах летом 1924 г. с этой целью были созданы общественные огороды [238, л. 25—26]. Кресткомы многое сделали для восстановления разрушенного хозяйства. Безлошадным семьям оказывалась помощь в уборке урожая, заготовке сена, для промысла рыбы предоставляли баты, сети. На 1 января 1927 г. в районе работало 14 кресткомов, на их учете находилось

133 семьи остронуждающихся [248, л. 12].

Следует отметить, что в этих сложных условиях ревкомы, особенно сельские, были чрезвычайными органами власти чисто номинально. На деле они выполняли функции обычных Советов. Формы и методы работы, компетенция ревкомов по существу не отличались от предусмотренных «Положением» о Советах. Сельские комитеты с самого начала избирались на общих собраниях жителей, такая же практика сложилась вскоре и для волостных ревкомов. В их деятельности преобладали методы убеждения, агитации населения, принудительные меры применялись крайне редко и только по отношению к контрреволюционным элементам и лицам, саботировавшим решения органов Советской власти [214, с. 33].

Ревкомы использовали все возможности для максимального привлечения широких масс трудящихся к советскому строительству. На заседания, как правило, приглашались представители общестественности и государственных учреждений. Волостные ревкомы регулярно отчитывались о своей работе перед жителями сел. Хайрюзовский волревком, например, за первую половину 1925 г. провел в селах волости семь таких отчетов [237, л. 63].

Действенной формой политического воспитания масс были волостные съезды и сельские сходы. За первые неполные полтора года своей работы Тигильский волревком созвал 8 волостных съездов. Их участники обсуждали и принимали решения по самым насущным вопросам жизни волости — организации партизанских отрядов, снабжении их оружием и продовольствием, открытию школ и кооперативов, организации медицинской помощи и др. [236, л. 12—13].

В результате большой политической и организационно-хозяйственной работы ревкомов к середине 20-х гг. были созданы условия для перехода к конституционным органам власти — Советам. Их созданию способствовало новое административно-территориаль-

ное деление, проведенное на Дальнем Востоке. С 1 января 1926 г. вместо губерний создавались округа, состоящие из районов, уезды и волости упразднялись. В Камчатском округе было создано 8 районов, в том числе Тигильский. Районирование ликвидировало промежуточные волостные и уездные органы Советской власти, придало более оперативный характер руководству советским и хозяйственным строительством на местах.

Избирательная кампания по выборам в Советы началась в декабре 1925 г. и затронула вначале лишь низовое звено. Советы создавались в селах с населением не менее 40 человек, более мелкие объединялись в один Совет. От каждых 15 человек избирался один депутат. Выборы проводились в два этапа. Вначале повсеместно прошли предвыборные собрания, на которых были созданы избирательные комиссии, составлены списки избирателей. В ходе этой работы в районе было лишено избирательных прав 11 человек. В феврале—апреле 1926 г. состоялись выборные собрания. В них приняло участие 63 % избирателей, в том числе 46 % женщин. В состав Советов избрали 151 депутата (в том числе 40 женщин), одного члена ВКП(б), четырех комсомольцев. Сельские Советы были созданы во всех ительменских селах. Шесть из них, где ительмены преобладали, получили статус «туземных», т. е. национальных (в некоторых документах их иногда ошибочно называют «родовыми») [251, л. 32].

Функции районного органа власти на этом этапе осуществлял Тигильский райревком. Переход к представительным органам диктатуры пролетариата на районном уровне был осуществлен во время второй избирательной кампании (1926—1927 гг.). Открывшийся 19 марта 1927 г. первый районный съезд Советов заслушал отчет Тигильского райревкома и избрал вместо него райисполком.

Выборы 1926—1927 гг. продемонстрировали возросшую политическую активность населения. В них приняло участие около 71 % избирателей.

В Советы было избрано 49 ительменов, 77 коряков, 9 русских, 26 представителей других национальностей. Усилилось партийное влияние в Советах — в их составе работало 5 коммунистов и 13 комсомольцев. Женщины составляли в Советах 23 %. При всех Советах были созданы комиссии — культурно-просветительная, кооперативно-промысловая, благоустройства и местного хозяйства [248, л. 89].

Первые выборы Советов среди ительменов проводились на основе «Временного положения об управлении туземных племен, проживающих на территории Камчатской губернии», разработанного Камчатским губревкомом в 1925 г. 25 октября 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили общее для всех северных районов «Временное положение», предусматривавшее создание не только Советов, но и туземных районов. С этого времени советское строительство у народов Севера происходило на единых законодательных началах.

В июне 1927 г., накануне новой избирательной кампании, Далькрайисполком признал необходимым расширить сеть туземных районов в Камчатском округе. Предполагалось создать 14 таких районов, в том числе Ительменский [187, с. 21—22]. На территории Тигильского района эта работа проводилась постепенно и завершилась к 1930 г. К этому времени здесь было создано три туземных района: два корякских (оседлый и кочевой) и ительменский с центром в с. Хайрюзове. Последний объединял шесть ительменских Советов с населением 722 человека. Три других ительменских Совета подчинялись непосредственно Тигильскому райисполкому [254, л. 8].

Ительменский туземный район, как и многие другие, не был административной единицей в обычном понимании этого слова. Созданный на основе этнографического признака, он объединял (в отличие от административного района) не территорию с населением, а этнически однородное население с традиционно сложившейся территорией его расселения [84,

с. 162]. Ительменский тузрик подчинялся общему райисполкому, у него не было собственного бюджета, в его аппарате работало всего два штатных сотрудника — председатель и секретарь. Его компетенция распространялась исключительно на народности Севера, ему не были подконтрольны торговые, культурно-просветительные и другие организации, расположенные на его территории

Создание туземных районов и их исполкомов было продиктовано стремлением приспособить советскую форму управления к патриархально-родовым отношениям народностей Севера, облегчить им восприятие советского строя. С этих позиций создание Ительменского туземного района и соответствующего исполкома было нецелесообразным. В отличие от некоторых других народов Дальнего Востока, особенно оленеводческих, ительмены в своих общественных отношениях к этому времени практически не отличались от русского старожильского населения Камчатки и поэтому были достаточно подготовлены к восприятию советской организации в ее общегосударственных формах.

На практике тузрик представлял собой промежуточное звено между Тигильским райисполкомом и национальными Советами. Свои решения райисполком адресовал непосредственно Советам. Функции тузрика, таким образом, сводились к контролю за их выполнением, однако из-за малочисленности аппарата эта работа была ему явно не по силам. Не случайно в одном из документов этого периода Тигильский райисполком констатировал значительное ухудшение работы Сопочновского, Утхоловского и некоторых других Советов, подчеркивая, что они «не являются действительными органами диктатуры пролетариата, совершенно не знают своих функций, работа Совета подменяется колхозами, Совет, как руководящий орган села, обезличивается» [254, л. 11]. Такую оценку с полным правом можно распространить и на работу туземного исполкома.

Деятельность Ительменского рай-

исполкома продолжалась недолго и не оказала существенного влияния на ход советского строительства, хотя, безусловно, сыграла некоторую роль в подъеме национального самосознания ительменов, росте их политической активности (правда, и эту сторону не следует переоценивать). Национальные интересы ительменов, их право на свободное развитие обеспечивались самым характером советского строя.

Система временного управления, выполивив отведенную ей роль, исчерпала свои возможности. На повестку дня вставал вопрос о создании у народов Севера полноправных органов государственной власти. 10 декабря 1930 г. Президиум ВЦИК принял постановление «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» [186].

Наряду с другими был образован и Корякский национальный округ в составе Карагинского, Олюторского, Пенжинского и Тигильского районов. В основе его создания лежали принципы экономической, культурной и этнической общности коренного населения. Это было конкретное воплощение в жизнь ленинского положения о том, что «для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом. . .» [1, с. 148].

Постановление ВЦИК в законодательном порядке давало национальную государственность коренным народам Камчатки, однако для практической реализации этого права предстояло провести большую работу: определить границы отдельных районов, переизбрать уже действующие и выбрать новые Советы, провести районные и окружные съезды Советов.

К весне 1932 г. избирательная кампания в основном завершилась. В Тигильском районе на выборы Советов явилось 89 % избирателей, в том числе у ительменов — 73 %. В ходе выборов в округе были упразднены туземные районы и их исполкомы. В состав 58

Советов избрали 579 депутатов различных национальностей, в том числе 57 ительменов. Ительмены возглавили 7 Советов из 58, в четырех они работали секретарями [322, л. 25—27].

Большие изменения произошли в социальном составе Советов. В Тигильском районе 81,6 % всех депутатов составляли колхозники, 9 % — рабочие и служащие. Итоги избирательной кампании были подведены на I окружном съезде Советов в апреле 1932 г. [187, с. 78—79].

Избрав первый состав окрисполкома, съезд, таким образом, завершил организационное оформление Корякского национального округа. У народов Севера сложилась советская система, почти ничем не отличающаяся от общегосударственной. Правовая основа деятельности новых органов власти, их структура и порядок образования определялись специальным «Положением», которое дифференцировало Советы народностей Севера на сельские (с оседлым населением) и кочевые [84, с. 281].

У ительменов функционировали сельские Советы. Их права ничем не отличались от прав Советов вообще. Им было подотчетно все население на территории сельсовета, они руководили подведомственными учреждениями, наблюдали за деятельностью всех других организаций и предприятий, несли ответственность за выполнение ими государственных заданий.

Конституция СССР 1936 г. предоставила национальным округам право избирать своего депутата в Совет Национальностей Верховного Совета СССР. Все Советы, независимо от их национальной специфики, стали называться Советами депутатов трудящихся. Органами государственной власти в национальных округах и районах расселения народов Севера стали окружные и районные Советы депутатов трудящихся, а между сессиями — их исполнительные комитеты. Произошли изменения в избирательной системе — выборы стали осуществляться на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Первые выборы в местные Советы на основе новой Конституции СССР состоялись 12 декабря 1939 г. В состав Советов в округе было избрано 540 депутатов. Более половины из них были представителями народов Севера. Заместителем председателя окружного Совета был избран ительмен Н. Ф. Арефьев, председателем Тигильского райсовета — ительмен М. С. Пономарев [113, с. 113—114].

На 1 января 1940 г. в Тигильском районе работало 17 сельских Советов. На их территории проживало 793 ительмена, главным образом в Седанкинском, Напанском, Утхоловском, Ковранском, Хайрюзовском, Сопочновском, Аманинском Советах.

Обширная территория, слабые транспортные связи затрудняли руководство развитием экономики и культуры района. В 1940 г. Корякский окрисполком поставил перед вышестоящими органами вопрос о разукрупнении Тигильского района. Предлагалось выделить из него в самостоятельный Ительменский административно-национальный район 10 сельских Советов — 6 ительменских, 2 корякских (Седанкинский кочевой и Белоголовский) и 2 русских — Тигильский и Птичинский, с общим населением 3136 человек [281, л. 35].

Предложение это, безусловно, имело смысл в тот период. Разукрупнение района могло значительно улучшить руководство Советами, способствовать активизации национальной жизни, более интенсивному развитию экономики и культуры ительменских сел. К сожалению, это, как и некоторые другие предложения Корякского окрисполкома, в условиях нарастания военной опасности осуществить не удалось.

Советы, избранные в 1939 г., работали всю Великую Отечественную войну. К ее началу их становление как органов государственной власти, организаторов хозяйственной и культурной жизни ительменского народа еще не завершилось окончательно. Овладевать этими функциями им пришлось в суровых условиях военного времени.

В первый период войны, когда на Камчатке существовала вполне реальная угроза со стороны милитаристской Японии, Советы провели большую организаторскую работу по подготовке населения к отражению возможного вторжения. Уже летом 1941 г. изучением военного дела в Тигильском районе было охвачено более тысячи человек, в каждом селе были созданы боевые группы самозащиты [188, с. 34].

Война в корне изменила содержание работы Советов. Главные их усилия направлялись теперь на мобилизацию внутренних ресурсов для оказания всесторонней помощи фронту. Они выступили организаторами движения под лозунгом «Как можно меньше брать у государства, как можно больше давать ему» [43, с. 35]. Это позволило отказаться от завоза многих видов промышленных товаров, промыслового снаряжения, сельхозинвентаря — изготовление организовали на месте. За годы войны в районе возникла новая отрасль промышленности — местная. В Тигиле был открыт промкомбинат, при кооперативах — разные мастерские, работала промышленная артель.

Большую работу провели Советы по увеличению производства промышленной и сельскохозяйственной продукции. В районе регулярно проводились фронтовые месячники и декадни. В результате удалось значительно увеличить добычу рыбы, заготовку пушнины, выросло поголовье скота, расширились посевные площади. Особенно больших успехов в хозяйственном строительстве добился в военные годы Напанский сельский Совет во главе с ительменом И. С. Бричаловым.

Важной составной частью работы Советов в этот период был сбор средств в фонд обороны. Инициатором этого движения стал седанкинский ительмен коммунист С. П. Запороцкий, перечисливший на нужды Красной Армии личные сбережения. Листовку «Следуйте патриотическому почину С. П. Запороцкого!» в те годы можно было встретить в каждом населенном пункте округа. Тигильский райиспол-

ком, подводя итоги работы Советов в годы войны, констатировал: «Сельские Советы района за период Отечественной войны сдали в фонд обороны наличными 2270 тыс. руб., облигациями Государственных займов — 2000 тыс., на фронт отправлено 18 тыс. комплектов теплых вещей. Только за 1943 г. рыбаками района передано безвозмездно в фонд Верховного главнокомандования 6800 ц рыбы» [253, л. 166].

Кроме средств, перечисленных в фонд обороны, значительные суммы были внесены на строительство авиаэскадрильи «Камчатка — фронту», оказана материальная помощь в восстановлении городов, освобожденных от фашистов. Так, например, ительмены Коврана в честь освобождения Киева собрали более 7.5 тыс. руб., на восстановление Харькова тигильцы перечислили 16.5 тыс. руб.

Война отодвинула на второй план, но не прервала процесс социалистических преобразований у ительменов. Советам удалось не допустить свертывания работы школ, медицинских и культпросветучреждений. Продолжалось колхозное строительство. К концу войны все ительменские товарищества перешли на артельный устав. Вместе с тем военная обстановка отрицательно сказалась на нормальном функционировании Советов. В первые годы войны на фронт ушли многие депутаты. К 1945 г. состав большинства Советов сильно сократился. В Тигильском районном Совете, например, из 25 депутатов, избранных в 1939 г., осталось всего 12 [188, с. 111]. Нерегулярно созывались сессии, во многих Советах они вообще не проводились. Оказалась свернутой работа постоянных комиссий. Ослабили демократические начала в деятельности Советов. Обычным стала подмена их партийными органами.

Переход к мирной жизни требовал серьезной перестройки деятельности всех государственных и общественных организаций, углубления их демократических основ. В первую очередь это касалось Советов. Повышение уровня их организаторской работы и инициа-

тивы повсеместно связывали с очередными выборами в местные Советы. Они состоялись в декабре 1947 г. По Корякскому национальному округу было избрано около 600 депутатов, на 50 депутатов больше, чем в 1939 г. В состав Советов вошло 63 ительмена [298, л. 2, 3, 9]. И после выборов общий уровень работы многих Советов продолжал оставаться низким: последствия культа личности, возросшая за годы войны централизация управления не могли способствовать расширению демократических начал в деятельности Советов. Принцип коллегиальности в работе Советов по-прежнему не соблюдался. Достаточно сказать, что даже в 1950 г. ни один из 16 Советов Тигильского района не имел исполкомов. Половина Советов провела в этот год всего по одной сессии. Слабо работали постоянные комиссии, хотя общее число их неоправданно выросло. Так, например, в Ковранском сельском Совете, насчитывающем всего 9 депутатов, было создано 7 постоянных комиссий, но все они бездействовали [301, л. 167].

Крайне отрицательно сказывалась неразработанность законодательства о местных органах власти. Конституционные положения 1936 г., закрепив создание в стране единой системы советских органов, не получили дальнейшего развития в законодательных актах. Не существовало даже элементарного положения о работе местных Советов, отсутствовало четкое представление об их правах и обязанностях. Советы работали по указке. Законодательные акты заменяло местное нормотворчество, нередко противоречившее Конституции СССР.

Задачи дальнейшего развития народного хозяйства, социально-культурного строительства у народов Севера требовали существенного улучшения деятельности Советов, повышения уровня их массовой и организационно-хозяйственной работы. Эта задача начала практически решаться лишь в ходе преодоления последствий культа личности Сталина. XX съезд КПСС потребовал восстановить ленинские нормы и принципы работы

представительных органов, решительно поднять роль Советов в хозяйственном и культурном строительстве, в удовлетворении повседневных нужд и запросов населения, обеспечить широкое участие масс в управлении [15, с. 25].

Важную роль в дальнейшем развитии Советов как организаторов хозяйственного и культурного строительства на этом этапе сыграло постановление ЦК КПСС от 22 января 1957 г. «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связей с массами» [13, с. 237—245]. На его основе к концу 50-х гг. были разработаны положения о местных Советах, подробно определена их компетенция, расширены права в сфере производства и распределения продукции местной промышленности, в решении финансово-бюджетных и других вопросов.

К середине 70-х гг. численный состав Советов Тигильского района значительно увеличился. Вместо 5—9 человек в сельские Советы стали избираться 20—25 депутатов. Депутатский корпус вырос не только за счет роста численности населения района, но и в результате расширения норм представительства. Это позволило создать большое число работоспособных комиссий, привлечь к их работе актив. Широкое распространение получила практика создания при Советах самодеятельных общественных организаций — женских советов, родительских комитетов, советов культпросветучреждений и т. п. В составе таких формирований в Хайрюзовском сельском Совете, например, состояло в 1975 г. более 80 человек, в Ковранском — 91.

Конституция СССР (1977 г.), а затем Конституция РСФСР (1978 г.) обязывали перейти к новому этапу совершенствования всех звеньев политической системы советского общества и ее основы — Советов. За восемь последующих лет (1977—1985 гг.) ЦК КПСС, Верховные Советы СССР и РСФСР, Совет Министров СССР приняли более 50 законодательных и нормативных актов по самым разным

сторонам деятельности представительных органов власти, в том числе Закон РСФСР «Об автономных округах РСФСР», Положение об отделе по народностям Севера исполнительного комитета Краевого, областного Совета народных депутатов и др. [122, с. 199—226, 333].

В результате большее представительство получили те группы населения, роль и активность которых в политической системе советского общества заметно выросли. В частности, доля депутатов-женщин в Советах Тигильского района увеличилась к 1985 г. до 51 %, доля депутатов в возрасте до 30 лет поднялась до 37,3 %, в том числе членов ВЛКСМ — до 24 %. Это значительно больше, чем было во всех предыдущих созывах [310, л. 11].

Качественные перемены произошли в депутатском корпусе. Так, в середине 50-х гг., например, в Ковранском сельском Совете лишь два депутата (25 %) имели семилетнее образование, остальные — от двух до четырех классов. Примерно такая же картина была и в других ительменских Советах. В 1985 г. в Ковране 14 из 20 депутатов имели высшее и среднее образование, а в целом по району такой образовательный уровень был у 70 % депутатов.

До начала 60-х гг. в 10 из 16 сельских Советов Тигильского района преобладало коренное население. Экономика национальных сел, да и всего района в целом, ориентировалась в основном на удовлетворение местных нужд. Понятно, что в этом случае любые мероприятия Советов, практически все их решения почти не выходили из круга проблем национальной жизни.

Теперь Тигильский район, как и весь автономный округ, — составная часть единого народнохозяйственного комплекса. Тысячами нитей он неразрывно связан с хозяйством всей страны. Здесь живут и трудятся представители многих национальностей. Ускоряется интернационализация хозяйственной и общественной жизни. В этих условиях повседневная забота о гармоничном сочетании интернацио-

нального и национального, последовательном удовлетворении как общих, так и специфических потребностей разных групп населения ложится прежде всего на местные Советы.

Ительмены проживают теперь во всех селах района и за его пределами, а преобладают они лишь в одном Совете — Ковранском. Все это, естественно, не могло не отразиться на их представительстве в местных органах власти.

В 1985 г. доля ительменов в населении Корякского автономного округа составила 2,9 %, между тем среди депутатов их было 5,7 %, в том числе в окружном Совете — 7,5 %, в районных — около 4 %, в сельских — 6,7 %. Ительмены возглавляют ряд сельских Советов округа, достаточно широко представлены они в аппарате исполкомов. Начиная с 1971 г. председателями исполкома Корякского окружного Совета неизменно избирались представители ительменской народности — С. Н. Слободчиков, В. И. Успенская, В. Т. Броневиц.

В новых условиях перестройки, дальнейшей демократизации общества неизмеримо выросла роль Советов как проводников и исполнителей национальной политики КПСС.

По мере углубления процессов интернационализации Камчатский областной, Корякский окружной, Тигильский районный Совет все чаще стали обращаться к жизненно важным для народностей Севера вопросам: повышению благосостояния и культурного уровня, развитию в национальных селах жилищного строительства, медицинского и торгового обслуживания, улучшению преподавания в школах округа языков и т. п.

Большинство таких решений касается всех народностей Севера, проживающих в округе и районе. В то же время не остаются без внимания и проблемы национальной жизни собственно ительменов, дальнейшего развития дружбы и сотрудничества народов СССР, интернационального воспитания трудящихся [220—224].

В последние годы Советы стали более предметно заниматься разви-

тием народных художественных промыслов, развитием личных подсобных хозяйств ительменов, воспитательной работой с лицами местной коренной национальности.

Особенно большое воздействие на все стороны жизни ительменов оказывают сельские и поселковые Советы. Снабжение топливом, строительство и ремонт жилья, забота об инвалидах и пенсионерах, заготовка для личных нужд рыбы и морского зверя, трудоустройство — эти и множество других житейских проблем местного коренного населения решаются при самом непосредственном участии Советов.

Следует сказать, что, несмотря на крупные меры по расширению полномочий, укреплению материальной базы Советов, они все еще не могут в полной мере выполнять функции органов государственной власти на подведомственной территории. Не располагая авторитетом партийных комитетов, не имея тех средств, которыми располагают предприятия и организации, Советы не в состоянии противостоять ведомственным интересам и нередко оказываются в полной от них зависимости.

Особенно в трудном положении находятся сельские Советы. Ковранский сельский Совет, например, имеет расходный бюджет в 31—32 тыс. руб., а расположенный на его территории колхоз «Красный Октябрь» получает ежегодно более миллиона рублей прибыли. По каждому пустяку Совет вынужден обращаться к правлению колхоза. Унизительная зависимость от хозяйственников не может не сказываться на авторитете местных органов власти.

Другая серьезная проблема в деятельности Советов — это ослабление их демократических начал. Двойная природа Советов как органов государственной власти и массовых организаций населения оказалась во многом утраченной. Демократические принципы в работе Советов рассматривались главным образом как соответствующее представительство классов, социальных групп и национальностей. Активное и действенное участие трудящихся в решении вопросов государ-

ственной и общественной жизни все более подменялось деятельностью исполнительного аппарата. Возникла парадоксальная ситуация, когда Советы — хозяева своей территории и их исполкомы — исполнители воли Советов как бы поменялись местами.

«Советы как представительные органы, — отмечал на XIX Всесоюзной партийной конференции М. С. Горбачев, — оказались на второстепенных, даже на третьестепенных позициях. Ими в лучшем случае командует исполком. И если мы хотим возродить Советы, то надо прежде всего возродить тот самый Совет, который представляет людей, дать ему соответствующие права, чтобы именно его власть была источником всех остальных полномочий» [19, с. 103].

XIX Всесоюзная конференция КПСС приняла решение о проведении в стране реформы политической системы. Первый ее этап — обновление структуры Советов, порядка формирования и деятельности высших органов власти, избирательной системы — в основном завершен. Верховный Совет СССР на внеочередной сессии 1 декабря 1988 г. внес в Конституцию СССР существенные изменения и дополнения, направленные на совершенствование избирательной системы, структуры и деятельности Советов

Для всех Советов установлен единый срок полномочий — 5 лет. До четырех месяцев вместо двух увеличено время на подготовку выборов в Советы. Должностные лица, избираемые или назначаемые Советами, не могут теперь занимать свои должности более двух сроков подряд. По важнейшим вопросам жизни Советы получили право проводить референдумы, причем в своих решениях Советы обязаны учитывать общественное мнение. Право выдвижения кандидатов в народные депутаты получили, кроме трудовых коллективов, собрания избирателей по месту жительства, а также творческие союзы и общественные организации. Число кандидатов в депутаты при этом не ограничивается. Приняты другие важные изменения [220—224].

Впереди еще два этапа реформы, в том числе — реорганизация власти на местах. В частности, предстоит пересмотреть статус автономного округа, расширить его права и возможности в политической, социально-экономической и культурной жизни, создать материальные и правовые предпосылки, для того чтобы Советы на деле решали все вопросы местной жизни, возродились как полновластные органы народного самоуправления [22, с. 8].

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО (1917—1987 гг.)

Экономическая и социальная политика КПСС и Советского государства среди народностей Севера вытекала из задачи устранения их глубокой хозяйственной и культурной отсталости. В основе этой работы лежал ленинский кооперативный план, который предусматривал вовлечение в социалистические производственные отношения не только мелкотоварных, но и патриархальных производителей. В конечном счете именно кооперирование позволило наикратчайшим путем привлечь народности Севера к социалистическому строительству. «Кооператив, если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы, есть социализм», — подчеркивал В. И. Ленин [4, с. 161].

Некоторый опыт кооперативного строительства к моменту завершения гражданской войны на Северо-Востоке среди ительменов уже имелся. Потребительская кооперация в районе их расселения возникла еще в 1917 г. Первыми кооперативами были Тигильский («Камчадал») и Хайрюзовский («Согласие»). Последний обслуживал также кочевое население. В 1920—1921 гг. в районе были созданы еще два потребительских общества — Паланское и Сопочновское [318, л. 25]. Кооперативы приобретали у торговцев товары, им же сдавали промысловую продукцию. В условиях нестабильного политического положения кооперативы работали слабо, а к концу 1922 г. вообще прекратили свою деятельность.

Окончательное установление Советской власти на Камчатке активи-

зировало кооперативное движение. В июне 1923 г. возобновил работу Хайрюзовский кооператив. В Тигиле и Палане возникли союзы рыбаков и охотников. Создание кооперативов позволило более действенно защищать интересы коренного населения. Был установлен контроль за сбытом рыбы японским промышленникам. К осени 1924 г. кооператоры заготовили пушнины на 24 тыс. руб., заставив тем самым торговцев в 2 раза увеличить на нее закупочные цены [239, л. 7, 25; 236, л. 18].

В первые годы кооперативы не имели собственных товарных фондов и выступали в роли контрагентов частных торговых фирм, таких как «Гудсон Бей», «О. Свенсон» и др. Отсутствие средств, трудности с доставкой товаров заставляли мириться с присутствием иностранных компаний. Однако уже в 1924 г. монопольное право на снабжение населения перешло к советской торговой организации — Охотско-Камчатскому акционерному рыбопромышленному обществу (ОКАРО). В 1925 г. ОКАРО сменил Дальгосторг. Наибольшее распространение государственная торговля получила на восточном побережье Камчатки. В Тигильском районе торгово-заготовительные операции сосредоточились в руках потребительской кооперации. Заключив с Дальгосторгом договор, потребкооперация стала комиссионером государственной торговли, которая снабжала ее товарами и давала кредиты.

В 1925/26 г. торговый оборот кооперативов Тигильского района состав-

лял более 140 тыс. руб. Наибольший удельный вес в нем (57.8 %) занимало продовольствие. Оседлое население в значительно большей степени, чем кочевники, зависело от завоза продуктов питания, которые в Пенжинском районе, например, составляли в товарообороте всего 37.7 % [94, с. 268].

В отличие от других районов Севера у ительменов в начале 20-х годов не получила развития отраслевая кооперация. Благодаря этому в районе не было торговой конкуренции, потребкооперация пользовалась большим авторитетом. Вскоре, однако, ее монопольное положение стало отрицательно сказываться на развитии хозяйственной жизни. Выступая в роли распределителя товаров Дальгосторга, потребительские кооперативы мало уделяли внимания заготовке продукции промыслового хозяйства.

В 1927 г. на Камчатке Дальгосторг сменило Акционерное Камчатское Общество (АКО), которое сумело в более широких масштабах организовать заготовку рыбы у населения. Кроме того, в Тигильском районе на концессионных началах работал рыбозавод «Люри и К^о». Это способствовало развитию промысловой кооперации. Кооперативные рыболовецкие и зверобойные артели возникли у ительменов Утхолока, Морошечного, Сопочного. В 1928 г. в кооперативных артелях Тигильского района состояло около 130 жителей, в том числе 76 ительменов [113, с. 78—79].

Каждая рыболовецкая артель имела паевой капитал — своеобразный неделимый фонд, который пополнялся за счет отчислений от прибыли. Остальные средства распределялись среди членов артели. В Ковранской, Сопочновской, Утхолокской артелях, где ительмены составляли большинство, существовал уравнительный принцип распределения дохода. В Хайрюзовской артели оплата труда была сдельной.

Создание промысловых кооперативов улучшило экономическое положение населения, способствовало окончательному вытеснению частного

капитала. Кооперативы не только добывали рыбу собственными силами, но и принимали ее для обработки у той части жителей, которые не являлись членами артели. Это обеспечивало высокий заработок (до 500 руб. в путину) многим ительменским семьям, которые по разным причинам не могли вступить в кооператив.

Первые промысловые кооперативы у ительменов были малочисленными и возникали на базе зажиточных и середняцких хозяйств, владевших неводами, сетями, лодками, вельботами или кунгасами. Бедняки были представлены в них незначительно. В Ковранской промысловой артели, например, они составляли менее 20 %, в Сопочновской — около 18 % [113, с. 78]. Артели сталкивались в своей работе с большими трудностями — не хватало соли, несвоевременно вывозилась готовая продукция, сказывались и недостатки организационного характера.

Особенности экономики северных районов (комплексность хозяйства народов Севера, отсутствие крупных экономических центров, путей и средств сообщения и др.) требовали такой кооперативной системы, которая смогла бы объединить в себе функции как потребительской, так и производственной кооперации, активно влиять на перестройку всего северного хозяйства. К 1927 г. такая кооперация уже имела. В ряде районов Севера работали смешанные (интегральные) кооперативы, охватывающие все отрасли северного хозяйства. Учитывая положительный опыт их работы, было решено распространить его на весь Север РСФСР. С 1928 г. начался перевод камчатских кооперативных объединений на интегральный устав. В ходе реорганизации был создан Камчатский интегралсоюз, вошедший в систему охотничьей кооперации — Дальохотсоюза, и уже в 1931 г. приступили к работе Корякский окружной и Тигильский районный интегральные союзы [251, л. 14].

Интегральная кооперация быстро завоевала популярность у рыбаков и охотников. Если в 1928 г. в коопе-

ративах Тагильского района состояло 21.5 % жителей, то в 1931 г. — 76 %. В 1929 г. отделения Камчатского интегралсоюза открылись в Тигиле и Палане, в 1930 г. — в Хайрюзове и Лесной, в 1931 г. — в Седанке, Сопочном, Воямполке, Кахтане [294, с. 139].

Интегральная кооперация оказала благоприятное воздействие на подъем традиционных отраслей хозяйства, развитие общественной самодеятельности населения. Предоставляя артелям и отдельным семьям целевые кредиты, она способствовала обновлению охотничьего и рыболовного снаряжения, росту объемов промысла. Повышалась товарность продукции, улучшалось экономическое положение коренного населения, росла его политическая сознательность.

С созданием интегральных союзов новый импульс получило производственное кооперирование. Первоначально промысловые артели охватывали, как правило, одну отрасль. Завершив хозяйственную кампанию, такой кооператив прекращал деятельность до будущего года. Теперь же совместный труд членов артели стал распространяться и на другие отрасли. Началось постепенное перерастание сезонных кооперативов в постоянные коллективные хозяйства. Так, в Морощечном созданный в 1927 г. по инициативе местного учителя коммуниста К. И. Кузнецова рыболовецкий кооператив уже через год, кроме рыбы, добывал морского зверя, вел заготовку сена, вспашку огородов. Многопрофильными кооперативными объединениями стали в Утхолоке зверобойная артель «Нерпа», в Ковране — рыбацкая артель.

Большинство коллективных хозяйств ительменов к этому времени еще не выходили за рамки первичного кооперирования. Средства производства в них обобществлялись лишь на период путины или другой хозяйственной кампании; членами таких кооперативов считались лишь главы семей. В них не было норм выработки и расценок труда, имела место необычайная пестрота в формах оплаты,

чаще всего практиковалась уравниловка. Практически отсутствовали учет и отчетность.

Кооперативные объединения ительменов были в это время не чем иным, как простейшими производственными товариществами, сугубо добровольной и весьма жизнеспособной кооперацией, обеспечивавшей тесные связи национальных хозяйств с экономикой всей страны. Именно такие формы производственного кооперирования имел в виду В. И. Ленин, когда писал о необходимости пробуждать сознание трудящейся части крестьянства «терпеливо, рядом постепенных переходов...» [6, с. 356].

Возникнув повсеместно, первичные производственные кооперативы к началу 30-х гг. далеко не исчерпали свои возможности. Однако в последующем развитие доколхозных форм кооперативного строительства было необоснованно прервано. Толчком к этому, безусловно, послужил переход к сплошной коллективизации в зерновых районах страны. И хотя партийные директивы по этому вопросу не ставили тогда такой задачи перед Камчатской областью, местные партийные и советские органы не хотели оставаться в стороне от «великого перелома». Процентомания, эпидемия «бумажных колхозов», захлестнула многие Советы. Тигильский район уже в 1931 г. объявил себя зоной сплошной коллективизации. Большинство кооперативных коллективов района были объявлены колхозами.

К 1 января 1932 г., по данным Тигильского райисполкома, в районе имелось 17 коллективных хозяйств: две коммуны, 4 оленеводческих и 11 рыболовецких артелей, объединявших 63 % всех хозяйств. У ительменов и береговых коряков в колхозах состояло 74 % хозяйств, у оленеводов — 52.3 % [249, л. 51—52]. I окружной съезд Советов в 1932 г. поставил перед Тигильским районом задачу к началу 1933 г. добиться стопроцентной коллективизации оседлого населения, а к концу года завершить ее и среди кочевников [43, с. 25].

Справедливости ради следует ска-

зять, что перевод производственного кооперирования в русло колхозного строительства поначалу не вызывал особого противодействия. Соседская взаимопомощь, уравнилельный принцип распределения, широко бытовавшие среди ительменов, успешный опыт деятельности первичных кооперативов делали близкой и понятной идею коллективного хозяйства. В некоторых ительменских селах, отличавшихся большей социальной однородностью, хорошую питательную среду находило даже создание коммун. Две такие коммуны (им. 1 Мая и «Завет Ильича»), возникшие еще в 1929 г., весьма успешно работали в селах Сопочное и Морошечное. Коммунары Морошечного, например, имели общий огород, более 30 голов крупного рогатого скота, 8 лошадей, 240 ездовых собак. Занимались добычей рыбы, морского зверя, пушным промыслом [321, л. 131].

Гораздо большие трудности встречало создание колхозов в селах, где кроме ительменов жили русские и где имущественная дифференциация и классовые отношения были выражены сильнее. Хайрюзовский рыболовецкий кооператив, в недалеком прошлом один из наиболее крепких в районе, став колхозом, сразу же распался. Такая же картина имела место в Тигиле. Попытки форсировать колхозное строительство привели к нарушению его главного принципа — добровольности. В Напане, например, колхоз создавали под лозунгом «Кто не в колхозе — тот враг», в Хайрюзове — «Кто вступит в колхоз, тот будет есть кету, кто не вступит — камбалу».

Особенно большой вред колхозному строительству нанес преждевременный перевод первичных производственных объединений на устав смешанной артели, который начался в 1932 г. Население к этому времени еще не было готово к обобществлению средств производства и ответило на него массовым убоем домашнего скота. Его поголовье сильно сократилось в Тигиле, Утхолоке, Хайрюзове и других селах [258, с. 184]. Преждевременное обобществление породило

обезличку труда, небрежное хранение и использование орудий труда. Упала трудовая дисциплина.

На почве ошибок и перегибов в вопросах коллективизации в Корякском национальном округе к середине 1932 г. сложилось весьма тревожное положение. Массовое недовольство и открытые протесты имели место во многих селах и Тигильского района. Не менее тревожные сообщения поступали в Москву из других районов Севера.

Изучив положение дел на местах, ЦК ВКП(б) 26 июня 1932 г. принял постановление «О работе в национальных районах Крайнего Севера» [10, с. 53—56], в котором решительно осудил существующую практику колхозного строительства в северных районах и потребовал прекратить сплошную коллективизацию.

Первого сентября 1932 г. ЦК ВКП(б) еще раз вернулся к этим вопросам в постановлении «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» [11, с. 133—135]. Местным партийным и советским органам предлагалось сосредоточить внимание на организации лишь первичных форм производственного кооперирования. Категорически запрещалось создание коммун. Среди населения, занятого рыболовецким промыслом, допускалась организация смешанных промысловых артелей лишь в том случае, если для этого были соответствующие условия. В противном случае они должны были переводиться на устав простейших производственных объединений.

К апрелю 1934 г. все артели района были переведены на устав товарищества. 7 из них были оленеводческими, 3 — рыболовецкими, 10 — смешанными. Основу товариществ составляли бедняцко-батрацкие хозяйства — 56,3 % [308, л. 26].

Непосредственное руководство коллективными хозяйствами в этот период осуществляла интегральная кооперация. Все товарищества были ее коллективными членами. Интегралсоюзы и их отделения на местах выступали посредниками между товарище-

ствами и государством, вели организационно-хозяйственное укрепление будующих колхозов.

К сожалению, поискам более совершенных форм руководства колхозным строительством со стороны интегральной кооперации в первой половине 30-х гг. были свойственны серьезные недостатки. Деятельность кооперации лихорадили частые реорганизации. Так, в июле 1930 г. Далькрайисполком принял решение о слиянии охотничьей и рыбацкой кооперации в единую систему — Дальрыбакохотсоюз, а уже в январе 1932 г. ее вновь разделили на две самостоятельные кооперативные организации — Крайрыбакколхозсоюз и Дальинтегралохотсоюз. Последний в сентябре 1933 г. был реорганизован в Дальинтегралсоюз. С этого времени в его ведении и находились ительменские коллективные хозяйства [290, л. 282; 291, л. 103].

Сосредоточив в своих руках все снабженческо-заготовительные операции, все интегральные кооперативы, Дальинтегралсоюз получил возможность более активно влиять на ход колхозного строительства. Были разработаны примерные нормы и расценки труда. Часть товариществ перешла на бригадно-звеньевую систему организации производства.

К середине 1936 г. в Тигильском районе коллективизацией было охвачено 86 % хозяйств, объединившихся в 22 товарищества. 6 из них были чисто ительменскими, в одном (им. И. В. Сталина), кроме ительменов, работали русские. Отдельные ительменские семьи входили в товарищества оседлых коряков в Воямполке и Белоголовом. Товарищество «Ительмен» объединяло жителей двух сел — Сопочного и Морошечного [306, л. 9].

В отличие от некоторых районов Севера, где на начальном этапе коллективизации существовали видовые товарищества, концентрировавшие свою деятельность в одной, ведущей отрасли хозяйства, у ительменов (табл. 4) все производственные объединения были смешанного типа. Это позволяло наиболее полно использовать природные и экономические условия, открывало дорогу к разделению труда, повышало доходность коллективного хозяйства, делало его более жизнестойким.

Выбор ведущей отрасли колхозного производства в ительменских товариществах далеко не всегда отражал истинное ее значение в жизни населения. Он был обусловлен материально-техническими возможностями хозяйства, экономической целесооб-

Таблица 4

Характеристика ительменских товариществ в 1936 г.*

Название товарищества	Хозяйственное направление	Число хозяйств (семей)	Число членов		Доход на 1 трудоспособного, руб.
			общее	трудоспособных	
«Победа» (Утхолок) им. И. В. Сталина (Хайрюзово)	Рыболовно-охотничье	13	62	27	1210
	То же	56	160	90	1552
«Красный партизан» (Напана)	Охотничье-рыболовецкое	13	75	36	87
«Бедняк» (Аманино) им. 1 Мая (Седанка)	То же	8	55	19	189
	Сельскохозяйственно-охотничье	14	107	74	108
«Ительмен» (Сопочное)	Сельскохозяйственно-охотничье-рыболовецкое	33	186	111	845
«Красный Октябрь» (Ковран)	То же	14	72	25	3756
Итого		151	736	382	981

* Составлена по: ГАКО, ф. 209, оп. 1, д. 20, л. 29, 34, 35, 39.

разностью. В этом уже состояло принципиальное различие между товариществом и кооперативным объединением конца 20-х гг. Последние создавались, как правило, лишь на базе ведущей отрасли.

К середине 30-х гг. рыболовство по-прежнему составляло основу жизнедеятельности ительменов, однако это его качество уже не было определяющим. На первый план выступали теперь товарные возможности отрасли. Большинство ительменских товариществ к этому времени не могли развивать товарного рыболовства. В районе работало всего одно рыбообрабатывающее предприятие — Птичинский консервный завод. Его мощности были невелики, рыбу он мог принимать только у близлежащих хозяйств. Это обстоятельство, безусловно, влияло на выбор хозяйственного направления.

Ярко прослеживается и другая тенденция. Рост доходности товариществ зависел от уровня их комплексности. В Ковране, например, доход на каждого трудоспособного был в 2,4 раза выше, чем в Хайрюзово, хотя возможности для развития товарного рыболовства у них были практически равными. Более высокие результаты в «Красном Октябре» были достигнуты за счет сельского хозяйства, которым хайрюзовское товарищество не занималось.

Увеличение доходности за счет повышения уровня комплексности стало важнейшим направлением организационно-хозяйственного укрепления ительменских товариществ во второй половине 30-х гг. Вслед за «Красным Октябрем», «Ительменом» и товариществом им. 1 Мая сельским хозяйством стали заниматься и в других товариществах, в том числе и рыболовецких. В 1939 г. в колхозах и товариществах Тигильского района насчитывалось уже 38,6 га общественных посевов, главным образом картофеля, и основная их часть приходилась на долю ительменских товариществ [281, л. 16].

Успехи в развитии растениеводства, рост доходности этой отрасли

вызвали изменения в хозяйственной направленности ряда товариществ. Сельское хозяйство стало ведущим в общественном производстве ительменов Напаны, Аmaniно, Утхолока. В то же время в Сопочном и Ковране взяли курс на более интенсивное развитие рыболовства, продолжая заниматься и сельским хозяйством.

Развитие сельского хозяйства в ительменских колхозах сыграло важную роль в становлении социалистических производственных отношений. За счет привлечения к общественному производству женщин удалось более рационально использовать трудовые ресурсы, ускорить внедрение бригадных форм организации труда, выросла его производительность. Началось постепенное перерастание товариществ в сельскохозяйственные и рыболовецкие артели.

Важнейшим условием перехода товариществ на устав колхозной артели было наличие у них коллективной собственности. Имелось три основных источника ее формирования: обобществление средств производства, государственные ссуды и кооперативные накопления. В ительменских товариществах обобществление средств производства существенной роли не играло. Обобществлялись лишь некоторые виды сельхозинвентаря, промыслового снаряжения и отчасти лошади. Крупный рогатый скот и собаки находились в личной собственности. Колхозные животноводческие фермы создавались уже после перехода товариществ на артельный устав. С этой целью домашний скот покупался колхозами у колхозников. Что же касается транспортного собаководства, то оно никогда не было отраслью колхозного производства. Необходимые перевозки осуществлялись колхозниками на личных собаках за соответствующую плату.

Переход к артельной форме коллективизации раньше всего произошел в рыболовецких товариществах. Имея высокие доходы от рыболовства, они формировали коллективную собственность более интенсивно. В сентябре 1939 г. на устав рыболовецкой артели

перешли товарищества в Ковране, Сопочном и Хайрюзове. Товарищества в Утхолоке, Напане и Седанке приняли устав сельскохозяйственной артели в 1940—1941 гг. В 1941 г. из состава колхоза «Итьелмен» выделались жители села Морошечного. Они образовали товарищество «Интернационал». С переходом его в апреле 1942 г. на устав сельхозартели коллективизация среди итьелменов завершилась. У них было создано 7 колхозов, в том числе 3 рыболовецких [252, л. 59]. Такая хозяйственная структура существовала до 50-х гг.

Завершение коллективизации выдвигало на первый план задачу организационно-хозяйственного укрепления колхозов, превращения их в длительно социалистические предприятия сельского и промыслового хозяйства. Кооперативный план В. И. Ленина связывал успешное решение этой задачи с внедрением экономических методов хозяйствования и управления, развитием демократизма, повышением общей культуры крестьянства. К сожалению, развитие колхозного движения в стране, в том числе и у итьелменов, пошло совсем по другому пути.

Самодетельность колхозов с самого начала была резко ограничена. Это тормозило их инициативу, хозяйственное развитие. Система директивного планирования, бюрократического командования колхозами породила отчуждение труженика от средств производства, от распределения созданного продукта, убила в нем хозяина, превратила его в наемного работника. Принудительный характер труда колхозников вызывал социальную апатию, падение нравственных норм.

Создание крупного коллективного хозяйства предполагало коренное обновление материально-технической базы колхозов. Эта задача, отчасти по объективным причинам, не была в должной мере решена в целом по стране, но если в зерновых районах в предвоенные годы все же была создана сеть МТС, то на Севере период «мануфактурного развития» колхозов, когда основой их производства оста-

вался ручной труд, затянулся до конца 50-х гг.

И все же, несмотря на все препятствия, трудности военного времени и восстановительного периода, итьелменские колхозы сумели и окрепнуть, и поднять производство. В этом проявилась их сила как социалистической формы хозяйства. К концу войны в колхозах появилась новая отрасль — молочное животноводство. Фермы крупного рогатого скота были созданы во всех итьелменских селах. В Ковране и Хайрюзове, кроме того, имелись небольшие свинофермы. В большинстве хозяйств были построены животноводческие помещения, овощехранилища. За годы войны более чем в 3 раза увеличались посевные площади. На 1 января 1949 г. в итьелменских колхозах, объединявших около 40 % всех хозяйств Тигильского района, было сосредоточено 4/5 всех посевов района, более половины крупного рогатого скота, 58 % лошадей [288, л. 63].

Интенсивно развивалось колхозное рыболовство. В районе расширилась сеть предприятий государственной рыбной промышленности. Птичинский рыбокомбинат открыл базы обработки в Усть-Хайрюзове и Усть-Ковране. Приступил к работе рыбокомбинат в Сопочном. В Усть-Палане была создана приемная база госрыбтреста. Это позволило колхозам существенно увеличить объемы промысла. В рыболовецких колхозах «Красный Октябрь» и «Итьелмен» они выросли в 1939—1949 гг. в 2,7 раза, в сельхозартелях — более чем в 15 раз.

Основным звеном колхозного производства к концу войны повсеместно стала бригада. Наметилась внутрихозяйственная специализация. Животноводство, полеводство, рыболовство стали превращаться в самостоятельные хозяйственные подразделения. Основой развития колхозов стали производственно-финансовые планы.

Огромное значение для становления итьелменских колхозов как предприятий социалистического типа имело совершенствование распределительных отношений — внедрение

сдельщины, утверждение трудодня как меры учета труда и распределения доходов. Эта работа была начата еще в довоенные годы. Раньше всего единое положение об оплате труда было разработано для рыболовецких колхозов. Рыбаки-колхозники 70 % стоимости проданной государству рыбы получали наличными в момент сдачи ее на приемный пункт. Оставшаяся часть перечислялась колхозу для покрытия амортизационных расходов, ремонта орудий лова и т. п. Если артели сами обрабатывали рыбу, то на оплату труда колхозников направлялось 60 % стоимости реализованной продукции.

Аналогичной была оплата труда и в рыболовецких товариществах, правда, они в конце года возвращали рыбакам часть средств, перечисленных им на амортизацию. Внутри бригад распределение заработка происходило на основе сдельщины в зависимости от квалификации каждого члена бригады. В других сферах общественного производства рыболовецких артелей колхозникам начислялись трудодни, в соответствии с которыми и выдавалась натуральная продукция. В годы войны оплата труда наличными была распространена и на рыбаков в сельскохозяйственных колхозах и действовала без изменений до перехода колхозов на денежную оплату.

В начале Великой Отечественной войны окрисполком разработал меры по совершенствованию оплаты труда колхозников, занятых в сельском хозяйстве. За звеньями и бригадами закрепили земельные участки и сельхозинвентарь, установили примерные нормы на все виды работ. За перевыполнение начислялась дополнительная оплата. Это повысило заинтересованность колхозников, способствовало укреплению трудовой дисциплины. Число колхозников, не вырабатывающих установленный минимум трудодней, сразу же резко сократилось.

Переход к оплате труда по количеству и качеству работы встречал у ительменов известные трудности. Бытовавший у них уравнилельный принцип распределения, особенно в

Знаменитый охотник с. Сопочного И. Е. Павлуцкий, 1947 г.

рыболовстве, где господствовали коллективные формы труда, изживался довольно медленно не только в товариществах, но и в колхозах. По этой причине с трудом налаживался учет рабочего времени. Случаи выдачи продукции независимо от числа выработанных трудодней (уравниловка) имели место в 1942 г., да и в более позднее время, в колхозах им. 1 Мая, «Красный партизан», «Интернационал» и др. [253, л. 421—422].

Наибольших успехов в развитии экономики к концу 40-х гг. добились сельскохозяйственные артели. В сравнении с рыболовецкими среднегодовой валовой доход в 1945—1949 гг. был у них выше в 2.5 раза, заработная плата на 1 трудоспособного — в 2 раза, среднегодовая стоимость трудодня — на 30 %.

Экономические трудности, с которыми сталкивались на этом этапе рыболовецкие колхозы, во многом были следствием их двойного подчинения: Паланскому межрайонному рыбаколхозу и земельному отделу Тигильского райисполкома (РАЙЗО). Каждый из них «болел» за свой участок работы, а в итоге и рыболовство, и сельское хозяйство явно отставали в своем развитии.

Государственные планы добычи рыбы превосходили возможности рыболовецких колхозов. В условиях низкой технической оснащенности рыбный промысел требовал большого числа рабочих рук, а их в хозяйствах не было. Складывалась парадоксальная ситуация: от рыболовства рыболовецкие артели имели доход меньший, чем сельскохозяйственные колхозы, для которых эта отрасль была подсобной.

Командно-бюрократическая система управления отрицательно сказывалась и на работе сельхозартелей. Формально им не доводились государственные планы по добыче рыбы, однако фактически каждая из них тоже имела твердое обязательное задание. Естественно, что их главная отрасль — сельскохозяйственное производство — невольно отодвигалась на задний план. В колхозах с завидной регулярностью ежегодно проходили две авральные кампании: летом — по добыче рыбы, зимой — по спасению скота от падежа.

Устранению перекосов в планировании, улучшению руководства колхозами, повышению эффективности их работы способствовал ряд мер, проведенных в районе в конце 40-х—начале 50-х гг. В 1949 г. вместо РАЙЗО при райисполкоме был создан отдел рыбной промышленности, который стал заниматься и сельским хозяйством. Одновременно ликвидировали межрайонный Рыбакколхозсоюз. Оперативное руководство колхозами сосредоточилось в одних руках, выросли действенность принимаемых решений, контроль за их исполнением [299, л. 187—191].

Важное значение сыграло создание в 1950 г. Паланской моторно-рыболовецкой станции. Она стала обеспечивать колхозы района плавсредствами, современными орудиями промысла, вела ремонт, готовила для колхозов кадры специалистов машинного труда. С ее помощью рыболовецкие хозяйства района получили возможность вести промысел рыбы ставными и блочными неводами.

Многоотраслевое колхозное произ-

водство предъявляло повышенные требования к руководителям и специалистам хозяйств. В 1947 г. возобновились прерванные войной занятия в окружной школе колхозных кадров. В 1948 г. было создано Паланское профессионально-техническое училище. К середине 50-х гг. профессии животноводов, механизаторов, строителей в нем получило более 300 человек. В 1952 г. в Тигиле открылись курсы овощеводов.

Колхозы укреплялись кадрами специалистов высшей и средней квалификации. По решению Хабаровского крайисполкома в 1949 г. на Камчатку было направлено 79 специалистов сельского хозяйства, часть из них стала работать в хозяйствах Тигильского района. Расширялась подготовка в вузах и техникумах собственных специалистов. В 1946—1950 гг. за пределами округа в них обучалось 159 человек, в том числе 26 ительменов [43, с. 52].

Важнейшим организационно-хозяйственным мероприятием, направленным на совершенствование колхозного производства, явилось новое землеустройство. К этому времени старые землеотводы уже потеряли свое значение: некоторые колхозы укрупнились, возникли новые хозяйства. Чересполосица, совместное использование угодий порождали их обезличку. В 1948 г. Министерством сельского хозяйства РСФСР была создана Камчатская землеустроительная экспедиция. В Тигильском районе она работала в 1949—1950 гг. В результате всестороннего комплексного обследования каждое хозяйство получило подробную карту земельных угодий с указанием пастбищ, сенокосов, охотничьих и рыболовных участков и условий их рационального использования.

Участники экспедиции собрали большой статистический материал о деятельности колхозов в новых условиях, проанализировали тенденции и возможности развития отдельных отраслей колхозного производства. Это было по существу первое серьезное исследование экономики ительменских колхозов за все годы их существова-

Таблица 5

Численный и национальный состав ительменских колхозов в 1936—1953 гг.,* в %

Название хозяйства	Всего колхозников		Ительменов		Других национальностей	
	1936	1953	1936	1953	1936	1953
«Ленинский путь»	282	218		48 2	100	47.2
«Красный партизан»	75	100	100	82	—	18
«Победа»	62	53	100	90 6	—	9.4
им 1 Мая	107	—	100	—	—	—
«Ительмен»	186	94	100	94 7	—	5.3
им И В Сталина	179	170	99 4	74 1	0 6	25 9
«Красный Октябрь»	72	57	100	82 5	—	17.5
«Интернационал»	—	51	—	94 1	—	5.9
«Советский Север»	55	—	100	—	—	—

* Таблица составлена по данным ГАКО, ф 209, оп 1, д 2, л 29, ГАКАО, ф 1, оп 1, д 14, л 21

ния. Выводы и рекомендации экспедиции легли в основу многих важных решений местных и центральных органов, направленных на дальнейший подъем экономики и культуры народов Севера.

К началу 50-х гг. произошли изменения в численном и национальном составе ительменских артелей (табл. 5). В годы войны на Камчатке осела часть эвакуированных из западных районов страны, а также прибывших по оргнабору на путину в довоенные годы Русские, украинцы, чуваша, корейцы, другие приезжие предпочитали селиться в ительменских колхозах, которые успешно развивали сельскохозяйственное производство. К 1953 г из 218 приезжих, занятых в колхозах Тигильского района, 187 человек работали в ительменских хозяйствах. В колхозах им. И. В. Сталина, «Красный партизан», «Красный Октябрь» удельный вес приезжих был уже довольно значителен.

Несмотря на рост населения в ительменских селах, численность колхозников почти во всех хозяйствах за эти годы сократилась. Развитие промышленности, социально-культурной сферы вызвало отток рабочей силы из колхозов. В целом по Тигильскому району число хозяйств колхозников в 1939—1953 гг сократилось с 614 до 484, число хозяйств рабочих и служащих выросло с 777 до 1611 [276, л. 18].

С 1946 г. началось укрупнение ительменских колхозов. С русским колхозом «Ленинский путь» (Тигиль) объединилась тогда небольшая, экономически слабая сельхозартель «Советский Север» (бывший «Бедняк»). В 1950 г к ним присоединился еще один ительменский колхоз — им. 1 Мая.

М. С. Горбачев в выступлении на IV Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г. характеризовал неоднократное укрупнение и разукрупнение колхозов как один из сложных и даже драматических моментов в истории колхозного строительства [21, с 12]. В полной мере испытали этот драматизм и ительменские колхозы, хотя во многих случаях, особенно в первый период, это был целесообразный шаг. Многие хозяйства в силу своей малочисленности не имели перспектив для дальнейшего развития. Какими перспективами мог обладать, например, тот же «Советский Север», если все эти годы в нем насчитывалось 15—20 трудоспособных вместе с подростками? А ведь это был далеко не единственный такой колхоз.

Разумеется, сегодня, когда мы все чаще начинаем рассматривать колхозы как ассоциацию кооперативов, такая оценка может показаться не бесспорной. В системе арендных отношений, семейного подряда, производственного кооперирования, ставших теперь обычным делом, мелкие хозяйства могли бы оказаться вполне

жизнеспособными. Но это сегодня, а тогда, в начале 50-х гг., они явно не отвечали задачам хозяйственного развития области.

В соответствии с директивами по V пятилетнему плану Камчатской области предстояло в 1951—1955 гг. увеличить добычу рыбы в 2,6 раза, выработку консервов — в 4 раза [146, с. 198]. Значительная часть этого прироста должна была лечь на плечи колхозов, но они были мелкими. В 1953 г. на одну ительменскую артель приходилось в среднем около 50 трудоспособных. В колхозах господствовал ручной труд. Основные хозяйственные кампании — путина, уход за посевами, заготовка кормов, уборка урожая — по времени совпадали. На выполнение всех работ одновременно людей не хватало. В этих условиях обеспечить необходимый прирост уловов колхозы были не в состоянии.

Существовала и другая сторона проблемы. При нехватке рабочих рук чаще всего «в жертву» приносилось сельскохозяйственное производство. Оно обеспечивало потребности самих колхозников и за него спрашивали не очень строго. Но недобор сельскохозяйственной продукции оборачивался прежде всего снижением жизненного уровня колхозников. Кроме того, мелкие артели не могли решать и многие социальные вопросы. Экономический анализ показывал: в колхозах численностью до 60—70 человек душевой доход был в 3—8 раз ниже, чем в средних и крупных хозяйствах. Соответственно ниже были и их возможности по социальному обновлению села.

Укрупнение, наконец, давало возможность решить еще одну важную социально-политическую задачу — покончить с бытовым кочеванием части корякского населения. Корякские оленеводческие колхозы, не имея других отраслей хозяйства, не могли обеспечить занятость оседавших на центральных усадьбах вторых членов семей. Оказавшись без дела, люди вскоре вновь возвращались в оленеводческие бригады. Это тормозило развитие оленеводства как товарной

отрасли — значительную часть его продукции приходилось использовать на внутрибригадные нужды. Объединение части корякских оленеводческих колхозов, имевших избыток рабочей силы, с ительменскими артелями могло принести пользу и тем и другим.

Все это и определило основные направления укрупнения ительменских колхозов, которое развернулось в районе во второй половине 50-х гг. На первом этапе (1957—1961 гг.) оно шло главным образом по пути концентрации производства в рамках однопрофильных хозяйств. Устав артелей при этом, как правило, не менялся. К 1961 г. все рыболовецкие колхозы ительменов слились в один — «Красный Октябрь». В его состав в 1957 г. вошла и сельхозартель «Победа». Другие сельскохозяйственные артели ительменов объединились с корякскими оленеводческими колхозами — им. А. А. Жданова и им. С. М. Кирова. В результате возникли крупные многоотраслевые хозяйства — «Ленинский путь» и им. А. А. Жданова.

Укрупнение действительно решило некоторые проблемы развития колхозов: вырос уровень обобществления средств производства, произошла концентрация финансовых, материальных и трудовых ресурсов, улучшились организация труда, обеспеченность кадрами специалистов, возросла доходность хозяйств. Если до объединения валовый доход на одного трудоспособного составлял в 1959 г. (это был лучший по экономическим результатам год) в колхозе «Ленинский путь» 978 руб., в «Красном партизане» — 1725 руб., в корякском колхозе им. С. М. Кирова — 646 руб., то после объединения их в одно хозяйство — 1872 руб. Рост доходности позволил существенно увеличить отчисления в неделимый фонд. До 1956 г. они не превышали 2—4 %, с 1960 г. отчисления возросли до 20—28 %. Появилась возможность вести крупное производственное и жилищно-бытовое строительство [241, л. 564—567].

Особое ускорение в результате объединения получила экономика рыболовецкого колхоза «Красный Ок-

тябрь». Хозяйство стало приобретать промысловый флот, появилась новая отрасль колхозного производства — обработка рыбы. Хайрюзовский рыбокомбинат передал колхозу свою обрабатывающую базу в Усть-Ковране, колхозные пункты рыбообработки были также в Магаданской области (Армань) и на восточном побережье Камчатки (Пахачи). Все это еще значительнее подняло доходность хозяйства. В 1963 г. доходы колхоза составили 1680 тыс. руб. — в 8,6 раза больше, чем в 1958 г. Неделимые фонды увеличились за это время в 4 раза.

Успешное развитие укрупненных колхозов делало весьма соблазнительной идею нового объединения, тем более что к этому времени столкнулись с трудностями сельскохозяйственные артели. Развитие транспортной авиации лишило их такой важной статьи доходов, как извоз. Создание в районе строительных организаций привело к сокращению подрядных работ силами колхозов. Отсутствие рынка сбыта тормозило развитие молочного животноводства и растениеводства — вывозить их продукцию за пределы хозяйств было нерентабельно, к тому же существенно улучшилось снабжение продуктами питания за счет централизованного завоза.

Надежным источником развития хозяйств могло бы стать оленеводство, но его организационно-хозяйственный уровень все еще был невысок. Техническая реконструкция отрасли, улучшение условий труда и быта оленеводов осуществлялись медленно. Поголовье оленей в районе снижалось. Если в 1950 г. их насчитывалось более 30 тыс., то в 1961 г. — 21,2 тыс. [274, л. 68]. Оленеводство нуждалось в крупных финансовых вложениях, но тогда это было по плечу лишь высокодоходным рыболовецким колхозам. Вот это-то обстоятельство и сыграло решающую роль.

Начинается второй этап (1962—1965 гг.) укрупнения ительменских коллективных хозяйств с одновременным переходом их на Устав рыболовецкой артели. В 1962 г. сельхозартель им. А. А. Жданова объе-

динилась с рыболовецким колхозом «Красный Октябрь». В 1965 г. в состав «Красного Октября» вошел и сельскохозяйственный колхоз «Ленинский путь». В результате рыболовецкий колхоз «Красный Октябрь» вобрал в себя все ранее существовавшие в южной части Тигильского района ительменские и корякские артели. В год последнего укрупнения в нем было 5 отделений: Тигильское, Седанкинское, Хайрюзовское, Ковранское и Белоголовское. Центральной усадьбой колхоза стало село Усть-Хайрюзово.

Укрупнение колхозов на этом этапе по своему характеру в корне отличалось от того, что было осуществлено в конце 50-х гг. Тогда при объединении исходили из целесообразного увеличения размеров колхозов, хозяйственная их направленность, как правило, не менялась, разделение труда в артелях не выходило за рамки привычных бригадно-звеньевых форм и в целом соответствовало хозяйственным традициям населения. Во вновь созданном колхозе-гиганте, раскинувшимся с севера на юг почти на 300 километров, все было по-другому. Управлять им из начальственных кабинетов, вероятно, было чрезвычайно удобно, но вот органично развиваться такой хозяйственный конгломерат явно не мог.

Попытки провести в колхозе внутрихозяйственную специализацию и тем самым придать его развитию более комплексное направление успехом не увенчались. По характеру производства, объемам промысла, своему техническому оснащению колхоз к этому времени уже сложился в современное рыбопромышленное предприятие и все, что не входило в коренные интересы такого «миниведомства», отторгалось самим хозяйственным механизмом.

В своих гигантских границах колхоз «Красный Октябрь» просуществовал недолго. В конце 60-х гг. в Корякском округе появились условия для завершения работы по специализации и концентрации оленеводческого хозяйства. Оленеводческие отделения рыболовецких артелей стали переда-

ваться специализированным совхозам или выделяться в самостоятельные оленеводческие хозяйства. С этой целью в 1968 г. колхоз «Красный Октябрь» был разукрупнен. На базе Тигильского, Седанкинского и Белоголовского отделений колхоза возник оленеводческий совхоз «Тигильский». При его образовании колхоз «Красный Октябрь» безвозмездно передал ему производственные сооружения, технику, все поголовье оленей и крупного рогатого скота, находившиеся к тому времени в Тигиле, Седанке и Белоголовом. На работу в совхоз перешло 390 колхозников, в том числе часть ительменов.

Ительменские колхозы, таким образом, сыграли важную роль в становлении и совершенствовании социалистических производственных отношений у значительной части коряков Тигильского района. В свое время они стали базой для оседания кочевников, способствовали развитию у коряков новых отраслей хозяйства, расширению их социально-профессиональной структуры, ускорению экономического и культурного развития.

К началу 70-х гг. создание новой хозяйственной структуры в районе расселения ительменов было завершено. Здесь работали: оленеводческий совхоз, госпромхоз и рыболовецкий колхоз «Красный Октябрь» — основной поставщик рыбной продукции в районе. В 1970 г. он добыл более 26 тыс. тонн рыбы — почти в 11 раз больше, чем добывали ее в 1962 г. все колхозы района [280, л. 24].

Возникает необходимость дать общую оценку ительменским хозяйственным мероприятиям в последние десятилетия. Укрупнение — яркий пример администрирования в отношениях с колхозами. Негативные последствия этой волевой акции, характерные для всех регионов страны, сегодня хорошо известны. Усилилась отчужденность колхозников от средств производства, от управления хозяйством. Судьбу колхозных дел все чаще стали решать теперь не общие собрания колхозников, а правления, в лучшем случае собрания уполномоченных. Чувство

хозяина окончательно уступило место психологии наемного работника. Укрупнение положило начало всесоюзной болезни «неперспективных деревень», хозяйственному запустению громадных территорий.

Применительно к ительменским колхозам этот печальный перечень необходимо дополнить еще одним, пожалуй самым важным обстоятельством. Переход к новой хозяйственной структуре в районах Севера начал осуществляться явно преждевременно. Укрупнение не учитывало особенностей трудовых ресурсов региона, этнокультурных характеристик населения, его национально-специфических интересов, а начиная с 1962 г. хозяйственное развитие колхозов вообще перестало отвечать задачам национального развития коренного населения.

До объединения колхозы были общесоветской, социалистической формой организации традиционного хозяйства ительменов. В результате укрупнения характер колхозной экономики стал быстро меняться. После 1962 г. экономическую «погоду» в «Красном Октябре» стало определять активное морское рыболовство, которое не могло не войти в противоречие со сложившимся в рамках национальной культуры опытом трудовой деятельности. Отсутствие навыков индустриального труда, необычные условия работы в длительных рейсах закрыли ительменам дорогу на промысловые суда.

Быстро сужалась сфера привычного для ительменов труда. Ликвидация колхозных сел привела к сокращению занятости в сельском хозяйстве. После образования в 1963 г. Тигильского госпромхоза, к которому перешел промысел рыбы на внутренних водоемах, расформировали колхозные бригады сетного лова. Традиционное рыболовство сохранилось лишь в Ковране, численность населения которого в результате сселения выросла в несколько раз. В итоге рыболовство — исконное занятие ительменов — стало делом избранных.

Оказавшись на периферии произ-

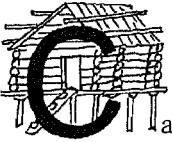
водственных интересов колхоза, перестав быть главной производительной силой, коренное население тем самым автоматически исключалось из активной экономической жизни, а это не могло не обернуться существенными потерями в политическом, социальном, моральном планах. Ослабло внимание администрации колхоза к нуждам национальных сел, в них постепенно стали свертывать производственное, жилищное и социально-культурное строительство. Предпринимались попытки вообще отказаться от Коврана и Хайрюзова. В отношении Хайрюзова это удалось. В 1987 г. Хайрюзовское отделение передали совхозу «Тигильский».

Колхозные села, бывшие в свое время важнейшими ячейками национальной консолидации ительменов, сегодня по существу уже утратили эти функции. Большинство из них было ликвидировано в конце 50-х—начале 60-х гг. Оставшиеся к настоящему времени изрядно опустели. Отсутствие интересной работы, плохие социальные условия стимулируют миграцию в более перспективные поселения, идет интенсивный процесс размывания этноса.

На 1 января 1987 г. в колхозе

«Красный Октябрь» работало 667 человек, в том числе 98 человек народностей Севера. С передачей Хайрюзовского отделения совхозу «Тигильский» удельный вес ительменов в хозяйстве еще более сократился и не превышает в настоящее время 10 %. Колхоз перестал быть национальным хозяйством. Это обычная рыболовецкая артель, в которой наряду с представителями других национальностей работают и ительмены. Закономерный финал политики раскрестьянивания — в ее национальном варианте.

Особенности социально-экономического развития ительменов в последние десятилетия нашли яркое отражение в современной структуре занятости пародности. По данным Корякского окрисполкома, в 1986 г. в народном хозяйстве округа работало более 460 ительменов, 239 из них были заняты в отраслях материального производства, в том числе в промышленности — 111, в сельском хозяйстве — 47, на транспорте и связи — 23, в строительстве — 19, в торговле и общественном питании — более 30. Остальные работали в системе народного образования, в здравоохранении, жилищно-коммунальном хозяйстве и других сферах обслуживания.

Самобытность общественных отношений ительменов стала быстро исчезать под воздействием русского населения Камчатки с конца XVIII в. Большая семейная община к этому времени повсеместно сменилась соседской. В каждом ительменском селении проживало от 6 до 30 отдельных семей. Численность такой соседской общины достигала 250 человек [149, с. 916].

Развитие товарно-денежных отношений, втягивание коренного населения в систему капиталистического предпринимательства, появление новых занятий способствовали росту экономической самостоятельности отдельных членов семьи, а следовательно, и раннему выделению детей из семьи в связи с вступлением в брак. К моменту Великой Октябрьской социалистической революции процесс нуклеаризации у ительменов зашел достаточно глубоко.

Приполярная перепись 1926—1927 гг. не предусматривала подробного обследования семейно-брачных отношений, однако по некоторым косвенным данным, содержащимся в ее материалах, судить о характере семьи ительменов можно. В 10 селах Тигильского района перепись зафиксировала 123 ительменских домохозяйства. В среднем каждое из них состояло из 6.5 человек, в том числе трех взрослых [94, с. 44, 50]. Судя по этим цифрам, подавляющая часть домохозяйств была не чем иным, как просто семьей, состоявшей из одной брачной пары с детьми и другими родственниками. Неразделенные семьи, видимо, также

существовали, однако, скорее всего, они были исключением.

Социально-культурные преобразования в годы социалистического строительства оказали глубокое воздействие на семейный состав ительменов. Как видно из табл. 6, число семей у них на рассматриваемой территории выросло в 1926—1985 гг. более чем в 2.5 раза, в то время как общая численность ительменов — на 26%. Опережающий рост числа семей характерен для всей страны — сказываются тенденции к обособлению молодых брачных пар и сокращение величины семьи. У ительменов этот разрыв более значителен. Ускоренный рост численности семей у них связан с межэтнической интеграцией.

К моменту переписи 1926—1927 гг. 9 из 11 сел, в которых проживали ительмены, были по существу однонациональными. В Сопочном, например, ительмены составляли 99% к общему числу жителей, в Ковране — 98.7, в Утхолоке — 94% [94, с. 70]. В процессе коллективизации и последующего укрупнения колхозов, оседания кочевых коряков-оленоводов произошло смещение коренного населения, увеличилась численность приезжих. Общая численность населения на рассматриваемой территории выросла в 1926—1985 гг. более чем в 5 раз.

Совместный труд в колхозах и совхозах, общие заботы и цели способствовали стиранию этнической специфики, сближению ительменов с русскими, коряками, представителями других национальностей, вызвавшие

муся, в частности, в росте этнически смешанных браков. Таким образом, процесс формирования новых семей затрагивает не только собственно ительменов.

Зависимость между численностью семей и характером межэтнической интеграции можно проследить на примере села Хайрюзова, которое уже в середине 20-х гг. отличалось известной многонациональностью. В 1926—1965 гг. число семей ительменов в расчете на 1000 человек выросло здесь со 180 до 270, в то время как в Ковране, Сопочном, Морошечном и Утхолоке, долгие годы сохранявших свой однонациональный состав (к 1965 г. жители этих сел сосредоточились в Ковране), — со 130 до 200.

Формирование новых семей особенно ускорилось с середины 60-х гг. Если в первые сорок лет рассматриваемого периода их число увеличивалось ежегодно в среднем на полторы семьи (1.7 %), то в последующие двадцать — на четыре (2.7 %). Прирост численности ительменов при этом почти не менялся — в среднем 0.4 % в год. В известной степени это также связано с межэтнической интеграцией, которая в последнее время особенно ускорилась, но здесь сказались и другие факторы.

Великая Отечественная война ослабила демографическую ситуацию. Прямые военные потери у ительменов были невелики, однако вследствие общего ухудшения условий жизни выросла смертность, особенно дет-

ская, упала рождаемость. В 1939—1946 гг. численность ительменов в Тигильском районе сократилась с 787 до 674 человек, или на 15 % [295, л. 194]. Процесс образования новых семей в этих условиях сильно замедлился. Сложными в демографическом отношении были и первые послевоенные годы. К 1950 г. численность ительменов все еще не достигла довоенного уровня.

В 50-е гг. в результате нормализации жизни, улучшения материального благосостояния населения, развития системы здравоохранения естественный прирост у ительменов заметно увеличился. В брачный возраст многолюдные поколения стали вступать уже в 70-е гг. Именно на этот период и приходится быстрый рост численности семей.

Большое воздействие на семейный состав ительменов оказало укрупнение коллективных хозяйств. К середине 60-х гг. в районе были ликвидированы многие поселения. Переселенные коренным образом изменило условия существования семьи, хотя его последствия стали сказываться далеко не сразу. Поначалу у переселенцев продолжали сохраняться черты сложившегося к тому времени семейного быта. Деформационные процессы накапливались в семье постепенно, по мере изменения внешних условий. В полном объеме они дали о себе знать только в конце 60-х гг.

К этому времени абсолютное большинство ительменов получило более

Таблица 6

Динамика числа семей

Показатели семейного состава	1926 г.	1965 г.	1985 г.
Всего ительменов	590	682	743
Всего семей	87	146	225
Число семей на 1000 человек	147	214	303
Доля живущих в семьях, %	—	95	84

Примечание. Таблица составлена по данным похозяйственных книг Ковранского, Тигильского и Усть-Хайрюзовского сельских Советов за 1965 и 1985 гг. В 1926 г. на этой территории проживали ительмены сел: Аманно, Ковран, Морошечное, Напана, Седанка оседлая, Сопочное и Утхолок (см.: Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края. Благовещенск, 1929, с. 44, 50).

Распространенность типов семей, * %

Тип семьи	Усть-Хайрюзово		Ковран		Тигиль		Средний показатель		СССР
	1965	1985	1965	1985	1965	1985	1965	1985	1979
Брачные пары с детьми и без детей	83.3	72.7	59.5	59.1	60.3	61.8	61.7	62.5	66.1
Брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов	8.3	3.0	10.8	3.2	1.6	—	6.7	1.8	9.2
Брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками	—	15.2	20.3	9.7	14.3	7.8	16.2	9.7	5.3
Две и более брачные пары с детьми и без детей, с одним из родителей супругов или без него, с другими родственниками или без них	—	—	2.7	—	1.6	2.0	2.0	0.9	4.5
Неполные семьи (матери или отцы с детьми, с другими родственниками)	8.3	6.1	5.4	21.5	19.0	24.5	11.4	20.7	10.6
Прочие семьи	—	3.0	1.3	6.4	3.2	2.9	2.0	4.4	4.3

* Составлена по данным похозяйственных книг Усть-Хайрюзовского, Ковранского и Тигильского сельских Советов. Данные по СССР (сельское население) см.: Численность и состав населения СССР. М., 1985, с. 252.

комфортное, по сравнению с прежним, жильем. Расширилась производственная и социальная инфраструктура сел. В них появились дошкольные детские учреждения, интернаты, учреждения здравоохранения, торговли, быта. Благоприятнее и разнообразнее стали возможности трудоустройства.

Существенно изменилась экономическая функция семьи. В большинстве семей отказались от домашнего животноводства, подсобных промыслов, поскольку в новых селах для этого не были созданы условия. К тому же подсобное хозяйство, некогда игравшее важную роль в экономике семьи, утратило свое значение. Общественное производство обеспечивало населению стабильные доходы. Семья перестала быть производителем. Ее благосостояние стало зависеть главным образом от общественного труда.

Рост экономической самостоятельности членов семьи способствовал выделению из нее тех родственников, которые ранее не могли жить отдельно. Это престарелые и вдовы родители, женатые дети, братья и сестры одного из овдовевших супругов с малолетними детьми и т. п. До середины 60-х гг. по разным причинам (нетрудоспособность, отсутствие пенсии, жилья и пр.) они жили, как правило, одним

хозяйством. Теперь они все чаще образуют отдельные полные или неполные семьи.

Характер и динамика вышеописанных процессов представлены в обобщенном виде табл. 7. В настоящее время у ительменов, как и в целом по стране, преобладают простые семьи. Количество брачных пар с детьми и без детей выросло в рассматриваемый период в полтора раза — с 92 до 142, несколько увеличился и их удельный вес. В целом же доля простых семей в 1965—1985 гг. сократилась более чем на 10%. Сокращение произошло за счет той части простых семей, в составе которых проживают один из родителей супругов, а также другие родственники. Абсолютная численность таких семей снизилась в 1,3 раза, удельный вес — в 2 раза. Примерно на столько же выросло процентное соотношение неполных и прочих семей.

В этой связи целесообразно рассмотреть более подробно состав неполных семей. В 1985 г. их насчитывалось 47, две из них возглавляли мужчины. За 20 лет число неполных семей выросло в абсолютном выражении почти в 3 раза. Основной прирост неполных семей шел за счет вдов и вдовцов (такие семьи составляют 51%, примерно треть приходится на

долю разведенных, 16 % — семьи матерей-одиночек). Рост численности последних связан с коренным изменением положения женщины в социалистическом обществе. Ей обеспечено полное равноправие во всех сферах общественной и семейной жизни, она, обычно, материально независима от мужа и семьи родителей.

Следует иметь в виду, что число семей разведенных и матерей-одиночек на самом деле больше, поскольку часть таких лиц живет в семьях родителей или родственников. В Ковране, например, самостоятельной семьей живут 9 разведенных и матерей-одиночек и еще 8 — в семьях родителей.

Нередко встречаются двойные неполные семьи: вдовая или разведенная мать с детьми и одна из ее дочерей (сестер) с ребенком. Существование подобных семей чаще всего связано с жилищными трудностями или неполной экономической самостоятельностью молодых матерей. Помощь родителей или родственников в уходе за малолетними детьми в существовании таких семей особой роли не играет, поскольку все дети коренной национальности обеспечены детскими учреждениями.

Матери-одиночки, живущие самостоятельной семьей, — в большинстве своем учителя, медики, другие специалисты, которые обеспечивают жильем в первую очередь. Есть основания предполагать, что по мере улучшения жилищных условий численность неполных семей всех категорий будет возрастать.

Средний возраст главы неполной семьи — 44.5 года. Среди женщин, возглавляющих такие семьи, значителен удельный вес рожденных в 1941—1945 гг. Именно на этот возраст приходится наибольшее число вдов и разведенных женщин. В среднем в каждой неполной семье 2.3 ребенка, более трети семей имеют от трех до пяти детей.

Таким образом, у ительменов в последние годы довольно интенсивно идет процесс распада расширенных по своему составу простых семей.

Темпы его значительно выше, чем в целом по СССР.

Как видно из представленных материалов, больших неразделенных семей у ительменов в последние десятилетия по существу не стало. В 1985 г. зафиксирована всего одна такая семья в Тигиле: молодые супруги (23 и 20 лет) живут с родителями мужа в ожидании получения квартиры. Сложные семьи, состоящие из двух брачных пар, возникают время от времени на почве вторичного образования. Это сравнительно новое явление в семейно-брачных отношениях ительменов. До середины 60-х гг. женатые (замужние) дети, выделявшиеся в самостоятельные семьи, как правило, оставались жить рядом с родителями. Теперь же часть браков заключается во время учебы в вузах и техникумах, некоторые, образовав собственную семью, покидают родные места. Случается, что они возвращаются и некоторое время живут совместно с родителями одного из супругов. Вторичный характер носит также известная часть простых семей с расширенным составом.

Изменение семейного состава далеко не одинаково в различных селах. В Усть-Хайрюзове, например, число семей выросло в 2.7 раза, а Ковране — всего на 20 %. Здесь мы имеем дело с еще одним фактором, способствующим этому процессу, — степенью урбанизации. В Усть-Хайрюзове расположены центральная усадьба колхоза, рыбозавод, аэропорт, строительные организации. Здесь благоприятные возможности для труда и отдыха. Все это привлекает сюда молодежь. Если в 1965—1985 гг. численность ительменов в Ковране сократилась, то в Усть-Хайрюзове выросла за счет миграции из соседних сел, прежде всего из Коврана, в 1.7 раза.

Мигранты, как правило, начинают жить в семьях родственников. И не случайно Усть-Хайрюзово — единственное в обследованном массиве село, где наблюдается рост числа семей с расширенным составом. 20 лет назад семей, в которых, кроме супругов, проживали сестры и братья, взрослые

внуки, племянники, здесь не было совсем, теперь их более 15 %. Выше, чем в других селах, в Усть-Хайрюзове и доля людей, живущих в семьях, — 89 %.

В крупном многонациональном селе шире выбор брачного партнера, выше скорость образования семей. Так, в 1980—1984 гг. у ительменов Коврана в расчете на 1000 человек заключалось в среднем за год 10.6 браков, а в Усть-Хайрюзове — 23.6. Юноши 60-х гг. рождения образуют здесь семьи в 2 раза чаще, чем их сверстники в Ковране. У девушек эта разница еще выше — в 2.7 раза.

Рост численности семей, изменение их типологии тесно связаны с изменением величины семьи. Количество семей на 1000 человек постоянно увеличивается, уменьшаются размеры семьи. В 1926 г. каждая ительменская семья (домохозяйство) состояла в среднем из 6.5 человек, в 1965 г. — из 5.2, в 1985 г. — из 3.6 человек.

Изменения в численном составе семей ительменов в 1965—1985 гг. отражены в табл. 8. Как видно из приведенных данных, у них в основном завершился переход от крупных к небольшим по размерам семьям. Если в 1965 г. удельный вес семей из 5 человек и более составлял 60.9 %, то в 1985 г. — 22.7 %, причем доля семей из 7 человек и более снизилась с 28 до 2.6 %.

Наиболее распространенной в настоящее время является семья из 3—4 человек. Абсолютная численность таких семей выросла в 2.9 раза, удельный вес — в 1.9 раза. В целом изменение численного состава семьи у ительменов соответствует общесоюзным тенденциям. Некоторые существующие еще различия (преобладание семей из 3—5 человек, пониженная доля семей из 2 человек) связаны главным образом с особенностями социально-экономического развития региона и не носят какой-нибудь этнической окраски.

Важную роль в разукрупнении семей играют сознательное планирование семьи, рост численности простых и неполных семей, а также миграционные процессы. У ительменов в настоящее время преобладает временная миграция, связанная с получением образования, службой в Советской Армии. В обследованном массиве населения на долю студентов, учащихся ПТУ и военнослужащих срочной службы в 1985 г. приходилось около 70 % всех мигрантов.

Растет и трудовая миграция, вызванная диспропорциями в развитии экономики национальных сел. По этой причине временная, учебная миграция в конечном счете почти всегда превращается в трудовую. После завершения учебы или службы в армии большинство молодежи не возвра-

Таблица 8

Численный состав семей ительменов
(совместно проживающие члены) *

Число человек в семье	Число семей		Доля, %		СССР (доля, %)	
	1965	1985	1965	1985	1959	1979
2	14	50	9.6	22.2	24.9	30.6
3	22	63	15.1	28.0	23.3	23.0
4	21	61	14.4	27.1	20.5	19.6
5	27	33	18.4	14.7	14.7	11.3
6	21	12	14.4	5.4	8.9	6.2
7	22	4	15.1	1.8	4.3	3.6
8	13	1	8.9	0.4	2.0	2.3
9	1	—	0.7	—	0.8	1.5
10	4	—	2.7	—	0.6	1.9
11	1	1	0.7	0.4	0.6	—

* Данные по СССР (сельское население) см.: Народонаселение стран мира. М., 1984, с. 247.

Численность детей в семьях ительменов

Число детей	1965 г		1985 г		Число детей	1965 г		1985 г	
	Число семей	Доля, %	Число семей	Доля, %		Число семей	Доля, %	Число семей	Доля, %
1	18	12.3	57	25.3	6	8	5.5	—	—
2	30	20.6	75	33.3	7	2	1.4	—	—
3	26	17.8	30	13.1	8	2	1.4	1	0.4
4	25	17.1	20	9.0	10	1	0.7	—	—
5	17	11.6	7	3.1	Без детей	17	11.6	35	15.6

щается в семьи. Так, в Ковране в 1983—1985 гг. из 19 выпускников учебных заведений 18 уехали из села.

Характер разукрупнения семей станет особенно наглядным, если рассмотреть изменение семейного состава ительменов по родственной номенклатуре. В 1965—1985 гг. удельный вес супругов в составе семьи сократился с 37 до 36 %, детей — с 56 до 53 %, доля родственников увеличилась с 7 до 11 %.

Снижение в составе семьи доли супругов — результат роста численности неполных семей. Если в 1965 г. оба супруга имелись в 96 семьях из 100, то в 1985 г. — лишь в 64. Увеличение доли родственников произошло за счет детей матерей-одиночек и разведенных, часть которых, как уже говорилось выше, живет в семьях родителей. В этом случае их дети переходят в категорию внуков или племянников. В Ковране, например, в 1965 г. на 100 семей приходилось 23 внука и племянника, а в 1985 г. — 45.

Снижение удельного веса детей в составе семьи отражает тенденцию снижения рождаемости, которая характерна сегодня для многих народов страны. Переход от высокого уровня рождаемости к среднему у ительменов завершился в основном к середине 60-х гг. Если в 1946—1948 гг. на 1000 человек населения у них приходилось в среднем за год 33.3 родившихся, то в 1966—1968 гг. — 25.3 [295, л. 196; 245, л. 6, 8].

С этого времени широкое распространение получает сознательное регулирование размеров семьи. По свидетельству медиков, стремление изба-

виться от нежелательного ребенка у ительменок всегда мотивировано социальными причинами — плохие жилищные условия, испортившиеся отношения с мужем и т. п.

В 70-е гг., как и в целом по стране, рождаемость у ительменов несколько выросла. В 1976—1978 гг. она составляла 26.6 на 1000 человек населения [287, л. 113], однако с начала 80-х гг. вновь стала снижаться. На рассматриваемой территории в 1980—1985 гг., по данным похозяйственных книг, родилось 106 ительменов, или 23.7 на 1000 человек населения в год. В зависимости от степени урбанизации рождаемость в селах колеблется от 28.6 в Ковране до 18.2 в Тигиле. Судя по возрастной структуре, во второй половине 80-х гг. у ительменов начался очередной цикл роста рождаемости.

Изменение численности детей в семьях ительменов за последние 20 лет отражает табл. 9. Как видно из таблицы, сегодня у ительменов преобладает малодетная семья — один-два ребенка. Абсолютное число таких семей выросло в 2.7 раза, их доля — в 1.8 раза. Многодетные семьи (4 ребенка и более) составляют в настоящее время всего 12.5 %. В 2 раза выросло число бездетных семей. Почти половина из них — супруги в детородном возрасте, создавшие семьи 3—4 года назад. В целом число детей в семье сократилось за 20 лет с 2.9 до 1.9 ребенка, что не обеспечивает даже простого воспроизводства.

Следует сказать, что установка на более крупную по числу детей семью не исчезла у ительменов окончательно. В известной степени она просматри-

вается и в табл. 9. Абсолютная численность семей из 3—4 детей почти не изменилась, а число семей с 3 детьми даже выросло. Правда, в основном это — семьи старших возрастных категорий. В Тигиле, например, средний возраст женщин, имеющих трех детей, — 43 года, четырех — 46 лет. В возрасте до 30 лет трех-четырех детей имеют лишь две женщины, или 7 %.

Слабее выражена зависимость между числом детей в семье и образовательным уровнем матери, а также ее социальным положением. В Тигиле среди женщин, имеющих троих детей и более, лица с высшим и средним специальным образованием составляют 20 %, в Ковране — 28 %. Средний возраст женщины в таких семьях — 39 лет. У представителей национальной интеллигенции встречаются и многодетные семьи — 5 и даже 8 детей.

Стойкого отрицательного отношения к многодетности нет и у значительной части женщин младших возрастов. Около 40 % опрошенных считают семью из 3—4 детей наиболее оптимальной. Главным препятствием для этого называют жилищные условия, которые за последние годы серьезно осложнились.

Основной жилой фонд в национальных селах Тигильского района, где живут ительмены, построен в конце 50-х и в 60-е гг. По техническому состоянию, уровню комфортности жилые дома не отвечают ни запросам населения, ни даже санитарным нормам. Достаточно сказать, что в Ковране в 1985 г. на каждого жителя приходилось в среднем 4.1 кв. м. общей жилой площади. Более 40 семей вообще не имели собственного жилья и вынуждены были жить с родственниками или на подселении.

Семейный состав, количество детей в семье зависят от состояния брачности населения. Материалы переписей свидетельствуют, что доля лиц, состоящих в браке, сокращается у всех народов Севера. У ительменов она уменьшилась в 1970—1979 гг. на 6 %, в том числе у женщин — на

2.2 %, хотя структура бракоспособного населения была к концу 70-х гг. более благоприятной.

Несмотря на снижение, доля лиц, состоящих в браке, у ительменов все же выше, чем у коряков, чукчей, эвенов, некоторых других народов Дальнего Востока, и, что особенно существенно, растет число женатых и замужних в молодом возрасте. Так, например, в возрасте до 20 лет число замужних ительменок увеличилось в 70-е гг. более чем в 3 раза, в том числе в сельской местности — в 6 раз. Более чем на треть выросло число женатых мужчин в возрасте 20—29 лет. Существенно повысилось и их процентное соотношение. Все это создает предпосылки для устойчивого роста числа семей в будущем.

Доля состоящих в браке женщин у ительменов значительно выше, чем у мужчин, причем разрыв этот продолжает увеличиваться. В 1970 г. превышение доли замужних над женатыми во всех возрастных категориях составляло 7.3 %, в 1979 г. — 15 %. В возрасте 20—39 лет эта диспропорция еще более значительна. Здесь мы сталкиваемся с довольно необычной ситуацией. Женщин у ительменов больше, чем мужчин (в 1979 г. на 100 мужчин приходилось 110 женщин). В таких, как правило, случаях доля замужних женщин всегда меньше. У ительменов же — обратная картина. Это связано с особенностями социально-культурного развития народности, а также с демографической ситуацией в районах их расселения.

Численность приезжего населения на Севере быстро растет. Среди приезжих преобладают молодые мужчины. В Корякском округе, например, в 1979 г. у русских на 100 мужчин приходилось 97 женщин, у украинцев — 76, у молдаван — 90 и т. п. В итоге общее соотношение полов выравнивается. В результате интернационализации образа жизни этническая принадлежность при заключении браков у ительменов во многом утратила свое значение, основную роль играют теперь психологические и культурные факторы. В этих усло-

виях ительменки оказываются в более выигрышном положении. У них выше общеобразовательный уровень (выше он и в сравнении с женщинами других коренных национальностей), они в большинстве своем владеют современными профессиями. К тому же в отраслях народного хозяйства северных районов, где чаще всего используется женский труд (здравоохранение, просвещение, сфера услуг), шире выбор квалифицированных рабочих мест. В целом социальный статус женщин у ительменов выше, чем у мужчин, а отсюда и более благоприятные возможности для вступления в брак.

Большое воздействие на брачное состояние оказывают разводы и овдовение. Коэффициент разводимости у ительменов высок — 7.3 на 1000 человек населения в 1979 г. (в целом по Камчатской области — 9.0). Как и в целом по стране, первые браки у них распадаются чаще, причем в силу уже отмеченных причин возможности создать вторую семью у женщин также благоприятнее.

Характерны, в частности, такие цифры. Доля состоящих в браке мужчин, которым в 1970 г. было 30—39 лет, сократилась к 1979 г., т. е. к 40—49 годам, когда абсолютное большинство разведенных уже состоит в повторном браке, на 1.1 %; у женщин же она выросла на 0.9 %. Другими словами, большая часть разошедшихся женщин к 40—49 годам создает

вторые семьи, мужчины же в большинстве своем остаются неженатыми.

Овдовение особенно затрагивает брачное состояние женщин старших возрастов. Смертность у ительменов-мужчин много выше, по этой причине и коэффициент овдовения у ительменов в 3 раза больше. В возрасте 50 лет и более в браке не состоит почти 60 % женщин, мужчин — 23 %.

В первой половине 80-х гг. уровень брачности у ительменов соответствовал общесоюзным показателям. Согласно записям актов гражданского состояния в 1980—1984 гг., у ительменов Тигильского района было заключено 96 браков, или 10.2 %, на тысячу человек ежегодно. В 1983—1984 гг. коэффициент брачности был выше среднего — 11.2 %. 59 % всех ительменов, вступивших за это время в брак, — женщины. 4 из 96 браков к 1985 г. уже распались.

82 брака, или более 85 % от общего числа, — смешанные в национальном отношении (табл. 10).

Межнациональные браки — важный показатель этносоциальных и этнических процессов, закономерный результат коренных изменений во взаимоотношениях советских наций и народностей. В связи с этим остановимся подробнее на основных тенденциях этнокультурного сближения ительменов с окружающими их народами путем браков.

Таблица 10

Браки ительменов Тигильского района

Национальность		Количество браков	% к числу всех браков	% к числу смешанных браков
мужа	жены			
Ительмен	Ительменка	14	14.6	—
Ительмен	Корячка	9	9.4	11
Коряк	Ительменка	13	13.6	16
Ительмен	Русская	18	18.8	22
Русский	Ительменка	32	33.3	39
Ительмен	Чукчанка	1	1.0	1.2
Ительмен	Прочие *	3	3.1	3.6
Прочие *	Ительменка	6	6.2	7.2

* Лица некоренных для Камчатки национальностей (приезжие).

Межэтнические брачные связи были широко распространены у ительменов уже в дореволюционные годы. Подавляющая часть таких браков заключалась тогда со старожильским русским населением Камчатки. Браки с коряками, даже оседлыми, представляли собой большую редкость. Интернационалистическая сущность советского государства, социалистические преобразования способствовали дальнейшему расширению этнических контактов, развитию интеграционных процессов и, как следствие, — росту смешанных в национальном отношении браков.

К 1965 г. в Ковранском, Тигильском, Усть-Хайрюзовском сельских Советах из 129 полных семей ительменов 69 были смешанными. Расширилась их этническая структура, она была представлена 15 национальностями: русскими, украинцами, чувашами, марийцами, татарами, корейцами, латышами, немцами и др. Семьи, возникшие на почве браков с русскими, составляли к этому времени у ительменов более 60 % от общего числа смешанных; с представителями других неместных национальностей — 22 %. Весьма распространенными стали ительмено-корякские семьи — более 14 %.

Формирование национально-смешанных семей особенно ускорило в 70-е гг. Если общее число семей (полных) выросло на рассматриваемой территории в 1965—1985 гг. в 1.3 раза, то национально-смешанных — в 1.7 раза. Доля смешанных семей увеличилась до 81.7 %, а в отдельных селах и еще больше. В 1985 г. на территории вышеуказанных сельсоветов было зафиксировано всего 48 однонациональных ительменских семей, но и они имели ту или иную кровную связь с русскими или другими народами. Аналогичную ситуацию применительно к отдельным ительменским селам отмечал И. С. Гурвич еще в середине 60-х гг. [66, с. 202]. Сегодня она характерна для всего Тигильского района. Чисто ительменских (по крови) семей, видимо, вообще уже не существует.

Тенденция к дальнейшему сближению ительменов с русскими путем браков проявляется в последние 20 лет весьма отчетливо. Число таких семей увеличилось за этот период с 42 до 96, их доля — до 71.7 % от всех смешанных. В то же время все более заметным становится новое направление этнокультурного сближения — с коряками. Браки с ними составляют в настоящее время около четверти всех брачных союзов ительменов (см. табл. 10), а в отдельных населенных пунктах — более 50 %.

Браки с коряками чаще всего преобладают там, где ительмены уступают им по численности. В качестве иллюстрации сошлемся на пример Седанки, национальный состав которой характеризуют такие показатели: коряков — 77 %, ительменов — около 17 %, приезжих, в основном русских, — 5 %. Здесь у ительменов зафиксирована наибольшая доля браков с коряками — 54 % от их общего числа. Браки с русскими составили 30 %.

Соотношение контактируемых этносов, безусловно, важный фактор, определяющий структуру национально-смешанных браков, но дело не только в этом. В Палане, например, русских большинство — 75 %, коряков и ительменов — соответственно 17.5 % и 6 %. Казалось бы, здесь можно ожидать значительной доли русско-ительменских браков, между тем она меньше общерайонной — 38.5 %, в то время как браки ительменов с коряками составляют 53.8 %. Примерно такая же ситуация в Тигиле.

Здесь мы имеем дело с культурно-бытовой спецификой населения. Среди русских Паланы много новоселов, ставших северянами в последние 2—5 лет (в Корякском автономном округе таких более 60 %). Культурно-бытовые различия между ними и коренным населением еще достаточно ощутимы. В таких условиях сближение ительменов с русскими может протекать медленнее, предпочтению в брачном выборе может отдаваться лицам более близкой этнокультурной

общности — корякам, другим народностям Севера, тем более что в крупных урбанизированных поселениях, типа Тигиля и Паланы, их этническая специфика быстро утрачивается.

Этнокультурное сближение ительменов с коряками будет, вероятно, нарастать. Этносоциальные процессы имеют у них много общего. У тех и других растет миграция молодежи в крупные населенные пункты. Расширяется зона контактного соприкосновения этносов, все менее заметной становится хозяйственная специфика.

Абсолютное большинство коряков в настоящее время, как и ительмены, русскоязычны. На этой основе происходит формирование единой для всех народов Севера культурной общности, определенной психологии. Там же, где коряков и ительменов по численности меньше приезжих, они выступают в сфере брачных отношений даже в качестве единой этнической общности. Во всяком случае браков между ними уже сейчас заключается больше (пропорционально численности), чем с русскими. В 1980—1984 гг., например, на 1000 русских в Тигильском районе пришлось 7 браков с ительменами, на 1000 коряков — 9 браков.

Особенности этого процесса у разных групп населения позволяют наглядно проследить индексы брачности (табл. 11), с помощью которых

демографы и социологи определяют закономерность выбора брачных партнеров, измеряют степень «притяжения» (предпочтения) или «отталкивания» (неодобрения) между ними в зависимости от национальности или других качественных признаков [69, с. 146].

Как видно из таблицы, однонациональные, а также браки с коряками являются для ительменов в большинстве случаев более предпочтительными, хотя степень такого предпочтения и невелика. Напротив, для браков с русскими в целом по району характерно «отталкивание». В Палане и Тигиле оно более существенно, в Ковране — незначительно, а в Хайрюзове и Седанке браки ительменов с русскими характеризуются индексом «притяжения». Здесь мы вновь сталкиваемся с ситуацией, о которой уже говорилось выше. Население Хайрюзова сформировалось несколько десятилетий назад, почти все его русские жители — старожилы, контакты с ительменами имеют у них давнюю традицию. То, что «отталкивало» ительменов от русских в Тигиле и Палане (культурно-бытовые различия), здесь «отталкивает» от коряков, которые, будучи оленеводами, существенно отличаются своим образом жизни. В еще большей степени это характерно для Седанки.

Из всего сказанного можно сделать вывод: в современных условиях

Таблица 11

Индексы брачности в Тигильском районе в 1980—1984 гг., в %

Национальность		По всему району	В том числе				
мужа	жены		Ковран	Тигиль	Палана	Седанка	Хайрюзово
Ительмен	Ительменка	+19	+9	+14	—	+17	0
Ительмен	Корячка	+2	—	+12	+9	—41	—24
Ительмен	Русская	—33	—18	—40	—40	+14	+11
Коряк	Ительменка	+5	+19	—	+22	—26	—
Русский	Ительменка	—26	—12	—7	—58	+12	+6
Коряк	Корячка	+57	—	—	+45	+38	—
Русский	Русская	+53	+20	+16	+54	+40	—24

Примечание. Индексы рассчитаны для обоих полов. В состав русских включены все лица некоренных для Камчатки национальностей. Числовые значения индексов округлены до целых и выражены в %. Степень «притяжения» характеризуется положительными значениями, «отталкивания» — отрицательными. Чем ближе положительные значения к 100, тем более полным «притяжением» характеризуется данный вариант брака. Чем ближе к 100 отрицательное значение, тем выше «отталкивание». Значения, равные нулю или близкие к нему, свидетельствуют о безразличии брачных партнеров к национальной принадлежности

для ительменов национальная принадлежность брачного партнера сама по себе не играет решающей роли. Все зависит от социальных условий, в которых заключается брак, а также от социально-культурных установок самих брачных партнеров. Последнее обстоятельство является весьма существенным.

Различия в образовательном уровне женихов и невест не препятствуют заключению национально-смешанных браков, и все же зависимость между уровнем образования и национальной принадлежностью будущих супругов существует. Выявляется интересная закономерность: чем выше образовательный уровень ительменок, тем большее предпочтение отдают они однонациональным бракам, а также бракам с коряками. Такие браки заключило 53,8 % ительменских женщин с высшим и средним образованием, 32,1 с общим средним, 30 % с неполным средним. Доля ительменок, имеющих высшее и среднее специальное образование, особенно высока в однонациональных браках — 57,1 %. В браках с коряками она составляет 46 %, с русскими — 32 %.

Уровень образования супругов зависит от возраста вступления в брак. Тот факт, что в браках с русскими высшее и среднее специальное образование имеет менее трети ительменок, в значительной степени связан с их ранним замужеством. Замуж за коряков они выходят в среднем в 28 лет, за ительменов — в 26, за русских — в 21 год. Кроме того, у женщин-представителей национальной интеллигенции установка на брак в рамках своей или близкой этнической и культурной общности выражена сильнее. Многие из них считают такие браки более прочными.

Социально-неоднородные браки у ительменов преобладают в однонациональных (57 %) и в браках с коряками (у женщин 61 %, у мужчин — 55 %). Большинство браков с русскими — социально равные: у женщин 53 %, у мужчин 52 %. В сельской местности заключается обычно больше социально-неоднородных браков.

Степень квалификации у ительменок выше, чем у их мужей во всех типах браков. В однонациональных, например, доля мужчин, занимающихся неквалифицированным трудом, составляет 79 %, женщин — 36, в браках с коряками соответственно 53 и 38 %. В русско-ительменских браках различия в профессионально-квалификационном статусе менее заметны. Квалифицированным трудом в таких браках занимается 63 % мужей (русских) и 58 % жен (ительменок).

Ительмены (мужчины и женщины) вступают в брак с русскими реже, если у супругов нет соответствующей квалификации. Чаще всего такие браки возникают в том случае, если оба супруга имеют квалификацию, а образовательный уровень примерно одинаков. Доля таких браков у ительменов-мужчин особенно велика — 43 %. Владение современной профессией является для них по существу решающим условием при вступлении в брак с русскими женщинами; наиболее часто такие браки возникают у лиц с высшим и средним специальным образованием.

Ительменки без квалификации чаще выходят за мужчин, занятых квалифицированным трудом. Национальная принадлежность мужа в таком случае роли не играет. У ительменов-мужчин, не имеющих квалификации, браки с русскими женщинами, владеющими современными профессиями, встречаются довольно часто в селах, где квалифицированных рабочих мест для мужчин мало. К тому же почти все русские жены ительменок в таких браках являются выходцами из этих сел и, как правило, намного старше своих мужей-ительменов.

Ительменки с квалификацией в целом чаще выходят за мужчин без квалификации, если последние являются представителями коренных национальностей. У ительменов-мужчин, владеющих современными профессиями, ситуация обратная. В браки с корячками и ительменками, не имеющими профессий, они предпочитают вообще не вступать (в 1980—1984 гг. не было ни одного такого

брака), а доля подобных браков с русскими женщинами также невелика — 9 %.

Абсолютное большинство ительмено-корякских браков заключается между представителями современных профессий. Из 22 браков лишь в двух мужчины (коряки) были заняты традиционным трудом, причем один из них был в возрасте 60 лет. В целом преобладают браки, в которых жена моложе мужа (50 %), но ительменки все же выходят замуж за коряков в более позднем возрасте, чем корячки за ительменов. По свидетельству информаторов, часть таких браков для ительменок — повторные.

Таким образом, характер и интенсивность этнокультурного сближения ительменов с окружающими народами путем браков обусловлены многими факторами: хозяйственной спецификой коренного населения, соотношением численности лиц различных национальностей, степенью урбанизации населенных пунктов, уровнем развития их экономики, социально-культурными характеристиками брачных партнеров. Особую роль при этом играет квалификационно-профессиональный уровень.

Межнациональные браки не ведут к сокращению численности ительменов. Дети в национально-смешанных семьях, как правило, сохраняют принадлежность к ительменскому этносу. Так, например, из 117 семей, где один из родителей является ительменом, а другой представителем приезжего населения, лишь в двух дети не были записаны ительменами. Примерно такое же положение в ительмено-корякских семьях, правда, все они проживали в селах, где доля коряков невелика.

Известное воздействие на выбор национальности ребенка в ительменорусских семьях оказывают особенности национальной политики КПСС и Советского государства по отношению к народам Севера. Льготы, которые предоставляются коренным северянам, часто способствуют стремлению сохранить ребенку такую же национальность.

При решении вопроса о национальности ребенка в смешанных семьях гораздо более важную роль играют антропологические, а также этнотерриториальные факторы. Юг Тигильского района — исторически сложившаяся ительменская территория, и, хотя удельный вес ительменов здесь сегодня заметно сократился, именно такой она и продолжает восприниматься в сознании населения. Сохранению такого представления во многом способствуют средства массовой информации, документы партийных и советских органов. Кроме того, в последние годы на Камчатке, как и в целом по стране, сильно вырос интерес к истории своего края, к творческому осмыслению опыта предшествующих поколений, при этом ительмены, вобравшие и наиболее полно сохранившие в своей культурной традиции многое из духовной жизни русского народа XVII—XIX вв., сегодня оказываются в эпицентре общественного интереса. Все это способствует росту национального самосознания ительменов.

В целом национально-смешанные браки служат утверждению прогрессивных черт во всех сферах жизнедеятельности ительменов. В то же время нельзя не видеть и некоторых проблем, которые возникают в связи с ростом численности межэтнических браков. Остановимся на одной из них.

Различия в социально-культурном уровне развития мужчин и женщин у ительменов, неразвитость производственной инфраструктуры ряда населенных пунктов сильно деформируют половозрастную структуру межэтнических браков, что отрицательно сказывается на уровне брачности мужчин. В условиях, когда определяющими факторами брачного выбора являются социально-культурные характеристики будущих супругов, ительменские мужчины не могут оказать конкуренцию приезжим. В результате часть из них лишается возможности создать семью. Особенно серьезна эта проблема в Ковране, Хайрюзове, которые в последние десятилетия по существу не развиваются.

Верования и культы

Несмотря на то что формально ительмены приняли христианство еще в 40-х гг. XVIII в. и обрядовая сторона православия, привнесенная в их среду казачеством, привилась и пустила довольно глубокие корни, фактически же их верованием оставались примитивный *анимизм* с неизменными его спутниками — культом антропоморфных «хозяев» природы, животных, разного рода духов; *тотемизм* — признание животного прародителем людей; и *фетишизм*.

«Главное основание веры их утверждается на древних преданиях, которые наблюдают они паче закону, не приемля никаких доказательств в опровержение», — писал С. П. Крашенинников [107, с. 409].

Степень почитания тех или иных духов была в прямой зависимости от степени их предполагаемого влияния на материальное благополучие человека. Так, особо почитали духа моря, дающего основной продукт питания — рыбу; в честь него устраивали праздник «очищения» в ноябре. По своему содержанию он имел явно выраженный магический и производственный характер, но по форме был праздником всей патриархальной общины. Культ огня выступал при этом как святыня.

Значительно меньше внимания уделяли духу охотничьего промысла; праздники в честь удачной охоты на медведя, тюленя и т. д. устраивали эпизодически.

Собирательство нашло отражение в верованиях ительменов в форме установки столбов-идолов в местах промыслов. Совершенно отсутство-

вало поклонение небесным светилам и звездам.

Мир ительмены считали вечным, души — бессмертными. Им была чужда идея единого бога. Создателем народа, первопродком, прародителем они считали Ворона (Кутха). Но он был лишь символом генетического единства самих ительменов и их древних связей с другими палеоазиатскими народами. Тот факт, что Кутха сравнивали с Вороном, наводит на мысль о его тотемном происхождении.

По одним преданиям, «Кутху сотворил землю из своего сына, называемого Сымскалин», по другим — Кутх со своей сестрой «землю снесли с неба и утвердили на море» [там же, с. 406]. Сразу же после сотворения земли Кутх обосновался на Камчатке, которую постепенно заселяли его потомки.

Кутх и его семейство носили платье, сшитое из листьев, питались березовой и таловой корой, потому что зверей в это время не было, а рыбу ловить еще не умели. Затем Кутх изобрел лодку, а его сын Тыжил-Кутх — способ вязать сети из крапивы и научил ловить рыбу. Он же сотворил зверей и первым начал шить теплую меховую одежду — кухлянки и парки [там же, с. 407].

Когда Кутх ездил на собаках, то образовывались горы и долины. Радугу считали за «подзор» (вышивку) на подоле его кухлянки; когда гремел гром, ительмены думали, что это Кутх вытаскивает на берег баты, и т. п.

Свойствами людей ительмены наделяли и других животных. Так, до 30-х гг. XX в. жило представление

о мышах как о целом народе, разбитом на племена. Раковины моллюсков, встречающиеся по берегам рек и морей, они считали «батами» мышей, на которых те переправлялись через большие реки и даже через заливы моря. Когда ительменки выбирали сарану и кемчигу из мышинных складов, они всегда оставляли часть запасов, ибо были убеждены, что мыши, лишившись корма, запасенного ими на зиму, могут покончить жизнь самоубийством, удавись травинкой или сунув голову в развилку сучка. В ительменских сказках мыши всегда наделены сообразительностью, сноровкой, хозяйственностью [142, с. 132].

По представлениям аборигенов полуострова, все предметы и явления природы наделены духами, которые живут собственной жизнью. Так, например, А. Горлановым была записана легенда о «горелой сопке», где обитал дух, некогда живший с людьми: «Когда камчадалы святым крещением просвещены не были, хаживали к той дым испускающей горе и шаманивали, а именно, когда птицу, зверя или рыбу промыслили, первую ему отдавали и притом прутья бросали, а шаманивали бубнами. Когда для ловли рыбы запоры в реку камчадалы ставили, а рыбы в те запоры не шли, то шаманивали же и в жертву рыбу припасали. Сего дьявола во всяких случаях в помощь призывали, а паче в подавании пищи» [226, л. 43].

Дымящиеся горы, по сообщению С. П. Крашенинникова, ительмены считали жилищами мертвых, появление дыма они объясняли тем, что покойники топят свои юрты. Питались эти умершие жиром китов, которых ловили в море под землей. Китовые же кости шли на топливо [107, с. 211].

Согласно материалам Г. В. Стеллера, «камчадалы содержат Опальную гору в великом почтении и рассказывают о ней ужасные вещи, чего ради не токмо наверх ее, но и к подножию ходить опасаются: для того-де, что там много живет духов Гамулов» [215, с. 69]. Как предполагает И. С. Вдо-

Изображения доброго и злого божеств древних ительменов (по Г. В. Стеллеру, 1774 г.): 1 — «Доброе божество»; 2 — «Злой демон».

вин, «культ „огнедышащих гор“... весьма напоминает культ предка-покровителя» [50, с. 63].

«Хозяином моря» был Митг, представлявший ительменам в виде рыбы; «хозяином подземного загробного мира» — Гаеч; землетрясения производил Туил, когда его собака Козей встряхивалась, сбрасывая с себя снег. Повелителем всех животных считался Пилячучь (или Билюкай), живший в облаках и посылавший на землю гром, молнию и дождь. Всеми богатствами ведал Пльхлен.

По воззрениям ительменов, в мире злых духов превыше, могущественнее других Канну — хитрый и ловкий обманщик [107; 409]; Сосочелк, все время вертящийся среди людей, мешающий и вредящий им (ему приносили жертвы и задабривали через шаманов) [79, с. 353]; Фрех-кнезуам, который мог превращаться и в мужчину, и в женщину, песнями заманивал людей в лес или к реке и зло шутил с ними, а увидевший его якобы сходил с ума. Леса были населены злыми *умахчу*, низкие горы — *карликами пихлачами*, которые зимой и летом разъезжают в маленьких санках, запряженных тетеревами, и накапливают запасы ценнейших мехов. Если поперек следа их санок положить жердь, санки заденут за нее и разобьются. Вынужденный обратиться к людям с просьбой исправить их, карлик щедро вознаграждает спасителя мехами. Но если человек по его приглашению пойдет за ним, то обязательно погибнет. Особенно они преследуют христиан [там же, с. 353—354].

Одним из видов религиозных воззрений, распространенных у ительменов, был фетишизм. Мужчины и женщины носили амулеты в виде идолов. Вот что писал С. П. Крашенинников: «Жертвы дают при всяком случае, а иных и балваны при себе носят, или имеют в своих жилищах» [107, с. 369].

В каждой юрте обычно было два идола: один в виде русалки — охранитель огня (он возобновлялся ежегодно во время благодарственного праздника и ставился рядом со ста-

рым); второго идола располагали возле посуды для охраны жилища от лесных духов.

Существовал у ительменов и шаманизм, хотя шаманы не имели обрядовой одежды и атрибутов. По представлению С. П. Крашенинникова, «женский пол красивее, и кажется умнее, чего ради из баб и коекчучей их больше шаманов, нежели из мужеска полу» [107, с. 368]. Преобладающая роль женщины в отправлении культа объясняется, скорее всего, сохранившимися следами еще недавно существовавшего у них материнского права. С. П. Крашенинников сообщает: «У камчадалов нет особых шаманов, как у других тамошних народов, но всякая баба, а наипаче старуха... волхвом и толкователем снов почитается» [107, с. 412].

Речь идет, таким образом, не о типичном шаманстве, а, скорее, о знахарстве или колдовстве. Еще в 30-х гг. XX в. среди ительменов сохранялись общепризнанные знахари, которые лечили больных травмами, а также наговорами и камланием. Например, «лом в суставах, — по сведениям С. П. Крашенинникова, — старики или старухи у них заговаривают, а в заговорах призывают на помощь Тыжил-Кутху и просят его, чтобы невидимо послал паука внутрь тела, который бы суставы на свое место поставил» [там же, с. 696].

Огромную роль в жизни ительменов играли всякого рода поверья и приметы, особенно связанные с производственной деятельностью, главным образом с рыболовством: весной нельзя разбирать старые дома и балаганы, в которых много юкольной моли, последнюю «бойтся» рыба и может уйти из реки; если перегнуть через реку лошадь, то не будет корюшки; металлическим топором нельзя забивать запорные кольца, ибо им можно «перерубить» реку, и тогда в ней совсем не будет рыбы, и т. д. [142, с. 133].

Целый ряд примет и запретов регламентировал и другой промысел — добычу зверя. Так, например, в первый день охоты оставшимся дома женщи-

нам нельзя было подметать пол, выбрасывать на улицу сор, пепел и горящие угли, в противном случае якобы поднимется буря и охотник погибнет.

Интересны поверья народности, связанные с погребальной обрядностью. Так, предсказителем смерти ительмены считали ящерицу, посланницу-шпиона от подземного духа Гаеча. Поэтому, увидев ее, старались изловить и разрезать на мелкие части, чтобы ящерица не могла вернуться и предложить этого человека в качестве избранника. Но если ящерица уходила, то ительмен впадал в печаль и отчаяние, ежечасно ожидая смерти. Как писал С. П. Крашенинников: «Смерть иногда от уныния их и последует к вящему утверждению прочих в суеверии» [107, с. 333].

Категорически запрещалось, например, спасать утопающего или засыпанного снежной лавиной, так как считалось, что тем самым лишаются желаемой пищи духи воды и гор.

В более позднее время несколько изменилось отношение к умершим неестественной смертью. Так, утопленника, как правило, уже хоронили на берегу реки, ближе к воде, но вдали от поселения, считая его избранником духа воды, который несколько раз в году, обычно во время наводнений, встречался с погребенным, до места захоронения которого доходила вода.

До 40-х гг. XX в. сохранялись жертвенные места (сопки, валуны и т. д.), при проезде близ которых запрещалось смеяться и требовалось умиловить их духов. Обычно бросали кусочки пищи, табак, чай и т. п. Среди таких мест особенно известными были сопки «Паппак» (близ пос. Хайрюзово), «Бабушка» (у села Сопочного), «Изменная» (недалеко от Тигиля) [142, с. 132].

Итак, несмотря на то что процесс христианизации глубоко проник в среду ительменов, длительное время сохранялись традиционные верования, обусловленные их образом жизни, социальной организацией и экологической средой.

Представления о природе и ее явлениях, практические знания, связанные с добыванием средств к жизни, бытовавшие у ительменов до прихода русских, описаны участниками Второй Камчатской экспедиции. Эти знания поражают богатством и тонкостью наблюдений над явлениями природы, растительным и животным миром.

Благодаря многовековому опыту ительменами были выработаны приемы и навыки в изготовлении орудий труда и промыслов, средств передвижения, предметов домашнего обихода. Практика помогла освоить материалы, используемые в хозяйстве. Так, *баты* (долбленные лодки) изготовляли из тополя — дерева легкого и хорошо поддающегося обработке, а зимние средства передвижения — нарты, лыжи — из березы, как наиболее прочного материала.

Женщины прекрасно знали качества и свойства различных кож, нитей, шкур, употребляемых при пошиве одежды и обуви, способы их выделки. Эти навыки передавались из поколения в поколение.

Занимаясь рыболовством и охотой, ительмены хорошо изучили животных, птиц, рыб полуострова и окружающих их морей; их повадки, время перелета, места наибольшего обитания, календарь хода рыбы и т. п. Так, например, по следу, оставленному на снегу, охотники узнавали о величине и сортности соболя (заостренный след лапок — хороший зверек; тупой, закругленный — след старого, плохого соболя). Лисьи норы искали только на возвышенностях, зная, что они устраивают свое жилье в местах, не затопливаемых подземными водами. Местные жители заметили, что в год обилия мышей среди лис и соболей распространяется болезнь, приводящая к их значительной гибели. Они наблюдали, что если в начале календарного лова идет в основном мелкая рыба, то в течение всего сезона будет много рыбы разной.

У ительменов год был разделен на четыре сезона (зима, весна, лето, осень) и десять месяцев, наименования которых преимущественно связаны с хозяйственной деятельностью. Так, был месяц красной рыбы, канкарыбы; месяц — грехов очиститель; месяц, когда от мороза топорщища ломаются, и т. д. Но определенного начала или конца для времен года не существовало.

Как пишет С. П. Крашенинников, «дней они не различают особливим званием, не разделяют их на недели или другие периоды, и числа дней в году и месяце не знают. Время определяют по некоторым знатным приключениям, как, например, по приходу россиян, по великому камчатскому бунту, по Первой Камчатской экспедиции» [107, с. 371].

Хозяйственной деятельностью были обусловлены народные знания по географии и топографии, которые получили свое отражение в словаре народности. Значительны по этому разделу знаний материалы С. П. Крашенинникова, представляющие большой научный интерес, ибо относятся к периоду, когда топонимы еще сохраняли национальный колорит. При расшифровке их С. П. Крашенинников исходил из данных ительменского и корякского языков, носителям которых принадлежали географические названия. При анализе топонимов XVIII в. выявляются следующие характерные особенности: во-первых, благодаря огромному значению в хозяйстве ительменов рыболовства у них была детально разработана система названий рек, а от них — названия острожков; во-вторых, «камчадалы ни рек, ни озер, ни гор, ни островов именем людей не называют; но дают им имена по некоем свойственным им качествам или по сходству с другими вещами» [там же, с. 361—362].

Интересны знания ительменов об окружающей среде, явлениях природы. «Из звезд знают имена токмо трем созвездиям: Большому медведю, Плеядам и трем звездам в Орионе» [там же, с. 371].

Каждая территориальная группа по-своему называла ветры различных направлений, связывая их в большинстве случаев с метеоро- и географическими условиями. Так, у жителей долины р. Камчатки восточный ветер значит «снизу веющий», т. е. с устья реки; северо-западный — «верховой», Ительмены, жившие севернее р. Камчатки на восточном побережье, северо-восточный ветер называли «с моря дующий»; западный — «с земли веющий», северный — «студеный», юго-западный — «женская погода», «ненастная» («плачущая, как женщина»).

В настоящее время ветры называются по-русски: восточный — «Камчатка», приносящий оттепель среди зимы и весной; южный, юго-западный — «Курилка», предвещающий наступление долгой ненастной погоды; северный — «Север», устанавливающий хорошую ясную погоду.

Имеют названия и страны света: восток — *плэйкэ*, запад — *мок'аямей*, север — *цан'*, юг — *риргун*; юго-восток — *риргэ-плэйкэ*, юго-запад — *риргэ-мук'э*. Скорее всего, эти наименования связаны с метеорологическими условиями. Северные ветры на месте жительства современных ительменов в основном дуют с наступлением холодов. Возможно, слово «север» (*цан'*) — производное от слова *цаказ*, что означает «выпадать инею». Западные ветры, ветры с моря, преобладающие в теплое время года, всегда приносят ненастную погоду: *мук'* — *э?н* — низкие дождевые облака, а запад — *мок'ам*, *мок'аямей*. Названия направлений *риргэ-плэйкэ*, *риргэ-мук'э* и т. п., состоящие из основ двух слов, вероятно, образованы под влиянием и подобно русским наименований «юго-восток», «юго-запад» и т. д.

Находясь в пути, на охоте, ительмены ориентировались по солнцу, ночью по звездам, преимущественно по Млечному Пути. Когда заблудятся, всегда стараются выбраться на открытое место, где по приметным природным ориентирам (горы, впадины, речки и др.) могли определить свое местонахождение.

Постоянные наблюдения над явлениями природы дали возможность местным жителям заметить многие метеорологические приметы. Например, круги вокруг луны, радуга вокруг солнца днем или во время его восхода и захода предвещали наступление плохой погоды; долгое сохранение заморозков весной указывало на обилие ясных солнечных дней в летнее время; замолкание птиц означало приближение непогоды, а их оживление в ненастный день предвещало скорое прояснение, и т. д.

Возраста своего ительмены не знали, хотя был у них счет до ста. Но он для них, по описанию С. П. Крашенинникова, был очень труден, и если ительмену необходимо было считать больше двадцати, пересчитав пальцы своих рук и ног, он приходил в недоумение и говорил: «Мача?» («Где взять?»).

У народности были свои меры измерения. Расстояние между населенными пунктами измерялось днями переезда — один день езды, два дня езды и т. д., но в обыходе пользовались русскими мерами; сажень, мах — расстояние при взмахе рук. Толщину измеряли шириной ладони, одного, двух, трех пальцев.

Количество выловленной рыбы обычно соизмеряли с объемом ловушки или бата; мелкую рыбу (корюшку, гольца), нанизанную на прутья по 20 штук, и заготовленную вяленую считали связками; низки вплетенной в траву или веревку мелкой рыбы насчитывали по 40 штук, юколу связывали по 50 штук, а кости рыб сушили парами. Стебли кипрея при сборе связывали в небольшие пучки и по их количеству исчисляли размер заготовки.

Случие материалы измеряли различными емкостями: кастрюлей, ковшом, плетеной корзиной, берестяной чумашкой и т. д. Для определения небольших количеств соли, сахара, крупы и т. п. пользовались ладонью (прикрытая и неприкрытая пальцами), а также щепотью.

Неотъемлемой частью традиционной бытовой культуры каждого народа

является народная медицина. Ительмены прекрасно знали флору полуострова, употребляли различные растения, их плоды и корни не только в пищу, но и в качестве лекарственных средств. С. П. Крашенинникова удивляло большое «знание силы в травах и употреблении их в пищу и лекарство. . . Почему камчадал сне имеет преимущество, что в своей земле везде и всегда себе корм сыщет» [там же, с. 236—237]. Ительмены с успехом лечили цингу, используя ягоду шикшу или водяницу и настой брусничных листьев. Но наиболее эффективными при лечении этой болезни были кедровый стланик и дикий полевой лук, или черемша. «Вящая в сланце доброта, — писал С. П. Крашенинников, — что им пользуются от цынготной болезни с желаемым успехом» [там же, с. 226]. Обычно хвою и кору стланика заваривали кипятком, иногда кипятили и затем пили отвар. Корой кедрового стланика, приложенного к телу, вылечивали порезы.

Огромную пользу при излечении цинги приносила черемша. По этому поводу С. П. Крашенинников сообщал: «От цынга она черемша такое же лекарство, как и кедровник, ибо ежели сия трава из под снега выдет, то жители цынготной болезни не опасаются» [там же, с. 223]. Стебли черемши употребляли свежесорванными, а зимой — высушенными. Пили от цинги и настой камчатского зверобоя.

Немаловажное значение как лекарственное растение имел шеломайник, широко распространенный на всей территории Камчатки. Отвар его листьев пили от цинги, от зубных болей и «коликов» в животе; на большие зубы клали корень растения. Толченый лист и ствол шеломайника, приложенные к ранам, использовали при лечении укусов от волков и собак, а также при ожогах.

От фурункулеза и как потогонное средство при простудах употребляли настой восковницы — кустарника, обильно растущего на полуострове. К фурункулам прикладывали и пере-

бродивший борщевик — отходы при изготовлении самогона.

При ревматических и цинготных опухолях в суставах и ломотах употребляли настои куропаточной травы. Растения из семейства розоцветных. В качестве натирания использовали корень вежа ядовитого, или омеги. «Сия трава особливое их лекарство, — писал С. П. Крашенинников, — от того, когда спину заломит, тогда на-тапливают они юрту жарко, как можно, чтоб скорее вспотеть больному, потом трут спину омегом, наблюдая притом со всякою осторожностью, чтоб не коснуться до поясницы, ибо от того скорее смерть последует. Впрочем от объявленного трения получают облегчение» [там же, с. 240].

Немалую роль как в пище ительменов, так и в народной медицине играл кипрей, или иван-чай. Жеваным его прикладывали к пуповинам новорожденных при лечении различных воспалений, а «у кого от болезни в горле сохнет, то с добрым успехом пьют кипрейное сусло. Сие ж лекарство употребляют родильницы и для способнейшего разрешения» [там же, с. 441].

При одышках ительмены жевали каменный палоротник, а отвар из него пили при кровохаркании.

В качестве лечебных средств аборигенами Камчатки использовались клизмы из настоев различных трав и их корней — ириса, касатика и т. д. «Декокт из разных трав иногда с жиром, — писал С. П. Крашенинников, — а иногда и без жиру наливают в тюлений пузырь, и обтягивают отверстие его около какой-нибудь дудки, которой ставят по обыкновению, между тем больной лежит на брюхе вниз головою. И сие лекарство почитают они столь высоко, что употребляют во всяких болезнях» [там же, с. 442].

Значительное место в народной медицине ительменов занимали морские растения и животные. Так, при кишечных расстройствах пили настои морской капусты или ели смесь отваренных морских водорослей, похожих на листья дуба (именуемого С. П. Кра-

шенинниковым дубом морским), и стеблей борщевика. Тертую морскую актинию употребляли роженицы как стимулирующее средство при родах, а «жир морского волка употребляют они от жестокого запора с великою пользою», — писал С. П. Крашенинников [там же, с. 441].

Таков перечень некоторых растительных и животных организмов, служащих лекарственными средствами и используемых ительменами в начале XVIII в.

По сравнению с крашенинниковскими временами многие лекарственные растения сейчас забыты, хотя до недавнего времени еще широко использовались, например, настои корней «медвежьего» дудника и вежа ядовитого. При нервных заболеваниях и ревматизме популярны были ванны из полыни, а настоек из нее принимали внутрь при туберкулезе.

Отвар черемуховых ягод и луб березы употребляли при кишечных расстройствах. Спорами гриба-дождевика останавливали кровотечения при порезах. Растираясь настоем корней черемицы, лечили чесотку. Опухоли и нарывы снимались наложением листьев подорожника или крестовника.

В качестве жаропонижающих средств при простудных заболеваниях применялся отвар брусничных листьев и крестовника, сок кислого щавеля, ноги при этом обкладывались влажными листьями конского или кислого щавеля и закутывались теплыми вещами.

Помимо трав в народной медицине ительменов значительное место занимают средства животного происхождения.

Так, до 40-х гг. XX в. бронхиты, катары верхних дыхательных путей у детей в теплое время года лечили солнечными ваннами с одновременным приемом внутрь свежего тюленьего жира. При малокровии и общей слабости пили свежую кровь оленей, тюленей и забитых домашних животных (быка, коровы). Часто для этих же целей употребляли и сырую печень.

Для лечения туберкулеза специально откармливали щенков собак, а затем их жир с пищей принимали внутрь.

Пользуются популярностью (несомненно, под влиянием русских) применение гусяного сала в качестве мази при обмороживании, а также медвежья желчь, которую растворяют в воде или водке и пьют при болезнях печени и желудочно-кишечного тракта.

Значительное место в народной медицине ительменов занимала и физиотерапия. Так, при остеохондрозе, судороге мышц, при головных болях массажировали больные места.

В каждом селе обычно был врачеватель, который прекрасно справлялся с переломами, вывихами, а бабки-повитухи, как правило в преклонном возрасте, помогали роженицам разрешиться от бремени.

Следует отметить, что в народной медицине аборигенов Камчатки, как и многих народов Дальнего Востока, проявилось тесное переплетение рационального и иррационального в представлениях о болезнях. Часто, не сумев найти видимые причины внутренних, нервных и других заболеваний, ительмены относили их за счет вселения или влияния злого духа, духа болезни. И в этом случае при помощи колдуна-знахаря заклинаниями и магическими действиями пытались устранили или задобрить этого духа, изгнать его из больного. Подобные способы «лечения» сохранялись еще в 20—30-е гг. нашего столетия.

Широко развитая сеть медицинских учреждений, использование быстроедействующих и эффективных средств лечения различных заболеваний в настоящее время способствуют тому, что многие лекарственные растения, применяемые в народной медицине ительменов, забываются.

Язык и фольклор

Язык. Ительменский язык было принято относить к чукотско-камчатской группе, в которую, по последним

данным, кроме него, входят еще четыре языка: чукотский, корякский, алыторский и керекский. Согласно традиционно сложившейся точке зрения, ительменский язык генетически связан с четырьмя вышеназванными языками, хотя и имеет ряд существенных отличий [38; 195; 196; 181; 183]. В настоящее время существует иная, нетрадиционная точка зрения на «ительменскую проблему» [218], согласно которой атрибуция ительменского языка как одного из чукотско-камчатских может быть оправдана ареальными, но не генетическими основаниями. Генетически ительменский язык противостоит чукотско-корякским.

Традиционная точка зрения наиболее подробно и последовательно изложена в работах П. Я. Скорика. Суть ее состоит в следующем. Ительменский язык обнаруживает существенные отличия в фонетике и лексике, однако характеризуется не менее существенными чертами сходства в грамматике, особенно в области словоизменения глагола. Это обстоятельство побуждает считать ительменский генетически связанным с чукотско-корякскими языками. Что же касается различий, то они объясняются ранним обособлением ительменского от чукотско-корякского языка — основы и интенсивным иноязычным влиянием. В сущности ительменский язык — «конгломерат» различных языков (каких именно — остается неясным, поскольку предполагается, что они без следа поглощены ительменским). Эти «поглощенные языки» оказали сильное влияние на фонетику, лексику и отчасти даже на грамматику ительменского языка [181; 183]. Отсутствие в ительменском инкорпорации и основосложения, свойственных чукотско-корякским языкам, объясняется их «утратой». Целый ряд других, не менее важных явлений традиционно никак не объясняется.

Нетрадиционная точка зрения (отрицающая генетическую связь ительменского с чукотско-корякскими языками) была сформулирована амери-

канским лингвистом Д. Уортом [218] на крайне ограниченном лексическом материале. Она получила развитие в работах А. П. Володина и А. С. Асиновского [57].

При решении «ительменской проблемы» необходимо иметь в виду, что до сравнительно недавнего времени существовало три ительменских языка (предпочтительно называть их именно языками, а не диалектами): восточный (тихоокеанское побережье, долина р. Камчатки), южный (район Петропавловска — Большерецка) и западный (западное побережье), который сохранился до настоящего времени. Раньше чукотско-корякские языки сопоставлялись лишь с данными западного ительменского языка, о котором еще С. П. Крашенинников заметил, что именно в западном присутствует корякский элемент [107]. Разумеется, сведения о восточном и южном «языках» крайне скудны и пополнены быть не могут, поскольку оба этих «языка» в настоящее время полностью утрачены. Эти сведения ограничиваются лексикой (при небезупречном качестве записи), однако именно лексические данные позволили нетрадиционно подойти к «ительменской проблеме» и, как нам представляется, поколебать убеждение в генетической связи ительменского языка с чукотско-корякскими. На чем строится наше утверждение?

Два обстоятельства — распределение гласных и согласных в потоке речи (фонотактика) и наличие так называемой корреляции лабилизации — резко выделяют ительменский не только в чукотско-корякской группе, но и во всем сибирском ареале. Думается, эти черты могли быть присущи только языку, генетически природа которого иная сравнительно с чукотско-корякскими языками. Инкорпорация в чукотско-корякских языках прежде всего с выражением атрибутивных отношений; в ительменском, как уже было сказано, она отсутствует, и эти отношения выражаются способом, никак не сопоставимым с чукотско-корякскими данными. Ительменские качественные слова не

способны изменяться по лицам, как в чукотско-корякских языках (если следовать логике традиционной точки зрения, эту способность они утратили вместе с инкорпорацией). Ительменский язык — номинативный, а не эргативный, как чукотско-корякские, что проявляется не только в отсутствии эргативного падежа, но и в принципиальных отличиях всей грамматической структуры

Практически полное материальное совпадение личных показателей глагола — самый сильный аргумент традиционной точки зрения — может быть объяснено как результат длительных межъязыковых контактов ительменов с коряками и чукчами. В рассматриваемом нами конкретном случае речь идет о заимствовании не отдельных форм, а целостной парадигмы словоизменения. Она взята целиком, готовая, и место личных показателей в структуре глагольного слова — одно и то же во всех чукотско-камчатских языках; крайняя левая позиция, финитный глагол, всегда начинается одним из этих показателей. Это чрезвычайно важно. Кроме того, видо-временная система ительменского глагола принципиально отличается от чукотско-корякской, и показатели вида и времени занимают в структуре слова разные места: в чукотско-корякских языках — перед корнем, в ительменском — после. На это весьма существенное обстоятельство традиционно не обращалось внимания.

В качестве одного из доводов генетического единства ительменского и чукотско-корякских языков приводятся также совпадения форм падежей. Специальные сопоставительные исследования показали, что эти совпадения носят «контактный» характер, а не являются свидетельством общего происхождения. История формирования чукотско-корякской падежной системы [195; 182] отчетливо свидетельствует, что ительменский язык не принимал участия в этом процессе.

Материально совпадающие падежные формы заимствованы ительмен-

ским языком из уже сложившейся системы, однако при этом ительменский не мог «заимствовать» из чукотско-корякских языков эргативного падежа, ибо это противоречило бы его собственной грамматической системе.

Следовательно, можно предположить, что ительменский язык входит в чукотско-камчатскую группу на ареальных основаниях, но генетической связи с чукотско-корякскими языками у него нет. Сходства в грамматике и лексике являются результатом длительных интенсивных контактов. Эти контакты модифицировали облик именной и глагольной словоформ ительменского языка в такой степени, что, на первый взгляд, сходство их с чукотско-корякскими данными наводит на мысль о генетическом единстве. Однако эти контактные влияния, на наш взгляд, ограничены внешними границами словоформы, они не изменили (и вряд ли могли изменить) принципа устройства слова в ительменском языке. Ительменское слово не может иметь более одной корневой морфемы, тогда как в чукотско-корякских языках основосложение и инкорпорация — важнейший элемент морфологического конструирования. Следовательно, фонетическое своеобразие ительменского языка только подчеркивает его генетическую независимость от чукотско-корякских языков.

Поиски связей ительменского с языками других групп — дело будущего. Например, представляется перспективной попытка установить связи ительменского с американо-индейскими языками. В пользу этого свидетельствует, во-первых, следующее. Степень консонантной насыщенности американо-индейских языков выше, чем в агглютинативных языках Евразии. Многие американо-индейские языки имеют свойственные ительменскому абруптивные (глоттализированные) смычные. Во-вторых, ительменский язык имеет не свойственное чукотско-корякским языкам косвенно-объективное спряжение; в этом спряжении прослеживается нестандартный

показатель множественного числа объекта «-п»: тсунс-кинэн (живу у него) — тсунс-ки-п-нэн (живу у них). Аффикс «-п» («-пэ», «-пи») с тем же значением (множественного числа субъекта или объекта) отмечается в целом ряде американо-индейских языков. Вряд ли подобные совпадения могут быть случайными.

Ф о л ь к л о р. Первые записи фольклорных текстов на ительменском языке были сделаны в XX в. Более ранние источники дают изложения ительменской морфологии и фольклора только на русском языке; важнейшим из них является известная книга С. П. Крашенинникова. Лингвистически полноценные и богатые с фольклористической точки зрения материалы собрал в 1910—1911 гг. В. И. Иохельсон. Впоследствии ительменские фольклорные тексты записывали Е. П. Орлова, Н. К. Старкова, А. П. Володин и др. В этих записях воспроизведены практически все сюжеты, зафиксированные В. И. Иохельсоном, а также отмечено несколько новых, ранее не известных. Русские переводы ительменского фольклора опубликовал Г. А. Меновщиков [119].

Почти все записанные в XX в. фольклорные тексты относятся к жанру сказки (волшебной, бытовой или сказки о животных). Мифологические тексты на ительменском языке, к величайшему сожалению, утрачены. Судя по тем данным, которые оставил С. П. Крашенинников, ительмены имели весьма богатую мифологию. Однако вряд ли можно составить себе представление об ительменской мифологии на основании сохранившегося в современных записях фольклора.

Главным героем сказок, как известно, является Кутх (Ворон), и он же в мифологии выступает как главная фигура, демиург, создатель Камчатки. Но, за исключением Кутха, другие персонажи ительменских сказок не получили такого значения. Сопоставление их дает следующую картину.

Мифология

(по С. П. Крашенинникову)

Кутх (демиург, Ворон) —
Ильхкум/Савина (жена Кутха)

Сымскалин (сын Кутха
и Ильхкум; из его тела была
создана земля)

Тыжил-Кутх — Сидука
(дети Кутха, вступившие в инце-
стуальный брак)

Амлея — Сидукамшичь
(внуки Кутха, также вступившие
в инцестуальный брак; от них
произошли ительмены)

Сказки

(по данным XX в.)

Кутх—Мити (жена Кутха)

Дети Кутха и Мити (двое сыновей
и четверо дочерей, перечисляются
в порядке старшинства):

сыновья Эмэмкут и Котханамтальхан
дочери Синаневт, Аньоракльнавт,
Мророт и Няа

(иногда в качестве младшей дочери
Кутха упоминается Сирим, однако
чаще она фигурирует как сестра Си-
сильхана).

Образ Кутха — мифологического
ворона, создателя мира — просле-
живается, как известно, в духовной
культуре соседних народов. Интересно,
что аналогичный персонаж имеется
в мифологии североамериканских ин-
дейцев — тлинкитов (Иель, Канук)
[118].

К интересному выводу пришел
Г. А. Меновщиков: «Лингвистический
анализ личного имени палеоазиатского
сказочного ворона приводит нас
к ительменскому источнику, где ос-
нова — *кутх* — является производной.
Указанный признак, а также
наибольшая частотность мифов и ска-
зок с именем Кутха именно в итель-
менском фольклоре являются свиде-
тельством того, что древнейшим
центром распространения однотипного
в сюжетном и жанровом отношении
вороньего цикла о Кутхе мог быть
ительменский регион» [119, 21—22].

Таким образом, исследователь счи-
тает, что образ Кутха изначально
принадлежал ительменской мифоло-
гии, тогда как соседние народы заим-
ствовали его у ительменов.

Сопоставление мифологического
Кутха и героя сказок свидетельствует
о раздвоении этого образа. В сказках
Кутх предстает как типичный трик-
стер (трюкач, плут), обманщик,

обжора, лентяй, любитель пожить
за чужой счет; он постоянно попадает
в неблагоприятные ситуации и является
предметом издевательств, которые
иногда кончаются его гибелью. Прев-
ращаться в ворона сказочный Кутх
в общем не умеет — в текстах нет ни-
каких указаний на это, разве что
косвенные [119, № 192]. Раздвоение
образа Кутха «демиург — трикстер»
произошло достаточно давно, в созна-
нии ительменов обе ипостаси сущест-
вовали параллельно. Об этом прямо
заявляет С. П. Крашенинников, кото-
рый, сообщив, что «богом камчадалы
почитают некоего Кутху», ниже при-
бавляет: «Впрочем никого глупее
не представляют, как своего Кутху,
чего ради и не воздают ему никакого
почтения, ничего у него не просят
и ничем так, как именем его, не забав-
ляются, рассказывая про него такие
непристойности, о которых и писать
гнушно» [107, с. 407]. Подобное разд-
воение образа демиурга характерно,
между прочим, и для индейского
фольклора: так, тлинкитский Иель
в своей сказочной (трикстерской) ипо-
стаси тоже не умеет обращаться в
ворона, как и ительменский Кутх
[118].

Сказочная Мити, жена Кутха, не
имеет ничего общего с мифологиче-

ским персонажем. Из сказочных текстов встает образ очень жизненный, образ женщины-ительменки, обремененной большой семьей и бездельником-мужем. Особенно это характерно для текстов, рассказанных В. И. Пономаревой [119, № 166, 169, 177].

Происхождение имени Мити не вполне ясно, так же, как неясно и ее происхождение в мифологии. Имеется несколько вариантов: Мити — дочь сороки (корякский фольклор), дочь белого кита и т. п. В последнем случае возможна связь с сообщением С. П. Крашенинникова о том, что имя морского бога — Митг [107, с. 408]. Не исключено также, что имя Мити связано с корнем *мича* (красивый/-ая) (ср. корякск. *ны-митга-й-к'ин* с тем же значением).

С мифологической Сидукой может быть, по-видимому, соотнесена Синаневт, старшая дочь Кутха. Имя Сидука записано в зоне распространения восточного или южного языков; для них характерно наличие звонких смычных-«б» и «д», которые в западном языке чередуются с «м» и «н» соответственно. Сказочная Синаневт, по текстам, характеризуется как положительный персонаж: она совершает добрые дела, часто бывает жертвой интриг отрицательных персонажей, но обычно выходит с честью из всех испытаний. Даже в единственном сюжете, где Синаневт предстает в невыгодном свете (она вступает в брак с неодушевленными предметами, за что Эмемкут сжигает ее), чувствуется стремление оправдать героиню: текст называется «Как Сипаневт сглазили» [119, № 190]. Имя мифологической дочери Сидуки — Сидукамшичь — расшифровывается как маленькая Сидука. Элемент -чь представляет собой русскую адаптацию деминутивного показателя «-чах'/-чх'», который был общеительменским [54].

Тыжил-Кутх, мифологический сын Кутха, вряд ли может быть соотнесен со сказочным Эмемкутом. В. И. Юхельсоном записан сказочный сюжет, где фигурирует Челькутх [119, № 189]. Эта транслитерация оши-

бочна — точнее было бы передать это имя как Тсал-Кутх, т. е. падающий Кутх (от ител. *тсалкас* (падать) — имя расшифровывается из сюжета). Возможно, этот персонаж имеет связь с мифологическим Тыжил-Кутхом, хотя о последнем из книги С. П. Крашенинникова мало что известно.

Остальные персонажи мифов и сказок не соотносятся друг с другом. Из мифологических фигур необходимо упомянуть две: это Пилячучь (в южных и восточных языках — Билюкай), повелитель животных и первый пастух; второй персонаж — Гаеч (правильнее, видимо, Гайэчх), повелитель подземного царства мертвых.

Как пишет С. П. Крашенинников, ительмены «свет составляют плоско-видным» [107, с. 409], следовательно, модель мира у них была трехслойная: небо — земля — подземное царство. Каждым «этажом» этого мира владел один из представителей ительменского пантеона: небо принадлежало Кутху, на земле был Пилячучь (а кроме него — множество местных божков и духов), под землей господствовал Гаеч. В сказках говорится только о Кутхе. Каких-либо текстов, где фигурировали бы Пилячучь или Гаеч, не сохранилось.

В сказках, рассказываемых в последние десятилетия, Кутх предстает как самый обыкновенный человек, отнюдь не небожитель. Показателен в этом смысле сюжет о его ложной смерти [119, № 168, 169], где он сообщает своей жене Мити о том, что бог будто бы спускался с неба и говорил с ним. Вообще из этой последней версии сюжета видно, что традиционные представления ительменов о загробном мире сменились в процессе их христианизации.

Персонаж ительменских сказок Сисильхан не является членом семьи Кутха. Сисильхан — отрицательный персонаж, соперник и враг Эмемкута, иногда строящий против него свои козни совместно со своей сестрой Сирия. Обращает на себя внимание его имя, которое расшифровывается как

«крылатый человек»; «сиси-» — корень слова *сиси?н* (крылья), «-льх» — маркер активности, «-а» — соединительный гласный, «-н» — показатель единичности. Это указывает на генетическую связь Сисильхана с вороном Кутхом, хотя из имеющихся сказочных текстов никак не следует, что Сисильхан способен обращаться в ворона.

Среди фольклорных текстов XX в. выделяется легенда о Тылвале. Текст зафиксирован в послевоенный период в нескольких вариантах [119, № 159—162]. С мифологией этот сюжет не имеет связей, да и не может иметь, поскольку по жанру это — легенда, т. е. рассказ, в основе которого лежат некоторые реальные лица и факты. Легенда о Тылвале принадлежит седанкинским ительменам. Носители говоров так называемого южного диалекта (ковранцы, сопочновцы, морощечновцы и т. д.) либо не знают этого сюжета, либо отказываются рассказывать на том основании, что он «не наш».

Как и положено легенде, ее сюжет прочно привязан к местности: седанкинцы до сих пор показывают в верховьях р. Тигиль «сопку Тылвала» («Изменную сопку») и другие пункты, упоминаемые в рассказе. События, легшие в основу сюжета, достаточно давние. Из легенды явствует, что герой жил на сопке, которую в зимнее время поливал водой, и это существенно затрудняло доступ к нему. Этот мотив упоминается и в сказках [119, № 189]. Имя героя Тылвал этимологизации не поддается. Не исключено, впрочем, что имеется связь между ним и топонимом Толбачик (русск. адаптация; возможная реконструкция — Тэлвачх') — названием крупного вулкана на тихоокеанском побережье Камчатки, в зоне распространения восточного ительменского языка. Судя по некоторым лингвистическим данным, седанкинские ительмены имели наиболее тесные контакты с ительменами «по ту сторону хребтов», на восточном побережье.

Литературно-художественное творчество

60—80-е гг. стали для ительменского народа временем дальнейшего качественного роста национальной интеллигенции. В эти годы шли становление и развитие художественной литературы ительменов. Видный представитель ее — Георгий Поротов (1929—1985). В этом ряду должны быть названы также Татьяна Гуторова — знаток и собиратель фольклора своего народа, Нелли Суздалова — сказительница и автор оригинальных произведений и др.

Самобытно и оригинально творчество камчадала Г. Поротова. Его питали чистые родники фольклорных истоков, народная мудрость. Крепкая связь с устным поэтическим творчеством позволила писателю создавать произведения, проникнутые любовью к родному краю, его природе, искрящиеся весельем, полные оптимизма и света. Вместе с тем творчество Г. Поротова обогащалось талантом соседнего — корякского — народа, среди которого автор жил и трудился многие годы.

Биография писателя, хорошо знавшего жизнь и быт ительменов, их самобытность, талантливость, как бы отразила и возросший культурный уровень народности.

Г. Поротов был не только замечательным поэтом, своеобразным прозаиком, собирателем фольклора, но и всесторонне одаренной личностью. Он сочинял музыку, владел игрой на балалайке, баяне, мандолине, скрипке. Созданные им песни, как текст, так и музыка, стихи, другие произведения составляли прочную основу репертуара самодеятельных коллективов Камчатки. С ранних лет он приобщился к крестьянскому труду, стал заправским земледельцем, работал наравне со взрослыми: выращивал овощи, ловил рыбу, заготавливал лес, занимался сбором грибов и ягод... Следует согласиться с мнением В. Варно, что Г. Поротов, как поэт и как другие его камчатские собратья

по перу, родился под непосредственным воздействием окружающей природы, красочной и разнообразной, являющейся могучим воспитателем человеческой души и народной поэзии [45, с. 97].

Глубокое слияние с родной природой Г. Поротов выразил впоследствии в таких словах:

Травинки трепет
В моей крови...
В гранитные храмы
Мой путь бесконечный.
Горные цепи,
Цепи мои,
Прикован я вами
К Камчатке навечно!

Г. Поротов посвятил себя культурному просвещению коренных народов полуострова. Он был директором Корякского окружного Дома народного творчества в Палане, заведовал районным отделом культуры в с. Мильково, работал в областном Доме народного творчества. В эти годы Г. Поротов много ездил по тундре, бывал на рыбацких станах, в оленеводческих бригадах, записывал легенды, мелодии полузабытых народных песен, запоминал движения праздничных и ритуальных танцев.

Практическая цель поездок по ительменским и корякским селам — сбор оригинального репертуара для художественной самодеятельности — формировала Г. Поротова как самобытного народного поэта. Записывая на магнитофон исполнителей ительменских и корякских песен и сказок, вбирал в себя звонкие мелодии и упругую ритмику устного поэтического творчества. Фольклор — неиссякаемый источник оригинальных поэтических произведений, полных искрометного веселья, озорства, лукавства.

Из песен, сказаний и легенд, сохранных в народной памяти, сложился стихотворный цикл о бедняке Ое. Этот герой Г. Поротова показан простоватым и незадачливым. Порой он попадает в смешные положения. Но Ое — добрый человек, готов поделиться последним куском с голодным соседом; он находчивый, лучше всех пляшет на праздниках,

и, конечно же, его любят труженики-бедняки. Ое стал главным героем первой поэтической книжки Г. Поротова. Имя бедняка вынесено в ее название [157].

На основе фольклорных записей были подготовлены и выпущены Камчатским отделением Дальиздата в 1969—1970 гг. сборники «Корел», «В стране Кутхи», «Песни Алнея», «Дарю тебе песню» (последние три — в соавторстве с В. Косыгиным (Коянто)) [154; 158; 160; 159]. Они готовились как репертуарные сборники для художественной самодеятельности, поэтому публиковались с нотами, что привлекло к ним особое внимание. Своеобразие формы вышедших изданий проявилось и в том, что записи сказок и песен, опубликованных в «Песнях Алнея», «В стране Кутхи» и «Дарю тебе песню», представлены с путевыми заметками авторов, их размышлениями, рассказами о встречах с жителями тундры, записями бесед. Авторы как бы вели доверительный разговор с читателем, приглашая его познакомиться с родниками народного творчества.

Глубокое знание жизни и фольклора ительменов давало Г. Поротову возможность создавать запоминающиеся произведения. Об этом хорошо сказал известный нивхский писатель В. Санги: «Ительменов сегодня многим более тысячи человек, но талантливые сказители, народные певцы пронесли сквозь века мудрость мужественного народа, его жизнестойкий ум, яркие песни и танцы, сумеречные сказания. И нужен был человек, который бы собрал эти волшебные сокровища, от имени древних сказителей и певцов подарил их внукам и правнукам. И такой человек нашелся» [97, с. 60].

Собранные и поэтически обработанные Г. Поротовым песни, легенды, сказания ительменского и корякского народов стали основой его сборников «Акиках, Ачичух, Абабах» и «Песни страны Уйкоаль». В них — лучшее, что присуще Г. Поротову как поэту. Они позволяют судить о широте его творческого диапазона.

Героями одного из сказаний, вошедших в первый сборник, явились персонажи корякского фольклора: Акиках — сын солнца, Ачичух — сын дождя, Абабах — сын холода.

Эскизы к исторической поэме «Федька Дранка» и полный текст ее заняли значительное место в названных сборниках. Федька Дранка — истинно русский характер. В этом образе автор воплотил доброту, удаль, отзывчивость русского народа. Бедняк Федька Дранка — благородный и мужественный человек, он не позволил опозорить Любушку-зазнобушку, потому и оказался вдали от родины, на Камчатке. Он тоскует, вспоминает прошлое:

... Жизнь моя пошла не сладко,
Много горя испытал,
С Шестаковым был в Камчатке,
Но от деспота бежал.
Близ Якутска задержали,
За побег изведал кнут,
С той поры, как отодрали,
Федькой Дранкою зовут

[152, с. 22].

В поэме «Федька Дранка» Г. Поротов рассказывает о зародившейся еще в XVIII в. дружбе коренных народов Камчатки — ительменов и коряков — с русскими, о счастье и горе народном, о любви и женской верности.

Видное место в сборнике «Песни страны Уйкоаль» заняла ранее опубликованная поэма «Ое». Грустные и забавные приключения неудачливого в прошлом бедняка Ое, умного и веселого парня из народа, его новая жизнь, принесенная народам Камчатки Великим Октябрем, стали откровением для широких читательских кругов.

С наименьшим удовлетворением была встречена читателями помещенная в сборнике поэма «Эльвель» и песни, созданные Г. Поротовым по фольклорным мотивам. Поэма «Эльвель» написана по мотивам древней ительменской легенды, в основу которой положена любовь двух братьев к прекрасной Эльвель. Поэма, как и легенда, несет в себе романтическое начало. Она построена по

незыблемым законам устной народной поэзии, развивается и завершается по их канве: между влюбленными братьями возникает неприязнь; чтобы предотвратить братоубийство, миротворец Кутха (здесь — шаман. — *Ред.*) превращает братьев в реки, а красавицу Эльвель, ставшую причиной раздора, — в «юную гору».

В поэтическом творчестве Г. Поротова отчетливо слышны и реалистические мотивы окружающей действительности. В традиционной манере, свойственной многим советским поэтам, написаны такие стихотворения, как «Оленята», «Оратай», «Рыбный пирог», «Вулкан» и др.

На оленях быстроногих
Я весною без дороги
По просторам тундры мчусь.
У речного переката,
Там, где скачут оленята,
На лету остановлюсь.
Погляжу и залюбуюсь...
Край широкий, отроду милый,
От восхода до заката
Здесь играют оленята,
Набирая в беге силы...

[26, с. 440].

В том же ключе написано стихотворение «Оратай»:

Забросив старый дом свой напрочь,
С бунтарским словом «не замай!»
Тайгой крестьянский сын Потапыч
Пробился с Лены в этот край.
Сам-друг оратай здесь, в долине,
Тяжелой дедовской сохой
Поднял Камчатскую твердыню
И трудный хлеб посеял свой.
Я сердцем эту быль приемлю.
Как наша память о былом:
Воткнув соху в тугую землю,
Он бронзовеет над селом!

[96, с. 42].

Вторая половина 70-х гг. явилась для Г. Поротова новым этапом творческой зрелости. Писатель обратился к прозе, к исследованию социальных перемен в жизни родного села Мильково. Свой замысел он воплотил в повествовании «На олице Руси» (1979). В художественной форме автор рассказал об организации комсомольской ячейки в селе, создании колхоза, ликвидации остатков банд, скрывавшихся в лесах.

По словам критика, писатель исследует «преломления новой народной власти в психологии, быте этих трудолюбивых хлебопашцев, удачливых охотников, жизнелюбивых, тонко любящих природу людей, талантливых певцов, сказителей. В этих книгах заговорили и родители Поротова: охотник-рыбак — отец, крестьянка — мать, известные и безызвестные земляки» [там же, с. 64].

Работая в жанре повествования, Г. Поротов не оставлял в эти годы занятий стихотворным творчеством. Результатом его стала поэтическая книжка «Камчатский мотив» (1984).

Поэтические, прозаические и музыкальные произведения Г. Поротова прочно вошли в репертуар художественной самодеятельности и профессиональных творческих коллективов Камчатки.

В 70—80-е гг. ительменская литература обогатилась рядом интересных авторов, творчество которых связано прежде всего с бесценным народным богатством — фольклором.

Ительменский фольклор вдохновил творчески одаренных людей на создание заметных художественных произведений. Одно из них — сценарий спектакля «Эльвель», который написала ительменка Татьяна Гуторова, старейшая жительница с. Ковран. Т. Гуторова — знаток и собиратель фольклора своего народа, автор и постановщик сказаний и легенд (ительменских и корякских) на самодеятельной сцене.

На основе ительменского фольклора были созданы и опубликованы произведения Нелли Суздаловой. Читатели хорошо приняли ее короткие новеллы из северной жизни «Поединок в лесу», «Нонгаач», «Сузвай», ею же записанную ительменскую легенду «Братья и Ухт» и другие произведения, помещенные в сборнике «Камчатка». Н. Суздалова написала ряд других произведений, основой которых послужил ительменский фольклор.

Неоценимое значение в развитии литературно-художественного процесса ительменов, как и других наро-

дов Севера, имеет, на первый взгляд незаметная, деятельность народных сказителей, сохранивших в своей памяти прекрасные образцы устного поэтического творчества. Немало ительменских сказок, легенд, песен записали исследователи в послевоенные годы от Н. М. Медведицина, В. И. Пономаревой, К. А. Притчиной, Н. Г. Федотова и других.

Собирание и использование произведений устного поэтического творчества ительменов представляют на современном этапе значительную научную проблему и несомненный практический интерес. Эта деятельность оказывает благотворное влияние на самобытное творчество писателей-северян, придает ему яркую индивидуальность, служит источником познания глубинных процессов жизни, народной мудрости.

Литературно-художественное творчество ительменов сделало первые, но уверенные шаги. Родились оригинальные стихи, песни, рассказы о прошлом и настоящем трудолюбивого ительменского народа и других народов Камчатки.

Народное образование и подготовка кадров

Важнейшая отличительная черта ленинской национальной политики в сфере культурного строительства — его неразрывная связь с решением политических и экономических задач. Своим острием она всегда была направлена на ликвидацию фактического неравенства народов нашей страны.

На начальном этапе культурной революции самой первоочередной задачей была ликвидация массовой безграмотности трудящихся. Для народов Севера она была особенно актуальна. Дорогу к социалистическому переустройству жизни, к национальному возрождению им могла открыть только грамотность. «Безграмотный человек стоит вне политики, — писал В. И. Ленин, — его

сначала надо научить азбуке» [9, с. 174].

В сравнении с другими народами Севера у ительменов уровень грамотности к началу социалистических преобразований был выше. Оседлый образ жизни, двуязычие, культурное влияние русского населения Камчатки, деятельность церковно-приходских школ, многие из которых работали в районах расселения ительменов [172, с. 125], способствовали распространению у них зачатков грамотности уже в дореволюционный период. Развитие народного образования происходило у них в более благоприятных условиях и не встречало такого сопротивления, как у чукчей или коряков. Демократизация культурной жизни, охватившая страну после Октябрьской революции, в полной мере проявилась и на этой далекой окраине.

Местное население приветствовало первые мероприятия Советской власти, направленные на революционное обновление старой системы народного образования: отделение школы от церкви, перевод содержания школ на государственный бюджет, отмену платы за обучение, введение нового правописания и др. Уже в мае 1918 г. объявили себя советскими бывшие церковно-приходские школы в ительменских селах Морошечное, Седанка, Ковран. Народное движение по преобразованию действующих церковно-приходских и миссионерских школ в советские широко развернулось во многих других селах Камчатки [там же, с. 158].

Иностранная военная интервенция и гражданская война на Дальнем Востоке надолго прервали создание новой школьной системы. Тем с большим энтузиазмом взялись за школьное строительство в ительменских селах после освобождения Камчатки от белогвардейщины. Школа олицетворяла собой начало великих перемен в жизни народа, с ней интуитивно связывались народные устремления к лучшей доле, справедливости. Не было, пожалуй, ни одного сельского схода, волостного или районного

съезда, где бы ни поднимался вопрос об открытии школы. В отчете Хайрюзовского волревкома о политическом состоянии волости в 1924 г. подчеркивалось: «...рыбный и школьный вопросы — самые интересные для населения» [239, л. 34].

Раньше других восстановили работу школ ительмены Седанки и Хайрюзова — занятия в них начались в 1923 г. Под школу отводили обычно самое лучшее здание. В решении сельского схода ительменов Напаны читаем, например: «Сознавая необходимость грамоты и идя ей навстречу, единодушно решили открыть в селе школу. Помещением для школы отводится часовня» [319, л. 12].

Церкви, часовни были далеко не в каждом ительменском селе, и тогда жители самостоятельно, «по общественному приговору», принимались за строительство и оборудование школьных зданий. Первая такая школа была построена в Ковране в 1924 г. На вопрос представителя Камчатского губревкома о числе детей школьного возраста ковранцы ответили: «Десять, но, кроме того, мы все хотим учиться грамоте, для того чтобы могли прочитать газету или книгу» [111, с. 73].

Несмотря на огромное желание учить детей грамоте, становление системы народного образования у ительменов встретило большие организационные трудности. Не хватало учебников, тетрадей, письменных принадлежностей. Большой редкостью была школьная доска. И все же главным препятствием являлось отсутствие учителей. По этой причине не работали многие школы. В Ковранской, например, систематические занятия в школе начались лишь 7 лет спустя после ее постройки. Несколько лет бездействовала школа в Утхолоке. Тигильский райисполком в первую очередь посылал учителей в крупные села, в остальных занятия проводились нерегулярно. Нередко возникала своеобразная очередь на учителей. Поработав два—три года в одном селе, он переезжал в другое. В 1928 г. в районе постоянно работало лишь

три ительменские школы, где обучалось 90 детей [113, с. 68].

Партийные и советские органы Дальневосточного края прилагали большие усилия для подготовки учителей из числа коренного населения.

В 1926 г. при Хабаровском педагогическом техникуме было открыто отделение народов Севера. В 1929 г. его преобразовали в самостоятельный техникум. К этому времени в нем обучалось 5 ительменов. Они учились также в Ленинграде на Северном факультете Восточного института. Для подготовки учителей начальных школ в Тигиле в 1930 г. открылись краткосрочные курсы [43, с. 78].

В 1931 г. впервые удалось полностью укомплектовать школы района преподавателями. В Седанку был направлен учитель Е. П. Елисеев, в Ковран — И. И. Уксусников, в Утхолок — А. П. Юшин, в Хайрюзово — Г. И. Шлык и В. А. Рыбина, в Морошечное — В. К. Немич, в Сопочное — А. С. Дубровин [257, л. 12].

Учебный процесс в школах был тесно связан с хозяйственной жизнью населения. Занятия начинались в конце сентября—начале октября, завершались в середине июня. Важную роль в жизни школы играли школьные советы (родительские комитеты). Особое внимание уделяли они трудовой подготовке школьников. Школы имели собственные огороды, участвовали в хозяйственной деятельности кооперативов и колхозов, которые, в свою очередь, приобретали для школ необходимое оборудование, наглядные пособия, обеспечивали остро нуждающихся школьников одеждой и обувью. В некоторых селах при школах работали колхозные столовые.

Со второй половины 20-х гг. в ительменских школах стали возникать пионерские и комсомольские организации, активно включавшиеся в борьбу за социалистическое переустройство жизни. Комсомольцы и пионеры вели культурно-воспитательную работу среди населения: устраивали громкие читки газет и политических брошюр, готовили праздничные вечера, концер-

ты художественной самодеятельности, проводили санитарные рейды.

Важной составной частью работы школ была ликвидация неграмотности взрослого населения. К концу 20-х гг. в этом деле сложилась уже довольно стройная система. Главным ее звеном стали курсы ликбеза, которые создавались, как правило, при действующих школах. В наиболее крупных селах имелись опорные пункты. Кроме непосредственной работы с неграмотными, здесь готовили преподавателей ликбезов, а также культармейцев, проводивших обучение в тех селах, где создать ликбезы сразу не представлялось возможным.

Высшим звеном в системе ликвидации неграмотности были школы малограмотных (школы взрослых). В них обучались те, кто уже прошел курсы ликбеза и умел читать и писать. Программа обучения в таких школах была весьма насыщенной — до 18 часов в неделю. Занятия проводились по вечерам. Кроме общеобразовательной подготовки, в школах велась культурно-просветительная и политическая работа. Первая школа взрослых возникла у ительменов Седанки в 1924 г., в ней обучалось тогда 9 человек. Позднее такие школы появились в других селах [256, л. 31]. В них начинали свой путь к образованию многие ительмены, ставшие позднее советскими и партийными работниками, хозяйственными руководителями Корякского национального округа.

Ликвидация неграмотности среди ительменов проходила в целом успешно. В 1928 г. ликбезы действовали в большинстве ительменских школ, в том числе в Сопочном, Морошечном, Хайрюзове и др. В Утхолоке и Напане работали «острожки грамотности» [113, с. 65].

Партийные ячейки, сельские Советы, волостные и районный исполкомы регулярно заслушивали отчеты школ, ликвидаторов и культармейцев, оказывали необходимую помощь. С 1926 г. все мероприятия по ликвидации неграмотности стали финансироваться из государственного бюджета.

Первоначально грамоте обучались только мужчины. По мере осознания необходимости знаний начали учиться и женщины. Важную роль в развитии этого движения сыграла деятельность Всероссийского общества «Долой неграмотность!» (ОДН), первичные организации которого стали создаваться в Тигильском районе в 1926 г. Совместно с комсомолом, другими общественными организациями они проводили различные агитационно-массовые мероприятия. Популярными, в частности, стали в ительменских селах вечера грамотности. На них в торжественной обстановке вручались удостоверения об окончании ликбеза. Для многих ительменов они были первыми официальными документами в их жизни. Участники художественной самодеятельности готовили сатирические инсценировки, высмеивающие невежество. В стенной печати помещались «красные» списки тех, кто успешно закончил курс обучения. Занятия в школах грамотности, на курсах ликбеза поощрялись материально. Кооперативы предоставляли слушателям льготные ссуды, оказывали содействие в приобретении орудий промысла, оружия и боеприпасов.

С начала 30-х гг. широкий размах приобрело социалистическое соревнование культармейцев и ликвидаторов неграмотности. Действенной формой стали месячники и культпоходы, в ходе которых велась перепись неграмотных, создавались новые ликбезы. В 30-е гг. курсы ликбеза в Тигильском районе закончили более 1500 человек [246, л. 33—34; 247, л. 105].

К началу 40-х гг. в развитии народного образования у ительменов были достигнуты значительные успехи. Во всех ительменских селах работали начальные школы, а в Тигиле, Палане и Хайрюзове — неполные средние. В начальных школах с 1936 г. был введен четырехлетний срок обучения. В 1939/40 учебном году обучением было охвачено 98 % ительменов школьного возраста. К этому времени улучшилась материально-техническая база школ — они обеспечивались

учебниками, наглядными пособиями. В Седанке, Белоголовом и Хайрюзове при школах построили интернаты. Бюджет народного образования Тигильского района увеличился в сравнении с 1928 г. почти в 30 раз и составил в 1939 г. 1385 тыс. руб. [235, л. 25].

Важные сдвиги произошли в деле подготовки национальных кадров. В 1939 г. состоялся первый выпуск учителей в Тигильском педучилище, открытом в 1935 г. После учебы в Ленинграде в район вернулись М. А. Заев, М. Н. Медведицин, Ф. Е. Притчин, И. С. Черных и другие ительмены. Всего в школах района в 1940 г. работало 66 учителей, в том числе 13 ительменов [323, л. 19].

Повысилась грамотность взрослого населения. В 1940 г. в районе работало 25 пунктов ликбеза со штатными преподавателями. Появились первые села сплошной грамотности — Седанка, Кахтана, Воямполка и др. За успехи в борьбе с неграмотностью Тигильский район несколько лет подряд удерживал переходящее Красное Знамя областного исполкома. Подводя итоги этой работы, Корякский окрисполком в апреле 1941 г. констатировал, что в районе сложились все условия для полной ликвидации неграмотности уже летом текущего года [293, л. 75].

Успешному развертыванию борьбы за всеобщую ликвидацию неграмотности в 30-е гг. в немалой степени способствовала разработка ительменской письменности. Под руководством Е. П. Орловой в Дальневосточном техникуме народов Севера к 1932 г. на основе латинской графики был разработан ительменский букварь. Активное участие в его создании принял студент техникума ительмен Г. Слободчиков [144, с. 42]. Позднее на ительменском языке была создана книга для чтения.

В начале 30-х гг. весь учебный процесс в 1—2-х классах школы осуществлялся на ительменском языке, с 3-го класса обучение велось на русском, а родной — ительменский — изучался как предмет. В 1935 г. обучение на ительменском языке велось в шести школах района.

В 1936 г. в связи с переводом письменности народов Севера на русскую графическую основу преподавание в ительменских школах на родном языке было прекращено. Такое решение являлось, безусловно, ошибочным. Комитет нового алфавита исходил из ложного представления об ительменах, как о камчадалах [304, л. 23].

Отказ от преподавания родного языка способствовал постепенному сокращению его социальных функций. Ительменская письменность не была переведена на русскую графику, прекратилось издание учебников и литературы, неоправданно ускорился переход населения к русскоязычию. С серьезными трудностями столкнулся учебно-воспитательный процесс в ительменских школах, снизилась успеваемость учащихся, осложнился процесс ликвидации неграмотности взрослых.

Отмечая эти негативные явления, Корякский окрисполком счел необходимым восстановить в 1941/42 учебном году преподавание на ительменском языке в Амининской, Ковранской, Седанкинской, Сопочновской и Утхолокской начальных, а также в Хайрюзовской неполной средней школах. Ставилась задача ускорить подготовку в Тигильском педучилище преподавателей родных языков, в том числе и ительменского, однако выполнению этого решения помешала начавшаяся война [293, л. 128].

Трудности военного времени осложнили процесс школьного строительства. Уменьшились ассигнования на нужды народного образования. 27 декабря 1941 г. окрисполком принял специальное решение о сокращении комплектности в школах округа и объединении школ с малочисленным контингентом учащихся. С 1 января 1942 г. в Тигильском районе должно было сократиться 4 школы [43, с. 102]. Прекращалось и финансирование работы ликбезов. Вновь возникли трудности с кадрами учителей, поскольку многие из них были призваны в армию.

Все это сильно сдерживало, но не остановило развития народного обра-

зования. За счет строжайшей экономии средств, привлечения к работе в школе на общественных началах специалистов других отраслей народного хозяйства в ительменских селах удалось полностью сохранить существующую школьную сеть. Продолжало готовить кадры Тигильское педучилище. За годы Великой Отечественной войны его закончило 55 человек, в том числе 11 ительменов. Не прекращалась ликвидация неграмотности взрослого населения. Особое внимание при этом уделялось молодежи призывных возрастов и допризывникам. Основная тяжесть этой работы вновь легла на плечи культурмейцев-общественников. К 1 января 1943 г. в Тигильском районе оставалось всего 300 неграмотных — главным образом оленеводов-кочевников. У ительменов трудоспособного возраста ликвидация неграмотности была полностью завершена к концу Великой Отечественной войны [253, л. 193].

Для организации нормальной работы школ много делали сами учащиеся. Широкое распространение среди школьников получило движение за создание фонда всеобуча. Ребята работали в колхозах, заготавливали грибы, ягоды, добывали рыбу и пушного зверя. Заработанные деньги использовались для ремонта школьных зданий, изготовления наглядных пособий, мебели. Часть средств перечислялась в фонд обороны.

Во многом изменился и сам учебно-воспитательный процесс. Большое внимание стало уделяться патриотическому воспитанию, военно-физической подготовке. В школах была введена пятибалльная оценка знаний и поведения учащихся. Утвержденные в конце войны единые правила для школьников повысили дисциплину. В каждой школе действовали отряды тимуровцев. Кроме изучения общеобразовательных предметов, в школах ввели производственное обучение. В период каникул учащиеся направлялись для работы в колхозы, на рыбопромышленные предприятия [188, с. 68].

В послевоенные годы перед народным образованием страны встали

новые, более сложные задачи. Принятый Верховным Советом СССР в марте 1946 г. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР предусматривал в первой послевоенной пятилетке переход ко всеобщему семилетнему образованию. Однако на пути решения этой задачи в районах Севера стояли большие трудности.

В школах Тигильского района с 1940 г. не обновлялся фонд учебников и литературы, необычайным дефицитом стали тетради, обветшали и пришли в негодность школьные здания. К началу 1948/49 учебного года в районе имелось лишь три семилетних и одна средняя школы. В 5—7-х классах обучалось всего 10 % учащихся коренных национальностей, в 8—10-х классах — менее 1 % [298, л. 69, 133]. Снижение квалификационного уровня преподавателей в военные годы сказалось на успеваемости учащихся. Велик был процент второгодничества и осенних переекзаменовок. Требовалась коренная реорганизация школьной сети, всего учебно-воспитательного процесса.

В эти трудные для страны годы северной школе была оказана большая помощь. Увеличивались средства и лимиты на фондируемые материалы для капитального ремонта школьных помещений, более чем наполовину увеличивались ассигнования на приобретение литературы, учебного оборудования, мебели. Расширилось штатное расписание одноклассных школ независимо от числа учащихся. В целом бюджет народного образования в Тигильском районе вырос к довоенному уровню почти в 3 раза и составил в 1950 г. 3803 тыс. руб. [273, л. 61].

Большие усилия прилагались для решения проблемы педагогических кадров. Увеличивался набор учащихся из народностей Севера в национальных педучилищах Дальнего Востока, на Северном и Подготовительном отделениях Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. Подготовительные отделения для северян открылись в Хабаровском пединституте и

Петропавловско-Камчатском педагогическом училище.

Много внимания уделялось повышению квалификации работающих учителей. В 1946—1949 гг. на курсах при Тигильском педучилище прошли переподготовку все педагоги начальных классов национальных школ. Многие учителя, не имеющие специального образования, учились заочно. С 1949 г. Министерством просвещения РСФСР стал издаваться ежегодный сборник методических материалов «В помощь учителю школ Крайнего Севера».

Успешному решению кадровой проблемы во многом способствовало улучшение материально-бытовых условий учительства. За счет введения районных коэффициентов, северных надбавок в полтора—два раза выросла зарплата учителей, они стали пользоваться бесплатными коммунальными услугами [172, с. 318].

Кроме общих учебно-педагогических задач в ительменских школах пришлось решать в эти годы немало специфических вопросов. Несмотря на широкое распространение среди ительменов русского языка, знание его детьми к моменту поступления в школу оставалось в целом невысоким. Низкой была успеваемость по этому предмету. Все это сильно осложняло обучение в 5—7-х классах.

Решению этой проблемы в известной степени способствовал переход в 1946 г. начальной школы народов Севера на пятилетний срок обучения.

Повсеместно вводился нулевой (подготовительный) класс. Утвержденный тогда же новый учебный план предусматривал увеличение учебного времени на изучение русского языка в начальной школе до 36 часов в неделю. Усиливалось внимание к изучению русского языка в детских дошкольных учреждениях.

В 1950 г. Министерство просвещения РСФСР еще раз увеличило учебное время на изучение русского языка в начальной школе — до 47 часов в неделю. В соответствии с новым учебным планом были переработаны

учебные программы, подготовлены и изданы новые учебники.

Совершенствование учебно-воспитательного процесса, укрепление материально-технической базы школы и педагогических кадров создали необходимые условия для перехода ко всеобщему семилетнему образованию. В Тигильском районе оно стало осуществляться с 1949 г. К середине 50-х гг. абсолютное большинство ительменов-выпускников начальной школы продолжали образование в 5-х классах. Около 80 % поступивших в 5-й класс получали свидетельства о семилетнем образовании [282, л. 60].

Вторая половина 50-х гг. — время дальнейшего совершенствования системы народного образования в СССР. Основные направления ее перестройки были сформулированы XX съездом КПСС. Применительно к северным районам решения съезда конкретизировались в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» [14, с. 257—263]. Оно предусматривало завершение ликвидации неграмотности коренного населения, рационализацию школьной сети, в том числе создание нового типа общеобразовательной школы — школы-интерната, осуществление политехнизации северной школы исходя из потребностей местного хозяйства.

Выполнение постановления в Тигильском районе совпало с периодом укрупнения коллективных хозяйств. В результате численность школ у ительменов сократилась. В связи с ликвидацией поселков закрылись начальные школы в Утхолоке, Сопочном, Напане, Морошечном. В Ковране, куда переселилась большая часть ительменов, открылась семилетняя школа. Началось строительство новых и расширение действующих интернатов. К 1961 г. школы-интернаты или интернаты при школах имелись уже во всех селах района. Активное участие в школьном строительстве приняли ительменские колхозы «Красный Октябрь» и «Ленинский путь» [232, л. 62].

В начале 60-х гг. в соответствии с Законом «Об укреплении связи с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования РСФСР» (1958 г.) все семилетние школы района были преобразованы в восьмилетние, средние — перешли на одиннадцатилетний срок обучения с производственным уклоном, занятия в 1—5-х классах стали вестись по новым учебным планам. Началось осуществление всеобщего восьмилетнего обучения.

В 1964/65 учебном году в двух средних, трех восьмилетних и пяти начальных школах Тигильского района училось 846 школьников коренных национальностей — в полтора раза больше, чем в 1956/57 учебном году. Численность учащихся в 5—8-х классах выросла при этом более чем в 2 раза, в 9—11-х — в 8 раз. Все школьники из числа народностей Севера находились на полном государственном обеспечении, почти 67 % — в интернатах [241, л. 34].

В целом по Корякскому округу в 1968 г. в общеобразовательных школах училось 269 ительменов — практически все дети школьного возраста. К этому времени среди ительменов удалось почти полностью ликвидировать отсев школьников из 5—8-х классов, восьмилетнюю школу своевременно заканчивало более 95 % учащихся против 83 % по всем народностям Севера. Активизировалась работа с молодежью, которая в свое время не сумела получить неполное среднее образование. В Ковране, Усть-Хайрюзове, Палане и Тигиле работали вечерние школы. В 1964/65 учебном году в них обучалось 247 человек, в том числе 42 ительмена [243, л. 4].

Рост общеобразовательного уровня народностей Севера значительно расширил возможности подготовки национальных кадров, в том числе высшей квалификации. В 1958 г. открылся Камчатский педагогический институт, который быстро стал ведущим в подготовке учителей для национальных школ Корякского округа. В 1970 г. в Тигильском районе работало уже 43 учителя коренных

национальностей, в том числе 25 ительменов, 8 из них имели высшее образование [268, л. 100].

Шире стал перечень специальностей, по которым осуществлялась подготовка специалистов из числа народностей Севера. В 1963 г. они впервые были направлены на учебу в Дальневосточный университет, Благовещенский сельхозинститут, Хабаровский политехнический и другие вузы.

На качественно новую ступень поднялась подготовка специалистов рабочих профессий. В 1963 г. Паланская сельскохозяйственная школа была преобразована в профессионально-техническое училище. За первые пять лет его работы в нем было подготовлено более 250 квалифицированных рабочих, в том числе более 50 ительменов [244, л. 58].

Успехи, достигнутые в развитии народного образования в 60-е гг., поставили на повестку дня вопрос о переходе к среднему всеобучу. В Тигильском районе он был осуществлен в основном уже в годы IX пятилетки: в 1975 г. всеми формами среднего образования здесь было охвачено 96 % учащихся коренных национальностей. В Ковранском и Хайрюзовском сельских Советах добились стопроцентного охвата.

Большую работу в этом направлении вели в ительменских селах общественные организации. По инициативе депутатов в Ковране и Хайрюзове были созданы Советы содействия всеобучу, вечернему и заочному образованию молодежи. За семьями, где по условиям воспитания дети могли прекратить учебу в 9—10-х классах, был установлен общественный контроль. Вопросы всеобуча регулярно обсуждались на сессиях и исполкомах сельских Советов.

В результате пристального внимания к работе школы в Ковране и Хайрюзове удалось практически полностью ликвидировать отсеивание школьников в 5—8-х классах и значительно сократить его в 9—10-х.

К концу 70-х гг. в образовательном уровне ительменов произошли глубокие изменения. В 1979 г. в Корякском

округе в расчете на 1000 человек общее среднее образование имело 154 ительмена — в 2.7 раза больше, чем в 1970 г. Примерно такой образовательный уровень зафиксировала Всесоюзная перепись 1979 г. в Смоленской, Новгородской, Тамбовской, Костромской и некоторых других областях центральной России [202, с. 43]. Сократился разрыв в образовательном уровне ительменов и приезжего населения Корякского округа.

В первой половине 80-х гг. выравнивание образовательного уровня ительменов продолжалось еще более высокими темпами. Среднегодовой прирост лиц с общим средним образованием составил у них в XI пятилетке 34 %. По данным текущего учета населения, в 1985 г. в обследованном массиве ительменов (740 человек) на 1000 человек в указанном возрасте приходилось 325 лиц с общим средним образованием, в том числе в Ковране — 290, в Тигиле — 344, в Усть-Хайрюзове — 412 и т. п.

Изменения в уровне образования особенно заметны у лиц разных поколений. Так, например, в Тигильском сельском Совете среди тех, кто родился в 1943—1952 гг. и должен был заканчивать среднюю школу в 60-е гг., в 1985 г. высшее и среднее образование имело 59 % ительменов; среди родившихся в 1953—1962 гг. (заканчивали школы в 70-е гг.) — 81 %; среди юношей и девушек 1963—1968 гг. рождения среднее образование имели или продолжали учиться в средних учебных заведениях 86 %.

Переход ко всеобщему среднему образованию потребовал значительного укрепления учебно-материальной базы общеобразовательной школы, совершенствования учебных программ, решения многих других вопросов школьной подготовки. В Тигиле и Палане были построены новые здания средних школ и интернатов. Усть-Хайрюзовская 8-летняя школа стала средней. Профессионально-технические училища, в том числе Паланское СПТУ, перешли на подготовку специалистов со средним образованием. Расширились возможности профессио-

нальной ориентации в школах — в отдельных из них появились кабинеты труда, школьные мастерские пополнились новыми станками и оборудованием. Завершился переход на новые учебные программы во 2—4-х и в большинстве старших классов.

Следует, однако, сказать, что укрепление материально-технической базы коснулось в эти годы главным образом средних школ. Восьмилетние и начальные работали в гораздо худших условиях. Особую тревогу вызывало состояние школьных зданий. В 1983 г., например, по этой причине вынуждены были расформировать Хайрюзовскую восьмилетнюю школу, оставив в селе лишь начальные классы.

В крупную национальную проблему превратилась сложившаяся у народностей Севера система подготовки к жизни подрастающего поколения. С конца 50-х годов основу ее стали составлять школы-интернаты. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 300 от 16 марта 1957 г. предусматривало, что все дети народностей Севера, независимо от места проживания родителей, должны содержаться в интернатах на полном государственном обеспечении, хотя уже тогда далеко не все народности Севера и не все национальные семьи нуждались в этом. У ительменов, например, гораздо более эффективным было бы создание при школах групп продленного дня. Подобные альтернативные варианты, кстати, широко обсуждались педагогической общественностью Севера в конце 50-х—начале 60-х гг. [172, с. 329—332].

К сожалению, разумные предложения о дифференциации форм обучения и воспитания школьников у народностей Севера не получили тогда поддержки. Школа-интернат стала всеобъемлющей формой социализации подрастающего поколения северян. Сыграв на первых порах безусловно положительную роль, она вскоре стала обнаруживать и негативные последствия.

Условия жизни в интернатах на всем готовом порождали потребитель-

ское отношение молодежи к обществу, неприспособленность к различным жизненным коллизиям, отрицательно влияли на формирование творческого потенциала личности.

От обязанности воспитания детей устранились родители, снижалась их социальная ответственность за судьбу ребенка, слабела преемственность поколений, а следовательно, и передача национальных ценностей, культуры, языка, трудового и социального опыта. Попытки отдельных родителей забрать детей из интерната наткнулись на жесткие параграфы правил и инструкций.

Эти и другие серьезные недостатки и упущения, накопившиеся в деятельности школы, широко обсуждались в стране в начале 80-х гг. В апреле 1984 г. Пленум ЦК КПСС одобрил, а Верховный Совет СССР утвердил «Основные направления реформы общеобразовательной и профессиональной школы».

Сделаны первые шаги в реализации положений реформы. Каждой школе определены базовые предприятия. Их силами в школах открыты профориентационные классы, занятия в которых ведут опытные специалисты-производственники. Подготовка школьников к труду идет также на базе учебных мастерских, предметных и технических кружков. В старших классах введены новые предметы: «Основы производства и выбор профессии», «Основы информатики и вычислительной техники», «Этика и психология семейной жизни». Увеличено учебное время на трудовое обучение, общественно-полезный труд учащихся.

Повысилась ответственность педагогических коллективов за содержание и эффективность работы школы. Постепенно исчезает мелочная регламентация работы учителей, меньше стало формализма, изживается процентомания и либерализм в оценке знаний школьников. Отменена отчетность школ по успеваемости, состоялись первые переводные экзамены в 3—5-х классах.

Заметные изменения происходят в

работе интернатов. Дети, чьи родители или родственники живут в селе, где расположен интернат, получили возможность бывать дома не только по выходным, но и в рабочие дни. Растет число семей вообще отказывающихся от обучения ребенка в интернате. Для этого теперь в большинстве случаев достаточно лишь заявления родителей в сельский Совет.

Практическая реализация положений реформы встречает в районе большие трудности. Формально относятся к своим обязанностям базовые предприятия. Многие из них вообще не в состоянии выполнять возложенные на них функции, так как не имеют соответствующей базы. Немало учителей, не владея методикой обучения, способной обеспечить высокое качество знаний учащихся, продолжают идти по пути завышения оценок либо ограничиваются механическим выставлением двоек. Не случайно за три года реформы второгодничество в школах района выросло более чем в два раза [222, 1987, 25 авг.].

Причины «пробуксовки» школьной реформы в стране глубоко и всесторонне обсуждались на Пленуме ЦК КПСС в феврале 1988 г. Пленум подтвердил вывод, сделанный М. С. Горбачевым на XXVII съезде КПСС, что «темпы и глубина реализации предусмотренных реформой мер еще не могут удовлетворить нас» [17, с. 48]. Внесены кардинальные изменения в установки реформы. Признано необходимым: рассматривать всеобщее среднее образование молодежи как базовое для последующей подготовки кадров квалифицированных рабочих и специалистов; осуществить широкомасштабные меры по техническому переоснащению учебных заведений; провести всемерную демократизацию народного образования, повысить самостоятельность и ответственность коллективов школ; коренным образом улучшить изучение родных языков и русского языка в национальных школах, обновить содержание пионерской работы, и т. п. [18, с. 63—75].

Последовательной и ускоренной

реализации реформы средней и высшей школы, повышения роли учителя, воспитателя, укрепления материальной базы школ потребовала XIX Всесоюзная конференция КПСС [19, с. 113].

В настоящее время дети ительменов в основе своей учатся в Паланской, Тигильской, Усть-Хайрюзовской средних, Ковранской 8-летней, Седанкинской и Хайрюзовской начальных школах. Удельный вес ительменов в большинстве школ невелик, и только в Ковранской учащиеся-ительмены преобладают — 83 % (1987 г.).

Ковранская школа — старейшая у ительменов. В качестве 8-летней она работает с 1964 г. За это время около 50 ее выпускников получили высшее и среднее специальное образование, многие работают в родном селе. 11 из 17 учителей школы — также ее воспитанники.

Ковранская школа — единственная, где изучается ительменский язык. Рост образовательного и культурного уровня ительменов в конце 60-х — начале 70-х гг. обострил общественный интерес к родному языку. В фокусе такого внимания совершенно естественно оказалась школа. По инициативе учительницы К. Н. Халоймовой в 1972 г. для учащихся был организован кружок ительменского языка. Ребята записывали ительменские сказки, песни, собирали предметы старого быта, выпускали на родном языке стенгазету.

В 1976 г. на базе кружка был создан школьный факультатив. Кроме учащихся его стали посещать взрослые. С 1982 г. ительменский язык изучается как предмет в подготовительном, первом и втором классах. Для старшеклассников работает факультатив.

Первоначально занятия проводились по старому алфавиту, созданному на основе латинской графики в начале 30-х гг. Одновременно велась разработка нового (К. Н. Халоймова и А. П. Володин) — на основе русского алфавита. В нем 32 буквы, в том числе знаки, отражающие специфику языка ительменов. В апреле 1985 г. Ковран-

ский сельский Совет утвердил новый ительменский алфавит. В том же году он был утвержден Камчатским облисполкомом. В настоящее время А. П. Володиным и К. Н. Халоймовой изданы ительменский букварь и Ительменско-русский словарь.

Своеобразно решена в Ковране проблема воспитания детей в интернате. В отличие от многих других национальных сел Северо-Востока учащиеся находятся в нем лишь часть суток, остальное время они проводят в семьях. Малыши из подготовительной группы, а также первоклассники при желании могут ночевать дома. Таким образом, для значительной части учащихся интернат выполняет функции группы продленного дня.

Большое внимание уделяют в школе трудовой подготовке школьников. Профессиональная ориентация учащихся в целом соответствует сложившейся специализации базового предприятия — колхоза «Красный Октябрь». Учебная мастерская располагает станками по обработке металла и дерева. При школе имеются теплица и небольшая свиноферма. Ребята получают здесь навыки ухода за посевами и домашними животными, учатся работать с механизмами. Выращиваемые в теплице огурцы и помидоры, а также свинина существенно разнообразят рацион питания школьников.

Занятия в учебных мастерских, работу в подсобном хозяйстве школы дополняет производительный труд школьников в колхозном производстве. Летом при школе работает лагерь труда и отдыха. Ребята выращивают в колхозе картофель, выполняя при этом весь комплекс сельхозработ, участвуют в рыбном промысле. Ежегодно они добывают до 25 тонн лосося, корюшки и другой рыбы, полностью обеспечивают рыбой потребности школьного интерната. Посильный вклад вносят малыши — собирают черемшу, ягоды, грибы.

В 1984—1987 гг. в целом по округу восьмые классы заканчивало ежегодно 25—30 ительменов. 43 % восьмиклассников продолжали учебу в системе

профессионально-технического образования, 46 % — в 9-х классах, около 4 % — в техникумах и училищах, остальные — работали.

Среди выпускников средней школы учебу в ГПТУ продолжает 24 %, в техникумах и училищах — 15 %, в высших учебных заведениях — 21 %, около 40 % идут работать на производство.

Как видно из этих данных, около половины всех ительменов, заканчивающих 8-е и 10-е классы, приобретает рабочие профессии в профессионально-технических училищах. Они учатся в ПТУ Паланы, Петропавловска-Камчатского, Елизова, Хабаровска, Владивостока, Находки и других городов. Юноши предпочитают профессии, связанные с обслуживанием механизмов, девушки — торговые, связи, пищевой и легкой промышленности, строительные.

Следует сказать, что последующая судьба выпускников ГПТУ складывается зачастую весьма непросто. Номенклатура рабочих профессий, по которой осуществляется подготовка кадров в ГПТУ, не всегда соответствует истинным потребностям народного хозяйства округа. Его экономика, производственная и социальная инфраструктура оказались неподготовленными к переходу на всеобщее среднее и профессиональное образование, не в состоянии обеспечить работой по специальности всех выпускников. Особенно неблагоприятно обстоят дела в небольших и средних по размерам селах. В Ковране, например, из 12 человек, окончивших в 1978—1984 гг. профессионально-технические училища, по полученной профессии в 1985 г. работал лишь один. Механизаторы, электрики, штукатуры, швеи вынуждены заниматься неквалифицированным трудом.

Избыточное образование молодежи, нереализованные профессиональные возможности создают весьма напряженную ситуацию в эмоционально-психологической сфере, ведут к экономическим и моральным потерям. Снижается социальная активность молодежи.

Существует и другая сторона проблемы. При комплектовании ПТУ не всегда учитываются склонности учащихся, некоторые выпускники училищ имеют низкую квалификацию и не могут работать по полученной специальности. При явном избытке специалистов отдельных профессий потребности народного хозяйства в них нередко удовлетворяются за счет приезжего населения.

В последнее время у ительменов быстро растет число специалистов высшей и средней квалификации. За годы XI пятилетки оно выросло почти в полтора раза. Расширяется их профессиональный состав. В 70-е годы национальная интеллигенция была представлена в основном учителями, воспитателями дошкольных учреждений, средним медицинским персоналом и культпросветработниками. Теперь среди ительменов имеются врачи, юристы, экономисты, инженеры-строители, полиграфисты, технологи рыбной, пищевой и легкой промышленности, инженеры и техники воздушного транспорта, связи, офицеры Советской Армии и др.

Среди обследованных в 1985 г. лиц этой национальности высшее образование в расчете на 1000 человек имело 48 человек, среднее специальное — 128. В вузах и техникумах страны обучалось в пересчете на общестатистический показатель (10 тыс. человек) 310 студентов. Таким образом, по уровню подготовки высококвалифицированных специалистов, по числу студентов в вузах и техникумах ительмены вплотную приблизились к общесоюзным показателям, а в ряде случаев и превзошли их.

Культурно-просветительная работа

Культурно-просветительная работа на первом, начальном этапе советской истории народов Севера велась в тесной связи с политическим просвещением масс и в организацион-

ном отношении составляла с ним единое целое. X съезд РКП(б) прямо указывал в своих решениях: «Центр тяжести Главполитпросвета и его органов должен лежать в агитационно-пропагандистской работе среди внепартийных масс и в их культурном просвещении» [12, с. 242].

Сразу же после восстановления Советской власти на Камчатке развернулась большая агитационно-пропагандистская работа. Главным острием она была направлена на развитие политической культуры трудящихся, на их духовное обновление. Раньше всего в ее сфере оказалось оседлое население, в том числе и ительмены. Массовая неграмотность сильно осложняла работу. Многие из того, что входило в арсенал идейно-политического воспитания в центральных районах страны (издание газет и политической литературы, распространение трудов классиков марксизма-ленинизма и др.), здесь не могло быть использовано. Требовались другие, более доступные и понятные коренному населению формы.

Вплоть до середины 30-х годов у ительменов широко использовались митинговые формы агитации и пропаганды: сельские сходы, собрания колхозников, ежегодные перевыборные собрания, волостные и районные съезды и т. п. Кроме решения основных вопросов, их участники неизменно заслушивали и обсуждали доклады о текущем моменте: «О Советской власти, целях и задачах таковой», «Национальная политика Советской власти», «Чем занимаются коммунисты?» и др. Каждое такое обсуждение становилось своего рода политическим ликбезом, школой новых общественных отношений.

Первыми очагами новой жизни в ительменских селах были кооперативы. Вокруг них создавался актив из наиболее сознательных представителей коренного населения. Являясь проводником политики партии, кооперация, кроме организации хозяйственной жизни, вела большую политико-воспитательную и культурную работу. При Хайрюзовском, Тигильском, Со-

Н. К. Крупская и ительменка Тая Слбодчикова (Т. П. Лукашкина),
1937 г.

почновском кооперативах работали культурно-просветительные и санитарные секции. Как правило, здесь происходило у местных жителей первое знакомство с книгой, радио, кино, другими культурными развлечениями. На кооперативные средства строились первые ительменские школы [318, л. 26].

Культпросветработа была неотъемлемой составной частью системы народного образования. Руководство этой сферой общественной жизни вплоть до середины 40-х годов осуществляли органы народного образования. На первых порах школа взяла на себя всю культурную работу. Она была клубом, библиотекой, санитарно-просветительным и даже медицинским пунктом. Вокруг нее формировались первые коллективы художественной самодеятельности.

Во второй половине 20-х годов в ительменских селах появляются специализированные культпросветучреждения. В 1926 г. в Тигиле, Палане,

Хайрюзове открылись избы-читальни, в некоторых других селах — красные уголки [248, л. 6, 11]. Они проводили громкие читки, знакомили население с мероприятиями Советской власти, разъясняли их цели и задачи, вели антирелигиозную пропаганду, вовлекали женщин в общественно-массовые организации, содействовали работе школ и ликвидации неграмотности, проводили праздничные и культурные мероприятия. При избах-читальнях и красных уголках работали драматические, музыкальные, хоровые, физкультурные кружки.

Сеть культпросветучреждений в районе из-за недостатка средств в довоенные годы росла медленно. К 1940 г. избы-читальни появились еще лишь в двух ительменских селах — Напане и Сопочном. В Тигиле был открыт клуб, работало 3 библиотеки и 3 кинопередвижки [235, л. 25]. Некоторые учреждения культуры бездействовали из-за отсутствия специалистов. В этих условиях большую роль

приобрела деятельность партийных и комсомольских ячеек, культурно-просветительных комиссий при местных Советах, различных массовых организаций.

Развитию политической активности трудящихся, формированию у них нового мировоззрения способствовали кружки политграмоты, делегатские собрания женщин, культбытпоходы молодежи. По мере возрастания грамотности все большее значение стала играть печать, но газеты и журналы доставлялись в те годы в северные камчатские села крайне нерегулярно, центральные издания приходили, как правило, не чаще одного-двух раз в год. Это вызывало серьезные нарекания жителей, поскольку периодическая печать уже в середине 30-х гг. становилась для ительменов необходимостью.

О возросшей политической активности северян, их вере в свершение мировой революции свидетельствуют многие документы тех лет. 24 марта 1932 г. камчатская областная газета «Полярная звезда» опубликовала, например, такую телеграмму ительменов из Хайрюзова: «В день Парижской коммуны... шлем братский привет узникам капитала. На зверства палачей империализма мы отвечаем стопроцентным вступлением в ряды МОПРа и усиливаем сбор средств в фонд помощи политзаключенным в странах капитала».

Эта же газета сообщала, что ительмены Утхолока собрали по подписному листу и перевели на текущий счет МОПРа 124 руб.

В Международной организации помощи борцам революции (МОПР) к началу 30-х гг. состояли все ительменские села. Испытывая острую нужду во многих товарах, в продовольствии, одежде, живя в невероятно скудных условиях, они тем не менее активно подписывались на займы индустриализации, укрепления крестьянского хозяйства, оказали денежную помощь испанскому и китайскому народам, переводили средства на строительство интернациональных детских домов в Иваново и Монино.

Важную роль в формировании общесоветского и интернационального сознания у ительменов сыграло кино. Кинематограф был наиболее массовым и действенным средством приобщения народностей Севера к достижениям мировой культуры, пропаганды успехов молодого Советского государства. Первые киносеансы состоялись в Тигильском районе в конце 20-х гг. и сразу же приобрели громадную популярность. В Палане, например, после демонстрации фильма состоялось заседание Совета, на котором единодушно решили приобрести собственную киноустановку [256, л. 50].

Тогда же были сняты и первые фильмы о народах Камчатки. В 1931 г. на экраны страны вышло несколько документальных фильмов режиссера А. Литвинова, рассказывающих об успехах национального строительства на Камчатке. Позднее к этой теме обращались кинодокументалисты В. Сарахутов, Н. Тихонов, Т. Васильева и др. [206, с. 191]. Так, уже к середине 30-х гг. с жизнью и бытом ительменов, с их обычаями и традициями смогли познакомиться миллионы советских людей.

В годы Великой Отечественной войны в деятельности учреждений культуры произошли существенные изменения. Больше внимания стало уделяться массовым формам, позволяющим оперативно информировать трудящихся о положении на фронтах, о событиях внутри страны и за рубежом. Деятельность клубов, избчитален, библиотек переместилась непосредственно на рабочие места — в рыбацкие звенья, полеводческие бригады. Здесь демонстрировались кинофильмы, проводились выставки плакатов ТАСС, громкие читки газет. Учреждения культуры стали выступать в роли организаторов производства.

В послевоенные годы КПСС и Советское государство осуществили в районах Севера крупные мероприятия по перестройке идеологической и культурно-просветительной работы. В конце 1945 г. сфера культуры получает самостоятельное управление. Со-

здаются окружной и районные отделы культпросветработы. В связи с учреждением в 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний при отделах культпросветработы организуются лекционные бюро, на селе — постоянно действующие лектории. К 1950 г. в Тигильском районе работало 20 учреждений культуры, они имелись во всех ительменских селах [245, л. 146].

Важную роль в подъеме социалистической культуры народностей Севера в 50—60-е гг. сыграло укрепление ее материально-технической базы. Значительные средства в развитие культуры стали вкладывать колхозы и промышленные предприятия. В эти годы избы-читальни были преобразованы в клубы, в каждом селе открылась библиотека. Учреждения культуры получили музыкальные инструменты, мебель, современную киноаппаратуру, значительно вырос книжный фонд. Завершились кинофикация и радиофикация национальных сел. В Хайрюзове, Седанке, Белоголовом, Тигиле и Ковране были построены новые клубы.

Успешнее стала решаться проблема кадров для учреждений культуры. В середине 40-х годов абсолютное большинство культпросветработников в районе не имели специального образования, у многих была чрезвычайно слабой и общеобразовательная подготовка. Низкая квалификация работников культуры была одной из главных причин неудовлетворительной работы многих культпросветучреждений.

Начало планомерной работе по подготовке кадров было положено в 1948 г., когда при Хабаровской культпросветшколе было создано подготовительное отделение для народов Севера. Среди первых ее слушателей были и ительмены [300, л. 18]. Позднее в Петропавловске-Камчатском и Палане открылись курсы, на которых прошли переподготовку все клубные работники и библиотекари. С конца 50-х гг. подготовку специалистов культуры из числа народностей Севера стали вести в Биробиджан-

ском культпросветучилище. Только в 1957—1963 гг. здесь получили соответствующее образование 37 представителей Корякского округа.

Областной смотр самодеятельных коллективов в 1956 г. был первым по-настоящему массовым праздником народного творчества северян. В нем приняло участие более 600 самодеятельных артистов Корякского национального округа, в том числе 260 коряков, ительменов, других народностей Севера [43, с. 123]. Посланцы Тигильского района показали программу из ительменских хороводов и песен. Фрагменты ее были показаны позднее в Москве на Всемирном фестивале молодежи и студентов. Исполнители народных танцев ительмены С. Трапезников и Я. Жирков стали лауреатами фестиваля и были награждены золотыми медалями.

Важным событием в культурной жизни округа было открытие в Палане окружного Дома народного творчества. В помощь коллективам художественной самодеятельности он стал издавать репертуарные сборники, методические пособия. Усилилось внимание к творчеству местных авторов, началось систематическое собирание фольклора. Дом народного творчества осуществил несколько этнографических экспедиций, в том числе и в ительменские села. Это позволило приступить к сценической обработке народных песен и танцев ительменов. Под руководством Н. Суздальной в Ковране был поставлен первый ительменский балет «Кутх» [223, 1978, 28 фев.].

Развитие социалистической культуры ительменов в 60-е гг. происходило в условиях все возрастающей интернационализации общественной жизни народностей Севера. Более ощутимым становится процесс активного сближения национальных культур, их взаимодействия и взаимовлияния. Практика культурно-просветительной работы тех лет дает немало тому выразительных примеров.

Директор окружного Дома народного творчества Г. Г. Поротов не был ительменом по национальности. Од-

Заслуженный работник культуры РСФСР
Т. П. Лукашкина, 1983 г

нако воздействие его творчества на развитие ительменской культуры было столь значительным, что даже многие старые ительмены считали его выходцем из своей среды. Благодаря Г. Г. Поротову обрели новую жизнь в ее сценическом воплощении многие старинные ительменские песни-ходилы, танец «Бакию». Весьма плодотворно использовал Г. Г. Поротов в самодеятельном театре памятники устного народного творчества ительменов. Получили широкую известность написанные им по мотивам ительменского фольклора пьесы «Корел», «Кутх и мыши». Позднее на их основе в областном детском театре был создан кукольный спектакль, а в Усть-Камчатске и Елизове — детская опера.

Вместе с Г. Г. Поротовым частым гостем у ительменов был молодой корякский поэт, методист Дома народного творчества В. В. Косыгин (Коянто). В свою очередь многие ительмены оставили яркий след в развитии культуры корякского народа. Уже упоминавшаяся Н. Д. Суздальова была первой женщиной среди ведущих Красными ярангами. Долгими

месяцами кочевала она с оленеводами корякской тундры, делилась с ними своими знаниями, записывала их сказки, песни, народные предания.

Всю жизнь посвятила развитию корякского танцевального искусства одна из первых выпускниц Института народов Севера, заслуженный работник культуры РСФСР ительменка Т. П. Лукашкина (Слободчикова). Яркий талант танцовщицы, исполнительницы ительменских и корякских танцев раскрылся у нее в Ленинграде. В числе лучших участников художественной самодеятельности Института народов Севера она участвовала в I фестивале народного танца в 1936 г., в концертах Московского театрального фестиваля в 1937 г. Была делегатом Всесоюзного слета женщин-стахановок, выступала с его трибуны в Колонном зале Дома Союзов [100, с. 267].

После возвращения на Камчатку Т. П. Лукашкина работала учителем в школах округа, много занималась национальной самодеятельностью. В настоящее время Т. П. Лукашкина работает в районном центре Тиличики. Здесь ею создан самодеятельный фольклорный ансамбль «Молодость».

Заметный след в культурной жизни 60-х гг. оставил ительменский композитор и музыкант Б. К. Заев (1937—1967) — организатор коллективов художественной самодеятельности в Седанке, Караге, Хайрюзове, активный пропагандист народной музыкальной культуры. Прекрасный баянист и аранжировщик, Б. К. Заев уверенно заявил о себе и как способный самодеятельный композитор, глубоко впитавший традиции русской народной музыки.

Многое из песенного творчества Б. К. Заева продолжает жить и сегодня. Песни «Камчатка», «Белое безмолвие», «Над волной белогривой» и другие до сих пор остаются в репертуаре коллективов художественной самодеятельности, их можно услышать на народных праздниках и коряков, и ительменов.

Подъем образовательного уровня

народов Севера, улучшение материального положения, рост свободного времени требовали дальнейшего совершенствования работы культпросветучреждений, развития всей культурной среды в целом. Важную роль в решении этих вопросов сыграло постановление Совета Министров РСФСР от 6 октября 1969 г. «О состоянии и мерах улучшения культурного обслуживания населения Корякского национального округа», наметившее обширную программу обновления культурной жизни [113, с. 168].

В соответствии с постановлением произошла реорганизация сети культпросветучреждений. Большинство сельских клубов было преобразовано в Дома культуры с соответствующим штатом специалистов. Кроме директора в них работают теперь художественный руководитель, хормейстер, в некоторых Домах культуры — хореографы. Для обслуживания рыбаков, охотников, оленеводов на базе Красных яранг созданы специализированные маневренные культпросветучреждения — агиткультбригады. В конце 1979 г. для оказания квалифицированной помощи сельским учреждениям культуры и самодеятельным коллективам в Палане был образован окружной научно-методический центр народного творчества и культпросветработы [270, л. 168].

В 70-е гг. в Тигиле, Седанке, Ковране были созданы детские танцевальные ансамбли. В Тигиле открылась музыкальная школа, в Усть-Хайрюзове — ее филиал. В 1978 г. в них получало музыкальное образование 90 учащихся, в том числе 34 из числа народностей Севера [269, л. 172]. В июле 1979 г. решением Камчатского облисполкома Паланская музыкально-художественная школа была преобразована в школу искусств. Для детей коренных национальностей при ней был открыт интернат. В 1980 г. на музыкальном, художественном и хореографическом отделениях школы обучалось 340 человек.

К середине 70-х годов разрыв между возросшими духовными запросами населения и возможностями их

удовлетворения был в значительной степени сокращен. На 1 января 1977 г. в районе работало 10 домов культуры, 11 библиотек, две музыкальные школы, 12 киноустановок, две агиткультбригады, музей [279, л. 42]. Сельские дома культуры стали располагать разнообразными музыкальными инструментами, современной звукозаписывающей техникой, широкоэкранными киноустановками. Расширились возможности библиотечного обслуживания. В 1975 г. библиотеки района имели в своих фондах 198 тыс. экземпляров книг и журналов. В среднем на каждую библиотеку приходилось 18 тыс. экземпляров, в то время как в целом по РСФСР — 13,9 тыс. По числу книг на 10 тыс. человек населения Тигильский район превосходил общереспубликанский показатель в 3 раза [там же].

В 70—80-е годы усилилось влияние учреждений культуры на ту часть коренного населения, которая раньше оставалась как бы на периферии культурно-просветительной работы. Действенным средством вовлечения в культурно-воспитательный процесс людей среднего и старшего поколений стали, в частности, возникшие во всех национальных селах школы культуры и быта. Учебная программа таких школ была рассчитана на два года и предусматривала как теоретические, так и практические занятия. В большинстве школ существовало 4 секции — семейно-бытовая, педагогическая, медицинская и эстетическая. Тематика занятий была весьма разнообразной: «Семейный бюджет, его структура и распределение», «Современная квартира, ее интерьер и содержание», «Семейные праздники и традиции, их роль в воспитании детей» и т. п. Работа школ культуры и быта, таким образом, тесно смыкалась не только с деятельностью учреждений культуры, но и многих общественных организаций — женсоветов, родительских комитетов, депутатских комиссий местных Советов, с деятельностью школ, медицинских учреждений.

Большая работа была проведена в районе по внедрению новой социа-

**Интенсивность освоения видов культурного досуга у ительменов
Коврана ***

Виды культурного досуга	Ковран	РСФСР
Число посещений кино (в расчете на одного жителя в год)	82	18
Число посещений клубных мероприятий (в расчете на одного жителя в год)	27	8
Участвуют в художественной самодеятельности (в % ко всему населению)	20	8.3
Число читателей в библиотеках (в % ко всему населению)	91	63.5
Выдано книг на одного читателя	24	21

* Таблица составлена по данным: Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. М., 1986. С. 335, 344, 345; Годовые отчеты Ковранского дома культуры за 1985—1986 гг.

листической обрядности. Повсеместно стали проводиться торжественные регистрации браков и новорожденных. Характер крупных общественных событий приобрели чествования ветеранов труда, проводы в Советскую Армию, вручение паспортов. Кроме революционных и общегосударственных праздников, которые прочно вошли в быт коренного населения уже в довоенные годы, стали проводиться такие, как «Проводы зимы», «Праздник березки». Из профессиональных праздников особой популярностью у ительменов пользуется «День рыбака». Все современные праздники у ительменов не носят какой-либо этнической окраски.

Значительные качественные изменения произошли в народном творчестве. В Ковране был создан фольклорный вокально-хореографический ансамбль «Эльвель», оказавший большое воздействие на духовную жизнь ительменов. Его возглавил балетмейстер Б. Жирков, один из ведущих солистов первого состава ансамбля «Мэнго». Уже первые концерты «Эльвеля» значительно повысили интерес населения к народной песне и танцам ительменов.

В составе коллективов художественной самодеятельности появились любительские объединения по интересам — оркестры народных инструментов, инструментальные ансамбли, сту-

дии художественного слова, театры миниатюр и др. Многие из них стали обращаться к сложным сценическим жанрам. Выросло число самодеятельных артистов. Если в 1972 г. их насчитывалось в районе 608 человек, то в 1984 г. — 1058. Число любительских объединений за это время увеличилось с 58 до 84 [279, л. 38].

В настоящее время в художественной самодеятельности Тигильского района состоит около 200 ительменов.

Дома культуры в ительменских селах — единственные культпросветучреждения, которые предоставляют населению культурные развлечения, поэтому их мероприятия пользуются популярностью. Степень освоения наиболее массовых видов культурного досуга в Ковране, например, существенно превышает аналогичные показатели по Российской Федерации (табл. 12).

Приведенные в таблице данные позволяют сделать два важных вывода: за последние годы обеспечена широкая доступность жителей к наиболее массовым видам культурных ценностей; в состоянии культурных потребностей коренного населения произошли глубокие качественные изменения — кино, участие в художественной самодеятельности, чтение книг и журналов стали у ительменов неотъемлемой составной частью их жизнедеятельности.

Клубные мероприятия по степени популярности у населения значительно уступают кино (табл. 12). Они привлекают к себе преимущественно молодежь. В известной степени это связано с состоянием сельского Дома культуры. Подобная проблема стоит сегодня очень остро не только в Ковране. Большинство Домов культуры построено в конце 50-х—начале 60-х гг. К настоящему времени они сильно обветшали, в них холодно, неуютно, а потому и не особенно многолюдно.

Сложные проблемы кроются и за высокими цифрами кинообслуживания. Прежде всего — это результат серьезного отставания других видов культурного досуга. Различия в потреблении культуры между городом и селом в условиях Севера особенно ощутимы. Ковранцы практически совсем лишены возможности побывать в театре, на концертах профессиональных артистов, выставках, спортивных зрелищах. Здесь нет условий для многих популярных ныне видов любительских занятий. Ковран лежит в стороне от привычных маршрутов различных гастрольных трупп.

Несоответствие между возросшими культурными потребностями и возможностями их удовлетворения, которое в середине 70-х гг. удалось значительно ослабить, теперь вновь дает о себе знать, но уже в более острых формах. Отсюда рост миграции молодежи.

О возросшем культурном уровне коренного населения убедительно свидетельствует растущий интерес к чтению. В 1960 г. услугами Ковранской библиотеки пользовалось лишь 25 % жителей села [277, л. 18], в 1985 г. — 91 %. Показатель интенсивности чтения у ительменов уступает русским жителям села весьма незначительно — на 1.3 книги в год, однако активно читающих у ительменов больше — 87 % против 75 %.

Пик читательской активности приходится у ительменов на ноябрь—март, потом она постепенно уменьшается, достигая наименьших величин в летние месяцы. Довольно много

ительменов летом вообще услугами библиотеки не пользуются.

Различия в уровне чтения между социально-профессиональными группами выражены слабо. Не играет особой роли и образовательный уровень. У тех, кто имеет неполное и полное среднее образование, показатели активности почти равны, у лиц с начальным образованием они ниже, но тоже достаточно высокие, правда характер читаемой литературы резко отличается (преобладают журналы «Крокодил», «Огонек», «Крестьянка»).

Более заметны различия в возрастных группировках. Люди в возрасте 30—40 лет — наиболее читающая аудитория. Среди них много таких, кто читает в год от 40 до 80 и даже до ста книг.

Интересно, что в этой категории читателей почти нет представителей интеллигенции. Вероятно, это связано с тем, что последние имеют собственные библиотеки, выписывают значительное количество журнальной периодики.

Читательские интересы группируются в основном вокруг художественной литературы — книги о Великой Отечественной войне, приключенческие, русская и зарубежная классика, прошлое Дальнего Востока, особенно Камчатки. Повышенный интерес вызывает творчество Ю. Рытхэу, Г. Порова, других писателей-северян, но только дальневосточников. Очень популярен у ительменов журнал «Картофель и овощи». Книги-рекордсмены: «Ездовые собаки — друзья по риску» французского полярного исследователя П.-Э. Виктора, а также произведения известного советского кинолога Б. Рябина. Судя по читательским формулярам, их прочитали все жители села.

Важную роль в духовной жизни ительменов играют в настоящее время радиовещание и периодическая печать. В Ковране в 1985 г., когда пресса не могла похвастаться особой популярностью у читателя, газеты и журналы выписывали 72.6 % ительменских семей, на каждого подписчика приходилось в среднем 7.5 экземпляра

Сказительница В. И. Пономарева, с Тигиль

ров газет и журналов. Соответствующие показатели у русских и других лиц некоренных национальностей — 87.5 % и 8.7 экземпляров.

Из 69 подписчиков-ительменов одно издание получала только одна семья, по два издания — 5, по три — 5, остальные от 4 до 20 изданий. Это — газеты «Сельская жизнь», «Правда», «Известия», «Советская Россия», «Комсомольская правда», «Советская культура», журналы «Новый мир», «Октябрь», «Дальний Восток», «Северные просторы», различные специализированные издания, а также местные газеты.

С 1984 г. Ковран, Усть-Хайрюзово, Тигиль, некоторые другие села, где живут ительмены, вошли в зону приема программ Центрального телевидения. Это сразу же отразилось на интенсивности занятий населения в отдельных сферах культуры. Стали меньше читать, сократилась посещаемость кино.

В ближайшие годы просмотр телепередач начнет, без сомнения, зани-

мать у населения подавляющую часть свободного времени, еще более ускорится процесс интернационализации духовной культуры ительменов. В связи с этим возникает проблема сохранения традиционного культурного наследия.

Традиционная культура осваивается сегодня неактивно. Народные песни и танцы хотя и воспринимаются как национальные ценности, однако большинство ительменов непосредственного участия в их воспроизводстве не принимает. Единственным каналом приобщения населения к традиционной народной культуре остается художественная самодеятельность, в рамках которой и происходят критическое освоение и творческое осмысление культурных традиций прошлых поколений.

Начало этой работе, как уже говорилось, было положено в 60-е годы. Позднее ее продолжил кабинет национального творчества окружного Дома культуры, организовавшего в 1976 г. экспедицию в село Ковран. От ительменов М. М. и Г. Г. Запороцких, А. И. и А. В. Притчиных, М. И. Павлуцкой, А. Ф. Притчина, И. И. Слободчиковой, И. И. Запороцкого и других тогда удалось записать несколько песен, в которых отчетливо прослеживалось два культурных пласта [223, 1976, 12 окт.].

Верхний пласт составляли старинные русские песни и хороводы, восходящие к XVII—XVIII вв. В свое время они вошли в культурную традицию ительменов и сегодня их демонстрируют обычно как образцы национального творчества. Таковы песни «Чайки белые, ножки красные», «Как на желтый песочек», «По ельничку, по березничку», «Шла девица за водой», «Капелюшка — кап, кап!», «Гуси — лебеди наплавались» и др. Нижний культурный пласт своими корнями уходит к традициям ительменской музыкальной культуры. Подлинным открытием в этом смысле стали песни *ходилы*, записанные от Г. Г. Запороцкого и А. Ф. Притчина. Их тексты в большинстве своем были придуманы исполнителями, а музыкальной факту-

рой выступала традиционная национальная мелодия. Такая песня-импровизация рождается чаще всего в момент ее исполнения. Слова подбираются в процессе пения, для заполнения возникающих ритмических пауз и пустот используются различные вводные слова и междометия: «эх», «да», «даякэ» и др.

Ительменской ходиле соответствует строго определенной манера исполнения. Песня как бы выдыхается, нередко при этом певец напрягается всем лицом. Пение сопровождается характерным жестом-раскачиванием правой руки, который продолжает затухающую концовку куплета. Ходила обычно исполняется на русском языке, но за русской частью песни могут следовать куплеты и на ительменском языке, если певец им владеет.

Экспедиция имела большое значение для возрождения к жизни традиционной музыкальной культуры ительменов, которая, казалось, была утрачена безвозвратно. В репертуар ансамбля «Эльвель», других самодеятельных коллективов прочно вошли песни, воспринятые ительменами от первых русских поселенцев Камчатки. Песня «Как на желтый песочек» стала даже своего рода музыкальной «визитной карточкой» художественной самодеятельности Тигильского района. Редкий концерт обходится теперь без ее исполнения.

Сложнее обстоит дело с традиционными песнями-ходилами. Главная трудность их использования в практике самодеятельных коллективов состоит в том, что на Камчатке мало пока профессиональных музыкантов, способных творчески освоить национальный материал. Кое-что в этом направлении делают сами участники художественной самодеятельности. Наиболее популярные ходилы освобождаются от излишней импровизационности, за ними закрепляется постоянный текст. В результате ходила поднимается до уровня профессиональной песни, сохраняя при этом свое национальное своеобразие.

Ориентация на использование собственного фонда культуры выражена

Сказительница К. А. Притчина, с. Тигиль.

у ительменов в сравнении с другими народами Дальнего Востока в наименьшей степени. Однако это ни в коей мере не снимает актуальности и значимости дальнейшего развития их культурных традиций. Все, что рождено талантом каждого из советских народов, — наше всеобщее достояние. Сделать его доступным для всех советских людей — важнейшая задача культурно-просветительных учреждений.

Народные танцы

Традиционные танцы ительменов — еще до конца не раскрытая страница их истории, изобилующая «белыми пятнами», загадками, спорными трактовками. Все, кто так или иначе соприкасался с бытом и культурой ительменов, отмечали, что танцевальное искусство было довольно развито и любимо. Не было праздников без плясок, служили они и украшением повседневного быта, носили массовый

характер. В основе хореографии ительменских ритуалов — подражание животным и птицам, имитация их голосов и повадок. Это подчеркивают все исследователи. Так, К. Мерк писал, что камчадалы «подражают вперемежку медведям, китам, гусям, как последние начинают свои любовные игры или как камчадалы пытаются их убить. . .» [207, с. 59].

Эту же мысль подчеркивают французский путешественник Ж. Б. Лессепс [214, с. 106] и английский Г. А. Тилли [216, с. 227], обратившие внимание на то, что танцы ительменов представляют собой имитацию животных, особенно медведя.

По данным Г. В. Стеллера, охотник, убивший медведя, приглашал гостей, часть из которых помогала разделять тушу зверя, другая — начинала плясать. Постепенно в танец втягивались все присутствующие на празднике. По отношению к тюленям, морским львам, другим зверям проделывались те же церемонии [198, с. 59].

Но наряду с этим существовал и занимал особое место в социальной жизни ительменов длившийся около месяца (ноябрь) праздник, включавший в себя несколько сюжетов разного плана. Посвящен он был окончанию промысла, и, казалось бы, пляски должны быть подчинены этой теме. Однако в подробном описании этого праздника С. П. Крашенинниковым нет указаний на имитационный характер танцев. Сам исследователь называет его праздником «очищения грехов». На это мнение наталкивает и тема обрядов первой части. Здесь основное внимание уделено огню. Вокруг него усаживаются старики, к нему же обращены ритуальные речи, и вокруг него устраивается пляска, видимо круговая. С. П. Крашенинников описывает этот момент так: после окончания речи старики встали со своих мест, взяв друг друга за руки, стали плясать, кричали снова «алхалалай». Далее в танец включались женщины и девушки, которые со страшными гримасами на лице выбегали из своих углов. Добежав до лестницы, они поднимали

кверху руки и, делая странные телодвижения, плясали, кричали во все горло. Затем они падали одна за другую на землю, притворяясь мертвыми [107, с. 417].

Как предполагает М. Я. Жорницкая, «этот обряд был посвящен изгнанию из жилища различных злых, в том числе и духов болезней» [83, с. 122].

Заметное место на празднике «очищения» отводилось пантомиме. У южной группы ительменов особая пантомима разыгрывалась с чучелом кита, изготовленным из сладкой травы и юколы. В конце первого дня праздника около полуночи в жилище входила женщина, к спине которой было привязано чучело кита. Женщина «ползла вокруг очага, за нею следовали два камчадала с тюленьими кишками, сладкую травую перевитыми, и, крича по-вороньи, кишками по киту били» [107, с. 418]. Когда женщина миновала очаг, присутствовавшие в помещении дети бросались к ней и терзали «кита». Она пыталась выбежать из жилища, но специально поставленный у входа мужчина ловил ее и, «взведши на юрту», спускал по лестнице вниз головой. Принимать ее бросались женщины и девушки, «а после все вместе плясали и кричали до тех пор, пока на землю попадали» [там же].

В приведенном выше описании не упоминается об имитационном характере танцев. Более того, здесь явно подчеркивается абстрактный характер телодвижений, скорее импровизация без определенной тематической направленности.

Следующий сюжет — окуривание жилища и всех присутствующих — заканчивался общими криками, а старики, совершавшие этот обряд, плясали и бесновались по-прежнему, после чего падали замертво [там же, с. 419].

Такой же пляской, только исполняемой сначала стариками, а потом и всеми присутствующими, заканчивалась игра с мальчиками, которых привязывали к столбам у лестницы и спрашивали, когда придет их отец [там же].

Далее следовала пантомима с чучелом волка, изготовленным из слад-

кой травы и набитым медвежьим жиром и другими съестными припасами. В жилище входила женщина, которая держала за пазухой чучело волка. Следом шел тойон с натянутым луком. Как только женщина в сопровождении других участников действия обошла помещение вдоль стены, несколько мужчин выхватывали у нее чучело и бежали с ним по лестнице, а женщины бросались следом, стараясь отобрать «волка». Борьба продолжалась до тех пор, пока все, обессилив, не падали. После этого тойон выстреливал в «волка». Остальные мужчины тащили чучело на пол, терзали его и съедали [там же, с. 419—420].

Ительмены рассказывали С. П. Крашенинникову сюжет, который они «представляли». Некогда на реке жил камчадал с двумя малолетними детьми. Уходя на промысел, он оставлял их в доме, привязывая к столбам. В его отсутствие к детям приходили волки и спрашивали, когда вернется отец. На что дети отвечали: «Зимой». Возвратившись с промысла, отец «пошел промыслять волка и застрелил его из лука» [там же, с. 420]. В пересказе исследователя древний миф в значительной мере утратил свой сакральный смысл. Однако даже в таком изложении можно усмотреть отголоски архаических представлений о близнецах, один из которых считался ребенком волка. Подтверждением тому, что у ительменов в древности существовали обряды, связанные с близнецами, могут служить и материалы, полученные С. П. Крашенинниковым от ительменов восточного побережья Камчатки. В их празднике заметное место принадлежало обрядовым действиям, совершаемым вокруг девочек-близнецов [там же, с. 422—423].

Остальные сюжеты этого большого, развернутого игрища ительменов южной группы включали пляски, которые автором описания характеризовались так: «Плясали, бесились», «кричали, плясали», «скакали», «с воплями плясали, пока на землю не попадали». Есть у него и замечание, что камчадалы «из березовых обрубок делали болванчиков, *камуда* называе-

мых, во образ тех бесов, кои в женской их пол вселяются во время плясания» [там же, с. 418].

В противовес этому ученый отмечал существенные отличия в аналогичном ноябрьском празднике ительменов восточного побережья: «Не бывает у них одного безобразного крику и бешенья, не приносится береза, не представляется китовое и волчье действие, не делается маленьких востроголовых болванчиков...» [там же, с. 421]. Отсюда и определенные различия в пластике обрядовых действий.

Обратимся к тем танцам других народностей Северо-Востока, лексика которых идентична вышеприведенным. Ими оказываются пляски шаманских камланий. Причем в промысловых обрядах и праздниках палеоазиатов имитационные и подражательные пляски соседствуют с более абстрактными шаманскими [98, с. 101—107]. В рассматриваемом же празднике преимущество за лексикой, характерной для вторых.

Наличие круговой формы танца и преобладание абстрактных движений в пластике всех сюжетов свидетельствуют в пользу мнения, что данный праздник не укладывается в общую схему обрядов промысловой направленности. (Это подтверждается и тем, что с ним сосуществовали праздники, посвященные добытому животному). Вся пластика строго подчинена сюжетам ритуалов и исполняется целенаправленно и сосредоточена на главной идее того или иного сюжета. Более того, создается впечатление, что так называемые бытовые танцы выпали из обрядов именно из-за своей игровой направленности, перешли в повседневные развлечения. Это в свою очередь содействовало большей компактности и стройности праздника, отвлечению от повседневности, сосредоточению на общении с духами. Возможно, семантику центральных эпизодов этого многосоставного обрядового действия следует связывать с древними животными культами ительменов, утраченными уже к XVIII столетию.

Есть свои особенности и в танцах другого рода, которые исследователи

совершенно определенно называют бытовыми. С. П. Крашенинников описал их в главе «О пирах и забавах камчатских» [107]. Исполнялись они, по мнению Г. В. Стеллера, в основном в зимнее время, когда «гостили друг у друга целыми семьями, проводя время в еде, пении, танцах и рассказах, главным образом про своего бога Кутку» [198, с. 59]. К сожалению, оба ученых не снабдили описания танцев какими-либо пояснениями, не привели ситуаций, провоцировавших именно эти танцы. Располагаются они в тексте без какой-либо определенной системы. Все это затрудняет исследование и не позволяет воссоздать объективную картину их бытования.

Можно условно подразделить все танцы, относимые к бытовым, на три группы: исполняемые отдельно женской и мужской частью населения и совместные. Группировка по этому признаку правомерна, так как для общества, находящегося на данном этапе развития, такое подразделение имело важное значение.

Среди женских танцев прежде всего привлекают внимание «исконные, племенные пляски ительменов». Девушки и женщины усаживаются в круг, в центре которого остается одна из них. «Запев песню, машет руками, с намотанным на средние пальцы *тоншичем*, дрожит всем телом, точно в лихорадке и быстро кружится». Все сидящие при этом поют, «стараясь имитировать крики зверей, птиц и производят гортанные звуки» [там же, с. 61].

Второй танец описывается следующим образом: «Становясь в два ряда, одна против другой, женщины кладут руки себе на живот, поднимаясь на носках и не сходя с места, поводят плечами, слегка двигая локтями и произнося условную фразу» [там же].

И последний в этом ряду танец описывается С. П. Крашенинниковым так: «Две бабы, которым плясать надлежало, постлали на полу посреди юрты рогожку, и стали одна против другой на коленях, имея в руках по повесму тоншичу, и сперва начали поводить плечами и взмахивать ру-

ками, припевая в такту тихим голосом, потом час от часу большие телодвижения представляли и громче пели, и по тех пор не перестали, пока из голоса вышли и из силы выбились» [107, с. 429].

Отличительная черта этих танцев — неразвитый пространственный рисунок. Причем два из них можно назвать «сидячими». Исключение составляет танец солистки, хотя и он ограничен кругом сидящих участников. Отсюда и другая закономерность — большая подвижность верхней части туловища. Сами по себе эти явления не уникальны для палеоазиатских этносов. У всех зафиксированы танцы, исполнявшиеся на одном месте или с незначительными передвижениями по площадке, а также «сидячие» танцы [82, с. 168], соответственно с более активными руками, плечами.

Особняком стоят танцы, названные С. П. Крашенинниковым и Г. В. Стеллером «старинными», «племенными» и бытованные под названием *хаютеля*, *кузелькинга*. Описанный вариант анализировать довольно сложно, так как танцы даны вне обрядового или бытового контекста. И все же можно констатировать оригинальный характер этого ительменского танца, проявляющийся в сочетании круга с солисткой. Да и лексика танца солистки чрезвычайно своеобразна. Она «движет всеми членами столь проворно, что надивиться тому довольно нельзя» [107, с. 430].

Поиск параллелей в характере движений приводит к чукотскому женскому танцу «Виврельт» (дрожание колен), в котором у исполнительниц вибрируют только ноги [83, с. 61]. Данный танец отмечен в празднике забоя оленей в так называемый дымный день, основная направленность сюжетов которого — изгнание «злых духов». Очевидно, в прошлом этот танец носил эротический характер [там же].

Это мнение применимо и к рассматриваемому ительменскому варианту. Исследователи неоднократно подчеркивали именно эротический характер большинства танцевальных

движений. Как писал К. Мерк, «камчатские танцы — похотливые движения, причем они особенно действуют плечами и бедрами... подражают... как последние (животные. — *Ред.*) начинают свои любовные игры... что соответствует часто приглашению к собственным играм» [207, с. 59]. Этот танец исполняется под звуковые имитации голосов разных зверей и птиц. По-видимому, он сохранил черты тех древних мистерий, сущность которых заключалась в привлечении и «воскресении» зверей и птиц [37, с. 74]. И в то же время здесь как бы намечается перспектива шаманского камлания — одна исполнительница в центре, отсутствие в пластике четкой имитации определенных животных и связь с темой духов (если можно сопоставить чукотский и ительменский варианты) и др.

Не менее сложно составить представление о сущности и направленности другого женского танца. Здесь исполнительницы стоят в две линии лицом друг к другу, руки сложены на животе, и под ритм произносимой фразы сдвигают пятки вправо-влево, не сходя с места. Аналогии данной пластике прослеживаются в корякском празднике *хололо*. По мнению И. С. Вдовина, в культуре карагинских коряков заметны черты влияния ительменов: «Это влияние проникло глубоко и в некоторые стороны идеологии, в частности в религиозные представления» [52, с. 38]. К числу таких заимствований исследователь относит праздник «хололо», в изложении которого приводит и женский танец, поразительно совпадающий с ительменским. Только вместо аккомпанирующих фраз он исполняется под бубен и сопровождается «горлохрипением». И. С. Вдовин соотносит пластику этого танца с имитацией движений оказавшегося на льду или на суше тюленя [там же, с. 48]. Присутствие данного компонента в корякском празднике, в значительной части своих сюжетов повторяющего рассматриваемый ительменский, дает основание к следующему предположению. Вполне вероятно, этот танец и был в ительмен-

ском осеннем празднике, в той его части, где были игры, посвященные киту и, возможно, другим морским животным. Почему он был вынесен в разряд игр и развлечений, остается неизвестным. Может быть, к моменту появления русских на Камчатке он потерял свою связь с обрядовой структурой и бытовал как развлекательный.

Есть и еще одно интересное свидетельство о женских танцах. Ф. Елистратов писал, что женщины иногда «для собирания ягод или корешков ходят на тундры — берут они с собой лучшее из платьев, там наряжаются, представляя разных или, лучше сказать, передразнивая русских им известных людей, кто как говорит, ходит, какие телодвижения имеет, и многие еще делают кривляния, тем и забавляются» [82, с. 20]. К сожалению, других подробностей не приведено. Но уже и эти данные указывают на прерогативу женщин в танцевальной культуре ительменов.

Нашу условную вторую группу представляет только один танец, краткое описание которого не позволяет сделать какие-либо обобщения. Судя по представленной исследователями картине, это — импровизационное исполнение мужчинами определенных композиций. По свидетельству С. П. Крашенинникова и Г. В. Стеллера, танцоры до своего выступления «прячутся по углам, вдруг выскакивает один. Он бьет в ладони, по груди, по бедрам, поднимает кверху руки и делает резкие телодвижения, вертится вокруг себя». Это же проделывают и другие, т. е. повторяют все движения первого танцора. Никаких указаний на какое-либо музыкальное или другое сопровождение нет [107, с. 430; 198, с. 61].

Анализ пластики обрядов и праздников коренных жителей северо-востока Сибири не выявил каких-либо элементов для сопоставления с вышеприведенной пляской. Отсутствие бытового контекста тоже не дает возможности определить тематическую направленность. Остается предположить, что этот танец давно выделился,

существовал как игровой и исполнялся вне зависимости от тематической направленности торжества.

Рассмотрим танцы, исполнявшиеся коллективно. В одном из них поведение танцоров ассоциировалось со скачущими лягушками. «Все на карточках скачут по кругу как лягушки, хлопают в ладоши и корчат друг другу самые необыкновенные гримасы» [198, с. 61]. У чукчей в упоминавшемся «дымном дне» осеннего праздника существовал так называемый «танец с гримасами». Однако исполнялся он сидя или стоя на одном месте. Этимология его до конца не выяснена, таким образом сопоставительный анализ с ительменским вариантом невозможен за недостаточностью данных.

Другая совместная пляска представлена в источниках следующим образом: «Десять мужчин и женщин, одетые в свои лучшие одежды, становятся в круг и медленно в такт начинают передвигать ногами. Затем они произносят поочередно несколько слов, которые повторяются другими таким образом, что, когда одна половина закончила последнее слово, другая начинает с первого, от чего получается впечатление, как будто скандируют стихи. . . Под одну фразу они пляшут целый час; круг все расширяется, пока все находящиеся в доме не примут участие в пляске, даже дряхлые старики присоединяются к танцующим» [там же].

Г. В. Стеллер считал этот танец заимствованным от айнов. Факт заимствования отмечен еще И. Г. Георги, заметившим, что «некоторые переняли танец у курильцев, в иных пляшут оба пола вместе и притом поют» [61, с. 72]. Отсюда трудно решить, какой из танцев считать «пришельцем»: исполняемый только женщинами или смешанные. Такие же трудности возникают и при попытке установить те танцы айнов, которые могли оказать влияние на ительменскую хореографическую культуру.

Круговых танцев в айнских праздниках можно назвать несколько. Прежде всего это почти вся хореография медвежьего праздника. Однако

мужчины и женщины танцевали отдельно. В этой пляске хороводы мужчин отделяются от хороводов женщин.

Что касается других, то среди наиболее часто упоминающихся в литературных источниках можно назвать танец «Тапкара» (ряд этнографов дает названия «Тахкара», «Таккара»). Исследователи называют его любимым и национальным танцем айнов. М. М. Добротворскому движение этой пляски напоминают «сергачского медведя-плясуна» [80, с. 30]. К сожалению, нет сведений о поле танцующих.

Невозможно с полной определенностью соотнести ительменский круговой танец конкретно с одним айнским вариантом. И медвежий танцы, и «Тапкара» — круговые, исполняются, согласуясь с ритмом произносимых слов и звуко сочетаний. Однако и форма круга, и характер звукового сопровождения ительменского варианта явно несут на себе черты заимствования.

Остается предположить, что издавна распространенный среди ительменов танец «Норгали» они переняли от эвенов [83, с. 131].

Все свидетельства о заимствовании относятся к одному танцу — смешанному круговому. Видимо, он резко и значительно выделялся на фоне танцевальной культуры этой народности. Вместе с тем форма круга не нова для ительменов: она свойственна и танцам вокруг очага, и круговым сидячим танцам, и расположению участников, обеспечивающих звуковое сопровождение.

Эти заимствования почти не коснулись пластики наиболее сакральных моментов обрядности.

Заслуживает внимания отсутствие бубнов в обрядах и праздниках. Упоминание о них есть только в работе И. С. Вдовина, где он приводит материалы А. П. Горладова: «Камчадалы. . . хаживали к той, дым пускающей горе и шаманивали, а именно, когда птицу, зверя или рыбу промыслили, ему отдавали и притом прутья бросали, а шаманивали бубнами» [50, с. 62]. В работе Е. П. Орловой подчер-

кивается, что шаманство ительменов не имело таких атрибутов, как бубен и специальный костюм [142, с. 133].

В литературе и источниках не обнаружено фактов, свидетельствовавших о широком бытовании бубна, хотя все соседние палеоазиатские народности активно его использовали: и как принадлежность шаманских камланий, и как музыкальный инструмент, аккомпанирующий обрядовым и бытовым танцам. У айнов же Сахалина и Курильских островов он употреблялся только шаманами.

Рассмотренные факты позволяют сделать следующие предварительные выводы. Танцевальное искусство ительменов характеризуется преимущественно абстрактных движений перед имитационными, хотя и последние занимали большое место в танцевальной культуре ительменов. Лексика имеет широкий диапазон движений, от резких прыжков и быстрого продвижения по площадке до исполнения на одном месте (сидя, стоя на коленях), с активной работой верхней части туловища. Каждый пластичский мотив характеризует только одну из плясок и почти не повторяется в другой. Это свидетельствует о широко развитой в прошлом хореографической культуре ительменов, высокой исполнительской технике, умении использовать все возможности человеческого тела.

Удивительна и своеобразна судьба ительменского хореографического искусства на новом историческом этапе его развития. И хотя этот этап более обозрим для исследователей ввиду наличия значительного фактического материала, однако при изучении его возникает больше вопросов, нежели ответов на них.

Прежде всего это касается взаимоотношения с русской культурой. К концу XIX в. исследователи уже подчеркивали значительное ее воздействие на сферы жизни народности, не исключая хореографию и музыку. Что же послужило основой подобного влияния, так как в сущности лексика и семантика традиционных танцев ительменов резко отлична от рус-

ской хореографии? Мы видим причину этого в том, что некоторые формы русских традиционных танцев оказались близки ительменам, например плавная хороводная и темпераментная современательная пляска. На вечерках исполняли «Восьмерку», «Кадриль», «Камаринскую», «Подгорную» и другие русские танцы [83, с. 126—130]. Отмеченное ранее преобладание абстрактных движений перед имитационными, по-видимому, облегчало заимствование танцевальных форм у других этносов.

Характерно, что заимствования коснулись скорее музыкального аккомпанемента как универсального ритмического регулятора танца, поскольку инструментальной музыки для танцев у ительменов не существовало. Однако арсенал ительменских движений изменялся весьма незначительно вплоть до 60-х гг. XX в. Национальное своеобразие сохранялось в пластике движений и манере исполнения: толчкообразные движения бедер и плеч, подчеркнутое синкопированное исполнение отдельных движений [83, с. 126].

К началу 60-х гг. активно развивается процесс четкой фиксации пластики на определенное музыкальное произведение, что позволяло составлять практические пособия для самодеятельных коллективов. Примером может служить публикация Г. Ф. Петровой-Бытовой [150].

В настоящее время в репертуар самодеятельных коллективов наравне с песнями и танцами на старинные русские мелодии органично входят и ительменский музыкальный фольклор. В частности, заметное место принадлежит песням на традиционные мелодии с текстами, придуманными самими исполнителями [108]. Чаще всего эти песни сопровождаются танцевальными движениями. Много танцев, дающих зарисовки птиц и животных: «Чайки», «Утки», «Нерпы»; распространен мужской танец «Бакия» в разных вариантах [83, с. 130—133].

Стремление к возрождению утраченных образцов традиционного итель-

менского искусства очевидно. Примером может служить распространенный сейчас древний танец типа хоровода «Ходила».

Традиционное искусство иногда переживает полосу не востребоваемости, но оно никогда не может исчезнуть, пока существует народ — его создатель. Народ всегда выделяет из своей среды лучших своих представителей, жизненной верой которых и установкой служит стремление найти, спасти эстетические ценности, составляющие сущность национальной культуры.

Народное декоративное искусство

Изучение народного декоративного искусства ительменов началось лишь в XVIII в. отечественными исследователями С. П. Крашенинниковым, Г. В. Стеллером, А. П. Горлановым и другими участниками Второй Камчатской экспедиции Российской Академии наук (1733—1743 гг.), Г. А. Сарычевым. В их трудах содержится немало ценных сведений о традиционном декоративном искусстве народности, не испытавшей на себе в то время сколько-нибудь значительного культурного влияния со стороны русского населения [107; 215; 171; 62 и др.].

Особое внимание эти исследователи уделили изучению орнамента и того материала, который ительмены применяли для декоративной отделки одежды и обуви, различных предметов быта и средств передвижения, таких, например, как сани-нарты или оригинальные сумки, табакерки, корзины, коробки и туески для собирания ягод, детали для упряжек и т. п., а также для предметов верований и шаманского обихода. Интересны и их сообщения об умении ительменов изготавливать оригинальные ремешки из тюленьей кожи или из кожи, выделанной из собачьих горл, окрашивать тюлений волос, делать узорчатые полоски из кожи от перепонки горла птиц, обрабатывать зеленую

яшму и обсидиан для наконечников стрел и т. д. По данным первых русских исследователей, у ительменов бытовали и оригинальные иголки для шитья и вышивания — они были, как правило, костяные и не имели никакого ушка: нитка привязывалась к иголке на месте небольшой зарубки [107, с. 386—392; 171, с. 138—140].

Не ускользнул от их внимания и своеобразный орнамент ительменов на подзорах одежды, как бы сотканный из кожаных ремешков [107, с. 387].

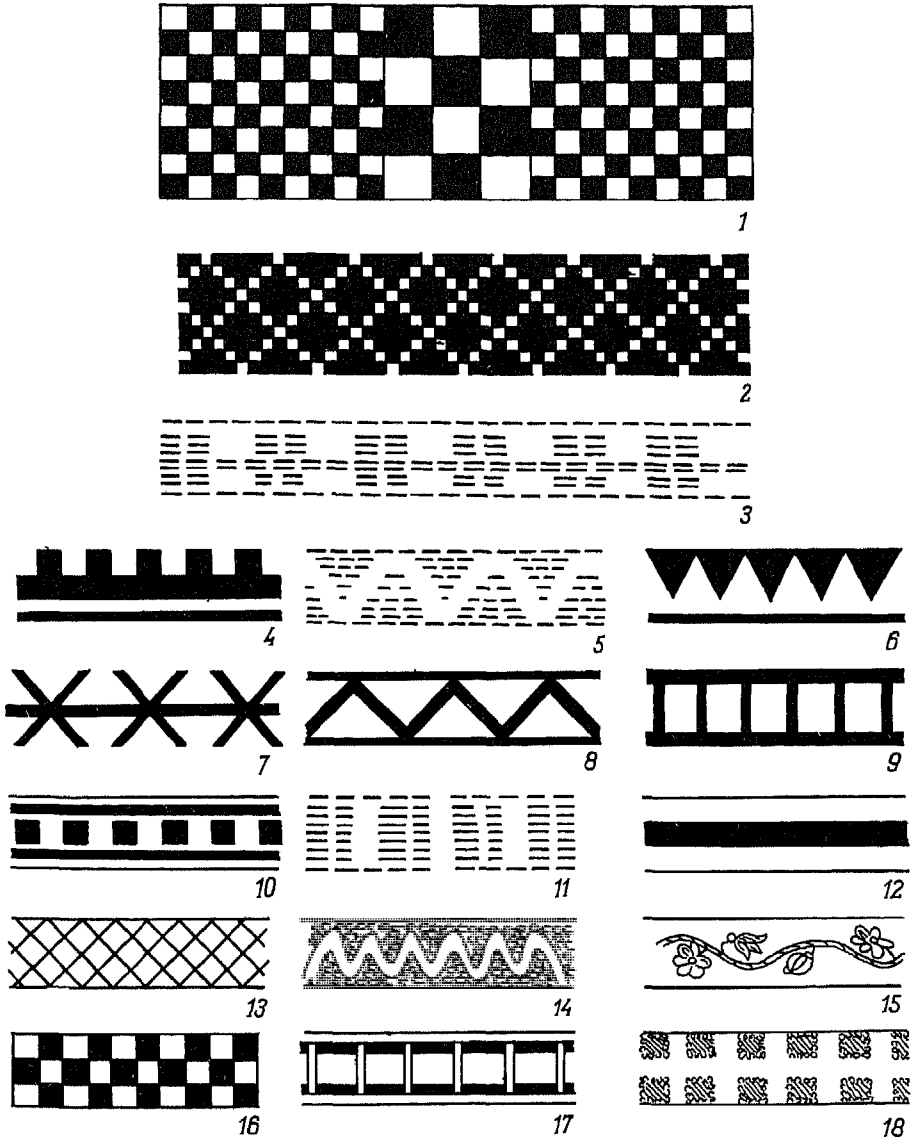
Большую ценность представляют записанные А. П. Горлановым данные о традиционных способах крашения кож и о добыче краски [49, с. 134—146].

Свой вклад в изучение народного декоративного искусства внесли советские исследователи.

В 1949 г. В. В. Антропова на материале фондов МАЭ обстоятельно описала старинный ительменский орнамент на деталях собачьих саней-нарт, на упряжи и палках-оштолах [31, с. 47—92].

Некоторые сведения о традиционном орнаменте ительменов были опубликованы С. В. Ивановым в «Историко-этнографическом атласе Сибири» [91, с. 402; табл. 24], в монографии «Орнамент народов Сибири как исторический источник» (в главе «Народы Крайнего Северо-Востока») [88, с. 163—248] и в книге Н. В. Кочешкова «Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР» [106, с. 83—95, 165—168].

Такая явно недостаточная, фрагментарная изученность народного декоративного искусства ительменов в наши дни объясняется в основном двумя причинами. Во-первых, тем, что сохранилось лишь небольшое количество предметов, на примере которых можем судить о традиционном ительменском искусстве, а во-вторых, тем, что начиная с XIX в. оно настолько изменилось под влиянием русской художественной культуры, что почти начисто утратило свою этническую специфику, свое национальное своеобразие.

Орнамент ительменов на изделиях из мягких материалов: 1 — оплетение деревянных частей нарт кожаным ремешком, 2 — меховой коврик, 3, 5, 11, 14, 15, 18 — узоры на алыкс, 4, 6, 8, 9, 10, 12, 16—17 — узоры на меховой одежде, 7, 13 — узоры на бересте Таблица составлена Н. В. Кочешковым по работам В. В. Антроповой, И. Г. Георги и С. В. Иванова.

В декоративном искусстве народности, как и в искусстве других северовосточных палеоазиатов, можно четко выделить женское домашнее художественное производство (главным образом изделия из мягких материалов — кожи, ткани, меха, волокон растений) и мужское ремесло (изделия из

твердых материалов — камня, кости, дерева, металла, изготовлявшиеся, как правило, на заказ).

Художественные изделия из мягких материалов. Кожа и мех животных, а также птичьи перья являлись одними из самых древних и распространенных

у ительменов материалов, из которых шили себе одежду и обувь, изготовляли различные пологи, сумки, другие предметы обихода.

В XVIII в. ительмены в совершенстве владели уникальным приемом переплетения различно окрашенных кожаных ремешков. Ими они оплетали копылья и другие части старинных собачьих саней-нарт, а также ремни, ременные петли и оштолы. И если нарты изготовлялись мастерами-мужчинами, то их декоративная отделка была главным образом в руках женщин.

Верхней зимней одеждой ительменов была, как известно, двойная куклянка. Подол, рукава и капюшон ее мастерицы опушивали «рослою белой собачиной, что выше всякого пуху почитается» [107, с. 387], а верх шили из шкур оленя разных цветов. Декоративное оформление такой куклянки состояло из ремешков, «распестренных краскою», и из медальонов, расшитых шелками.

По данным Г. В. Стеллера, «куклянки и парки украшала пришитая по подолу весьма красивая кайма» [215, с. 305]. К подолу парки оленьей «пришиваются подзоры, шелком шитые,—отмечал С. П. Крашенинников,—а к подзорам пух бобровый или выдряной, ворот и рукава пушатся бобром же или выдрюю, надевается с головы. Кожи, из которых шьются, крашены ольхою» [107, с. 703].

Эти подзоры, или «опуваны», отражали старинные этнические традиции ительменов. Вот как их описал С. П. Крашенинников: «Подзоры, у северных камчадалов чисту, а у южных *еганем* называемые, шьются следующим образом. Замшею ремень пальца на полтора разчерчивается клетками в три ряда, клетки длиною бывают около полувершка, и каждая разным шелком расшивается, включая верхний ряд, который через клетку вышивается белыми волосами из бороды оленьей. К такому ремню сверху и снизу пришивают по красному или черному мандарному ремню, который узорами ж из собачья горла выделанного наподобие лайки распестрен.

Кремням пришивают собачье ж горло, вырезанное зубцами и обложенное крашеною шерстью. Но шелковые подзоры начали шить по покорении, а до того распестряли их оленьими волосями, крашеною шерстью и собачьим горлом» [там же, с. 387—390].

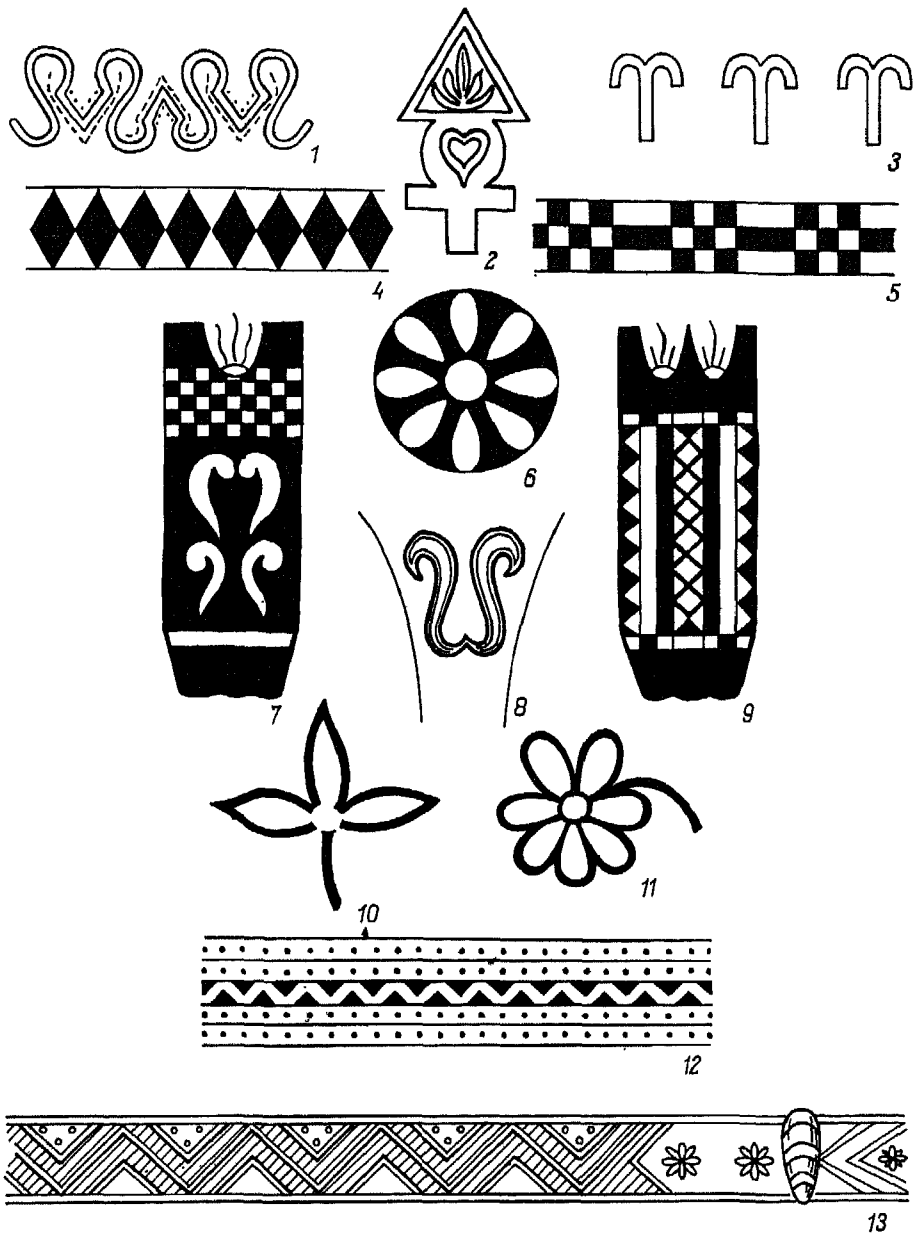
От наблюдательного глаза Г. В. Стеллера не ускользнула старинная ительменская парка, сшитая из «мехов лисьих, бобровых и собольих, столь высоко ценимых русскими приказчиками и даже за границей» [215, с. 304].

Вполне логично, что такой великолепно отделанной парке соответствовала и ительменская обувь в виде шитых *торбасов*. Подошва у этих торбасов изготовлялась из тюленьей белой кожи, головки — из красной мандарки, союзки — из белой лайки («собачье горло»), а голенища — из замши или из тюленьей крашеной кожи, к ним наверху пришивались широкие подзоры, такие же красивые, как и к паркам [107, с. 392].

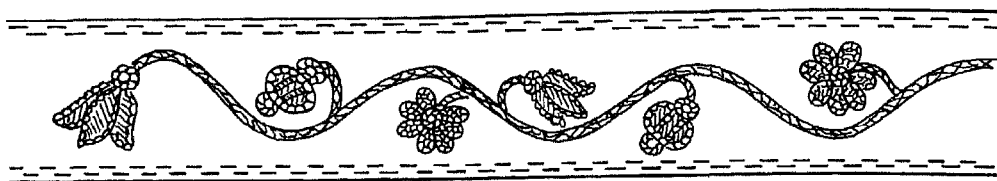
В конце XVIII—начале XIX в. мужчины зимой надевали капоробразный головной убор *пэхэ?л*, по покрою и по материалу очень похожий на корякский или чукотский [91, с. 333]. Затылочную часть такого капора украшали подвесками из белой или красной кожи, а также нанизанными на нитку крупными бусинами; на темя иногда пришивали разноцветный бисер [191, с. 100].

В женском искусстве ительменов до начала XX в. значительное место занимали плетеные изделия — корзины *л'эпхэ* и *ч?ипск'эл* (первая изготовлялась из соломы, вторая — из обычной высушенной травы) [там же, с. 146—147]. Корзины обычно украшались плетеными полосками разноцветной ткани [там же, с. 147].

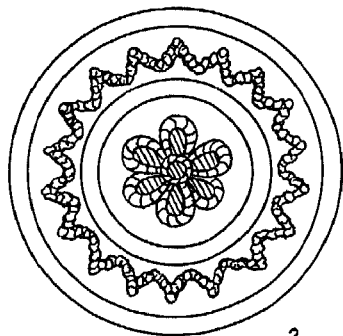
Замечательными образцами художественной обработки изделий из мягких материалов являются хорошо сохранившиеся в ряде случаев до наших дней кожаные детали старинных ительменских саней-нарт, находящихся в коллекциях и в фондах Музея антропологии и этнографии, Государственного музея этнографии народов

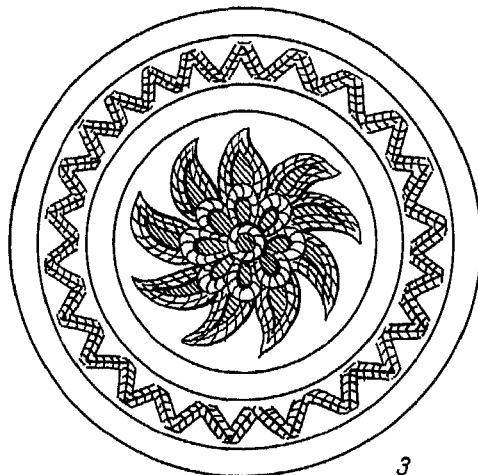
Орнамент ительменов на изделиях из твердых материалов: 1, 3, 8 — узоры на металлических частях оштелов саней. МАЭ, № 865-1-а, 20-25-в, 408-60; 2, 4—7, 9—11 — резные узоры на деревянных предметах. МАЭ, № 20-31, 4289-2-а, 20-26, ХКМ, № 1438, ПКМ, № 980; 12 — костяная пластинка от ремней для привязывания собак, МАЭ, № 20-26-6-а; 13 — металлическая пластинка на полозьях саней. МАЭ, № 4289-2-а. Таблица составлена Н. В. Кочешковым.

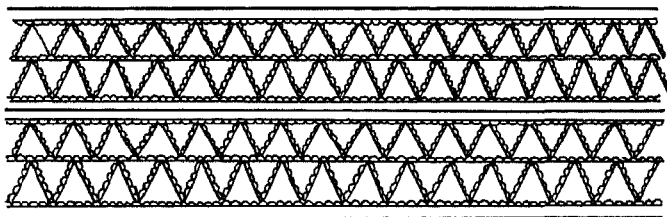
1

2

3

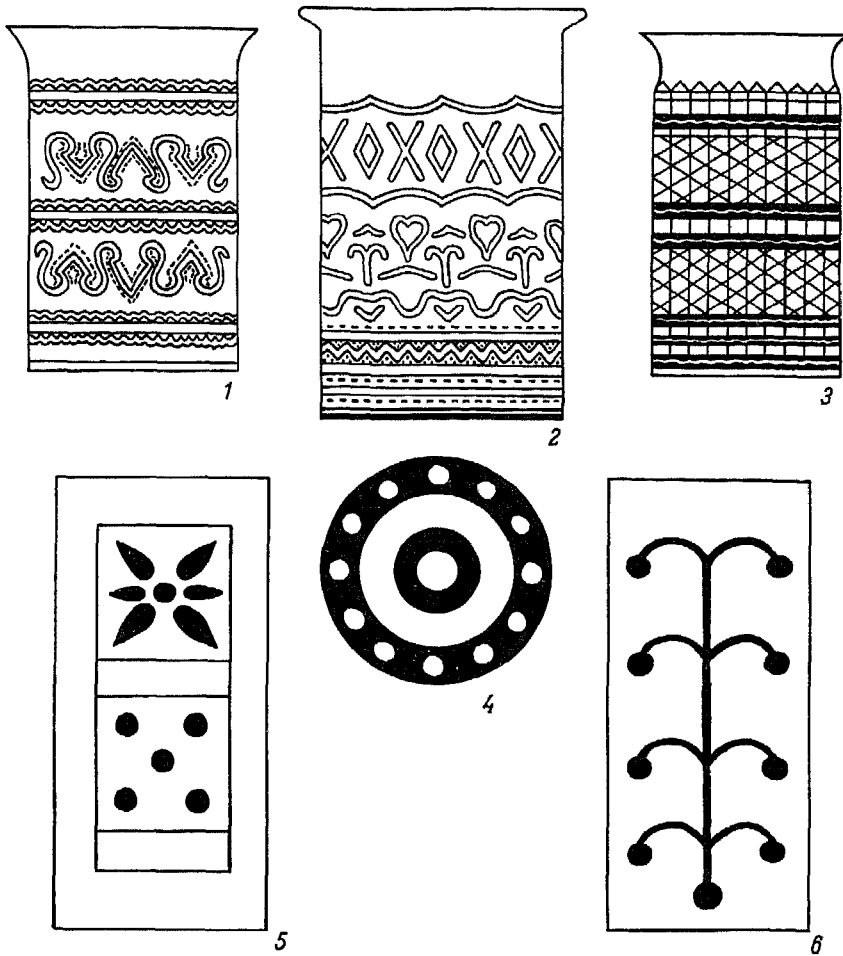
4

Образцы орнамента на собачьих алыках. Таблица составлена Н. В. Кочешковым по изделиям из коллекции МАЭ.

СССР, Приморского краеведческого музея им. В. К. Арсеньева, Хабаровского краеведческого музея, Иркутского областного краеведческого музея [330; 327; 333; 332; 324; 336; 337; 326].

Копылья, кузов, дощечки, изготовлявшиеся мастерами-мужчинами, оплетались ремешками коричневого и желтого цвета, расположенными в шахматном порядке. Окраска желтых ремешков является, по-видимому, естественной окраской нерпичьей

кожи, а коричневые ремешки выкрашены настоем ольховой коры. Кожаные части упряжи обшивались, как правило, покупным разноцветным сукном. Алыки саней-нарт украшали мотивы растительного орнамента, который выполнялся тамбурным швом, нитками красного, малинового, желтого, лилового, зеленого цветов. На алыке передовой собаки были два кружка, как бы наложенные друг на друга. Один кружок сшит из красного сукна, другой — из зеленого, их

Образцы декора ительменских саней конца XVIII в.: 1—3 — инкрустация оштола саней, 4 — деревянная резная пуговица, 5—6 — резной декор саней (из коллекции МАЭ и ПКМ) Рис Н. В. Кочешкова.

края обшиты шелком и подбиты парусиной и тиком. Декоративное украшение алыков было очень ярким, хорошо гармонировало с желтыми и коричневыми строго геометрическими узорами кожаных ремешков упряжки и саней-нарт.

Алыки из фондов МАЭ (колл. № 20—26) не обшиты сукном, но зато богато орнаментированы нитками из сухожилий.

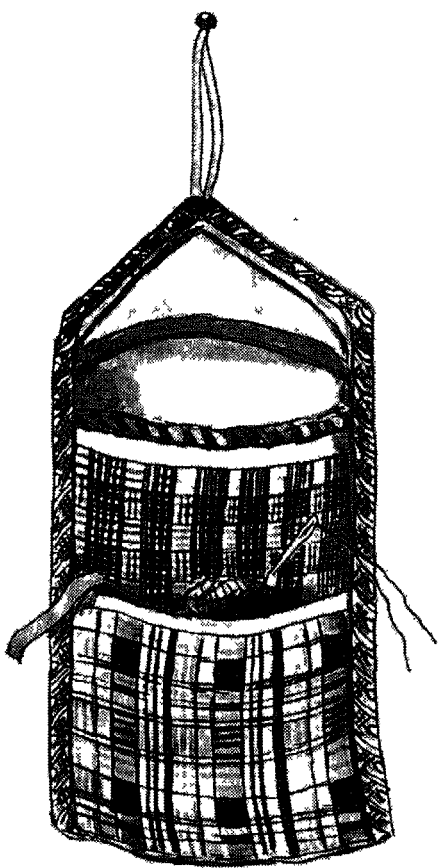
Сани из фондов ГМЭ и ПКМ декорированы орнаментом не так богато, как сани из фондов МАЭ, но сам характер декора, композиции и мотивы орнамента аналогичны на всех

сохранившихся ительменских санях, что свидетельствует об определенной этнической традиции, весьма стойкой и бытовавшей вплоть до начала XIX в.

На декоративное оформление традиционных саней шли, как правило, ремни из крашеной тюленьей кожи.

Изделия из бересты не имели такого широкого распространения у ительменов, как, например, у нанайцев или ульчей. На Северо-Востоке Азии необходимый материал для их изготовления или отсутствовал, или был редок. И все же для сбора ягод ительмены изготавливали необходимые

Сумка для хранения швейных принадлежностей Работа У Дьяконовой Фото Н К Старковой, 1963 г

им берестяные туески и коробочки [191, с. 143—145]. Некоторые берестяные изделия ительменов украшались тисненым геометрическим орнаментом [88, с. 205].

Таким образом, одежда и обувь ительменов, орнаментация кожаных деталей на санях, плетение из травы и тиснение на бересте являют собой примеры высокого искусства и хорошо развитого художественного вкуса женщин-мастериц, этих «превеликих искусниц», как называл их вполне заслуженно С. П. Крашенинников и чьими изделиями так восхищался Г. В. Стеллер.

Именно ительменские мастерицы

создали своеобразную классику народного декоративного искусства, традиции которого, к сожалению, были в силу разных причин полностью утрачены еще в XIX в.

Художественные изделия из твердых материалов. Мужчины-ительмены создавали свои изделия из твердых материалов чуть ли не до первой половины XIX в. Они умели весьма искусно обрабатывать кость, дерево, камень и металлы.

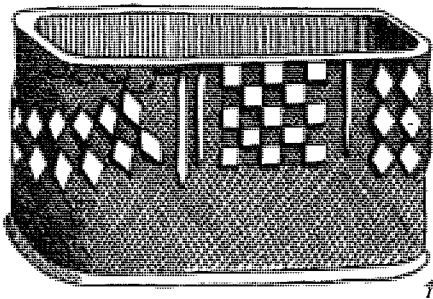
Железные предметы ительмены получали, согласно данным С. Н. Стебницкого, из Японии через посредство курильских айнов, а также из Маньчжурии через охотских эвенов и эвенков [227, л 17].

В процессе освоения готовых металлических изделий ительмены знакомились с технико-художественными приемами их изготовления. А затем и сами, по-видимому, научились изготавливать предметы из железа, которые украшались линейной резьбой, чеканкой, накладным серебром или латунью, а металлические части оштелов саней-нарт имели иногда профилированные края.

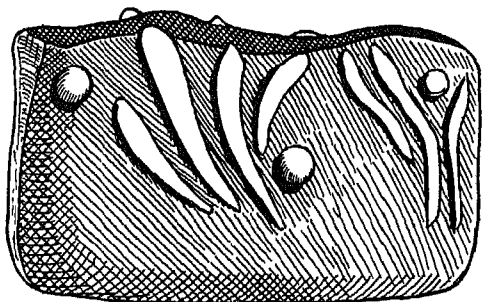
Орнаментика последних отличается большим своеобразием. В ней встречаются редкие для других северо-восточных палеоазиатов фигуры в виде «сердечек», парные «рожки», S-видные спирали, переходящие в узоры, похожие на наконечники копий, различного рода кривые линии, ромбическая сетка и т. п. Происхождение этих мотивов до сих пор остается неясным. Некоторые сходные с ительменскими мотивы орнамента встречаются, например, в народном декоративном искусстве якутов [129, с. 23—28], но композиция их совершенно иная.

Декор металлических частей ительменских саней-нарт отражает достаточно полно этнические традиции в декоративном искусстве народности.

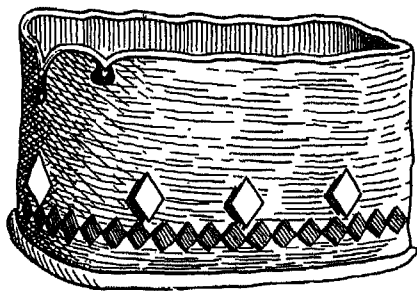
Весьма своеобразно инкрустированы железные набалдашники оштелов из собрания МАЭ [331; 328; 335]. Они имеют вид трубки, плотно насаженной на оштел. Верхний конец трубки несколько расширен и имеет небольшое отверстие посередине для

1

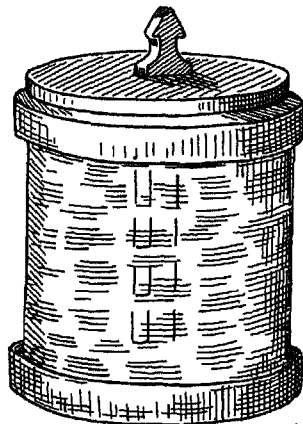

2

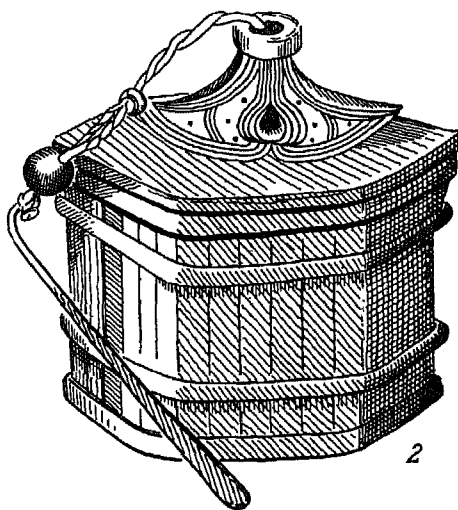

3

«Ительменские мотивы». Работа З. А. Машинной (1981—1982 гг.): 1—2 — чуманы для черемши; 3 — икорница. Керамика, инкрустация, глазурь. Художественный фонд РСФСР.

1

2

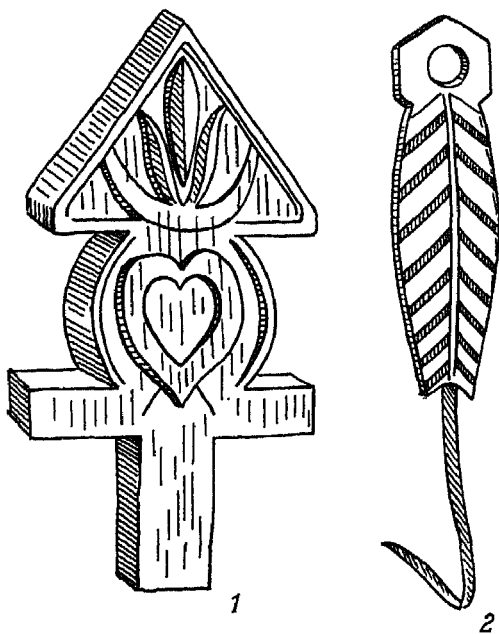
Табакерки: 1 — берестяная с деревянной крышкой; 2 — деревянная с костяной резной головкой (МАЭ, колл. № 704-8).

штифта. На этот конец была насажена пластинка с погремушками, представляющими собою железные колечки с трубочками. Они при движении саней издавали шум [31, с. 60—61]. Один из оштелов искусно инкрустирован серебряными тончайшими зигзагообразными полосками, проходящими посередине вверху и внизу украшаемой поверхности и делящими ее на два больших поля. По этим полям «пробегает» S-образный орнамент, отдельные части которого соединяются острыми пиками. Линии основ-

ного орнамента подчеркиваются так называемым «точечным» узором.

Инкрустация оштела из коллекции МАЭ № 20—26 очень сложна: ряды ромбов и прямые перекрещивающиеся линии, «сердечки», «роговидные» узоры, сложная волнистая линия, а ниже: весьма стройные ряды строго геометрического орнамента — зигзага и «точечного» узора.

И наконец, совершенно иная орнаментация на инкрустированном железном оштеле из коллекции МАЭ № 4289-2-в. Здесь простейшая сетка

Резные изделия ительменов конца XVIII—начала XIX в.: 1 — деревянное украшение перед входом в жилище (МАЭ, колл. № 20-31); 2 — костяная «вязка» для привязывания собак во время отдыха (МАЭ, колл. № 20-26а). Рис. Н. В. Кочешкова.

орнамента как бы окантована и разделена посередине полосами очень мелкого волнистого узора, криволинейная форма которого сильно контрастирует со строгой геометрической прямолинейностью основной декоративной композиции.

Материалов по художественной обработке кости ительменами сохранилось очень мало. Этот вид искусства сегодня известен только по весьма редким образцам. Но и то, что сохранилось, свидетельствует об умении мастеров создавать интересные в художественном отношении образцы национального косторезного искусства.

Рассмотрим некоторые из них.

Резным орнаментом по кости ительмены украшали в XVIII в. деревянные табакерки «колтон» [334; 329], старинные пластинки-вязки для собачьих ремней, пуговицы для собачьих лямок [325], костяные пряжки для поясов [211, tabl. 16].

Ительменский резной орнамент на кости, судя по рассмотренным образцам, очень близок по своему характеру алеутскому и эскимосскому, который еще в XIX в. удерживал целый ряд мотивов древнеберингоморской орнаментики [88, с. 181]. Что же касается орнаментики южных ительменов, то в ней содержится немало черт, близких искусству айнов, а также искусству народностей Нижнего Приамурья. Таковы, например, мотивы переплетающихся лент, напоминающие звенья цепочки, которыми была украшена старинная ительменская костяная пряжка от пояса, найденная В. И. Иохельсоном во время археологических раскопок на берегу Курильского озера [211, с. 71—72].

Образцы резьбы и росписи по дереву у ительменов представлены в музейных собраниях также в ограниченном количестве, главным образом на частях собачьих саней-нарт XVIII—начала XIX в.

Первое, что бросается в глаза при исследовании этих образцов, — сходство большинства из них с уже описанными выше мотивами орнамента на меховых изделиях и с узорами, сплетенными из простых или из окрашенных кожаных ремешков.

Такова, например, орнаментика на деревянных частях саней из собрания МАЭ [334], представляющая собою различно комбинированные светлые и темные окрашенные квадраты, прямоугольники, ромбы, треугольники. Среди геометрических узоров, нанесенных краской, совершенно отчетливо просматривается зигзаг с уголками и зигзаг из точек. Эти мотивы очень древние и сходны, как считает С. В. Иванов, с корякскими [88, с. 189]. Но интересно, что рядом с ними на частях тех же саней-нарт имеются и другие мотивы, заимствованные ительменами у русских. Это растительные узоры на санях-нартах из Хабаровского краеведческого музея [337], а также на санях-нартах из фондов Приморского краеведческого музея [336].

Как мы уже отмечали, мотивы пришедшего к ительменам от русских

растительного орнамента были распространены весьма широко и в рукоделии ительменских мастериц XIX—начала XX в. Появление этих мотивов было связано, вне всякого сомнения, с выходом художественной продукции народностей Крайнего Северо-Востока Азии на внешний рынок и сильным влиянием на нее русского народного декоративного искусства [88, с. 226].

Следует отметить, что заимствованные ительменцами цветочные и другие растительные узоры стали позже распространяться также и на перчатках, и на ковриках из нерпичьей шкуры.

При этом важно отметить такую деталь: растительный орнамент стал удивительно гармонично сочетаться с традиционным полосовым, геометрическим, а в технике исполнения немаловажную роль стала играть старинная вышивка оленьим волосом. Заимствование русских цветочных узоров привилось в народном декоративном искусстве ительменов так быстро, очевидно, еще и потому, что совпало с общим направлением северного орнамента, эволюция которого, как верно заметил С. В. Иванов, шла «по линии превращения геометрических мотивов в растительные» [там же, с. 239—240]

Таким образом, русский растительный орнамент постепенно превратился в органическую составную часть ительменского национального декора

Итак, как можно было видеть, в народном декоративном искусстве ительменов XIX—начала XX в. (вплоть до 20-х гг.) были живы еще некоторые этнические традиции, нашедшие наибольшее свое выражение в способах обработки мягких и твердых материалов, а также в сохранившихся мотивах геометрического орнамента, общих для всех палеоазиатских народностей Крайнего Северо-Востока С приходом на Камчатку русских в искусстве ительменов произошли за короткий срок большие изменения, что уже в XIX в. исследователи могли с полным основанием

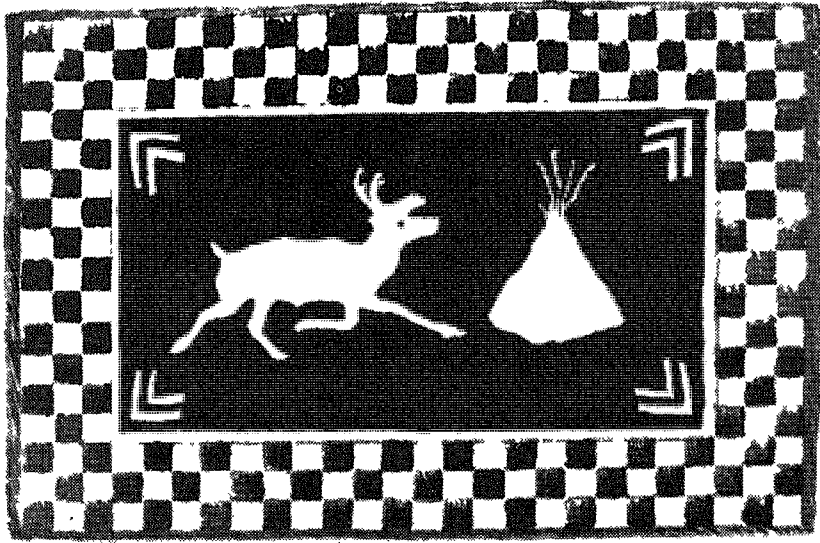

Мастерица Л. Н. Толман (с Тигиль)

утверждать о почти полном исчезновении старинного аборигенного искусства.

В наше время все настойчивее ставится проблема возрождения лучших этнических традиций в искусстве народов. В современном искусстве ительменов наблюдается процесс возобновления незаслуженно забытых изделий из традиционных материалов.

Своеобразно трансформировался и орнамент народности. Он занимает как бы промежуточное положение между геометрическим и растительным. Как правило, растительный орнамент хорошо «вписывается» в полосу, а подшейный волос оленя кажется исключительно четким на темном фоне крашеной ровдуги. На современных изделиях олений волос употребляется вместе с шелковыми нитками, которые то подплетаются к пучкам волоса, то выступают более самостоятельным вкраплением в общей гамме декоративных швов.

Ковер «Олень». Работа Л. Н. Толман, 1963 г. Олений мех, ровдуга, аппликация, мозаика. Из собрания Н. К. Старковой

С середины 80-х гг. на местах, в селениях, где живут ительмены, заметно оживилась творческая деятельность мастериц, создающих национальную женскую и мужскую зимнюю одежду, а также обувь и вышитые коврики, кожаные сумочки, плетеные корзины и берестяные туеса, украшенные национальным орнаментом.

Эта работа только началась, и уже появились на районных и областных выставках народного творчества первые интересные произведения, открываются новые таланты художников из народа. Так, мастерица из пос. Тигиль Тигильского района Л. Н. Толман создала замечательный по красоте и по отделке ковер «Олень», удачно сочетав при его изготовлении мех оленя, камус, меховую мозаику, шитье оленьим волосом. Молодая мастерица Зинаида Машихина талантливо воссоздала в материале керамики и фаянса традиционные формы итель-

менских чуманов для черемши и икорниц [60, рис. 35].

Ительменский художник-педагог В. Запороцкий много и неустанно работает с одаренными детьми, пробуждая в них любовь к национальному искусству [127, с. 8].

Работа по подъему народного искусства очень сложна и трудна, она сможет и должна дать свои заметные результаты только тогда, когда к этому искусству будет привлечена молодежь, когда она почувствует потребность в изучении и приумножении подлинных образцов национального творчества.

Народное творчество ительменов сегодня очень нуждается в срочной помощи и поддержке как со стороны советских, партийных, общественных организаций, так и со стороны специалистов: художников-прикладников, искусствоведов, этнографов, работников музеев.

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ, ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

До Великой Октябрьской социалистической революции абсолютное большинство населения Камчатки было лишено элементарной медицинской помощи. Потребности жителей громадного Петропавловского уезда, например, обслуживали в 1912 г. всего 4 медика — фельдшер и три сестры милосердия. Говорить в таких условиях об охране здоровья народностей Севера вообще не приходилось. Антисанитария, систематические голодовки, недоброкачественная пища, инфекционные болезни уносили ежегодно десятки людей.

К концу гражданской войны в результате общего ухудшения условий жизни положение коренного населения стало по-настоящему трагическим. Имевшиеся медицинские учреждения бездействовали. Повсеместно свирепствовали эпидемии. Спасение народов Севера от вымирания стало срочной государственной задачей. Основную тяжесть этой работы на первом, самом сложном, этапе взяло на себя Российское общество Красного Креста (РОКК). Для проведения санитарно-профилактических мероприятий и медицинского обслуживания северных народностей обществом были созданы передвижные врачебно-санитарные отряды. Один из них в 1925 г. был направлен в Тигильский район.

Медикам предстояло выяснить санитарно-эпидемиологическую обстановку в районе, разработать эффективные меры по оздоровлению населения. Медицинское обследование выявило среди ительменов много больных туберкулезом, трахомой, венериче-

скими болезнями. По этим причинам около 10 % всех ительменов были нетрудоспособными. В Утхолоке число таких лиц достигало 13 %, в Хайрюзове — 12, в Морошечном — более 10 % [320, л. 82].

Для оказания практической помощи больным в 1926 г. при отряде был открыт небольшой стационар. Два года отряд РОКК базировался в Тигиле, оказывая медицинскую помощь окрестным жителям, а в 1928 г. переехал в Хайрюзово. Позднее к работе приступили еще два передвижных врачебных отряда — в районе Паланы в 1929 г. и в верховьях реки Тигиль в 1933 г. Работа отрядов отличалась высокой эффективностью. Хайрюзовский врачебный отряд, например, за неполных три года (1931—1934) оказал помощь около 15 тыс. больным, за это время было проведено 2539 хирургических операций [33, с. 195].

Параллельно с работой общества Красного Креста разворачивалась деятельность медицинских учреждений Наркомздрава. В 1926 г. в районе уже имелось два фельдшерско-акушерских пункта. На их нужды в 1927 г. было отпущено 14 055 руб. — в 3 раза больше, чем в 1926 г. Большую помощь медикам оказывали местные органы власти. Так, Тигильский ревком в 1927 г. шесть раз на своих заседаниях решал вопрос охраны здоровья [248, л. 3].

Становление системы советского здравоохранения у ительменов пришлось на годы крайне неблагоприятной санитарно-эпидемиологической

обстановки. В течение двух лет (1925—1926) по Камчатке прошли, сменяя друг друга, три эпидемии — кори, скарлатины и гриппа. Они вызвали большую смертность коренного населения, особенно детскую. Убыль населения отмечалась и в Тигильском районе. В ительменских селах, где имелись медицинские учреждения, последствия эпидемии удалось в значительной степени нейтрализовать. Усилиями медиков были спасены многие жизни [251, л. 33].

Успехи медицины в борьбе с инфекционными болезнями укрепляли доверие народов Севера к работе врачей. Один из первых советских медиков, работавших в те годы среди ительменов, врач Хайрюзовского отряда РОКК С. И. Винокуров сообщал в Дальневосточный комитет Севера: «Население отнеслось недоверчиво к приехавшим врачам, но когда на их глазах стали выздоравливать полумертвые, то больные потянулись за сотны верст. Даже коряки, обитатели тундры, не знающие в своей жизни медицинской помощи, стали обращаться в больницу» [255, л. 78].

Медицинские работники кроме лечебной вели большую санитарно-просветительную работу: прививали местным жителям навыки личной гигиены, учили оказывать первую помощь, ухаживать за больными детьми, мыть полы и посуду, стирать белье, следили за санитарным состоянием жилищ и населенных пунктов. По их инициативе проводились месячники борьбы за здоровый быт. Благодаря их настойчивости со второй половины 30-х гг. в ительменских селах стали исчезать «кислые ямы». Местные Советы строго следили, чтобы они закладывались не ближе одного километра от населенного пункта [250, л. 99; 256, л. 43].

Образование Корякского национального округа открыло новый этап в развитии здравоохранения у ительменов. С этого времени сеть медицинских учреждений начинает быстро расширяться. Кроме Тигиля, открываются больницы в Палане, Хайрюзове, на Птичинском крабоконсервном

заводе и в поселке Корн. В Ковране, Напане и Сопочном появляются фельдшерские пункты. Кроме того, в районе имелось 3 амбулатории и кожно-венерологический диспансер. Было положено начало оздоровительной работе с детьми — в Тигиле и Хайрюзове работали постоянно действующие детские ясли, в других селах на летний период открывались сезонные.

Улучшилась обеспеченность кадров медработников. В конце 30-х гг. в округ прибыло несколько врачей. Появились специалисты, подготовленные на месте. В Петропавловске-Камчатском с 1936 г. работала фельдшерско-акушерская школа, в Палане в 1940 г. открылись курсы медсестер. На 1 января 1941 г. в Тигильском районе имелась 61 больничная койка, в 17 медицинских учреждениях работало 5 врачей и 22 медика со средним специальным образованием [281, л. 26]. По числу жителей на одного врача район соответствовал общесоюзным показателям, а по числу больничных коек на 10 тыс. человек опережал их более чем в 3 раза.

Высокими темпами рос бюджет районного здравоохранения. Если в 1937 г. на его нужды была ассигнована 201 тыс. руб., то в 1940 г. — 518 тыс. В предвоенные годы улучшилось материальное положение сельских медиков. Повысилась техническая оснащенность медучреждений.

Несмотря на некоторые успехи в развитии здравоохранения, регулярным медицинским обслуживанием накануне Великой Отечественной войны были охвачены не все ительмены. Медицинские учреждения имелись не во всех селах. Из-за отсутствия специалистов некоторые фельдшерские пункты не работали. Вместо них действовали так называемые пункты первой помощи, в которых можно было получить лишь простейшие лекарства и консультацию [292, л. 1].

В районе отсутствовала специализированная медицинская помощь. Исключительно слабой была материально-техническая база здравоохранения. Больницы и медпункты располагались в приспособленных помеще-

ниях, не имели соответствующих условий. Капитальные вложения на строительство медучреждений долгие годы были весьма незначительными и даже имели тенденцию к снижению. Так, в 1931 г. Тигильскому району на эти цели было отпущено 11 тыс. руб., а в 1936 г. лишь 3.4 тыс. Правда, в последние предвоенные годы округу для строительства медицинских объектов были выделены достаточно крупные средства — около миллиона руб. [43, с. 97], однако они так и не были освоены.

Несовершенство системы здравоохранения, трудности военного времени сильно осложнили охрану здоровья ительменов в годы Великой Отечественной войны: закрылись некоторые медицинские учреждения, сократился медицинский персонал. По существу была приостановлена борьба с туберкулезом. Район испытывал нехватку медикаментов, ухудшилось качество лечения, ослабла профилактическая работа. Имели место вспышки эпидемических заболеваний. Естественный прирост коренного населения сильно сократился, в отдельные годы умирало больше, чем рождалось. У ительменов, например, детская смертность достигала 20 % и более. Общая численность ительменов в районе уменьшилась в 1939—1945 гг. почти на 15 % [295, л. 196].

Улучшение медицинского обслуживания стало важнейшей задачей послевоенного строительства. Решить ее собственными силами округ был не в состоянии. Требовалась большая материальная и кадровая помощь, и она была оказана. В 1947 г. Хабаровский крайисполком направил для работы в Корякский национальный округ 6 врачей и 31 медика средней квалификации. Помощь врачами кадрами оказал также Камчатский облисполком. В округ завезли двухгодичный запас лекарств, началось обновление медицинского оборудования. В 1948 г. в Тигильском районе работала врачебная экспедиция Хабаровского крайздрава [297, л. 312; 269, л. 24].

К 1950 г. медицинские учреждения были созданы во всех ительменских

селах. В Тигиле, Хайрюзове, Сопочном работали больницы, в остальных — медпункты. В Тигиле и Палане открылись санитарно-эпидемиологические станции. Значительно расширились возможности специализированной помощи. В районе работали хирург, гинеколог, педиатр, окулист, венеролог, фтизиатр [292, л.25]. Бюджет здравоохранения Тигильского района вырос к довоенному уровню более чем в два раза и составил в 1950 г. 1136 тыс. руб. Крупной статьей расхода в бюджете стала бесплатная выдача лекарств коренному населению.

Наибольшую опасность для здоровья коренного населения в послевоенные годы по-прежнему представлял туберкулез. В 1947 г. у ительменов на долю таких больных приходилось 38.5 % всех смертей, у коряков — 39.3 %, у русских — 6.2 %. Имелось много не диагностированных больных. Серьезную опасность представляла также трахома. Работа врачебной экспедиции в Тигильском районе в 1948 г. показала, что ею больны 40 % народностей Севера [275, л. 47; 298, л. 138].

Распространению этих болезней способствовали плохие жилищные и бытовые условия, слабость диспансерного лечения, отсутствие противотуберкулезных диспансеров. Существующая в районе медицинская сеть, ее материально-техническая база не отвечали задачам эффективной борьбы с этими болезнями. Отсутствовала рентгеноскопическая аппаратура. В Тигиле больных госпитализировали только со своими койками. Окружная больница в Палане строилась с 1941 г. и в 1948 г. все еще не была сдана в эксплуатацию. Ни один медицинский пункт Тигильского района не имел специального здания.

50-е гг. прошли в районе под знаком активной борьбы с социально-бытовыми болезнями. Началось плановое медицинское обследование народов Севера. Усилилась санитарно-просветительная пропаганда. Большую работу по выявлению и лечению туберкулеза провела экспедиция министерства здравоохранения РСФСР со

стационаром на 35 коек, по борьбе с трахомой — передвижной медицинской отряд.

Расширилась сеть лечебно-профилактических учреждений, улучшилась их материальная база.

Все это позволило поднять уровень медицинского обслуживания, добиться существенных успехов в деле оздоровления коренного населения. За 5 лет (1959—1963) в районе было снято с учета 357 коренных жителей, ранее болевших туберкулезом. Число таких больных сократилось у ительменов Тигиля с 57 до 12, Напаны — с 25 до 5, Коврана — с 38 до 26, Хайрюзова — с 73 до 23 и т. п. В Сопочном к 1963 г. не осталось ни одного туберкулезного больного. С 687 до 11 человек сократилось число больных трахомой [284, л. 88].

В Тигильском районе начался стабильный прирост численности народов Севера. Уже в 1950—1954 гг. их смертность в сравнении с 1943—1949 гг. сократилась в 2,9 раза, в том числе детская в 3 раза. Число родившихся в эти годы было в 1,6 раза больше числа умерших [273, л. 74].

Серьезную озабоченность медиков в середине 50-х гг. вызывало положение с детскими инфекционными болезнями. Отсутствие у народов Севера иммунитета, учащение контактов коренных и приезжих жителей стали причиной роста заболеваний корью, скарлатиной, гриппом. В 1950—1954 гг. число таких заболеваний выросло почти в 2 раза — с 347 до 683 [там же, л. 75]. Использование достижений медицинской науки, эффективных лечебных средств, применение новых методов лечения, рост санитарной культуры коренного населения позволили к началу 60-х гг. снять остроту этой проблемы.

Большую роль в укреплении здоровья сыграли на этом этапе меры по улучшению условий труда и жизни народов Севера. С конца 50-х гг. колхозы района развернули большое жилищное и социально-культурное строительство. За 5 лет (1959—1963) в новые дома переселилось более 200 семей колхозников. По линии Сове-

тов было построено 3800 кв. м жилья. В последующем темпы жилищного строительства еще более выросли. Ительменский колхоз «Красный Октябрь», например, в VIII пятилетке ежегодно сдавал в эксплуатацию по 25—30 квартир. В эти годы благоустроенным жильем была обеспечена большая часть туберкулезных больных [284, л. 38].

Концентрация населения в более крупных поселках открывала благоприятные возможности для коренного улучшения быта народов Севера. Осуществлялась электрификация, были в основном решены проблемы обеспечения доброкачественной питьевой водой. Школы, интернаты, медицинские и детские дошкольные учреждения стали переводиться на водяное отопление.

Во всех национальных селах появились детские сады и ясли, при них стали создаваться санаторные группы. Для ослабленных детей в Тигильском районе были открыты два детских санаторных сада, а также санаторно-лесная школа. К концу 60-х гг. на полном государственном обеспечении находилось более 90 % детей ительменов.

Рост материального благосостояния коренного населения, улучшение торгового обслуживания заметно изменили структуру питания. Оно стало более разнообразным. Так, например, в 1965—1968 гг. потребление фруктов в национальных селах района выросло на 30 %, овощей — на 27, молока и молочных продуктов — на 15 % [242, л. 51].

К концу 60-х гг. медицинская сеть у ительменов стабилизировалась. Число медицинских учреждений в связи с закрытием ряда сел сократилось, зато выросла их качественная сторона. Основным низовым звеном системы здравоохранения стала сельская участковая больница. Здесь оказывали медицинскую помощь по 4—5 специальностям. В центральной районной больнице — по 8—10 специальностям. Открылся противотуберкулезный диспансер. Небольшие фтизиатрические отделения или койки имелись

также в сельских больницах. Для оказания неотложной помощи в Палане было создано отделение санитарной авиации.

За годы VIII пятилетки в 2 раза сократилась детская смертность. Естественный прирост ительменов составил в 1963—1968 гг. 60 человек, или 6 % [271, л. 58]. Начало 70-х гг. ознаменовалось в районе полной ликвидацией заразных форм трахомы, сифилиса. Снизилась заболеваемость туберкулезом.

Дальнейшее совершенствование системы здравоохранения шло по пути развития специализированных служб, укрепления материально-технической базы действующих и строительства новых лечебно-профилактических учреждений. В IX пятилетке, например, вошли в строй районный тубдиспансер, больницы в Седанке и Лесной, амбулатория в Усть-Хайрюзове. в X—XI пятилетках завершилось строительство типовой больницы в Усть-Хайрюзове и нового больничного здания в Хайрюзове, в Воямполке на базе фельдшерско-акушерского пункта созданы амбулаторию, в Тигиле открылся пункт скорой помощи, расширен стационар, создана биохимическая лаборатория. По числу больничных коек и медиков средней квалификации на 10 тыс. населения Тигильский район стал опережать общесоюзные показатели [134, с. 542—544; 220, 1982, 27 марта].

Улучшилась охрана здоровья матери и ребенка. В начале 70-х гг. в родильных домах рожало 44 % рожениц коренных национальностей, в настоящее время — почти 100 %. С 16 до 30 дней увеличилось время их пребывания в послеродовых палатах. В большинстве сел открыты молочные кухни. Обеспеченность детскими койками в больницах района достигла 56 на 10 тыс. населения. Это в 4 раза больше, чем в целом по СССР [135, с. 592; 312, л. 25].

Широкий размах приняла диспансеризация сельского коренного населения. С этой целью в районе создан передвижной медицинский отряд. Специальная выездная бригада работает

при окружной больнице. Ежегодно они обследуют более 80 % жителей района. Профилактическими осмотрами на туберкулез охвачено 90 % коренного населения. Оснащение медицинских учреждений новой рентгено-диагностической аппаратурой, внедрение новых методов лечения позволили успешнее бороться с туберкулезом. В IX пятилетке заболеваемость населения туберкулезом сократилась на 24 %, в X — на 40.3 %, в том числе у детей в 2 раза [222, 1984, 16 мая].

К концу XI пятилетки здравоохранение стало важной сферой приложения труда коренного населения. В 1985 г. в Тигильском районе в ней было занято более 120 человек народностей Севера. У ительменов в медучреждениях работало 12 % всех занятых в общественном хозяйстве, половина из них — специалисты с высшим и средним образованием. Это — заслуженный врач РСФСР, главный врач Седанкинской участковой больницы М. П. Запороцкая, гинеколог Тиличинской ЦРБ А. С. Пиркина, терапевты З. К. Ласточкина (Тигиль), Г. Н. Четырина (Оссора) и мн. др.

Важнейшую роль в системе здравоохранения играют в настоящее время сельские участковые больницы. За последние годы выросла их материальная база. Они укомплектованы квалифицированными кадрами и ведут основную лечебно-профилактическую работу. В качестве примера рассмотрю подробнее организацию медицинской службы в одном из ительменских сел — Ковране.

Ковранская сельская участковая больница размещается в приспособленном здании — бывшем школьном интернате. Это общая беда для большинства медицинских учреждений района. В больнице 10 коек, в том числе 4 детские. Штат больницы 17 человек: 2 врача, 4 медсестры, акушерка, 2 фельдшера, 8 человек обслуживающего персонала. В пересчете на 10 тыс. населения обеспеченность жителей Коврана больничными койками, врачами и средним медицинским персоналом значительно выше, чем в целом по СССР или РСФСР.

Больница оснащена разнообразной физиотерапевтической аппаратурой — приборами светолечения, ультразвуковой терапии, ингаляции, парафинолечения и т. п. Имеется достаточный запас медикаментов.

Ежедневно ведется поликлинический прием — 3 тыс. посещений в год. Половина из них — профилактические осмотры. На амбулаторном приеме оказывается 5 видов медицинской помощи: педиатрическая, терапевтическая, акушерская, стоматологическая, хирургическая.

С большой нагрузкой работает стационар больницы. Заболеваемость в Ковране высокая, причем три четверти всех стационарных больных — дети. Медстатистика показывает, что каждый ребенок в Ковране (до 8-го класса включительно) оказывается в больнице минимум два раза в году. На первом месте по степени распространенности стоят простудные заболевания. Обычно абсолютное большинство таких больных не госпитализируется, они лечатся в домашних условиях. В Ковране и в других национальных селах практически все заболевшие дети помещаются в стационар и находятся в нем до полного выздоровления.

Ковранская участковая больница успешно справляется со своими функциями. 70 % больных проходят стационарное лечение, не выезжая из села. Остальные (как правило, это экстренные случаи) направляются на лечение в районную, окружную или областную больницы. В большинстве случаев таких больных вывозит санитарная авиация.

Ежегодно все население Коврана проходит профилактический осмотр. В таких случаях на помощь местным медикам приезжают узкие специалисты из Тигиля и Паланы — фтизиатр, окулист, дерматолог и др. В селе несколько лет нет детской смертности, отсутствуют больные туберкулезом в открытой форме.

Ковранская и другие сельские участковые больницы особой популярностью пользуются у ительменов и коряков старших возрастов. Госпита-

лизацию в районной, тем более окружной или областной больницах они переживают весьма болезненно, и главным образом потому, что в больничном меню отсутствуют блюда национальной традиционной кухни, особенно юкола. Сельские медики хорошо знают эту особенность и стараются в достатке заготовить рыбу, черемшу, создать в больнице обстановку, близкую к привычной, домашней.

Не забыто в национальных селах и старинное искусство народного врачевания. Набор лекарственных растений можно встретить во многих ительменских семьях. В Ковране, Хайрюзове, Тигиле есть особо авторитетные знатоки народной медицины. Элементарными познаниями в этой области обладает и молодежь. К средствам народной медицины чаще всего прибегают за пределами села — на охоте, заготовке сена, в период промысла рыбы, когда рядом не оказывается квалифицированного медика.

Несмотря на успехи, достигнутые в охране здоровья, кривая заболеваемости у ительменов снижалась в последние годы весьма нестабильно и медленно. Победив одну болезнь, медики вынуждены были отступать перед другой. Большим колебаниям была подвержена заболеваемость туберкулезом. Годы и даже пятилетки существенного улучшения сменялись новыми вспышками коварной болезни. Соответственно колебалась смертность. В 1969 г., например, у ительменов был зафиксирован самый низкий к тому времени коэффициент смертности — 8,2, а к 1975 г. он поднялся до 14,5 и продолжал повышаться до 1983 г., когда вновь существенно сократился — до 6 % [313, л. 18]. Здесь мы сталкиваемся с проблемами, характерными для многих народов Севера. Выделим некоторые из них.

Переход к стандартизированным формам жизни, который произошел в последние десятилетия, в некоторых своих проявлениях оказался весьма нецелесообразным с точки зрения здоровья людей. В ительменских селах практический исчезли из повседневного

обращения меховые одежда и обувь, ими пользуются теперь только охотники во время промысла. В высшей степени рациональная одежда и обувь уступили место привозной — кирзовым и резиновым сапогам, курткам из болоньи и т. п. Между тем Север остается Севером.

В явное противоречие с суровым климатом региона пришли жилищные условия. Значительная часть жилого фонда в национальных селах построена в 40—50-е гг. Эти дома устарели не только морально, но и физически. Они сильно обветшали, плохо держат тепло, в жилых помещениях большая скученность. В приспособленных зданиях (как правило, тоже не первой молодости) располагается большинство детских учреждений. И не случайно именно в них наиболее высок уровень простудных заболеваний. В 1981 г. в целом по округу на тысячу воспитанников детских дошкольных учреждений приходилось до 2,5 тыс. случаев острых респираторных заболеваний. Примерно на таком уровне, как мы уже видели, держатся они и у детей с. Коврана.

Значительное негативное воздействие на здоровье ительменов оказывало все эти годы злоупотребление алкоголем, которое приняло особо опасные формы на рубеже 70—80-х гг. Именно по этой причине, в частности, остается высокой заболеваемость туберкулезом. Как правило, на почве пьянства формировался высокий уровень смертности. Находясь в нетрезвом состоянии, ежегодно в Тигильском районе трагически погибало несколько ительменов.

С февраля 1986 г. Корякский автономный округ по решению трудящихся объявлен зоной трезвости.

Нельзя не сказать, наконец, о слабой постановке в районах Севера физической культуры как системы укрепления здоровья и развития физических способностей людей. До середины 60-х гг. этот недостаток в известной мере компенсировался ранним участием детей в трудовом процессе семьи. Физическое воспитание подрастающего поколения у ительменов по существу ничем не отличалось от рус-

ского населения Камчатки. Популярными были старинные русские игры: лапта, «горелки», «пятнашки», «прятки» и т. п. В совокупности с посильным участием в труде все это создавало благоприятные условия для нормального физического развития подростков.

Ситуация стала меняться к худшему, когда повсеместно возникли школы-интернаты. Дети оказались в них по существу изолированы от трудового процесса взрослых, а единственной формой физического воспитания стали обязательные, но во многом формальные уроки физкультуры. Сделать их эффективными школы не могли, поскольку не располагали ни кадрами, ни соответствующей материальной базой. В лучшем случае она была представлена примитивной спортплощадкой, которой невозможно пользоваться большую часть года. К середине 70-х гг. медики с тревогой сообщали об ухудшении физического развития школьников [314, л. 76].

В большинстве национальных сел до сих пор нет спортивных залов, бассейнов, мало-мальски оборудованных стадионов, отсутствуют спортивный инвентарь, квалифицированные специалисты-тренеры. По этим причинам здесь не получают должного развития многие современные виды спорта. Отчасти, видимо, поэтому у ительменов продолжает сохранять популярность русская лапта. Ковран и Хайрюзово, пожалуй, единственные сегодня на Дальнем Востоке села, где этой позабытой теперь игрой серьезно увлекаются не только дети, но и взрослые.

Строительство современного благоустроенного жилья, улучшение условий труда, быта, отдыха, разработка рациональной модели питания, развитие физкультурно-массовой и оздоровительной работы, дальнейшее совершенствование деятельности медицинских учреждений — важные резервы в укреплении здоровья коренного населения. В последние годы этими проблемами стали активнее заниматься местные партийные и советские органы.

В апреле 1984 г. бюро Камчатского обкома КПСС рассмотрело вопрос «О мерах по обеспечению благоустроенным жильем жителей местной коренной национальности в Корякском автономном округе» [223, 1984, 20 апр.].

Решением обкома партии для улучшения жилищного строительства во многих национальных селах, в том числе в Ковране, Седанке, Воямполке, были созданы вахтовые строительные участки. Это существенно расширило возможности сельского строительства.

В связи с образованием сельских культурно-спортивных комплексов несколько активизировалась физкультурно-массовая работа. Сегодня она все больше концентрируется под крышей сельских домов культуры. Их фойе стали использоваться как спортивные залы. При них создаются различные спортивные секции. Началось строительство специализированных спортивных залов.

Больше внимания стало уделяться природоохранным аспектам здравоохранения — строительству очистных сооружений, охране лесов по берегам

рек. Вводятся ограничения на использование маломерного флота.

Повышена ответственность руководителей медицинских учреждений и сельских Советов за состояние лечебно-профилактической и оздоровительной работы. Райисполком оказывает большую помощь сельским медикам в их работе. В августе 1982 г., например, на исполкоме рассматривался вопрос «О медицинском обслуживании жителей с. Ковран и мерах по его улучшению». С сентября того же года вопросы охраны здоровья населения района обсуждались сессией районного Совета.

В марте 1988 г. Президиум Совета Министров РСФСР рассмотрел и одобрил комплексную целевую программу «Здоровье народностей Севера» на 1988—1995 гг. В ней предусматриваются коренное улучшение профилактики заболеваний, повышение качества лечебно-профилактической помощи, совершенствование работы органов и учреждений здравоохранения [224, 1988, 19 марта]. Нет сомнения, что реализация этой программы в жизнь станет важной в деле охраны здоровья ительменов.

1. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 113—150.
2. Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? // Там же. С. 293—295.
3. Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении // Там же. Т. 30. С. 17—58.
4. Ленин В. И. Первый вариант статьи «Очередные задачи советской власти» // Там же. Т. 36. С. 127—164.
5. Ленин В. И. Речь о годовщине революции 6 ноября // Там же. Т. 37. С. 137—152.
6. Ленин В. И. Речь на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун 11 декабря 1918 г. // Там же. С. 352—364.
7. Ленин В. И. Товарищам коммунистам Туркестана // Там же. Т. 39. С. 304.
8. Ленин В. И. Доклад комиссии по национальному и колониальному вопросам 26 июля: II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—7 августа 1920 г. // Там же. Т. 41. С. 241—247.
9. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросвета // Там же. Т. 44. С. 155—175.
10. Постановление ЦК ВКП(б) «О работе в национальных районах Крайнего Севера» от 26 июня 1932 г. // Партийное строительство. 1932. № 13. С. 53—56.
11. Постановление ЦК ВКП(б) «О формах коллективизации в районах народностей Крайнего Севера» от 1 сентября 1932 г. // Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере. М., 1934. С. 133—135.
12. Решения X съезда РКП(б): О главполитпросвете и агитационно-пропагандистских задачах партии // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 242—246.
13. Постановление ЦК КПСС «Об улучшении деятельности Советов депутатов трудящихся и усилении их связи с массами» от 22 января 1957 г. // Там же. Т. 7. С. 237—248.
14. Постановление ЦК КПСС и Советов Министров СССР от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» // Там же. С. 257—263.
15. Резолюция XX съезда КПСС по отчетному докладу Центрального комитета КПСС // Там же. Т. 9. С. 8—26.
16. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера» от 7 февраля 1980 г. // Там же. Т. 13. С. 568—577.
17. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1987. 352 с.
18. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 17—18 февраля 1988 г. М., 1988. 77 с.
19. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня—1 июля 1988 г. М., 1988. 160 с.
20. Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 386—436.
21. Горбачев М. С. Потенциал кооперации — делу перестройки. Выступление на IX Всесоюзном съезде колхозников 23 марта 1988 г. М., 1988. 47 с.
22. Горбачев М. С. К полномочию Советов и созданию социалистического правового государства. Доклад и заключительное слово на внеочередной двенадцатой сессии Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва 29 ноября—1 декабря 1988 г. М., 1988. 47 с.
23. Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. М., 1984. 208 с., ил.
24. Алькор (Кошкин) Я. П. Вопросы создания и развития национально-литературных языков Севера // Материалы I Всесоюзной конференции по развитию языков и письменности народов Севера. М.; Л., 1932. С. 32—64.
25. Алькор (Кошкин) Я. П. Письменность народов Севера // СС. 1931. № 10. С. 102—121.
26. Антология поэзии Дальнего Востока. 1917—1967. Хабаровск, 1967. 480 с.
27. Антропова В. В. Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего Северо-Востока Сибири // Сиб. этногр. сб. Вып. II. М.; Л., 1957. С. 99—245, ил. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 35).
28. Антропова В. В. Из истории транспорта у народов Сибири // КСИЭ. 1952. Вып. XV. С. 23—26.
29. Антропова В. В. Лыжи народов Сибири: Этногр. очерк // СМАЭ. 1953. Т. XIV. С. 5—36, ил.
30. Антропова В. В. Расселение ительменов в первой половине XVIII в. // ИВГО. 1949. Т. 81, вып. 4. С. 414—419.

31. *Антропова В. В.* Старинные камчадалские сани // СМАЭ. 1949. Т. X. С. 47—92, ил.
32. *Базанов А. Г.* Школы на Камчатке в XVIII веке // СС. 1939. № 2. С. 177—194.
33. *Балицкий В. Г.* От патриархально-общинного строя к социализму: О переходе к социализму малых народов Северо-Востока РСФСР. М., 1969. 221 с.
34. *Бежкович А. С., Жегалова С. К.* и др. Хозяйство и быт русских крестьян: Памятники материальной культуры (определитель). М., 1959.
35. *Белов М. И.* Русские походы на Камчатку до Атласова // ИВГО. 1957. Т. 89, № 1. С. 25—35.
36. *Берг Л. С.* Открытие Камчатки и экспедиции Беринга. 1725—1742 гг. М.; Л., 1946. 379 с., карта, ил.
37. *Богораз-Тан В. Г.* Миф об умирающем и воскресающем звере // Художественный фольклор. 1926. № 1. С. 67—76.
38. *Богораз В. Г.* Чукчи: Материальная культура. Л.; 1929. Ч. 1.
39. *Большаков М. А., Рубинский В. И.* Камчатская область. М.; Л., 1934. 145 с.
40. *Браславец К. М.* Диалектологический очерк Камчатки. Южно-Сахалинск, 1968. 469 с.
41. *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии: Очерки теории и истории. М., 1981. 391 с.
42. *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1981. 880 с.
43. *Бубнис Г. К., Нефедова С. П.* Социалистические преобразования в Корякском автономном округе. М., 1981. 136 с.
44. *Ваксель Свен.* Вторая камчатская экспедиция Витуса Беринга. М.; Л., 1940. 176 с.
45. *Варно В.* Певец Камчатки // Созвездие братства. Улан-Удэ, 1982. С. 96—99.
46. *Васильевский Р. С.* Древние культуры Тихоокеанского севера. Новосибирск, 1973. 267 с., ил., карты.
47. *Вениаминов И.* Записки об островах Уналашкинского отдела. СПб., 1840. Т. II. 409 с.
48. *Верещагин Н. К., Николаев А. Н.* Промысловые животные у неолитических племен Камчатки // Бюлл. Московск. об-ва испытателей природы. 1979. Т. 84, вып. 5. С. 16—39.
49. *Вдовин И. С.* Забытый исследователь Камчатки: Новые материалы об ительменах и коряках начала XVIII в. // Краевед. зап. КОКМ. 1973. Вып. 4. С. 134—146.
50. *Вдовин И. С.* Ительмены и коряки в первые десятилетия XVIII в.: По неопубликованным материалам участника Камчатской экспедиции А. П. Горланова // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. XVII. С. 57—66.
51. *Вдовин И. С.* К проблеме этногенеза ительменов // СЭ. 1970. № 3. С. 28—36.
52. *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л., 1973. 304 с.
53. *Вдовин И. С.* Следы алеутско-эскимосской культуры на Тихоокеанском побережье Камчатки // Страны и народы Востока. М., 1972. Вып. XIII. С. 41—51.
54. *Володин А. П.* Ительменский язык. Л., 1976. 425 с.
55. *Володин А. П.* Ительменский язык: Фонология, морфология, диалектология, проблема генетической принадлежности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1979. 48 с.
56. *Володин А. П.* О структуре ительменских имен собственных: По материалам фольклора // Этническая ономастика. М., 1984. С. 70—78.
57. *Володин А. П.* Отношение ительменского языка к другим чукотско-камчатским языкам // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1969. С. 225—227.
58. *Володин А. П., Жукова А. Н.* Ительменский язык // Языки народов СССР. Т. V: (Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки). Л., 1968. С. 334—351.
59. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1928. Вып. IV.
60. Выставка произведений художников Камчатки: Живопись, графика, скульптура, театрально-декорационное, декоративно-прикладное народное искусство: Каталог-буклет. М., 1984.
61. *Георги И. И.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и других достопамятностей. СПб., 1779. Ч. 3. 116 с.
62. [Головнин В. М.] Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана: (Замечания В. М. Головнина о Камчатке и Русской Америке в 1809, 1810 и 1811 гг.). СПб., 1861. Вып. II. (Приложение к «Морскому сборнику». № 2).
63. *Гурвич И. С.* Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 211—226.
64. *Гурвич И. С.* Северо-восточные палеоазиаты и эскимосы // Этническая история народов Севера. М., 1982. С. 197—222.
65. *Гурвич И. С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. 276 с., карты (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 89).
66. *Гурвич И. С.* Этнические процессы на Крайнем Северо-Востоке Сибири // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. С. 195—225.
67. *Гурвич И. С., Кузаков К. Г.* Корякский национальный округ: (Очерки географии, истории, этнографии, экономики). М., 1960. 303 с., ил., карты.
68. *Дибец Г. Ф.* Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Северо-Восточной экспедиции. М., 1951. Т. 1. 263 с. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. XVII).
69. Демографический словарь. М., 1985. 608 с.
70. *Диков Н. Н.* Древнейшее историческое прошлое Камчатки // Краевед. зап. КОКМ. Петропавловск-Камчатский, 1973. Вып. IV. С. 89—93.
71. *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии // Азия на стыке с Америкой в древности. М., 1979. 352 с., ил., карты.
72. *Диков Н. Н.* Древняя этническая история Камчатки и прилегающих областей Севера Дальнего Востока по археологическим данным // Краевед. зап. КОКМ. Петропав-

- ловск-Камчатский, 1974. Вып. V. С. 157—162.
73. *Диков Н. Н.* Каменный век Камчатки и Чукотки в свете новейших археологических данных // История и культура народов Северо-Востока СССР. Магадан, 1964. С. 5—27, ил., карты (Тр. СВКНИИ; Вып. 8).
  74. *Диков Н. Н.* Предисловие к кн.: Новые археологические памятники севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 3—5.
  75. *Дикова Т. М.* Авачинская многослойная стоянка — новый памятник тарьинской культуры на юге Камчатки // Там же. С. 82—106.
  76. *Дикова Т. М.* Археология южной Камчатки в связи с проблемой расселения айнов. М., 1983. 231 с., ил., карты.
  77. *Дикова Т. М.* Лабретки Южной Камчатки // Новейшие данные по археологии Севера Дальнего Востока. Магадан, 1980. С. 56—63.
  78. *Дикова Т. М.* Первые находки палеолита на юге Камчатки: мыс Лопатка // Новые археологические памятники Севера Дальнего Востока. Магадан, 1979. С. 29—38.
  79. [Дитмар К.] Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 гг. Карла фон-Дитмара: (Исторический отчет по путевым дневникам). СПб., 1901. Ч. 1. 756 с., карта.
  80. *Добротворский М. М.* Южная часть острова Сахалина // Изв. Сиб. отд. ИРГО. 1870. Т. 1, № 2—3.
  81. *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. 622 с., карта (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 55).
  82. *Елистратов Ф.* Камчадалы: (Пенжинская губа) // Этногр. материалы Северо-Восточной геогр. экспедиции. 1785—1795 гг. Магадан, 1978. С. 166—172.
  83. *Жорнищкая М. Я.* Народное хореографическое искусство коренного населения Северо-Востока Сибири. М., 1983. 152 с.
  84. *Зибарев В. А.* Советское строительство у малых народностей Севера (1917—1932 гг.). Томск, 1968. 334 с.
  85. *Золотарев А. М.* Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934. 52 с.
  86. *Иванов С. В.* Века, оставшиеся в бронзе // Радуга на снегу: Культура, традиционное и современное искусство народов советского Крайнего Севера. М., 1972. С. 174—180, ил.
  87. *Иванов С. В.* Орнамент // ИЭАС. М.; Л., 1961. С. 369—434.
  88. *Иванов С. В.* Орнамент народов Сибири как исторический источник: (по материалам XIX—начала XX в.) // Народы Севера и Дальнего Востока. М.; Л., 1963. 500 с., ил. (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 31).
  89. *Иохельсон В. И.* Археологические исследования на Камчатке // ИРГО. 1930. Т. 62, вып. 3. С. 199—242; Вып. 4. С. 351—384.
  90. [Иохельсон В. И.] Записка В. И. Иохельсона об оказании ему содействия в обработке и издании собранных им материалов по языкам, народному творчеству и этнографии алеутов и племен Крайнего Северо-Востока Сибири. 1915. 21 с. (отд. отт.)
  91. Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. 498 с., ил., карты.
  92. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. 301 с.
  93. Итоги переписи 1959 г. РСФСР. М., 1963. 306 с.
  94. Итоги переписи северых окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.). Благовещенск, 1929. 408 с.
  95. Итоги развития народного хозяйства и культурного строительства Хабаровского края. Хабаровск, 1941. 89 с.
  96. Камчатка: Лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский, 1977. 168 с.
  97. Камчатка: Лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский, 1980. 200 с.
  98. *Карабанова С. Ф.* Шаманские пляски и промысловый обряд у народностей Дальнего Востока СССР // Культура народов Дальнего Востока: Традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 101—107.
  99. *Кеннан Дж.* Степная жизнь в Сибири: (странствия между коряками и другими племенами Камчатки и Северной Азии). СПб., 1871. 330 с.
  100. *Колесин А. Н.* Развитие хореографических традиций народностей Севера // Культура народностей Севера: Традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 259—268.
  101. Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке: Сб. архивных материалов. Л., 1935. 212 с.
  102. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. // Избр. соч. М.; Л., 1950. Т. 6. С. 409—435.
  103. *Кочешков Н. В.* Историкография декоративного искусства малых народностей Дальнего Востока СССР (XIX в.—70-е годы XX века) // Этнография и фольклор народов Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1981. С. 80—92.
  104. *Кочешков Н. В.* Проблемы этнических традиций в декоративном искусстве малых народов советского Дальнего Востока // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. С. 3—17.
  105. *Кочешков Н. В.* Современное декоративное искусство народов Крайнего Северо-Востока СССР и его этнические традиции // Национальные традиции в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1987. С. 5—19.
  106. *Кочешков Н. В.* Этнические традиции в декоративном искусстве народов Крайнего Северо-Востока СССР. Л., 1989. 197 с.
  107. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки: С приложением рапортов, донесений и других неопубликованных материалов. М.; Л., 1949. 841 с., ил.
  108. Кэн'акэй: Буклет. Палана, 1987.
  109. *Левин М. Г.* О происхождении и типах упряжного собаководства // СЭ. 1946. № 4. С. 75—108, ил.
  110. *Левин М. Г.* Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // ТИЭ. Нов. сер. 1958. Т. 36. 359 с., ил.
  111. *Лепетюк А. В.* Начало культурной революции на Камчатке // Краевед. зап. КОКМ.

- Петропавловск-Камчатский, 1970. Вып. II. С. 73—84.
112. [Лессепс Ж. Б.] Лессепсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири. М., 1801. 686 с.
  113. Летопись жизни народов Северо-Востока РСФСР (1917—1985). Петропавловск-Камчатский, 1986. 192 с.
  114. Лигке Ф. П. Путешествие на военном шлюпе «Сенявин». М., 1948. 304 с., ил.
  115. Лукс К. Я. Проблема письменности у туземных народностей Севера // СС. 1930. № 1. С. 38—47.
  116. Ляпунова Р. Г. Очерки по этнографии алеутов. Л., 1975. 200 с., ил.
  117. Маргаритов В. П. Камчатка и ее обитатели // ЗПОРГО. Хабаровск, 1899. Т. V, вып. 1. 141 с., ил.
  118. Мелетинский Е. М. Палеоазнатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М., 1979. 228 с.
  119. [Меновщиков Г. А.] Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки / Сост. предисл. и примеч. Г. А. Меновщикова. М., 1974. 646 с.
  120. Месс Л. А. Работы художественных мастерских Северного факультета // Искусство народностей Сибири. Л., 1930. С. 48—50.
  121. Месс Л. А. Скульптура народов Севера // Народное творчество. 1937. № 6. С. 28—29, ил.
  122. Местные Советы народных депутатов: Сб. нормативных актов. М., 1988. 783 с.
  123. Молл Т. А. Очерк фонетики и морфологии седанкинского диалекта ительменского языка // УЗЛГПИ. Л., 1960. Т. 167. С. 192—221.
  124. Мухачев Б. И. Советы Северо-Востока в переходный период от капитализма к социализму (1917—1936 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 1986. 40 с.
  125. Мухачев Б. И. Советы Северо-Востока СССР в период социалистической реконструкции народного хозяйства (1926—1936 гг.). Магадан, 1987. 190 с.
  126. Мухачев Б. И. Становление советской власти и борьба с иностранной экспансией на Северо-Востоке СССР (1917—1920 гг.). Новосибирск, 1975. 202 с.
  127. Мы живем на Камчатке: Книжка-картинка. Л., 1979.
  128. Народонаселение стран мира. М., 1984. 447 с.
  129. Народное искусство Якутии: Альбом. Л., 1981.
  130. Народное образование в СССР: Сб. нормативных актов. М., 1987. 336 с.
  131. Народное хозяйство Камчатской области: Стат. сб. Хабаровск, 1966. 145 с.
  132. Народное хозяйство РСФСР в 1985 г.: Стат. ежегодник. М., 1986. 543 с.
  133. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет. М., 1987. 471 с.
  134. Народное хозяйство СССР. 1922—1982 гг. М., 1982. 624 с.
  135. Обзор Камчатской области за 1912 г. Петропавловск-Камчатский, 1914. 420 с.
  136. Образование СССР. М., 1972. 531 с.
  137. Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. 454 с.
  138. Огрызко И. И. Владмир Атласов // УЗЛГПИ. 1957. Т. 132. С. 111—157.
  139. Огрызко И. И. Дохристианские верования ительменов // УЗЛГПИ. 1971. Т. 413. С. 109—125.
  140. Огрызко И. И. Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII—начало XX в.). Л., 1973. 192 с.
  141. Огрызко И. И. Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII в. // УЗЛГПИ. 1961. Т. 222. С. 171—208, карты.
  142. Орлова Е. П. Верования камчадалов-ительменов // Страны и народы Востока. 1975. Вып. XVII, кн. 3. С. 127—137.
  143. Орлова Е. П. Ительмены: (Остатки древних обитателей Камчатки) // Стат. бюллетень / Дальневост. стат. управление. Хабаровск; Благовещенск, 1927. № 8—9. С. 35—36, 68—78.
  144. Орлова Е. П. Роль Дальневосточного техникума народов Севера в создании и внедрении письменности этих народов // Изв. СО АН СССР. Сер. общ. наук. Вып. 3, 1972. № 11. С. 40—44.
  145. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. 344 с.
  146. Очерки истории Камчатской областной партийной организации. Петропавловск-Камчатский, 1986. 360 с.
  147. Памятники сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1: 1700—1713. 552 с.
  148. Патканов С. К. О приросте инородческого населения Сибири: Стат. материалы для освещения вопр. о вымирании первобыт. племен. СПб., 1911. 210 с.
  149. Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. СПб., 1912. Т. III. С. 433—998.
  150. Петрова-Бытова Т. Ф. Четыре камчатских танца. Петропавловск-Камчатский, 1964. 76 с., ил.
  151. Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Восточной Камчатки. М., 1985. 216 с., ил.
  152. Поротов Г. Г. Акиках, Ачичух, Абабах: Сб. избр. произв. / Предисл. В. Кудлина. Владивосток, 1972. 68 с., ил.
  153. Поротов Г. Г. Камчатский мотив: Стихи, поэма. Петропавловск-Камчатский, 1984. 64 с.
  154. Поротов Г. Г. Корел: Пьесы по ительменским мотивам. Петропавловск-Камчатский, 1969. 68 с.
  155. Поротов Г. Г. На околице Руси: (Повесть). Петропавловск-Камчатский, 1979. Кн. 1. 208 с.
  156. Поротов Г. Г. На околице Руси: (Повесть). Петропавловск-Камчатский, 1981. Кн. 2. 208 с., ил.
  157. Поротов Г. Г. Ое: (Стихи и пьеса-сказка). Владивосток, 1967. 72 с.
  158. Поротов Г. Г., Косыгин В. В. В стране

- Кутки: Из цикла «Встречи в тундре». Петропавловск-Камчатский, 1969. 40 с.
159. *Поротов Г. Г., Косыгин В. В.* Дарю тебе песню: Из цикла «Встречи в тундре». Петропавловск-Камчатский, 1970. 88 с.
  160. *Поротов Г. Г., Косыгин В. В.* Песни Алнея: Из цикла «Встречи в тундре». Петропавловск-Камчатский, 1969. 40 с.
  161. Поселенные итоги туземной переписи 1926 г. Владивосток, 1928. 88 с.
  162. Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М., 1970. 280 с.
  163. *Прыткова Н. Ф.* Одежда чукчей, коряков и ительменов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 5—88, ил.
  164. *Романов В. Т., Шейкин Ю. И.* Музыкальные инструменты народностей Камчатки // Культура народов Дальнего Востока: Традиции и современность. Владивосток, 1984. С. 70—80, ил.
  165. *Рощина Н. А.* Производственные отношения ительменов в первой половине XVIII века // УЗМОПИ. 1953. Т. 28, вып. 2. С. 85—108.
  166. *Рощина Н. А.* Хозяйство и общественный строй ительменов в первой половине XVIII века // УЗКПИ. 1956. Вып. 1. С. 50—82.
  167. *Руденко С. И.* Культура доисторического населения Камчатки // СЭ. 1948. № 1. С. 153—179, ил.
  168. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке / Под ред. и со вст. ст. А. И. Андреева. М., 1948. 325 с.
  169. Русско-корякский словарь / Сост. А. Н. Жукова. М., 1967. 752 с.
  170. *Сарычев Г. А.* Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952. 326 с.
  171. [*Сарычев Г. А.*] Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. СПб., 1802. Ч. 1. 187 с.
  172. *Севилягаев Г. Ф.* Очерки по истории просвещения малых народов Дальнего Востока. Л., 1972. 423 с.
  173. *Селиванова Н.* Ое мастер песни петь // Камчатка: Лит.-худож. сб. Петропавловск-Камчатский, 1980. С. 59—64.
  174. *Семенов С. А.* Изучение первобытной техники методом эксперимента // Новые методы в археологических исследованиях. М.; Л., 1963. С. 191—214.
  175. *Сергеев М. А.* Народное хозяйство Камчатского края. М.; Л., 1936. 815 с., ил.
  176. *Сергеев М. А.* Оборона Петропавловскана-Камчатка (1854—1855). М., 1952. 96 с.
  177. *Сергеев М. А.* Советская Камчатка. М.; Л., 1932. 264 с., ил.
  178. *Сгибнев А. С.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке // Морской сб. 1869. № 5.
  179. *Симченко Ю. Б.* Культура охотников на оленей северной Евразии: Этнографическая реконструкция. М., 1976. 310 с.
  180. *Симченко Ю. Б.* Особенности социальной организации палеоазиатов Крайнего Северо-Востока (коряки, чукчи, ительмены, эскимосы) // Общественный строй у народов Северной Сибири. М., 1970. С. 313—331.
  181. *Скорик П. Я.* К вопросу о сравнительном изучении чукотско-камчатских языков // Изв. АН СССР / ОЛЯ. 1958. Т. XVII, вып. 6. С. 534—546.
  182. *Скорик П. Я.* К генезису склонения в чукотско-камчатских языках // Склонение в палеоазиатских и самодийских языках. Л., 1974. С. 95—108.
  183. *Скорик П. Я.* К проблеме языковой общности аборигенов северо-востока Азии // ВЯ. 1977. № 3. С. 27—36.
  184. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Ч. 1. 326 с.
  185. *Слюнин Н. В.* Охотско-Камчатский край: Естественно-историческое описание. СПб., 1900. Т. 1. 689 с., ил., карта.
  186. Собрание узаконений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР // СУ РСФСР. 1931. № 8. Ст. 98.
  187. Советы Северо-Востока СССР (1928—1940 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1979. Ч. 1. 287 с.
  188. Советы Северо-Востока СССР (1941—1961 гг.): Сб. документов и материалов. Магадан, 1982. Ч. 2. 326 с.
  189. Список населенных мест Камчатского округа с 4 картами: По материалам Приполярной переписи 1926—1927 гг. Хабаровск; Благовещенск, 1928. 33 с.
  190. *Старкова Н. К.* Использование крапивы в хозяйстве ительменов // Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1971. Т. 8. С. 182—183.
  191. *Старкова Н. К.* Ительмены: Материальная культура (XVII в.—60-е годы XX в.): Этногр. очерки. М., 1976. 166 с., ил.
  192. *Старкова Н. К.* Морской зверобойный промысел у ительменов (XVIII в.—начало XX в.) // Краевед. зап. КОКМ. 1974. Вып. V. С. 146—148.
  193. *Старкова Н. К.* Погребальная обрядность ительменов в прошлом и настоящем // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток, 1983. С. 38—43.
  194. *Старкова Н. К.* Рыболовство и орудия промысла у ительменов (конец XIX—начало XX в.) // Культура народов Дальнего Востока СССР (XIX—XX вв.). Владивосток, 1978. С. 75—80.
  195. *Стебницкий С. Н.* Из истории падежных суффиксов в корякском и чукотском языках. Л., 1941.
  196. *Стебницкий С. Н.* Ительменский (камчатский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III. С. 85—105.
  197. *Стебницкий С. Н.* Нымыланы-карагинцы по материалам С. П. Крашенинникова: К вопросу о происхождении карагинского диалекта нымыланского (корякского) языка в свете лингвистических материалов С. П. Крашенинникова // СС. 1939. № 2. С. 129—170.

198. *Стеллер Г. В.* Из Камчатки в Америку: Быт и нравы камчадалов в XVIII в. / Пер. с нем. Л., 1927. III с.
199. *Тюшов В. Н.* По западному берегу Камчатки // ЗРГО. 1906. Т. 37, № 2. 521 с.
200. [*Ушаков и Елистратов*] Западный берег Камчатки по описям Ушакова и Елистратова 1742 и 1787 гг. // ЗГДММ. 1852. Ч. X.
201. *Федосеева С. А.* Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии: Автореф. дис. . . д-ра ист. наук. Новосибирск, 1984. 48 с.
202. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1985. 366 с.
203. *Чистов К. В.* Этнические, региональные и местные традиции: Некоторые вопросы теории и перспективы // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: Тез. докл. Петрозаводск, 1981. С. 3—5.
204. *Шааров К. Б.* О населении северной части полуострова Камчатки // Стат. бюллетень (Хабаровск): 1927. № 5—6. С. 73—90
205. *Шафрановская Т. К.* Народы Камчатки и прилегающих островов: известие 1700 года // Страны и народы Востока. 1968. Вып. VI. С. 61—67.
206. *Шнейдеров В. А.* Советский экран и народы Севера // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. С. 188—199.
207. Этнографические материалы из рукописи дневника К. Мерка // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (1785—1795 гг.), Магадан, 1978. С. 59—97, ил.
208. Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III: Языки и письменность палеоазиатских народов. 243 с., карта.
209. *Vdovin I. S.* The traces of an Aleut-Eskimo culture on the Kamchadal Pacific chore. М., 1966. 14 p.
210. *Jochelson W.* Archaeological Investigations in the Aleutian Islands. Washington, 1925. IX. 145 p.
211. *Jochelson W.* Archaeological Investigations in Kamtchatka. Washington: Carnegie Institution of Washington Publication, 1928. 88 p., il.
212. *Jochelson W.* History, Ethnology and Anthropology of the Aleut. Washington, 1933. 92 p., il.
213. *Jochelson W.* The Koryak. P. 11. Leiden, 1908. N 4. 810 p.
214. *Lesseps M. D.* Travels in Kamtchatka during the year 1787 and 1788. London, 1970. 660 p.
215. *Steller G. W.* Beschreibung von dem Lande Kamtchatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten. Frankfurt; Leipzig, 1774. 480 p., il.
216. *Tilleu H. A.* Japan, the Amoor and Pacific. London, 1861. 405 p., il.
217. *Worth D. S.* Kamchadal Texts collected by W. Jochelson / By D. S. Worth. Los Angeles, 1961.
218. *Worth D. S.* La place du kamtchadal parmi les langues soidisant paleosiberiennes. Orbis, 1962. T. XI, N 2.
219. *Worth D. S.* Dictionary of Western Kamchadal // University of California Publications in Linguistics Berkeley; Los Angeles, 1969. Vol. 59.
220. «Знамя Ленина» (п. Тигиль).
221. «Известия»
222. «Корякский коммунист».
223. «Камчатская правда».
224. «Советская Россия».
225. Архив Академии наук СССР, Ленинградская часть, ф. 3, оп. 1, д. 800а.
226. Там же, ф. 21, оп. 5, д. 65.
227. Архив Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Ленинградская часть, ф. К-1, оп. 1, д. 30.
228. Там же, д. 50.
229. Там же, д. 51.
230. Там же, ф. К-2, оп. 1, д. 240.
231. Архив Камчатского рыбколхозобъединения. Отчет колхоза «Красный Октябрь» за 1962 г.
232. Там же. Отчеты за 1970—1975 гг.
233. Там же. Отчеты за 1980—1983 гг.
234. Там же. Отчет за 1986 г.
235. Государственный архив Камчатской области, ф. 24, оп. 1, д. 17.
236. Там же, ф. 25, оп. 5, д. 5.
237. Там же, оп. 8, д. 4
238. Там же, д. 7.
239. Там же, д. 10.
240. Там же, ф. 68, оп. 1, д. 1.
241. Там же, ф. 88, оп. 1, д. 810.
242. Там же, д. 1080.
243. Там же, д. 1082.
244. Там же, оп. 4, д. 90.
245. Там же, ф. 169, оп. 1, д. 1517.
246. Там же, ф. 170, оп. 1, д. 11.
247. Там же, д. 21.
248. Там же, ф. 185, оп. 3, д. 1а.
249. Там же, ф. 193, оп. 1, д. 13.
250. Там же, ф. 195, оп. 1, д. 7.
251. Там же, д. 13.
252. Там же, д. 18.
253. Там же, д. 21.
254. Там же, оп. 3, д. 13.
255. Там же, оп. 4, д. 24.
256. Там же, ф. 205, оп. 1, д. 1.
257. Там же, ф. 206, оп. 1, д. 2.
258. Там же, ф. 209, оп. 1, д. 1.
259. Там же, д. 2.
260. Там же, д. 20.
261. Там же, ф. 288, оп. 1, д. 11а.
262. Там же, д. 23.
263. Там же, д. 26.
264. Государственный архив Корякского автономного округа, ф. 1, оп. 1, д. 14.
265. Там же, д. 213.
266. Там же, д. 238.
267. Там же, д. 257.
268. Там же, д. 388.
269. Там же, д. 482.
270. Там же, д. 484.
271. Там же, ф. 4, оп. 1, д. 134.
272. Там же, д. 211.
273. Там же, ф. 9, оп. 1, д. 4.

274. Там же, д. 5.
275. Там же, д. 6.
276. Там же, д. 31.
277. Там же, д. 212.
278. Там же, д. 213.
279. Там же, д. 215.
280. Там же, ф. 24, оп. 1, д. 5—6.
281. Там же, д. 17.
282. Там же, д. 40.
283. Там же, д. 56.
284. Там же, д. 70.
285. Там же, ф. 93, оп. 1, д. 3.
286. Там же, д. 6.
287. Там же, д. 15.
288. Государственный архив Хабаровского края, ф. 99, оп. 2, д. 546.
289. Там же, ф. 137, оп. 1, д. 3.
290. Там же, оп. 4, д. 10.
291. Там же, д. 35.
292. Там же, д. 207.
293. Там же, д. 658.
294. Там же, оп. 11, д. 3.
295. Там же, оп. 14, д. 33.
296. Там же, д. 84.
297. Там же, д. 98.
298. Там же, д. 102.
299. Там же, д. 124.
300. Там же, д. 152.
301. Там же, д. 184.
302. Там же, д. 207.
303. Там же, ф. 353, оп. 1, д. 14.
304. Там же, д. 86.
305. Там же, д. 88.
306. Там же, ф. 389, оп. 1, д. 67.
307. Там же, ф. 537, оп. 1, д. 43.
308. Там же, ф. 682, оп. 1, д. 8.
309. Тигильский районный архив (ТРА), ф. 1, оп. 1, д. 3.
310. Там же, д. 17.
311. Там же, ф. 15, оп. 1, д. 32.
312. Там же, ф. 22, оп. 1, д. 22.
313. Там же, д. 24.
314. Там же, д. 41.
315. Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока, ф. 1005, оп. 5, д. 181.
316. Там же, ф. 1034, оп. 1, д. 15.
317. Там же, ф. 1530, оп. 2, д. 7.
318. Там же, ф. 2329, оп. 1, д. 5.
319. Там же, ф. 2333, оп. 1, д. 75.
320. Там же, ф. 2411, оп. 1, д. 19.
321. Там же, д. 33.
322. Там же, д. 50.
323. Там же, д. 61.
324. Государственный музей этнографии народов СССР (ГМЭ); колл. № 4894-11.
325. Там же, колл. № 4894-12-В/4.
326. Иркутский областной краеведческий музей, колл. № 6682 (ИОКМ).
327. Музей антропологии и этнографии народов мира им. Петра Великого (МАЭ), колл. № 20—26.
328. Там же, колл. № 20—26в.
329. Там же, колл. № 704-8.
330. Там же, колл. № 865-1.
331. Там же, колл. № 865-1а.
332. Там же, колл. № 867-1.
333. Там же, колл. № 4289-2.
334. Там же, колл. № 4289-2а.
335. Там же, колл. № 4289-2в.
336. Приморский краеведческий музей им. В. К. Арсеньева (Владивосток) (ПКМ), колл. № 980.
337. Хабаровский краеведческий музей (ХКМ), колл. № 1438.

Список сокращений

ААН СССР	— Архив Академии наук СССР, Ленинградская часть	ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена
ЛЧ			
АИЭЛЧ	— Архив Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Ленинградская часть	ЛОИЯ	— Ленинградское отделение Института языкознания АН СССР
АКРКО	— Архив Камчатского рыбколхозобъединения	МАЭ	— Музей антропологии и этнографии народов мира им. Петра Великого
ВЯ	— Вопросы языкознания	ОЛЯ	— Отделение литературы и языка
ГАКАО	— Государственный архив Корякского автономного округа	ПКМ	— Приморский краеведческий музей им. В. К. Арсеньева (г. Владивосток)
ГАКО	— Государственный архив Камчатской области		
ГАХК	— Государственный архив Хабаровского края	СВКНИИ	— Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО АН СССР
ГМЭ	— Государственный музей этнографии народов СССР	СМАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии народов мира им. Петра Великого
ЗГДММ	— Записки Гидрографического департамента Морского Министерства	СС	— Советский Север
ЗПОРГО	— Записки Приамурского отделения Русского географического общества	СУ РСФСР	— Собрание Узаконений РСФСР
ЗРГО	— Записки Русского географического общества	СЭ	— Советская этнография
ИВГО	— Известия Всесоюзного географического общества	ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ИНС	— Институт народов Севера (Ленинград)	ТРА	— Тигильский районный архив
ИОКМ	— Иркутский областной краеведческий музей	УЗКПИ	— Ученые записки Кемеровского педагогического института
ИЭАС	— Историко-этнографический атлас Сибири	УЗЛГПИ	— Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена
КОКМ	— Камчатский областной краеведческий музей	УЗМОПИ	— Ученые записки Московского областного педагогического института им. Н. К. Крупской
КПЦКЧ	— Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII в.	ХКМ	— Хабаровский краеведческий музей
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР	ЦГА РСФСР	— Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока
		ДВ	

Оглавление

Введение	3
История изучения ительменов	9
Этногенез и этнические связи ительменов	14
Численность и расселение (14). Этногенез (16). Ительменско-алеутские связи (22). Ительменско-айнские связи (24). Ительменско-корякские связи (30). Ительменско-русские связи (35).	
Хозяйство	40
Традиционные занятия: рыболовство, морской зверобойный и охотничий промыслы, собирательство (40). Развитие основных отраслей хозяйства в Советский период (46).	
Материальная культура	58
Поселения, жилые и хозяйственные постройки (58). Способы и средства передвижения (67). Одежда и обувь (73). Пища и утварь (83).	
Общественный строй и социальные отношения	95
Национально-государственное строительство	102
Социально-экономическое строительство (1917—1987 гг.)	112
Семья и брак	126
Духовная культура	138
Верования и культы (138). Народные знания (141). Язык и фольклор (145). Литературно-художественное творчество (150). Народное образование и подготовка кадров (153). Культурно-просветительная работа (164). Народные танцы (173). Народное декоративное искусство (180).	
Охрана здоровья, физическая культура	191
Литература	199
Список сокращений	206

Научное издание

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ИТЕЛЬМЕНОВ

Историко-этнографические очерки

*Утверждено к печати
Институтом истории, археологии
и этнографии народов Дальнего Востока
и Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Художник Л. А. Яценко
Технический редактор Н. Ф. Соколова
Корректоры О. И. Буркова и В. В. Крайнева

ИБ № 44231

Сдано в набор 07.08.89. Подписано к печати 26.12.89.
М-36574. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Фотонабор.
Усл. печ. л. 16.9+0.16 вкл. Усл. кр.-от. 18.82. Уч.-изд.
л. 19.55. Тираж 1250. Тип. зак. 1847. Цена 3 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Ленинградское отделение
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12